

КОТОВСКИЙ

Борис
Соколов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1582

(1382)

Борис Соколов

КОТОВСКИЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2012

УДК 94(47)(092)“19”
ББК 63.3(2)612,8
С 59

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-03552-2

© Соколов Б. В., 2012
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2012

Глава 1

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ АТАМАНА

В советское время имя Григория Котовского было овеяно славой. Его воспевали как героя Гражданской войны, истинного большевика и борца за народное счастье. Но после падения коммунистического режима на свет божий всплыли его уголовное прошлое и военные операции против разного рода повстанцев, не принявших советскую власть. Что здесь правда, а что — пропагандистский вымысел? Кем же на самом деле был Григорий Котовский — лихим разбойником, предложившим свои услуги победившей революции, или стихийным революционером, нашедшим в революции наилучшее применение своим способностям?

Точно известно, что Котовский в молодые годы был одним из вожаков уголовного мира на юге России. Его имя наводило ужас на Бессарабию и западные уезды Херсонской губернии, включая крупнейший порт империи Одессу. Таких, как Котовский, тогда называли по-разному — бандитами, гайдуками, разбойниками, налетчиками, народными мстителями. Сам же Григорий Иванович впоследствии предпочитал, чтобы его называли народным мстителем или, в крайнем случае, «последним гайдуком». Но если отбросить романтический флер, то с правовой точки зрения Котовский был настоящим уголовником, освоившим две криминальные специализации — разбойника, грабившего своих жертв на дорогах и в сельских усадьбах, и налетчика, грабившего горожан главным образом в их квартирах и магазинах и только в исключительных случаях — прямо на улице. Налеты и грабежи он прикрывал декларациями о стремлении справедливо перераспределить общественный продукт, отнять несправедливо нажитое у богатых и передать его бедным. Во все времена разбойники обычно грабили богатых, поскольку у бедных нечего было взять. Только вот беднякам немного перепадало от Котовского и его друзей.

В начале XX века в Бессарабии целая дюжина разбойничьих атаманов наводила ужас на помещиков и полицию, но если мы сегодня и вспоминаем их имена, то, как правило, в связи с биографией Котовского. Значит, было что-то в этом «последнем гайдуке», что выделяло его из числа других бессарабских криминальных авторитетов. Это что-то — успешная служба Котовского в Красной армии, сначала командиром бригады, а потом — командиром кавалерийского корпуса. Этот очень важный факт его биографии, а также ранняя смерть, причем не в результате политических репрессий, сделали из Котовского культового советского героя. Но надо заметить, что Григорий Котовский был не единственным представителем уголовного мира, оказавшимся в рядах Красной армии. Друг Котовского и «король» криминальной Одессы Мишка Япончик тоже короткое время был командиром полка в Красной армии, но это закончилось для него трагически. Если Котовский преуспел в этом куда больше Япончика, значит, в его характере были такие качества, которые помогли ему превратить разбойничью шайку в регулярное войско. Его бригада была не просто не хуже, но даже лучше многих других советских кавбригад. А после Гражданской войны Котовский стал не только командиром корпуса, но и крупным хозяйственником, основателем Бессарабской коммуны. Следовательно, были у него и организаторский талант, и военные способности, хотя военному делу он нигде не учился.

Мифологизация Григория Ивановича Котовского как легендарного героя Гражданской войны, начатая еще при его жизни, приняла законченные формы после его внезапной и нелепой смерти. Классическую формулу этой мифологизации дал Сталин в некрологе, опубликованном почти с полугодичным опозданием 23 февраля 1926 года, в День Красной армии, в харьковской газете «Коммунист»: «Я знал т. Котовского, как примерного партийца, опытного военного организатора и искусного командира.

Я особенно хорошо помню его на польском фронте в 1920 году, когда т. Буденный прорывался к Житомиру в тылу польской армии, а Котовский вел свою кавбригаду на отчаянно-смелые налеты на киевскую армию поляков. Он был грозой белополяков, ибо он умел “крошить” их, как никто, как говорили тогда красноармейцы.

Храбрый среди скромных наших командиров и скромнейший среди храбрых — таким помню я т. Котовского.

Вечная ему память и слава».

После публикации написанного Сталиным некролога Котовский официально стал культовым советским героем, име-

нем которого полагалось называть улицы, поселки, колхозы и пароходы.

Легендарный разбойник, бессарабский Робин Гуд, харизматический герой Гражданской войны, Григорий Иванович Котовский был довольно тщеславен и очень любил мистифицировать свою биографию. Своих будущих биографов он путал буквально во всем. Начиная с года рождения. В советское время в анкетах Котовский указывал то 1887-й, то 1888 год рождения. Но как выяснилось после его гибели, Григорий Иванович омолодил себя лет на шесть-семь. Зачем? Не ради же прекрасного пола. Котовский не был красавцем, но успехом у женщин пользовался всегда. Был у него этаким шарм разбойника-джентльмена. С точки зрения военной карьеры, которую Котовский весьма успешно делал в рядах Красной армии, паспортный возраст имел не последнее значение. Одно дело стать командиром кавалерийского корпуса в 41 год, и совсем другое — в 34 года. Молодой комкор выглядит перспективнее для выдвижения на более высокую должность. Но скорее всего перед Григорием Ивановичем и позднейшими советскими пропагандистами, лепившими образ легендарного героя Гражданской войны и рыцаря революции, стояла более важная задача: сотворить из одного из «королей» преступного мира юга России не просто образ романтического разбойника и нового Робин Гуда, а превратить его в пламенного революционера и борца с самодержавием, еще до 1917 года осознавшего историческую правоту партии большевиков во главе с Лениным и в дальнейшем с энтузиазмом вставшего под ее знамена. Однако для создания безупречного образа Григорию Ивановичу было необходимо скрыть факт своего уклонения от воинской повинности и участия в Русско-японской войне. Факт банального дезертирства, да еще в военное время, героя революции определенно не красил; как протест против империалистической войны подобная акция никак не проходила. Тем более что Русско-японская война, в отличие от Первой мировой, в советской пропаганде никогда не называлась империалистической, а, наоборот, считалась со стороны царской России если не справедливой, то хотя бы полусправедливой, что ли. А уж Советско-японская война 1945 года вообще подавалась как законный реванш за поражение в войне 1904—1905 годов. Все-таки тогда Япония напала на Россию, да и оборона Порт-Артура и гибель «Варяга» в народном сознании олицетворяли высшую степень героизма и подвига, хотя и были результатом военной пропаганды. И песен об этой войне в советское время пели немало, популярность они не утратили

вплоть до наших дней. Достаточно назвать песни о «Варяге» и «На сопках Маньчжурии». Песням Первой мировой войны повезло гораздо меньше. В лучшем случае помнят их перелицовки эпохи Гражданской войны. Многие ли знают, что знаменитая песня советских партизан Дальнего Востока «По долинам и по взгорьям», равно как и не менее знаменитый в белой среде марш Дроздовского полка («Из Румынии походом шел Дроздовский славный полк...») имеют своим первоисточником «Марш сибирских стрелков», слова к которому написал Владимир Алексеевич Гиляровский, легендарный «дядя Гиляй» («От тайги, тайги дремучей, от Амура, от реки, молчаливо, грозной тучей шли на бой сибиряки»)? А автора музыки этой песни мы не знаем и по сей день.

В общем, получается, что героический Котовский уклонился от исполнения воинского долга. Но если он родился в 1887 или 1888 году, тогда вопросов не возникнет. Выходит, что, когда началась Русско-японская война, Котовскому было всего 16—17 лет, а в царскую армию призывали с 21 года.

Ну а теперь — по порядку. Когда и где родился Григорий Иванович Котовский? Это окончательно выяснилось только после так называемого «освободительного похода» Красной армии в Бессарабию и Северную Буковину в июне 1940 года. После того как Бессарабия превратилась в Молдавскую Советскую Социалистическую Республику, советские историки стали искать следы знаменитого «бессарабца», как называл себя Котовский. И в метрической книге обнаружилось, что Григорий Котовский, будучи четвертым ребенком в семье, родился 12 июня (по новому стилю — 24 июня) 1881 года* в местечке Ганчешты (по-молдавски оно произносится Ханчешты; сейчас это не село, а город) Кишиневского уезда Бессарабской губернии в семье механика винокуренного завода Ивана Николаевича Котовского, происходившего «из мещан Каменец-

---

* В книге даты, относящиеся к Российской империи и послереволюционной России в период до 14 февраля 1918 года по новому стилю (григорианскому календарю), приводятся преимущественно по старому стилю (юлианскому календарю), отставшему от григорианского календаря в XX веке на 13 дней (в некоторых случаях приводится двойная датировка). Более поздние события в СССР датируются только по новому стилю. В Бессарабии, находившейся в составе Румынии в период с января 1918 года по апрель 1919 года, действовал юлианский календарь, а в апреле 1919 года в Бессарабии и в Старом королевстве (территории Румынского королевства до 1918 года) был введен григорианский календарь (новый стиль). Для событий, относящихся к Бессарабии в период с января 1918 года по апрель 1919 года, мы используем двойную датировку, а в период с апреля 1919 года датируем их только по новому стилю.

Подольской губернии города Балты», и его жены Акулины Романовны. По некоторым данным, она родилась в семье раскольников белокрыницкой иерархии и при замужестве стала православной. Поскольку этот толк возник в Белокрыницком монастыре вблизи Черновиц, а этот город входил тогда в состав Австрийской империи, то белокрыницкую иерархию часто называли австрийской. Между прочим, название села Ганчешты в переводе с турецкого означает «постоялый двор с солдатами», или «постой солдат». Оно словно предрекало будущую военную карьеру бессарабского Робин Гуда. Но был ли Котовский на самом деле Робин Гудом, защитником бедных? Или добрые разбойники бывают только в легендах и сказках? И так ли уж справедлив был Григорий Иванович или больше любил распускать об этом слухи? Мне кажется, что в чем-то Котовский был гоголевским персонажем. Что-то у него было от Ноздрева, хотя бы в желании прихвастнуть.

Всего у Котовских было шестеро детей, и Григорий был первым мальчиком среди них. О его братьях и сестрах, оставшихся на территории Бессарабии и затем ставших подданными румынского короля, мало что известно. Впоследствии он утверждал, что происходил из дворян, а дед его был «полковником Каменец-Подольской губернии», который служил под началом генерал-фельдмаршала М. С. Воронцова, но потом впал в немилость за отказ подавлять Польское восстание 1863—1864 годов и вышел в отставку. Никаких доказательств этих заявлений в архивах до сих пор не найдено. А утверждение насчет деда-полковника — это явная фантазия. Если дед легендарного героя революции действительно был полковником Российской императорской армии, то он в обязательном порядке должен был получить потомственное дворянство и его сын никак не мог быть мещанином Каменец-Подольской губернии. Никаких резонов отказываться от столь важной в Российской истории привилегии, как потомственное дворянство, у деда Григория Котовского не могло быть. Конечно, дед мог позволить себе какую-то публичную фронду, скандал и в результате мог быть разжалован если не в рядовые, то в поручики, и лишиться тем самым права на дворянство. Однако о разжаловании деда Григорий Котовский никогда ничего не писал. И это не случайно. Внук прекрасно понимал, что разжалование полковника за отказ подавлять восстание в Польше было бы скандалом общеармейского масштаба, о котором должны были сохраниться документы и свидетельства очевидцев. Поэтому Григорий Иванович не рискнул в своих рассказах разжаловать деда.

Винокуренный завод, на котором работал отец Котовского, был построен в конце 1870-х годов князем Манук-беем на плавучих, без свай и без фундамента, из больших серых камней. Спирт гнали из дававшей хорошие урожаи в Бессарабии кукурузы. Тогда-то и приехала в Ганчешты семья Котовских. Старший брат, Петр Николаевич, был архитектором завода, а младший брат, Иван Николаевич, — механиком.

Через Ганчешты течет река Когыльник. Село расположилось вдоль грунтовой дороги на Кишинев, той большой дороги, на которой немало погулял Григорий со своей бандой. В те времена Ганчешты были центром волости. Здесь имелись лавки, лавазы, кузницы, трактиры, большие дома купцов и скромные хаты крестьян и ремесленников, две православные церкви и синагога. Православные в Бессарабии преобладали. Григорий, однако, к религии и церкви был всегда равнодушен и, как кажется, вырос стихийным атеистом. Никогда в его речах, письмах или статьях не было обращения к Богу, в том числе в знаменитой «Исповеди», призванной спасти его от смертной казни. Но тем не менее христианскую заповедь «не убий» до поры до времени Григорий твердо соблюдал. Вплоть до Октябрьской революции 1917 года он своей рукой не убил ни одного человека.

Биограф Котовского Владимир Григорьевич Шмерлинг, первое издание своей книги выпустивший в серии «Жизнь замечательных людей» в 1937 году, утверждал, что в детстве будущий красный командир «рос сказочно сильным. Во время перемен Гриша затевал игру: повиснут на его руках пять человек, а он всех держит. Никто из товарищей по ганчештской школе не мог разогнуть его согнутую в локте руку; никто не мог так далеко забросить камень и бешено промчаться на самой резвой неоседланной лошади.

Сыновья ганчештских лавочников, кулаков и шинкарей, живших на главной улице местечка, побаивались сына механика винокуренного завода. Однажды в школе один из них накинулся на батрачка. Гриша заступился за своего товарища и избил обидчика».

В общем, перед нами сказочный богатырь. Да еще как ловко противопоставлены сыновья лавочников, кулаков и шинкарей и сын механика винокуренного завода. У читателя должно создаться впечатление, что между ними была непримиримая классовая вражда, тогда как на самом деле все они принадлежали к тому, что сейчас обычно называют «средним классом». Ну, и конечно, как настоящий сказочный герой, Григорий Котовский с детства обладал незаурядной силой, но использовал ее только для защиты униженных и угнетенных.

Отметим, что вдова Котовского Ольга Петровна в связи с выходом первого издания книги писала Шмерлингу: «Книга хороша тем, что она правдиво отражает образ Григория Ивановича. Вы верно провели через всю книгу его порыв, его горение, его борьбу за идею коммунизма. 12 лет я страдала, 12 лет я ждала этой книги. Спасибо Вам. Мы радостно встретим 20-ю годовщину». Но образ, который создавали советские биографы Котовского, мог быть только мифологизированным и до приторности положительным.

Тот же Шмерлинг, в полном соответствии с канонами положительного культурного героя мифа, утверждает, будто в детстве Котовский «был нежен с сестрами, нянчил младшую, Марию, старался не шуметь, когда отец усталый приходил с завода. Однажды отец вернулся с завода домой измученный, в мокрой одежде.

Весь день провел он за ремонтом парового котла. Сам вполз в него, долго возился, а потом вышел на сквозной ветер. Отец простудился. Около года пролежал он в постели. Простуда перешла в чахотку. В начале 1895 года Иван Николаевич Котовский умер, оставив детей без всяких средств к существованию; за всю свою трудовую жизнь он не мог из своего жалованья отложить ни копейки».

Тут и смерть отца описана вполне по канонам советской пропаганды: трудился на заводчика-эксплуататора, заработал чахотку и умер. И ни слова о том, что Манук-бей помогал отцу Котовского, платил ему жалованье даже тогда, когда тот уже не работал, и оплачивал дорогостоящее лечение. Биографу просто требовалось доказать, что ненависть к «эксплуататорам» нарастала с раннего детства, что он все время пропадал в «рабочих бараках».

Однако то, что сообщает Шмерлинг дальше, полностью противоречит легендарному образу. Вдруг выясняется, что по своему кругу общения и родственных связей семья Котовских скорее принадлежала к «высшему свету» ганчештского общества. Конечно, Ганчешты — это не Петербург и даже не Кишинев, но все-таки утверждать, что Григорий Котовский в детстве и юности был ближе к батракам и рабочим, а не к тем, кто их эксплуатировал, — это легенда если и не советского времени, то по крайней мере тех лет, когда Григорий Котовский стал известным всему югу России грабителем-налетчиком. Тогда он начал позиционировать себя добрым разбойником, сочувствующим бедным и обездоленным. А для этого образа требовался герой, уже с детства познавший все тяготы жизни и проникшийся симпатией к угнетенным.

Оказывается, старшая сестра Григория Софья вышла замуж ни больше ни меньше как за управляющего винокуренным заводом Горского. Чтобы сохранить миф о тяжелом детстве, Шмерлинг придумывает следующее: «Все в доме изменилось. Появились новые, дорогие вещи, ковры и посуда. Горский требовал к себе особого почтения. Он тянулся к богатству и знати. Управляющий сразу же невзлюбил своего шурина — подростка, который отличался “плохим поведением” в училище и всяческими проделками.

Однажды во время семейной ссоры Горский замахнулся на жену. Гриша схватил его за руку. Тот весь затрясся от возмущения. Гриша выбежал из комнаты, Горский погнался за ним, но не догнал. С этого дня он еще больше возненавидел мальчика.

Раньше в семье считали, что Гриша обязательно получит военное образование. Горский же рассудил иначе — какой, мол, военный выйдет из заики, — и, решив избавиться от своего беспокойного родственника, отдал его в низшую сельскохозяйственную школу. Сам князь Манук-бей по просьбе Горского взялся похлопотать перед земством, чтобы сына умершего механика Котовского приняли на казенный кошт».

Однако этот эпизод в изложении Шмерлинга выглядит довольно нелепо. С чего вдруг управляющий, который терпеть не может шурина, вдруг заботится о его образовании. И почему если Котовский станет офицером, то это для мужа его сестры плохо, а если агрономом — то хорошо. И стремление быть офицером как-то не вяжется с уклонением будущего красного комбрига от службы в царской армии. А ведь, окончив сельскохозяйственную училище, он потом имел бы все возможности поступить на военную службу вольноопределяющимся, что открывало дорогу к будущему офицерскому званию. Скорее всего, желание стать офицером — это позднейший миф, созданный самим же Котовским уже в советское время, чтобы показать, что, став командиром Красной армии, он фактически осуществил свою детскую мечту. Про реальное училище, из которого Котовского отчислили за неуспеваемость, Шмерлинг не стал говорить вовсе. А для того чтобы замаскировать покровительство Манук-бея семье Котовских, понадобилось придумывать ссору Котовского с Горским.

К сожалению, исследуя ранние годы жизни Котовского, до того, как он попал в поле зрения полиции, сперва как мелкий мошенник, затем — как дезертир, а потом уже — как знаменитый разбойник и налетчик, мы вынуждены иметь дело с мифами, сначала порожденными им самим, а потом — советской пропагандой. Впрочем, о жизни Котовского после революции

1917 года и вплоть до его трагической гибели мифов тоже немало, и из-за недостатка документов или независимых от мифов мемуарных свидетельств порой оказывается невозможно отделить правду от вымысла.

Тут следует сказать, что после того, как на исходе перестройки появилась, наконец, возможность более или менее объективно и с привлечением архивных источников исследовать биографии многих героев советского времени, Котовскому в этом отношении не очень повезло на его родине, в Молдавии. Он не принадлежал к коренной молдавской нации, будучи русским, и после появления независимого Молдавского государства у местных историков фигура Котовского большого интереса не вызывала. А ведь именно в Молдавии сохранились архивы, которые могли бы прояснить многие загадки юных лет «последнего гайдука», и могли также сохраниться еще устные свидетельства, передаваемые из поколения в поколение и существенно отличающиеся от канонической версии раннего периода биографии Котовского. В отколовшейся же от Молдавии Приднестровской Молдавской Республике, население которой во многом сохранило прежний советский менталитет, Котовский остался положительным героем мифа, и никаких объективных исследований его биографии здесь так и не было предпринято. Кстати сказать, Приднестровская Молдавская Республика возникла примерно на той же территории, где в 1925 году была создана Молдавская АССР. Ее в шутку даже называли иногда «Республика Котовия».

Объективные версии биографии Котовского появились в России и на Украине. Однако они затрагивали главным образом советский период его жизни, а также времена, когда он уже стал «романтиком большой дороги» и «борцом против эксплуататоров». А вот период детства и ранней доразбойничьей юности Котовского так и остался во власти мифов. И сегодня мы не можем определенно судить о том, каким именно был Григорий Иванович в юности. Можно лишь уверенно сказать, что он уже тогда был неплохим наездником, как и подавляющее большинство бессарабцев, выросших на селе, что еще до поступления в Кокорозенское сельскохозяйственное училище он познакомился с земледельческим трудом.

Легенду творили и сам Котовский, и его соратники, и военачальники Красной армии, и политики, включая самого Сталина, и советская пропаганда в целом, частью которой и стала книга Шмерлинга и позднейшая книга Геннадия Ананьева, вышедшая в серии «ЖЗЛ» в 1982 году. Ананьев во многом повторяет факты, собранные Шмерлингом, но убирает из пове-

ствования имя Сталина, зато вводит в него имена Якира и других советских военачальников, репрессированных в 1930-е годы, которых Шмерлинг не мог называть в последнем издании своей книги, вышедшем в 1950 году. Упоминание же этих лиц в первой редакции биографии едва не сорвало ее издание в конце 1937 года. Дело в том, что о детстве и юности Котовского писали главным образом друзья и соратники. Единственным исключением стала биография Котовского, написанная Романом Гулем и изданная в Нью-Йорке в 1975 году под названием «Котовский. Анархист-маршал». Она родилась из очерка «Котовский», помещенного в вышедшую в 1932 году книгу «Красные маршалы». Это была попытка создать критическую биографию «молдавского Робин Гуда» или, как говорил сам Гуть, вспомнив шиллеровского героя, «бессарабского Карла Моора». Однако Гуть в своей биографии Котовского не опирается на источники, и его книга полна фантастических подробностей. Например, в книге, изданной в 1975 году, он по-прежнему утверждал, что Котовский родился в 1887 году, хотя еще в издании 1950 года своей биографии Котовского Шмерлинг привел точную дату рождения Григория Ивановича — 1881 год. Поступление Котовского управляющим в имение Гуть связывал с необходимостью обеспечивать семью после смерти отца, тогда как в действительности это была практика, обязательная для всех выпускников Кокорозенского училища. Гуть также утверждал, будто Котовский убил помещика, который приревновал к нему свою жену, тогда как на самом деле до Октябрьской революции 1917 года от рук Котовского вообще не погиб ни один человек. Отца Котовского Роман Гуть называет не только инженером, но и дворянином. Неверно ни первое, ни второе. Чтобы стать инженером, надо было окончить университет, но отец Котовского никакого университета не оканчивал (иначе он обладал бы личным дворянством). Повторяет Гуть и версию самого Котовского о том, будто бы при побеге с каторги он убил булыжниками двух часовых. В то же время Гуть очень верно подметил артистизм Котовского, его желание все время играть на публику: «Ловкость, сила, звериное чутье сочетались в Котовском с большой отвагой. Собой он владел даже в самых рискованных случаях, когда бывал на волос от смерти. Это, вероятно, происходило потому, что “дворянин-разбойник” никогда не был бандитом по корысти. Это чувство было чуждо Котовскому. Его влекло иное: он играл “опаснейшего бандита”, и играл, надо сказать, мастерски. В Котовском была своеобразная смесь терроризма, уголовщины и любви к напряженности струн жизни вообще. Котовский

страстно любил жизнь — женщин, музыку, спорт, рысаков. Хотя и жил часто в лесу, в холоде, под дождем. Но когда инкогнито появлялся в городах, всегда — в роли богатого, элегантно одетого барина, жил там тогда широко, барской жизнью, которую любил». Однако до этого было еще далеко. Мальчик в Ганчештах о такой шикарной жизни даже не мечтал.

Отец Котовского получал 50 рублей жалованья в месяц. У него был собственный дом с виноградником, садом и огородом. Но в 1889 году семью постигло несчастье. Родив пятого ребенка — дочь Марию, скончалась от послеродовой горячки Акулина Романовна. Иван Николаевич тяжело переживал смерть любимой жены.

Отец нередко брал Гришу на завод. Мальчику там нравилось. Гриша любил бывать в машинном отделении, слушать гул машин.

Как и большинство мальчишек, Гриша часто лазил по крышам и чердакам. Когда ему было семь лет, он однажды сорвался с крыши. Его принесли домой без чувств. После этого случая Гриша стал заикаться. Уже в зрелом возрасте он преодолел заикание, но оно возвращалось, когда Григорий Иванович сильно волновался.

Гриша любил музыку и сам на трубе подбирал любимые мелодии.

В Ганчештах Григорий окончил народное двухклассное училище, где не отличался ни образцовой успеваемостью, ни примерным поведением. Будучи с детства очень сильным, он нередко поколачивал сверстников.

В 1895 году отец Григория Котовского умер от туберкулеза легких. Пятеро детей стали сиротами. Но о них позаботился крестный Котовского князь Григорий Мирзоян Манук-бей. Он был внуком известного армянского дипломата Манук-бея Мирзояна, в доме которого в Бухаресте 11 июля 1812 года был подписан Бухарестский мир между Россией и Турцией, отдававший Бессарабию во владение Российской империи. Тогда еще, заметим, Манук-бей состоял не на русской, а на турецкой службе, будучи великим драгоманом Порты (представителем всего православного населения Оттоманской империи перед султаном) и министром финансов. За успехи в сфере государственных финансов Манук Мирзоян в 1808 году получил от султана титулы бея и молдавского князя. Он был одним из богатейших людей империи и построил себе в Бухаресте великолепный дворец, в котором и происходило подписание Бухарестского мира. Но сразу после этого был не без оснований обвинен султаном в том, что за крупную взятку способствовал

заключению мира на выгодных для России условиях. Доказательством справедливости турецких подозрений является послание Александра I Манук-бею: «Господин Манук-бей! Многократные доказательства вашей преданности России и большие усердия в службе в интересах империи нашей, о чем не замедлили главнокомандующие моей армией на берегах Дуная обратить наше особое к вам внимание. В воздании ваших заслуг и в знак моей благосклонности к вам все милостивейше жалую вас кавалером ордена Святого Владимира третьей степени, коего знак сего к вам доставляю». Неудивительно, что Манук-бей предпочел остаться в Бессарабии, бросив роскошный дворец в Бухаресте, и перейти в российское подданство.

За заслуги в подписании Бухарестского мирного договора Мануку Мирзояну был пожалован чин действительного статского советника и камергера, дающий потомственное российское дворянство, а также княжеский титул, примерно эквивалентный его турецкому титулу бея. Император Александр I также даровал Манук-бею обширный лесной массив в Кодрах. Там князь построил замок во французском стиле с зимним садом, сторожевыми башнями и парком и начал производить вина и коньяки по французским технологиям, по качеству не уступавшие французским образцам. Вот на этом винокуренном заводе князей Манук-беев и работал механиком отец Котовского Иван Николаевич. Вопреки позднейшим утверждениям Григория Ивановича о своем бедняцком происхождении, Котовские жили небедно, пользовались покровительством Манук-бея. Напомним, что последний год жизни Иван Николаевич не мог работать из-за прогрессирующей чахотки, а князь не только платил ему полное жалованье, но и тратил немалые деньги на дорогостоящее лечение.

Григорий Мирзоян Манук-бей был одним из богатейших землевладельцев Бессарабии. Ему принадлежало более пяти тысяч десятин плодороднейших земель. В имении был огромный тенистый парк, фруктовые сады, виноградники — все, чем издавна славится бессарабская земля.

Чуть в стороне от Ганчешт, на пригорке, окруженном дубовой рощей, высился белый дворец Манук-бея. На территории поместья находились также маленький охотничий замок, белая столовая и помещения для слуг. На третьем этаже дворца располагались солярий и фонтан с золотыми рыбками и экзотическими растениями. В доме крестного Григорий Котовский в детстве бывал часто.

Казалось бы, по законам жанра, здесь должна была бы родиться романтическая легенда о том, что Григорий Котовский

на самом деле был не крестником, а внебрачным сыном бездетного Манук-бея. Обычно в романах и пресках о легендарных разбойниках именно так и происходит. Но после революции подобные версии были непопулярны, так как приветствовалось только рабоче-крестьянское происхождение. Кстати, с крестным у Котовского совпадало не только имя, но и отчество. Отцом покровителя будущего «последнего гайдука» был сын Манук-бея Мурад, в России крестившийся в Ивана.

Был ли род Котовских когда-то дворянским, мы, наверное, не узнаем никогда. После того как обширные территории Речи Посполитой в результате трех разделов оказались в составе Российской империи, новые власти озаботились большой долей польского дворянства (шляхетства) среди населения. В отдельных уездах Северо-Западной Белоруссии и Литвы шляхта, то есть неподатное сословие, составляла до 15—20 процентов всего населения. На Украине доля шляхты была меньше, но многие шляхтичи по своему реальному положению почти не отличались от крестьян. Они не имели крепостных и сами обрабатывали свои небольшие земельные наделы.

Российское правительство стремилось уменьшить численность шляхты, преследуя при этом в первую очередь политические, а не фискальные цели (дворянство было неподатным сословием). Подтверждения шляхетства требовали в первую очередь у католиков, полагая, что польские дворяне настроены враждебно к империи. Если шляхтич не мог подтвердить шляхетство (а далеко не у всех сохранились дипломы о пожаловании), то его переводили в мещанина или в крестьянина-однодворца и вынуждали платить налоги. Если же шляхтич переходил в православие, проблемы с подтверждением шляхетства обычно не возникало, даже если у таких дворян не было крепостных. Правда, нередко новообращенным в православие полякам предоставляли землю или должность за пределами западных губерний. Отец же Котовского был православным, поэтому маловероятно, что он или его предки принадлежали к раскассированной шляхте. Скорее всего, он действительно был выходцем из мещанского сословия. Хотя, конечно, и раскассированный в мещане бывший шляхтич-католик позднее мог перейти в православие.

Стоит отметить, что в «Списке дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Подольской губернии на 1897 год», в шестой части, куда вносили дворян, пожалованных дворянством за службу, есть Котовские, но они вряд ли имеют отношение к отцу Григория Ивановича. Это — Иван, сын Андрея и внук Иосифа Войцехова, внесенный в книгу указом от

19 декабря 1844 года, и Феликс и Антон Викентий, сыновья Ивана Андреева, внесенные в книгу указом от 21 марта 1849 года. Были Котовские-дворяне и в других губерниях, например, Киевской, но сам Котовский утверждал, что его предки были дворянами именно Подольской губернии.

Как прошло детство нашего героя? Котовский вспоминал, что «был слабым мальчиком, нервным и впечатлительным. Страдая детскими страхами, часто ночью, сорвавшись с постели, бежал к матери (Акулине Романовне), бледный и перепуганный, и ложился с ней. Пяти лет упал с крыши и с тех пор стал заикой. В ранних годах потерял мать...» После падения с крыши Котовский страдал не только заиканием, но и эпилепсией.

После смерти матери воспитанием Котовского занялась его крестная мать София Шалль, молодая вдова и дочь бельгийского инженера. Помогала и сестра Григория Софья. На средства Манук-бея Котовский поступил в 1895 году в Кишиневское реальное училище, но спустя три месяца был изгнан из него за постоянные прогулы и дурное поведение. Возможно, Григорию не нравилось то, что в училище упор делался на естественные науки, хотя и к гуманитарным, похоже, он тогда большого интереса не проявлял. В конце концов Манук-бей определил сорвиголову в Кокорозенское сельскохозяйственное училище, расположенное в селе Кокорозены Чеколтенской волости Оргеевского уезда. Как сироту, его определили на казенный кошт. Там готовили управляющих имениями, младших агрономов, специалистов по виноградарству и табаководству в частных хозяйствах. Училище было создано 1 мая 1893 года Бессарабским губернским земством и финансировалось главным образом взносами крупных землевладельцев и монастырей. Оно находилось на арендованной у монастыря земле.

В училище Котовскому понравилось. Учили главным образом практическим вещам, которые могли пригодиться в жизни. Учащиеся обрабатывали 500 десятин сельскохозяйственных земель, трудились на расположенных на них животноводческих фермах. Они пахали землю, сеяли зерно, затем собирали урожай, занимались сушкой фруктов и овощей. Работали на огороде, на мельнице, на пасеке, на табачной плантации, винограднике, где изучали способы прививки виноградной лозы или выведение шелковичных червей. Их учили варить сыры, а это искусство только-только приживалось в Российской империи, ведь традиционно этот продукт ввозили из-за границы, а производили только брынзу и другие творожные сыры. Кроме того, учащиеся овладевали навыками работы управляюще-

го. Один месяц в году они вели ежедневные записи обо всей хозяйственной деятельности и заполняли наряды на работы. Потом составляли подробный отчет. Приобретенные навыки по управлению пригодились Котовскому в дальнейшем не только на ниве сельского хозяйства.

С декабря по март воспитанники училища изучали общеобразовательные предметы. Зимой же очищали семена, изготавливали веники, ремонтировали сельскохозяйственный инвентарь.

Позднее Котовский вспоминал: «Из всей прожитой мною жизни время пребывания в Кокорозенском сельскохозяйственном училище является самым светлым, ярким, радостным периодом...» И он не кривил душой. Управляющий училищем И. Г. Киркоров свидетельствовал, что Котовский все работы исполнял с любовью и усердием и служил примером для своих товарищей.

Вспоминая о Кокорозенском училище, Григорий Иванович рассказывал: «Здесь впервые уже начала оформляться моя личность протестанта против существующего порядка вещей. Эти протесты выливались в стихийные, неорганизованные формы, но я уже являлся вожаком, за которым зачастую шли воспитанники даже старших классов». Скорее всего, Котовский в школе действительно был вожаком. Лидерские качества у него проявлялись всегда. А вот что касается протеста против существующего строя... Сегодня попытка выдать за пусть неосознанные, но революционные выступления школьные шалости вызывает только улыбку.

В Кокорозенской школе Котовский стремился поддерживать себя в хорошей физической форме. Он ежедневно занимался гимнастикой, много времени уделял верховой езде. В свободное время воспитанники школы также играли в кегли и мяч, обучались танцам. Котовский научился играть на скрипке, гармонии, гитаре, трубе и кларнете. Он обладал хорошим музыкальным слухом и довольно сильным голосом, пел в хоре, играл в школьном оркестре. Уже в юности он стал полиглотом: кроме родного русского, владел румынским, польским, украинским, французским, немецким и идишем. Особенно успевал он по таким предметам, как немецкий язык и агрономия. Манук-бей обещал отдать его впоследствии в немецкий университет.

Позднее Котовский утверждал: «Все свое детство я проводил в заводских казармах рабочих, и их тяжелая, кошмарная жизнь наложила на мою душу свою печать». Это — чистейшие фантазии в духе революционного романтизма, призванные

показать, что у Котовского с юных лет появилась классовая ненависть к эксплуататорам. На самом деле персонал винокуренного завода не превышал двух десятков человек и, за исключением специалистов, вербовался из местного населения, которое ни в каких казармах не жило.

Русскую литературу Котовский, по его словам, не читал. После революции он даже говорил об этом с гордостью: «Никаких Толстых и Тургеневых — вся эта литература заставляет русского человека страдать и только усиливает безысходность его рабской жизни». Его увлекали зарубежные произведения приключенческого жанра, в частности романы Луи Буссенара и Фенимора Купера. Хотя, подозреваю, что кое-что из русской литературы он все-таки читал, например, пушкинского «Дубровского».

С детства Котовский любил спорт — бокс, гири и крокет, а позже и футбол. Атлетически сложный и укреплявший свою природную силу гимнастическими упражнениями, он действительно обычно выходил победителем в схватках со сверстниками и завоевал у них немалый авторитет. Они называли его Березой. Такое прозвище в деревнях дают сильным и драчливым парням, способным повести за собой других.

Глава 2

МОЛОДОЙ РАЗБОЙНИК

Детство и юность Котовского прошли в Бессарабии, одной из самых многонациональных губерний Российской империи. Название Бессарабия, согласно римскому географу Страбону, происходит от имени Бассараба, вождя племени бессов или басторнов, которые являлись частью народа гетов, жившего во времена Геродота в центральных областях гор Гемус (Балкан). Геты были родственны дакам, и оба эти народа являлись предками современных румын и молдаван. Согласно другой версии, принятой в румынской историографии, название *Țara lui Basarab* — «Земля Басараба» происходит не от легендарного гетского вождя, а от имени вполне конкретной исторической личности — валашского воеводы Басараба I Великого (1289—1352), правившего с 1310 года.

В 1889 году население Бессарабской губернии составляло 1 628 876 человек, включая 1 368 668 православных, 180 910 иудеев, 44 214 протестантов (в основном немцев-колонистов, имевших налоговые льготы), 21 900 раскольников, 9307 католиков (в основном поляков) и 3849 армяно-григориан. Из чис-

да православных несколько менее миллиона составляли румыны, которые тогда официально молдаванами не назывались. Во всяком случае, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в статье «Румыны» говорилось о проживающем в Бессарабии миллионе румын и подчеркивалось, что они с остальными румынами «составляют в отношении языка и племени одно целое». Статьи же «Молдаване» в словаре не было, а «Молдавией» именовалась только часть Румынии, бывшее княжество, без всяких указаний, что это название может быть распространено и на Бессарабию. Термин же «молдаване» в Российской империи существовал, но относился ко всему румынскому населению, включая выходцев из Валахии. До 1917 года термины «Молдавия» и «молдаване» не были в ходу применительно к Бессарабии и к ее населению, говорившему на румынском языке. Причем первыми название «Молдавия (Молдова)» стали использовать те местные политики, которые выступали за присоединение Бессарабии к Румынии, таким образом подчеркивая, что до 1812 года она была частью Молдавского княжества.

В среде румынского дворянства (бояр) и интеллигенции постепенно развивалось национальное движение. В 1883 году на их просьбу к властям допустить использование румынского языка в дворянских и земских собраниях был получен категорический отказ, мотивированный тем, что Бессарабия является «приграничной» губернией, где «все русское должно поддерживаться с особой строгостью» и русский язык «не должен уступать никакому иностранному языку». Уже в 1885 году начальник жандармерии Орхей сообщал, что местная интеллигенция провозгласила «неприятельность ко всему русскому» и вынашивает «мечту об отделении Бессарабии от России и присоединении ее к Румынскому королевству». В конце XIX века выходцы из Бессарабии, обучавшиеся в Дерптском (ныне Тартуском) университете, создали Дерптское землячество, которое, помимо студенческой взаимопомощи, занималось культурной и политической деятельностью. Члены землячества — Ион Пеливан, Василе Оатул, Георге Кику, Александру Оатул, Ал. Гришков и другие — выступали за воссоединение Бессарабии с Румынией и придерживались социал-демократических взглядов. Но весной 1902 года большинство из них были арестованы за призывы к антигосударственным действиям. Через пять месяцев заключения из-за отсутствия улик задержанных выпустили, кроме В. Оатула, И. Пеливана и Ал. Гришкова — их отправили в ссылку.

В сентябре 1905 года, после начала первой русской революции, группа бояр (крупных землевладельцев) и интеллиген-

тов во главе с губернским предводителем дворянства Павлом Дическулом основала в Кишиневе Бессарабское молдавское общество «для содействия всеми средствами делу народного образования молдаван Бессарабии и всестороннему изучению края». В основу его была положена мысль, что «элементарное обучение возможно лишь на родном языке — молдавском», но общество не ставило перед собой каких-либо политических целей. Чтобы не конфликтовать с властями, не раздражать их, румынский язык был назван молдавским. Литературу и газеты Бессарабское молдавское общество получало из Румынии. За один только 1906 год в Бессарабии было продано более двух тысяч румынских книг, не считая журналов и газет.

Одиннадцатого декабря 1905 года Бессарабское земство приняло решение о необходимости преподавания молдавского языка в начальной школе. При этом сохранялось также обязательное преподавание русского языка. Молдавский язык был восстановлен в богослужении. На русском и молдавском языках печатался церковный журнал «Луминэторул», что стало первым шагом на пути возвращения румынского языка в церковь, где он после 1812 года был насильно заменен церковнославянским. Румынский язык был утвержден русским синодом только как факультативный. В 1906—1908 годах семинаристы Кишинева организовали забастовки. Многие из них были за это отчислены из семинарии.

Небольшая группа молодых интеллигентов-националистов, членов Бессарабского молдавского общества, объединившихся вокруг издававшейся при финансовой поддержке из Румынии газеты «Basarabia», требовала радикальных социальных реформ, прежде всего аграрной, а в перспективе — воссоединения Бессарабии с Румынией. Против этого не возражала и умеренная часть общества, но не озвучивала такие требования публично, опасаясь репрессий. Таким образом, все члены общества признавали принадлежность населения Бессарабии к «великой румынской нации». Газета «Basarabia», издававшаяся с 1906 года и редактировавшаяся Ионом Пеливаном, опубликовала программу из четырех пунктов: «Автономия (имелось в виду возвращение к ограниченной автономии Бессарабии, существовавшей до 1873 года. — Б. С.). Румынский язык и культура. Полные гражданские права для Бессарабии. Земля для бессарабских крестьян». Серьезным оппонентом Бессарабского молдавского общества стал лидер русских националистов Бессарабии Павел Крушеван, также выходец из бояр. Издаваемая им газета «Друг» обвиняла членов общества в сепаратизме и выступала против школьного обучения на ру-

мынском языке. В начале 1907 года появилась вторая румыно-язычная газета «Молдованул (Молдаванин)», финансируемая губернскими властями и редактировавшаяся Георгием Маданом, сыном священника, вернувшимся из Румынии. Она критиковала политический «сепаратизм» газеты «Basarabia», но разделяла ее культурную программу. Кроме того, Мадан, подобно Крушевану, называл лучшими друзьями молдаван членов черносотенного Союза русского народа и разжигал антисемитские настроения. В марте 1907 года «Basarabia» была закрыта властями за публикацию стихотворения «Пробудись, румын!» (*Desteaptă-te, române!*). Попытки возродить ее под другими названиями результата не принесли — подобные газеты также были закрыты. «Молдованул» был запрещен в октябре 1908 года. После закрытия газеты «Basarabia» «Молдаванул» фактически являлся органом умеренного крыла Бессарабского молдавского общества. Молдавские националисты так и не смогли провести ни одного депутата в Государственную думу, потому что молдавские крестьяне чаще всего поддерживали крайне правые русские партии. Вплоть до Первой мировой войны молдавское национальное движение, лишенное своих печатных органов, переживало упадок. Многие его деятели эмигрировали в Румынию.

Большинству крестьян оставались чужды требования румынской интеллигенции. Сказывались низкий уровень грамотности молдаван и их тяжелое экономическое положение. Кроме того, в сельской местности русификация в школе и церкви проявлялась гораздо слабее, чем в городах. В связи с этим губернское жандармское управление сообщало, что «молдоване, пребывая под русским владычеством, не только не обрусели, но омолодвалили и продолжают омолодваливать славянские элементы», что «румынский язык является более распространенным в Бессарабии, чем русский. Румынский язык есть язык купли и продажи для большинства населения в губернии». В конце XIX века уровень грамотности сельского населения Бессарабии не превышал 12 процентов. А в целом по губернии среди граждан старше девяти лет грамотных было только 20 процентов. Но в 1908 году царское правительство приняло решение о введении всеобщего начального образования. В 1917 году в школах Бессарабии училось уже 53 процента детей. Это создавало объективную основу для нового подъема молдавского национального движения. В 1913 году в губернии появились новые издания на румынском языке: «Гласул Басарабией» («Голос Бессарабии») и «Кувынт Молдовенек» («Молдавское слово»).

По данным переписи 1897 года, в Бессарабской губернии было 1 933 436 жителей (991 257 мужчин и 942 179 женщин), из них в семнадцати городах проживало 304 182 человека, в том числе в губернском городе Кишиневе — 108 796 человек. 47,6 процента жителей Бессарабии были молдаванами, 19,6 — украинцами, 11,8 — евреями, 8 — русскими, 5,3 — болгарами, 3,1 — немцами и 2,9 процента — гагаузами. Кроме того, в губернии жили поляки — 0,5 процента, цыгане — 0,4, армяне — 0,11, греки — 0,1, албанцы — 0,04, французы — 0,02, чехи — 0,02 и караимы — 0,005 процента. По сравнению с 1859 годом доля молдаван (румын) снизилась на 7,3 процента. Русские преобладали в государственной администрации, судах, полиции, где их доля превышала 60 процентов.

Среди горожан 37,2 процента составляли евреи, 24,4 — русские, 15,8 — украинцы и только 14,2 процента — молдаване. Горожане, включая этнических молдаван, получали образование на русском языке. Особенно много украинцев было на севере, в Хотинском уезде, а также в южных уездах Бессарабии (Буджаке), откуда местное, преимущественно тюркоязычное население (ногайские татары и турки) было выселено русскими оккупационными властями еще в ходе Русско-турецких войн 1806—1812 и 1877—1878 годов. Здесь же были сосредоточены переселившиеся из Османской империи гагаузы и болгары. Большинство украинцев, немцев, болгар и греков приехали в Бессарабию уже в бытность ее в составе Российской империи после 1812 года в качестве колонистов осваивать свободные земли на юге губернии. Бессарабия никогда не знала крепостного права, но большинство крестьян не имели собственной земли и вынуждены были работать на помещиков, которые были представлены румынами, русскими, немцами и армянами. К последним, как мы помним, принадлежал и покровитель Котовского Манук-бей. В 1868 году в руки крестьян было передано за выкуп, который они вносили до 1905 года, 1,6 миллиона гектаров земли, 2,2 миллиона гектаров остались у помещиков и монастырей. К концу XIX века 60 процентами всей пахотной земли владели крестьяне, у дворян оставалось около 25 процентов, у купцов и иных городских сословий — 8 процентов, у иностранных православных монастырей (румынских, болгарских и греческих) — 5 процентов. В 1905 году 1427 дворянских семейств владели только 22 процентами сельскохозяйственных земель. Средний размер дворянского имения составлял 603 десятины. При этом в Бендерском и Измаильском уездах средний размер имений составлял около двух тысяч десятин. Большинство же помещиков владели от пяти-

десяти до двух тысяч десятин. Именей же площадью более десяти тысяч десятин было только два. Частных землевладельцев из других сословий было более пяти тысяч. Некоторые мещане и крестьяне владели многими сотнями и даже тысячами десятин земли. В том же 1905 году насчитывалось более тысячи крестьян, которые владели свыше десяти десятинами земли. Особенно много таких было в Бендерском уезде, где средний размер крестьянского частного владения составлял около 300 десятин. Средний же размер крестьянского владения в Бессарабии составлял 48 десятин, то есть 1971 семья владела 95 тысячами десятин. Мещане же владели 125 тысячами десятин при среднем размере владения 143 десятины. После 9 ноября 1906 года и вплоть до 1915 года 12 тысяч крестьян оформили в частную собственность 132 тысячи десятин, или 7,3 процента всей надельной земли.

Однако гораздо хуже обстояло дело на надельных землях, составлявших в 1905 году 46,7 процента всех сельскохозяйственных угодий. У царан (бывших владельческих крестьян, живших ранее на помещичьих и монастырских землях), на которых приходилось 39 процентов всех надельных земель, средний надел не превышал четырех десятин. За надельную землю царанам до 1905 года приходилось платить помещику, хотя крепостного права в Бессарабии не было. Лучше было положение бывших государственных крестьян, у которых средний размер надела составлял 9,6 десятины и на которых приходилось 35 процентов всех надельных земель. У бывших колонистов (поселян собственников), живших в основном в Буджаке, владевших 25 процентами надельной земли, средний размер надела достигал 16,3 десятины. Таким образом, примерно у 178 тысяч крестьянских семей было менее пяти десятин земли, что не обеспечивало надежного прожиточного минимума. Еще примерно 110 тысяч семей своей земли не имели и вынуждены были ее арендовать. Вот эти крестьяне-бедняки да еще почти 200 тысяч сельскохозяйственных рабочих и поставляли кадры для разбойничьих шаек и горячо сочувствовали таким, как Котовский, нередко укрывая их от полицейской погони. 97 тысяч зажиточных крестьянских семейств, наоборот, могли в любой момент стать жертвой Котовского и его людей. Самыми бедными в Бессарабии были Хотинский и Оргеевский уезды, где бедных дворов было более 93 процентов. Также неблагополучны были Сорокский и Кишиневский уезды, где доля бедняков составляла соответственно около 88 и более 80 процентов, тогда как в остальных уездах бедняков было меньшинство. Замечу также, что в Оргеевском и Хотинском

уездах была значительная доля украинского населения, что предопределило значительное участие украинцев в банде Котовского. Преобладали украинцы и среди батраков. Кстати сказать, в 1909—1913 годах в Бессарабии мужчинам-батракам без лошади платили на своих харчах в период весеннего сева 71 копейку в день, в период сенокоса — 85 копеек, в период сбора урожая — 92 копейки. На хозяйских харчах расценки понижались соответственно до 53, 66 и 70 копеек. В соседней Подольской губернии расценки были значительно ниже, а в Херсонской — весной ниже, а летом выше. Так что бессарабским батракам жилось сравнительно неплохо, что, однако, не избавляло их от зависти к богатым помещикам, кулакам и купцам. Также и крестьянам, даже имевшим менее пяти десятин или арендовавшим землю, голодная смерть ни в коем случае не грозила. Засеяв кукурузой 1 фальчу (около 1,3 десятины), крестьянская семья могла прокормиться круглый год. Обычно же меньше трех десятин земли в распоряжении крестьянской семьи не было. Другое дело, что хозяйства, имевшие менее пяти десятин, почти не производили товарной продукции. Продавали лишь столько, чтобы хватило на уплату аренды и налогов (а иногда деньги зарабатывали в качестве поденщиков). Поэтому особых стимулов к производительному труду у крестьян не было. Для того чтобы прокормить семью, часто достаточно было обработать лишь половину надела.

Многие жители губернии немолдавского происхождения именовали себя бессарабцами, к их числу принадлежал и Григорий Иванович Котовский. Начиная свою деятельность «благородного разбойника», он был чужд каких-либо молдавских (румынских) национальных устремлений, будучи русским по национальности. Состав его шайки был интернационален. В нее входили как молдаване, так и украинцы. Вот евреев не было — сказались сильные антисемитские настроения среди румынского и славянского населения Бессарабии (хотя сам Котовский решительно осуждал антисемитизм и погромы) и то, что евреи в губернии сосредоточились преимущественно в городах, а примерно восемь тысяч евреев-колонистов жили вполне безбедно и необходимости выходить на большую дорогу у них не было. В 1899 году евреи в Бессарабии владели 65 тысячами десятин земли и еще 95 тысяч десятин арендовали, тогда как обрабатывали только семь тысяч десятин. Аренда евреями помещичьих и монастырских земель была важным источником дохода для полиции. Вот позднее, когда Котовский стал активно действовать в Одессе, среди членов его шайки и пособников действительно оказалось немало евреев, в

том числе и его будущий убийца. Да и трудно было работать без помощи евреев в городе, где они составляли треть населения, а среди уголовного элемента имели еще более высокую долю. И Котовскому удавалось поддерживать вполне мирные отношения между бессарабской и одесской частями своей банды. А активные контакты с евреями-уголовниками Котовский завязал еще в кишиневской тюрьме. Об этом речь впереди.

Бессарабия была почти исключительно сельскохозяйственной губернией. В начале XX века зерновые занимали здесь почти 96 процентов посевной площади. Три процента урожая зерновых в Российской империи приходилось на Бессарабию, хотя эта губерния составляла лишь 0,21 процента территории страны. Пшеницу выращивали на экспорт (благо под боком была Одесса), а для внутреннего потребления сеяли кукурузу. В Бессарабии были также развиты бахчеводство, садоводство, табаководство и виноделие. После разразившейся в конце XIX века эпидемии филлоксеры, пожирающей виноградную лозу, восстановление виноградников началось только в 1906 году с использованием прививного растительного материала. В 1900—1904 годах в среднем производилось только семь миллионов ведер вина (одно ведро — около 12,6 литра) в год, а виноградники занимали 74 тысячи гектаров. К 1912 году производство вина упало до 3,4 миллиона ведер, что не помешало Бессарабии сохранить первое место среди губерний Российской империи по сбору винограда и производству вина. Кроме того, немало вина производилось в крестьянских хозяйствах для личного потребления. Интересно, что в том же 1912 году Бессарабия потребила более 1,5 миллиона ведер 40-градусной водки, или 0,63 ведра на душу населения, общей стоимостью 13 миллионов рублей, тогда как выручка за произведенное вино составила лишь около 8,3 миллиона рублей. А в связи с упадком виноградарства была широко распространена фальсификация вин путем добавления сахара, дрожжей, спирта и других продуктов. Развивалось и животноводство, продукция которого поставлялась на общероссийский рынок. В 1905 году в Бессарабии имелось 377 тысяч лошадей, 583 тысячи голов крупного рогатого скота, 303 тысячи свиней и 1454 тысячи овец. В устье Дуная и на побережье Черного моря население занималось рыбным промыслом. В конце XIX века в губернии было 526 заводов и фабрик, главным образом винокуренных, табачных и мукомольных, отправлявших продукцию в основном на экспорт. Все вместе они производили продукции на 6,2 миллиона рублей в год, или в среднем на 12 тысяч рублей на предприятие. Большинство предприятий были мелкими, с

небольшим числом рабочих, которые почти все были выходцами из крестьян. Некогда развитое производство табака пришло в упадок, не выдержав конкуренции с крупными фабриками в других губерниях. Даже в 1907 году в Бессарабии было всего 115 крупных предприятий с 3,4 тысячами рабочих. Поэтому популярность социал-демократов, в том числе большевиков, в Молдавии была небольшая. На заре своей криминальной деятельности Котовский имел контакты с эсерами, которые были не прочь использовать его для экспроприаций (эксов) с целью пополнения партийной кассы. Но вскоре Григорий Иванович решил, что гораздо выгоднее действовать самостоятельно. А после 1917 года он стал и для большевиков желанным союзником, популярным среди бессарабского крестьянства, равно как и среди городских обывателей, имеющим связи в криминальном мире и в то же время готовым подчиняться директивам из Москвы.

Наиболее остро классовые противоречия в Бессарабии проявлялись в аграрной сфере. Почти четверть крестьянских хозяйств не имели собственной земли и вынуждены были арендовать ее на кабальных условиях. Еще около 40 процентов крестьянских хозяйств являлись малоземельными, то есть имели не более пяти десятин земли. В губернии насчитывалось 190 тысяч сельскохозяйственных рабочих, из которых 85 тысяч прибыли из других регионов России. Крестьянская беднота сочувственно относилась к многочисленным разбойничьим шайкам, наводнившим губернию и грабившим помещичьи усадьбы и богатых путешественников. Эти шайки легко находили пополнение среди крестьян-бедняков и батраков.

Нельзя сказать, что межнациональные отношения в Бессарабии были безоблачными. В начале XX века среди значительной части православного населения господствовали антиеврейские настроения, вылившиеся в печально известный кишиневский еврейский погром 6—7 апреля 1903 года. По данным еврейской общины, было убито 49 человек, ранено — 586 и разрушено более 1500 домов, свыше трети жилого фонда Кишинева. По данным прокурорского отчета, не слишком отличавшимся от данных еврейской общины, было убито 42 человека, включая 38 евреев, из 456 раненых было 394 еврея, разрушено около 1350 домов. Полиция бездействовала, пришлось применять войска. Было арестовано 800 погромщиков, из которых 300 предали суду. Часть из них была приговорена к каторжным работам и тюремному заключению, но многие были оправданы. В 1903—1914 годах около четверти евреев

покинули Бессарабию. Благодаря этому доля румын среди городского населения поднялась до одной трети. Молдаване заняли то место в торговле и ремесленничестве, которое вынуждены были освободить евреи.

Князь Сергей Дмитриевич Урусов, назначенный губернатором Бессарабии в июне 1903 года, вспоминал свою встречу с губернатором Р. С. фон Раабеном, уволенным из-за апрельского погрома: «Только что я начал знакомиться с губернией, как мне приходится уезжать из нее», — сказал мне Раабен после четырехлетнего пребывания в Бессарабии. Но даже после этих слов я остаюсь при том убеждении, что Раабен благополучно продолжал бы управлять Бессарабией до сего дня, получая награды и окруженный общей любовью, если бы не случилось апрельского события. Известного рода порядочность в служебных отношениях, отсутствие придирчивости и желания всюду совать свой нос, проявляя везде свою власть, доброжелательное отношение ко всем и незапачканные чужими деньгами руки — не малые качества для губернатора. Кроме того, Раабен, как нельзя более, подходил к общему характеру края, в котором среди богатой природы царствовали лень и беззаботность. Малоразвитое, необразованное, зажиточное и спокойное земледельческое население; легкомысленные, жизнерадостные, любящие пожить помещики; снисходительное к своим и чужим слабостям, склонное к внешнему блеску и тяготевшее к представителям власти общество; мало труда и характера, много добродушного хлебосольства и некоторая распущенность нравов — такова в общих чертах Бессарабия, и надо сознаться, что она составляла для своего губернатора вполне подходящую рамку». Добавим, что такая губерния была еще и подходящим местом охоты для разбойников, вроде Котовского, поскольку легкомысленные и беспечные бояре-помещики и купцы так и просились в руки гайдуков. Раабен действительно был далеко не худшим из губернаторов, боевым генерал-лейтенантом и георгиевским кавалером. Да и взятки брал, по тамошним меркам, весьма умеренно, только то, что ему причиталось по сложившимся традициям.

Урусов потом оказался в либеральной оппозиции к самодержавию, сблизился с кадетами во Временном правительстве, был товарищем министра внутренних дел, составил законопроект о милиции, который был принят, но реально претворился в жизнь уже большевиками. Впоследствии князь несколько раз арестовывала ЧК, но всякий раз его освобождали благодаря хлопотам видных большевиков. Сергей Дмитриевич умер в Москве в 1937 году своей смертью. Он даже успел полу-

читать персональную пенсию за «большие заслуги в разоблачении погромной политики царизма».

Однако следует сказать, что уровень преступности в Бессарабии в начале XX века, если не брать во внимание знаменитый погром, был довольно низким. Русский географ и зоолог, будущий академик АН СССР, в 1894 году окончивший с золотой медалью Вторую кишиневскую гимназию и тогда же перешедший из иудаизма в лютеранство, чтобы продолжать образование в Московском университете, Лев Семенович (Симонович) Берг писал в 1918 году: «Преступность в Бессарабии сравнительно мала; в 1912 году на сто тысяч населения приходилось осужденных общими и мировыми судебными постановлениями 73 человека. Для сравнения укажем, что для Эстляндии тот же коэффициент равен 307, а для Курской губ. 45. В соседней Херсонской губ. преступность значительно выше, именно 253, и даже в Подолии 145. Причина малой преступности в Бессарабии заключается в том, что большая часть населения занимается сельским хозяйством». Конечно, в городах преступность была гораздо выше. Из-за этого, в частности, Одесса обеспечивала соседней Херсонской губернии перевес в три с половиной раза над Бессарабской, а рекордный уровень преступности в Эстляндии был достигнут благодаря Ревелю (Таллину), где к тому же базировался Балтийский флот, матросы которого отличались отнюдь не кротким нравом. Но, в свою очередь, Котовский и другие разбойники-гайдуки обеспечивали Бессарабской губернии уровень преступности в 1,6 раза больше, чем в спокойной Курской губернии, тоже сельскохозяйственной, но расположенной в центре России, где последние разбойники перевелись еще во времена Емельяна Пугачева. А впоследствии, как мы убедимся, Котовский стал активно работать и в Херсонской губернии, особенно в Одессе.

Тот же Берг отмечает, что физически молдаване — очень здоровый народ. Сравнивая молдаван и украинцев (малороссов), он приходит к выводу, что у молдаван на 100 тысяч человек приходится 12 слепых, восемь глухонемых, двое немых и восемь умалишенных, а у украинцев — 18 слепых, 12 глухонемых, трое немых и восемь умалишенных.

Бессарабской полиции, главному противнику Котовского, Урусов дал следующую характеристику, которая на фоне порядков, царивших в других губерниях Российской империи, читается едва ли не как похвала: «Мне пришлось, на первых же порах, обратить серьезное внимание на местную полицию, городскую и уездную. Вскоре оказалось, что состав ее, в отноше-

нии способностей и деловитости отдельных полицейских чинов, весьма удовлетворителен, что особенно стало заметно в городе Кишиневе после того, как руководство городской полицией принял на себя приглашенный мною, бывший когда-то полицмейстером в Риге, полковник Рейхарт, опытный и дельный исполнитель. Из пяти городских приставов — двое положительно выдавались, двое были вполне удовлетворительны, и только одного пришлось удалить за слишком бесцеремонное взяточничество (остальные, очевидно, брали точно по чину. — *Б. С.*).

Раз речь зашла о незаконных поборах, приходится на этом вопросе остановиться. Как-то раз я, при содействии одного из членов прокурорского надзора, знатока края, попробовал вычислить поддающуюся примерному учету часть поборов, производимых полицией по губернии. Вышло значительно более миллиона рублей в год (т. е. как минимум шестая часть от общего объема промышленного производства губернии). Чтобы несколько реабилитировать бессарабскую полицию в глазах наивных людей, которым когда-нибудь придется читать эти строки, я упомяну, что петербургская полиция, по самому тщательному дознанию знатока дела, служившего в градоначальстве, получает до 6-ти миллионов рублей в год одних подписных денег, т. е. таких, которые даются не за нарушение закона или злоупотребления по службе, а просто за то, что существуют обыватели-домовладельцы, лавочники, трактирщики, фабриканты и т. п. Поборы за нарушение законов, в интересах дающих, здесь в расчет не приняты, ввиду невозможности их учесть.

Итак, я скоро убедился, что взятка среди бессарабской полиции, за малыми исключениями, играет большую роль. В этом убедиться было нетрудно, глядя на то, как становые приставы разъезжают четверками, в рессорных колясках, ездят в первом классе по железным дорогам, приобретают дома и участки земель и проигрывают в карты сотни, а иногда и тысячи рублей. Нетрудно было узнать и об источнике их доходов. В развращении полиции оказались виновными все те же злополучные евреи — язва Бессарабии.

Евреи, по временным правилам 1882 г., не могут арендовать земли. Земли бессарабских помещиков в аренде у евреев — вот первый источник доходов полиции. Фиктивные договоры, по которым помещичьи земли сдаются подставным лицам, за которыми стоит действительный арендатор, — еврей, подлежат уничтожению судом, исковым порядком, причем истцом является губернская администрация. Доказать такой иск почти

невозможно, приходится обыкновенно его проигрывать и, сверх того, платить судебные издержки из средств казны, которая их притом не отпускает, так что губернское начальство неохотно берется за такого рода дела и к возбуждению их полицию не поощряет. С другой стороны, незаконному арендатору все же приятнее уплатить 50 коп. с десятины, нежели возиться с властями и таскаться по судам. Отсюда появление арендных книг, по которым производятся в два срока платежи, или исправнику, который их распределяет, или, если исправник не берет взятку (таких было у меня три), то непосредственно приставам.

Вторая статья поборов — право временного пребывания евреев в сельских местностях. Жить в селах они не могут, но временно пребывать, по торговым и другим делам, — имеют право. Что значит — временно? Какие признаки указывают на окончание дела? Эти вопросы разрешаются в первой инстанции местной полицией, приводящей немедленно в исполнение свое решение. Потом можно жаловаться и доказывать свои права, доходя до Правительствующего сената, но полицейский чин не отвечает за свои действия по выдворению евреев из села. Его действия закономерны, он так понимает закон, и в действительности вопрос с точки зрения законности всегда спорен, притом разрешение его зависит от дознания, производимого той же полицией. Опять является выгодным заплатить полиции и мирно окончить в селе свои дела.

Кроме того, надо упомянуть, что под видом временного пребывания значительное количество евреев живет в сельских местностях в сущности постоянно. Таких незаконно проживающих евреев в одном Хотинском уезде насчитывалось в мое время, по сведениям местного предводителя дворянства, около 8000. Знатоки края и уезда подтверждали не раз, что цифра эта не преувеличена.

Бороться с такого рода обходом закона евреями губернское начальство не в силах. Сельские власти часто скрывают эти факты от полиции, низшая полиция — от уездной, уездная — от губернатора. Хотя выселение евреев из сел производится полицией постоянно и дел такого рода в производстве масса, но все же большинство незаконно проживающих евреев устраивается так, что их никто не трогает. Если бы я не боялся впасть в преувеличение, то сравнил бы действия властей по отношению к рассыпавшимся по селам евреям с охотой, производимой в местности, очень богатой дичью, если бы число имеющих право охоты при этом было ограничено, а известные сорта дичи, по охотничьим правилам, были бы запретными.

Бессарабия длинной своей стороной прилегает к Австрии и Румынии. Жители пограничной полосы имеют право переходить границу без паспортов, по билетам станového пристава, для отыскания пропавшего скота и по торговым делам. Евреи оживленно торгуют, и благодаря этому обстоятельству получается третья статья дохода для полиции. Выгоднее для еврея дать приставу 3 рубля, нежели выписывать 15-рублевый паспорт из губернаторской канцелярии в том случае, если пристав не признает просителя торговцем.

Таковы, освященные традицией и поддерживаемые особым законодательством о евреях, главные статьи полицейских доходов. О второстепенных, мелких поборах я здесь не упоминаю. Не говорю я и о тех взятках полицейских чиновников, которые взимаются не с евреев, а также о случаях злоупотреблений, признаваемых таковыми обычным правом.

В общих чертах, уже по вышеописанным примерам, можно судить о составе бессарабской полиции: несколько человек, не берущих ничего, множество лиц, ограничивающих поборы теми пределами, которые, по местным взглядам, считаются естественными и дозволенными, и, наконец, меньшинство таких взяточников, которые всегда и всеми признаются за порочных людей: на них жалуются, их преследует прокурорский надзор, и губернское начальство от времени до времени принуждено причислять их к губернскому правлению или сплавлять соседним губернаторам, получая иногда взамен изгнанников с такими же свойствами.

Я сознавал обязанность свою как начальника всей губернской полиции принимать меры для борьбы с теми злоупотреблениями, которые только что мною описаны; но скоро я должен был убедиться в том, что уничтожить незаконные поборы — задача для меня непосильная. Мне удалось избавиться от самых ярких взяточников — тех, которые, так сказать, срывали незаконные поборы на глазах у всех. Благодаря внимательному расследованию и широкому доступу ко мне просителей, случаи удовлетворения законных прав за деньги, случаи торговли законом, быть может, при мне несколько уменьшились. Но обычай вознаграждать полицию за снисходительное отношение к обходу закона остался и при мне во всей силе, и я не думаю, чтоб это зло могло быть искоренено, пока часть населения будет лишена тех естественных прав на существование, которыми все население пользуется...

Однажды я решил зайти в управление пристава одного из участков г. Кишинева, чтобы ознакомиться с его делопроизводством. Я прежде всего обратил внимание на помещение

канцелярии, очень просторное и даже комфортабельное, установленное столами, за которыми, несмотря на поздний час, занимались 6 человек. Я спросил каждого из них о размере содержания, получаемого ими, и выяснил следующие цифры. Старший делопроизводитель получал 600 р. в год, двое других — по 480 руб. и три писца вместе стоили 660 руб. На канцелярские расходы выходило, по словам пристава, от 200 до 300 руб. ежегодно. Составлялась цифра в 2,300—2,400 руб., тогда как все содержание пристава, с расходом на канцелярию, не превышало двух с половиной тысяч в год. Мне оставалось только посмотреть книги и движение дел, тщательно обойдя вопрос о том, на какие средства живет сам пристав.

Другой случай касается уездной полиции. Место пристава в Новоселицах, на границе Австрии, считалось первым в губернии, так как приносило занимавшему его лицу, по общим отзывам, до 15 тысяч рублей в год. Такая цифра всем колола глаза, и я счел необходимым назначить ревизию делопроизводства этого стана. При этом обнаружилось, между прочим, такое явление. Одному из новоселицких евреев было сдано приставом право торговли легитимационными билетами, на основании которых жители пограничной полосы переходили границу по своим торговым и другим делам. Желающий взять такое удостоверение являлся к арендатору и получал от него талон, по которому в канцелярии пристава бесплатно и беспрекословно выдавался билет, а арендатор, взамен такой привилегии, содержал на свои средства всю канцелярию стана. Пристава я уволил и назначил на его место другого, но вскоре убедился в том, что незаконные поборы продолжают в другой форме. Тогда я выписал из одной великорусской губернии человека вполне надежного и убедил его взять место новоселицкого пристава, обещав ему повышение, как только он поставит дело как следует. Через месяц новый пристав заявил просьбу об увольнении его в отставку, так как при всем желании он не мог обходиться своим содержанием. Ему не только не хватало средств на прожитие, но он принужден был запускать дела, так как содержание канцелярии, сокращенной им наполовину, поглощало все отпускаемые ему средства.

Я не сразу понял, чем именно объясняется огромное накопление дел во всех административно-полицейских учреждениях Бессарабии, и только опыт нескольких ревизий убедил меня в том, что, помимо обязанностей чисто полицейского характера и тех задач, которые постепенно вошли в круг действий полиции, с развитием деятельности прочих учреждений, на положение дел в Бессарабии имеет влияние мелочное, осо-

бое законодательство, ставящее почти каждого еврея в положение постоянного просителя и жалобщика. Полиции действительно нет покоя от еврейских дел, и мне приходилось замечать, что ненависть полицейских чиновников к еврейскому населению питается отчасти теми хлопотами, нареканиями, жалобами, объяснениями, ошибками и ответственностью, которые постоянно приходится испытывать чинам полиции, как следствие совершенно бессмысленного и не достигающего цели законодательства о евреях».

И в губернаторство либерального Урусова, и при его преемниках взяточность бессарабской полиции несколько не уменьшилась, чем успешно пользовались Котовский и его соратники. При таких полицейских не так уж трудно было совершать побег из полицейских участков и тюрем. Разве что после ухода Урусова численность еврейского населения Бессарабской губернии вследствие реакции на кишиневский погром сократилась почти на четверть. Потеряв значительную часть доходов, полицейские должны были больше внимания уделять нееврейскому населению губернии, в том числе уголовникам, которым теперь стало даже легче за взятку откупиться от наказания.

Какова была жизнь в Бессарабской губернии в детстве и юности Котовского, когда он делал еще первые робкие шаги на криминальном поприще? Л. С. Берг, сам родившийся в Бендерах, так характеризовал быт молдаван Бессарабии: «Молдаване — это румыны, населяющие Молдавию, Бессарабию и соседние с Бессарабией части губерний Подольской и Херсонской; в небольшом числе живут они также в Екатеринославской губ. Сами себя они называют молдован (во множественном числе — молдовень), а Румынию — Молдова. От румын Валахии, или валахов, отличаются незначительными диалектологическими признаками... Следует заметить, что в Румынии молдаване теперь пишут латинскими буквами, в Бессарабии же — русскими...

Молдаване среднего роста и недурно сложены. Волосы и глаза обычно черные. Череп брахицефалический, нос узкий. Иногда попадаются профили, напоминающие римские. Мужчины носят длинные волосы, но бороду все бреют.

Все православные и чрезвычайно религиозны. Испытания, перенесенные этим народом в течение его многовековой истории, наложили печать на его характер. Молдаване — миролюбивый, покорный и меланхолический народ. В них незаметно живости, разговорчивости и веселости латинской расы. Они медлительны, склонны к созерцанию и бездеятельности. Бла-

годатный климат не предрасполагает к проявлению большой энергии: засеянная кукурузой фальча (=3125 квадр. саж.) земли может прокормить молдаванскую семью круглый год. Молдаване весьма покорны властям и почтительны к старшим. В отношениях друг к другу обнаруживают вежливость. Жена (фимеи) находится в подчинении у мужа (бърбатул, собственно — бородатый); садясь за обед, она целует у мужа руку. Очень часто даже среди равных по положению младшие целуют руку старшим. В церкви женщины стоят позади мужчин. Воровство среди молдаван не распространено. В избях (каса) у них чисто и опрятно. Мужчины весьма привержены к водке (ракиу), но все же, как народ, занимающийся виноделием, — меньше, чем хотинские малорусы. В состоянии опьянения молдаване бранятся самым непристойным в мире образом, не щадя наиболее священных предметов.

Мужчины на голове носят баранью смушковую шапку (кушмы), летом же в рабочее время соломенную шляпу с широкими полями (пльэрии). Летом платье состоит из рубахи (къмеша) и штанов, сшитых из грубого домотканого холста. Мужчины ходят обычно с открытой грудью. Поверх надевают иногда род армяка — мунту (мънта) или короткий кафтан (зъбон, къфтан). Зимняя мужская одежда состоит из куртки (минтян), овчинного кожуха (кожок), овчинных штанов (мешинь) и смушковой шапки. На ногах лапти (окинчь) из камыша. Праздничная мужская одежда состоит из кафтана (антереу), подпоясанного разноцветным шерстяным кушаком (бръу) или широким кожаным поясом (кимерь) с кисетом. Девушки (фат) ходят с открытыми головами, замужние же носят платок (тестемел, тулпан). Женская одежда состоит из платья (рокитии) и кацавейки (кацавейкы).

Живут в хатах (каса) из так называемого чамура, т. е. кирпича, изготовленного из глины с кизяком (навозом) и соломой; крыша крыта соломой или камышом. Снаружи и внутри хата белится. Пол глиняный. Вокруг дома, как и в малорусских хатах, заваленка (призбы). В избе опрятно, насекомых обычно нет. Под образами (икоаны) ставят широкий и длинный мягкий диван (диван), покрытый коврами (лъичерь) собственного изделия, весьма прочными и оригинального рисунка. Близ конца дивана стоит сундук, на котором положены ковры и подушки; это приданое (дзестре) дочерей. Ковры вешают и по стенам: такой ковер называется рьзбой. Тканьем ковров занимаются женщины. Материалом служит шерсть от местных пород овец, цушек и цыгайской. Молдаванские ковры все гладкие. Преобладающие цвета черный, желтый и малиновый,

иногда зеленый. Для красных тонов употребляют кошениль, для розовых — цветы мальвы.

Кроме ковров, молдаванки ткут другие ткани из овечьей шерсти, пеньки, льна. В каждом доме ткут холст, рядно, сукно, скатерти, полотенца, пояса, мешки, вяжут чулки, рукавицы. В монастырях молдаванки изготавливают прекрасные сукна коричневого, черного и серого цвета, а также более легкие женские материи, иногда с примесью шелка. Ширина материи только $\frac{3}{4}$ арш. Все эти изделия охотно раскупаются горожанами.

У зажиточных царан во дворе имеются разные хозяйственные постройки: погреб для хранения вина (пивницы или кигницы), овчарня (стын), хлев (пояты, пентру вашь), конюшня (граждь), сплетенная из хвороста и обмазанная глиной, амбар (анбарь), гумно (фьцаря, ария), большие корзины из хвороста для хранения кукурузы (сысыяк), курятник (коштерьяца гьинилор) и прочее.

Двор (ограды) окружается плетнем (гард), а в безлесных местах нередко грубо сложенными камнями (здь де пятры)...

Национальное блюдо молдаван — это мамалыга (мъмьлигы), своеобразный вареный хлеб из кукурузной муки. Готовят его так. В чугунном котелке кипятят воду, прибавляя соли, и, всыпав кукурузной муки, кипятят некоторое время. Затем, сняв с огня, промешивают деревянной палочкой и опять ставят на огонь. Когда получившаяся масса делается совершенно плотной, ее вытряхивают из котла, — и мамалыга готова. Разрезают ее ниткой. Мамалыга вообще заменяет хлеб. Молдаване охотно едят ее с брынзой (овечий сыр). Кроме брынзы, из кукурузной муки готовят лепешки, называемые “малай”; они скоро черствеют. Нередко малай готовят с тыквой (малай ку бостан); в таком виде он вкуснее. У зажиточных малай готовят на кислом молоке с творогом и брынзой (алевенчи). Приготавливают также малай с примесью пшеничной или ржаной муки; такие лепешки могут лежать дольше.

Повседневную пищу составляет борщ (борш) с говядиной (карни де вақы) и мамалыга с брынзой (брынды), а в постные дни вареная капуста и мамалыга с постным маслом или с огуречным рассолом. По праздникам борщ с курицею или цыпленком, голубцы (сьрмали), пироги на масле (плъчинте), печенья на масле с фруктами (сливами, яблоками, изюмом), своеобразно свернутые, откуда и их название “виртуты”, жаркое из птицы или поросенка (фриптуры), компот (кисьлицы), печенье вроде “хвороста” (пръжитурь). Напитком служит брага (брагы), виноградное вино (вин, джин). Летом важным под-

спорьем в пище являются овощи и фрукты: помидоры (патла- желе роший), баклажаны (патлажели винети), огурцы (пепинь), дыни (дземош), арбузы (гарбуж), кабачки (бостъней), тыква (бостань), перец (киперь), затем яблоки (мери), груши (пръсади), сливы (пержи), зарзары (зарзарь, мелкий сорт абрикос), виноград (поамы).

Национальный танец молдаван — это хора (хоарь), нечто вроде хоровода, обычно называемый просто жок (от лат. *jocus*), т. е. игра. Его танцуют мужчины и женщины вместе, становясь в круг и взявшись за руки. Танец в общем малограциозный. Кроме того, распространен танец арнауцешти, который танцуют одни парни. Молодежь зимою, как и у русских, устраивает посиделки. Заунывная мелодия пастушьей песни носит название дойна.

Парни (флъкъу) сами выбирают себе невест (миряса). Еще до недавнего времени местами сохранялся обычай умыкания невест.

Обручение происходит так: у родителей невесты во время обручального пиршества накрывают стол, на который ставят две тарелки: на одну родители невесты кладут платок (ньфрамь) и кольцо (инел), на другую жених (мире) кладет деньги. Невеста, если жених ей нравится, берет деньги; тогда жених берет кольцо и платок, и обручение считается состоявшимся. Во время обручального пиршества на дворе стреляют из ружей. Накануне дня свадьбы жених верхом, в сопровождении друзей, отправляется в дом невесты; позади на повозках с музыкой едут его родственники (руд). Дружки невесты встречают свадебный поезд и надевают жениху на голову большой калач, который тут же раздробляется его товарищами. Гости и родные останавливаются в посторонних домах, а жених в сопровождении двух дружек отправляется верхом к невесте. Здесь на головы всех трех лошадей набрасывают полотенце. Дружки поют песни. Невеста, окунув пучок базилика (босыёк) в воду, кропит им жениха, а дружкам дает по платку. Отблагодарив невесту деньгами, жених уходит. Через час к нему приходят посланцы невесты (ворничел) и приглашают к ней в дом. Здесь во дворе жених танцует жок, пока его не пригласят к столу. Невеста же продолжает танцевать, не участвуя в обеде. После обеда жених отправляется к себе на квартиру и отсюда посылает подарки невесте и ее родителям. Невеста, в свою очередь, отдаривает жениха. Затем жених, окруженный всеми приехавшими, при звуках музыки, отправляется за невестой. Здесь посреди комнаты ставят два стула для родителей невесты; жених и невеста на постланном ковре становятся перед ро-

дителями на колени; гости встают, а один из дружек поет “прощение” (ертъчуне). При этом родители невесты и она сама плачут. По окончании песни родители благословляют жениха и невесту. Теперь посаженная мать (нун, нънаши) везет невесту в дом жениха на поклон родителям его. Замечательно, что родители невесты не только не участвуют в венчании, но даже и не провожают дочери. В доме родителей жениха собираются знакомые, одаряют будущих супругов; во дворе идет жок, в котором деятельное участие принимает невеста. На другой день, в воскресенье, происходит венчание (кунуние). Когда соберутся гости, жениха и невесту ведут в церковь; впереди идет посаженный отец (нун, нънаш) с женихом и его друзьями, за ними посаженная мать с невестой и ее подругами, позади музыканты. По окончании венчания приглашенные осыпают молодых (тинерий) семенами и орехами. Из церкви возвращаются в дом отца новобрачного, где устраивается пир. На другой день в доме молодых собираются одни замужние женщины (мъритаты).

Погребальные обряды довольно оригинальны, в частности же показывают много общего с похоронными обрядами малорусов. Тот, кто оmyвает тело умершего (не родственник, а посторонний), берет обручальное кольцо и мыло, служившее для омовения, себе. Лицо покойника покрывают домотканым полотном, а мужчине под голову или возле головы кладут шапку. При выносе тела, как и у малорусов, у ворот постилают кусок нового полотна аршина в 2—3 или ковер, через который должна пройти вся погребальная процессия. Этот ковер или полотно дарится кому-нибудь из бедняков. Опустив тело в могилу, передают через могилу бедному живую курицу, “с желанием душе умершего легкого к небу воспарения”, как выражается священник Енакиевич, описавший погребальный обряд молдаван. На поминках по умершим каждому обедающему дается калач со свечою и 2—3 ветками, украшенными сливами, яблоками, орехами, виноградом и т. п.; священнику же, кроме того, дается еще утиральник и наполненный вином деревянный сосуд с ветками, украшенными ягодами. Если нужно везти тело на кладбище, то непременно на двух парах волов, а не на лошадях; к рогам волов привязывают белые платки с вышитыми разноцветными узорами по углам. Есть указания, что везти умершего на кладбище нужно даже летом на санях; это — древний славянский обычай, сохранившийся еще у малорусов в Галиции. В сороковой день умерших поминают обедом. Заказывают новый стол, и весь столовый прибор покупают новый; готовят новый костюм и обувь. К обеду

новый стол с яствами ставится поодаль. Приглашают молдаванина (а если покойник женщина, то молдаванку), которому предполагается подарить новый стол. Он облачается в новое платье. Священник служит панихиду, затем все присутствующие обедают, но к новому столу никто не садится. После обеда стол с яствами дарится тому, кто оделся в новое платье. При этом даритель трижды приподнимает угол стола и говорит: на этом свете тебе, а на том свете такому-то (называет имя покойника). Присутствующие берут стол и переносят его в дом получателя, где после краткого молебна и панихиды все участники переноса садятся за стол и угощаются тем, что на нем.

В память усопших строят на дорогах мосты (подуры) или выкапывают колодцы (фынтыны)».

Котовский, хотя и не был молдаванином по крови, внешне на них очень походил. Григорий Иванович был брахицефалом, то есть короткоголовым человеком, у которого ширина головы близка к ее длине. Он носил длинные волосы и усы, но никогда не носил бороду, как настоящий молдаванин. Полысел он на сибирской каторге, возможно, из-за недостатка витаминов, после чего начал брить голову. Одевался по-молдавски (тогда, когда не приходилось прибегать к маскараду) — в кафтан, подпоясанный широким кожаным поясом (это была традиционная разбойничья одежда в Бессарабии из тех времен, когда за пояс обычно затыкали пару однозарядных кремневых пистолетов). Вот описание костюма Котовского во время одной из стычек с полицией: черный пиджак, барашковая шапка, сапоги, кожаный пояс, за который заткнуты два револьвера, тогда как третий атаман держал в руке. А вот что касается миролюбия, меланхолии и покорности, то эти качества молдаван на Котовского не распространялись. Он бы вполне мог жить если не беспечной жизнью бессарабского земледельца, то зажиточной, хотя и небеззаботной жизнью управляющего крупным имением. Нельзя сказать, что Котовский был ленив или чурался труда. Но он не любил подчиняться, работать на кого-то. Поэтому и влекла его разбойничья жизнь, где он был сам себе атаман и никому не подчинялся, ни царю, ни губернатору, ни Богу, ни черту. В юности он наверняка видел и веселые молдавские свадьбы, и грустные, обращенные в языческую древность молдавские похороны. Его отца наверняка похоронили по более скромному русскому обряду. Самому же Григорию Ивановичу устроили очень пышные государственные похороны. Не православные молдавские, а вполне в языческом духе, когда набальзамированный труп новоявлен-

ного красного святого был торжественно водружен в специально построенный мавзолей. А вот веселую молдавскую свадьбу отпраздновать Котовскому так и не довелось. Женился он далеко от Бессарабии, в разгар Гражданской войны и на русской женщине, которая никогда не бывала в Бессарабии, и свадьба у них получилась более чем скромная, просто полуподпольная. Кстати сказать, памятуя рассказы о любвеобильности Григория Ивановича в молодые годы, трудно отделаться от мысли, что должна была быть у него зазноба и в Ганчештах, но выяснить мы это, вероятно, никогда не сможем. Первые 15 лет после смерти Котовского его родное село было за границей, да и потом биографы не пытались искать в этом направлении, поскольку в советское время это не слишком приветствовалось, да и вдова Котовского была жива. Ныне же такие поиски вряд ли имеют смысл, так как свидетелей уже точно не осталось.

Григорий Иванович хорошо знал румынский язык. В тех селах, где молдаване преобладали, они часто ассимилировали представителей других национальностей. Так, Л. С. Берг отмечал, что в родных Котовскому Ганчештах армяне перешли на румынский язык. Также омолодилась часть украинцев, например, в Хотинском уезде. В то же время на крайнем юге Бессарабии часть молдаван подверглась украинизации. Но, как отмечал Л. С. Берг, «несмотря на то, что молдаванское население по культуре не стоит выше малорусского, активным элементом являются молдаване, пассивным — малорусы. В смешанных селениях сплошь и рядом попадают малорусские семьи, где старшее поколение свободно говорит на родном языке, а младшее уже не умеет говорить, а иногда даже и не понимает. Нередко бывает трудно сказать, имеем ли мы дело с молдаванами, говорящими по-малорусски, или с малорусами, прекрасно объясняющимися по-молдавански». Григорий Иванович же свободно говорил и по-молдавански, и по-украински, и по-русски. Последнему способствовало то, что в Кокорозенском училище преподавание велось только на русском языке.

Котовский, как мы убедимся дальше, всю жизнь оставался приверженцем молдавской кухни. А вот религиозность основного населения Бессарабии никак не разделял, будучи атеистом, хотя и не слишком воинствующим.

После окончания сельскохозяйственного училища Котовский надеялся продолжить образование в Германии в одном из университетов. Для этого он особенно налегал в училище на немецкий язык и на агрономию. Но в 1902 году Манук-бей

умер, и надежды на продолжение образования рассыпались. А иначе, вполне возможно, из Котовского получился бы толковый агроном и отличный управляющий имением. Ведь когда ему впоследствии приходилось, параллельно с бандитскими набегами и командованием кавкорпусом, выступать в роли управляющего хозяйством, им не могли нахвалиться и крупные бессарабские помещики, и высокие советские начальники. После 1918 года он, наверно, остался бы в занятой румынскими войсками Бессарабии, а в 1940 году, когда сюда пришла Красная армия, скорее всего, ушел бы за Прут вместе со своими хозяевами. И не было бы ни легендарного бессарабского разбойника, ни легендарного красного командира. Наверное, тогда бы жизнь Григория Ивановича сложилась куда спокойнее и благополучнее. Но тогда о нем не писали бы книг, не снимали бы фильмов, не называли бы его именем улицы и теплоходы. Никому он не был бы тогда интересен, кроме своих родных и близких. Котовскому, видно, не суждено было умереть в своей постели. И о своей судьбе он никогда не жалел.

Так или иначе, надо было самому зарабатывать на пропитание. Но у Котовского как-то не получалось делать это честным путем, хотя образование вполне позволяло заработать себе на хлеб с маслом.

Двадцатого декабря 1900 года, после успешного окончания училища, Григорий, как практикант, начал работать помощником управляющего в имении «Валя-Карбуна» близ станции Кайнары у молодого помещика Мечислава Скоповского, поляка по происхождению. Для того чтобы получить полноценный диплом об окончании сельскохозяйственного училища, требовалось пройти шестимесячную практику и заслужить положительный отзыв от владельца имения. Но уже через два месяца молодой управляющий был изгнан из «Валя-Карбуны» за обольщение жены помещика. В автобиографии Котовский так объяснял свой уход от Скоповского: «...И здесь с ужасающей ясностью сталкиваюсь с огромной нищетой того, кто создает все богатства помещику, с беспросветной жизнью батрака, с его 20-часовым рабочим днем; я сталкиваюсь с батраком, у которого нет во всей его тяжелой, кошмарной жизни ни одной светлой, человеческой минуты — с одной стороны, и со сплошным праздником, полной роскошью жизни, жизни паразитов, безжалостных, беспощадных эксплуататоров — с другой». Будто бы помещик прогнал его за то, что он слишком гуманно относится к батракам, которых, правда, по 20 часов в день трудиться никто не заставлял — иначе бы они просто спали в поле. Однако, учитывая, что некоторое время спустя

Котовский оказался в имении того же Скоповского, вряд ли тот подозревал его в излишней симпатии к батракам. К тому же у нас есть полицейские материалы «разбойничьего» периода биографии Котовского. Тогда он в свободное от налетов время работал по подложным документам управляющим у разных помещиков, и все они подтвердили, что свои обязанности он исполнял образцово, всячески блюдя хозяйский интерес. Вряд ли он проявлял какое-то особое человеколюбие к крестьянам и в начале своей карьеры.

После фиаско в «Валя-Карбуне» Котовский устроился помощником управляющего имением Максимовка Одесского уезда, принадлежавшем помещику Якунину, но опять был изгнан за хищение 200 рублей хозяйских денег. По этой причине Котовский так и не закончил шестимесячную практику и не получил ни положительных отзывов помещиков, ни документов об окончании училища.

В начале 1902 года наш герой вновь вернулся к помещику Скоповскому, который за это время развелся с женой и, за устранением предмета раздора, готов был простить Котовского. Может быть, за него успел похлопотать незадолго до смерти влиятельный в губернии Манук-бей. Но Григорий Иванович «по-своему» отблагодарил помещика за доброту. Он опять похитил 77 рублей, вырученных от продажи свиней, и сбежал. По версии, придуманной впоследствии Котовским, конфликт со Скоповским вышел из-за того, что помещик не хотел платить жалованье батракам, а помощник управляющего вступился за них. В наказание слуги помещика избили Григория Ивановича, связали его и бросили умирать в поле на февральском ветру, но он чудесным образом развязался. Вероятно, к тому времени, когда Котовский сбежал от Скоповского, Григорий (Фейрит) Иванович Манук-бей, полный тезка и покровитель нашего героя, уже умер в Париже, отписав все свое огромное состояние Лазаревскому институту восточных языков в Москве и на разные благотворительные проекты. Интересно, что в советское время Лазаревский институт превратился в Московский институт востоковедения, а сын Григория Котовского Григорий Григорьевич стал востоковедом, доктором исторических наук, профессором, крупным специалистом по истории Индии. После смерти своего покровителя практикант, поняв, что университет в Германии ему больше не светит, пустился во все тяжкие. Эх, если бы Манук-бей догадался завещать хотя бы малую толику состояния своему крестнику, судьба Григория Котовского и история юга России, возможно, сложились бы иначе.

Советский биограф Котовского Владимир Шмерлинг контаминировал два периода работы Котовского у Скоповского в один и нарисовал героико-романтическую картину их ссоры, ничего общего с действительностью не имевшую: «Как-то зимой Скоповский приехал в имение. Помещик был не в духе, вероятно, после большого проигрыша. Он ходил по имению и ко всему придирался. В казарме он застал отдыхающих рабочих.

— Я не потерплю у себя дармоедов! — расвирепел Скоповский. Пинком ноги он поднял одного из лежавших, а когда тот вытянулся перед ним, схватил его за рубаху, начал трясти и бить хлыстом.

— Как вы смеете так обращаться с людьми?! — чуть заикаясь, заговорил Котовский.

Скоповский гневно посмотрел на Котовского (он не привык к возражениям), взмахнул хлыстом и ударил практиканта по щеке.

— Бунтовщик, ты будешь народ бунтовать?!

Удар помещичьего хлыста разъярил Котовского. Не помня себя, он схватил Скоповского, поднял его и с размаху выбросил в открытое окно. На Григория накинудись слуги помещика и начали избивать дубинками и плетками; одолев его, они связали Котовского и бросили в сарай. Потом к сараю подъехала подвода. Приказчик повез Котовского в степь. Григорий просил развязать ему руки и ноги, но приказчик не соглашался: барин приказал сбросить практиканта связанным, не доезжая верст пять до станции.

Приказчик выполнил приказание помещика. Оставленный в степи раздетым, без пальто, Котовский долго ползал по снегу, пока ему не удалось разорвать веревки. Он весь горел возмущением и обидой; он не ожидал такого дикого произвола, такой несправедливости. Он шел по степи и мысленно произносил слова клятвы: отомстить за всё Скоповскому и другим помещикам-извергам.

Скоповский же не успокоился. После случившегося он долгое время ходил в кровоподтеках и пластырях. Горя мстью, он сочинил донос на непокорного практиканта. Помещик обвинял Григория во всевозможных злоупотреблениях, а главное, в том, что Котовский настраивал против него батраков».

Однако если бы управляющий действительно побил Скоповского, да еще нанес бы ему ясно видимые телесные повреждения, то помещик прежде всего обвинил бы Котовского именно в этом, за что последнему мог грозить реальный тю-

ремный срок. Но помещик в своем заявлении указал только на кражу 77 рублей выручки от продажи свиней. Ни о побоях, ни о подстрекательстве крестьян к бунту он не упоминал.

Другой советский биограф Котовского, Геннадий Ананьев, дает версию происшествия, приведшего к окончательному изгнанию Котовского из «Вали-Карбуны», несколько ближе к действительности, хотя и оснащает происшествие фантастическими деталями из рассказов самого Григория Ивановича: «По распоряжению помещика Котовский переправил в Кишинев большую партию свиней и, выгодно продав их, вернулся в имение. Но вместо того, чтобы немедленно отчитаться перед хозяином, пошел проведать больного батрака и отдать купленные для него лекарства. И надо же такому случиться, что и Скоповский пожаловал в барак. И не один, а с ключником и конюхами. Помещик считал, что батрак симулирует, поэтому решил его наказать. С бранью слуги Скоповского накинулись на больного батрака, начали бить, заставляя идти на работу.

— Прекратите! — не выдержав, крикнул Котовский и оттолкнул конюхов от больного.

Скоповского это вмешательство взбесило, и он приказал связать управляющего.

...В степи телега остановилась, Котовского сбросили на снег.

— Развяжите! — потребовал Котовский, понимая, что его хотят оставить на верную гибель.

— Барин не велел, — спокойно ответил приказчик. Февральский холод начал пробираться до самых костей, но, как ни напрягался Григорий Котовский, ему никак не удавалось даже хоть чуть-чуть ослабить веревки. Выход один — найти какое-нибудь дерево и тогда, поднявшись, перетереть веревку о шершавую кору. И Котовский покатился по снегу, проклиная Скоповского и его холоуев.

— Дерево нужно. Дерево, — отчаянно повторял Котовский. — Тогда спасусь!»

И конечно же Григорий Иванович дерево нашел и спасся. Как бы иначе он стал героем Гражданской войны?

Несомненно, случай с батраком, которого избил хозяин и за которого заступился Котовский, Ананьев заимствовал у Владимира Шмерлинга. Но у Шмерлинга цель наказания, которому подверг помещик Котовского, заключалась в унижении строптивного управляющего, но ни в его убийстве. По версии Шмерлинга, Котовского сбросили с телеги недалеко от железнодорожной станции, и если бы даже он не сумел развя-

заться сам, его наверняка вскоре нашли бы пассажиры, идущие или едущие на станцию или со станции. Умереть он не мог. По версии же Ананьева, Скоповский рассчитывал, что Котовский умрет мучительной смертью от холода, и только находчивость спасла Григория Ивановича.

История с избиением Котовским — помещика, а слугами помещика — самого Котовского понадобилась советским биографам «последнего гайдука» для того, чтобы объяснить его уход в лес и сколачивание разбойничьей шайки классовой ненавистью, а не банальной жадой приключений и легких денег.

На самом же деле Скоповский, отчаявшись дождаться возвращения беглеца, подал на него в суд, но полиция не смогла найти вора, да и не особенно искала. Тем временем Котовский попытался устроиться управляющим к другому помещику, Семиградову, в имение Шишканы. Но тот потребовал рекомендательных писем от прежних хозяев. Недолго думая, Котовский подделал рекомендательное письмо от Якунина. Однако, на его беду, Семиградов хорошо знал Якунина, и тот сообщил, что Котовский — обыкновенный вор, а не умелый управляющий, как явствовало из поддельного рекомендательного письма. 24 декабря 1902 года Котовский был арестован, так как у него не нашлось 100 рублей, чтобы внести необходимый залог. Так Григорий Иванович получил свой первый срок — четыре месяца тюрьмы за подлог. Позднее Котовский утверждал, что «тюрьма и ее режим произвели на меня колоссальное впечатление и дали огромный толчок моей стихийной революционной психологии». На самом деле именно в кишиневской тюрьме состоялось его знакомство с уголовным миром, одним из лидеров которого на юге России он позднее стал. Вскоре после выхода из тюрьмы, в октябре 1902 года, его вновь арестовали — теперь уже за растрату денег Скоповского — и поместили в кишиневскую тюрьму, где он вскоре заболел «нервной горячкой» и через два месяца был освобожден из-под ареста до суда.

Позднее в мемуарах Котовский утверждал, что в 1904 году он поступил «практикантом по сельскому хозяйству» в экономию Кантакузино, где «крестьяне работали на помещика по 20 часов в день». Поскольку фактически Григорий Иванович выступал в роли управляющего, вряд ли «батрацкая голытьба», с требованиями которой он будто бы был солидарен, питала к нему особо теплые чувства. Ведь батраки обычно больше ненавидели не самих помещиков, которые зачастую жили в губернских или уездных городах, далеко от своих имений, или,

как Манук-бей, вообще за границей, а их управляющих, которые непосредственно следили за тем, чтобы батраки не отлынивали от работы. По уверению Котовского, князь Кантакузин, узнав, что его жена «увлеклась молодым практикантом», замахнулся на соперника плеткой. Ну а тот, натурально, не стерпел такое глумление над свободной личностью и отомстил — сжег дотла имение, очевидно, под радостные возгласы оставшихся без работы батраков. Заметим, что все даты, относящиеся к первым годам самостоятельной жизни, в автобиографиях и анкетах Котовского условны, поскольку подгонялись под его рождение в 1887 или 1888 году. Впрочем, и другие факты часто придумывал сам Григорий Иванович. История же с Кантакузиным вобрала в себя некоторые эпизоды службы Котовского у других помещиков, в частности, роман с женой Скоповского.

В действительности ни у какого князя Кантакузина Котовский никогда не служил. Для того чтобы поступить на службу к одному из самых знатных греческих магнатов Бессарабии, считавшему себя потомком византийских императоров, требовались солидные рекомендации, которые Котовский, по понятным причинам, никак не мог получить. В действительности Григорий Иванович в 1903 году служил лесным объездчиком в селе Молешты Бендерского уезда у помещика Авербуха, затем — в имении помещика Недова поденным рабочим, а потом устроился в Кишиневе рабочим на пивоваренный завод Раппа, который в то время арендовал купец Иоанн Куртц. Завод имел самое современное оборудование, был оснащен стационарной установкой, работавшей на угле и дровах, чугунным котлом для варения пива на 860 ведер, котлом для переработки хмеля на 80 пудов, установкой для приготовления солода, ручными машинами для заливки бутылок и бочек. Трудились на нем всего 15 человек. Это были высококвалифицированные специалисты-пивовары, которые по своему положению стояли ближе к хорошим ремесленникам и зарабатывали порой побольше, чем управляющий в поместье средней руки. Но долго пивоваром Григорию Ивановичу побыть не удалось.

В январе 1905 года Котовский был, наконец, арестован за уклонение от призыва на военную службу. Шла Русско-японская война, царская армия несла тяжелые потери, и ей требовалось пополнение. Поэтому полиция активизировала розыск уклонистов. По случаю ареста Котовского было вынесено следующее решение: «...Балтское уездное полицейское управление, рассмотрев переписку о задержанном в г. Кишиневе балт-

ском мещанине Григории Ивановиче Котовском, нашло, что Котовский подлежал отбытию воинской повинности в 1902 году, но к исполнению таковой до сих пор не являлся, скрываясь в разных местах, а потому постановило: названного Григория Котовича (так в документе. — Б. С.), в целях воспрепятствования дальнейшего уклонения от исполнения воинской повинности, содержать под стражей при полиции, впредь до открытия заседания Балтского воинского присутствия 3 февраля 1905 года, о чем ему объявить, а копию сего постановления препроводить товарищу прокурора по Балтскому участку.

Пом. исправника: Журавский».

Позднее Котовский утверждал, что служил не где-нибудь, а в лейб-гвардии Уланском полку. В действительности же в феврале 1905 года его направили в самый обычный армейский 19-й Костромской пехотный полк в Житомир. Но он там не задержался. В Житомире находился запасной батальон полка, а его боевые части в это время перебрасывались в Маньчжурию. Но принять участие в боевых действиях он уже не успел. Котовский, однако, не знал, что война вот-вот закончится, и совершенно не горел желанием оказаться на фронте. Уже 31 мая 1905 года он бежал из полкового лазарета и в связи с дезертирством был исключен из полковых списков. 4 июня 1905 года он нелегально вернулся в родную Бессарабию. В Житомире Котовский впервые познакомился с эсеровским подпольем. Крепко сложенный, обаятельный, с ярко выраженными лидерскими качествами выходец из Бессарабии, хорошо знавший крестьянский быт, казался подходящей кандидатурой для организации эксов, а главное — для создания боевых отрядов и осуществления нападений на полицейских и солдат. В России началась революция, и революционные партии всерьез рассчитывали взять власть. Но в тот момент к способности эсеров стать правящей партией Котовский относился весьма скептически, да и впоследствии своего мнения не переменял, хотя в 1917 году одно время публично высказывался в поддержку Керенского. Идея грабить богатых его в принципе увлекала. Хотелось отомстить всем этим помещикам, которые жили на всем готовеньком, ничего не делали, да еще попрекали его сотней-другой хозяйских денег или тем, что он определенно нравился их супругам. В последнем Григорий Иванович винил самих помещиков, которые, как он думал, не могли удовлетворить своих взыскательных жен. Но вот отдавать деньги в партийную кассу, а тем более без нужды губить людей, тех же полицейских и солдат, Котовскому претило. Деньги от

житомирских эсеров на подпольную жизнь Котовский взял и на них перебрался в Одессу. Однако в дальнейшем никаких денег партии эсеров от своих многочисленных налетов Котовский не давал и связей с эсерами вплоть до революции 1917 года не поддерживал. Впоследствии это обстоятельство облегчило ему переход к большевикам.

После того как Котовский сбежал из армии, да еще в военное время, ему грозила уже не пара-тройка месяцев тюрьмы, как за присвоение хозяйских денег, а несколько лет каторги. Терять ему, в сущности, было уже нечего. И он решил начать жизнь профессионального преступника. Раз государство его отвергло, грозит ему многолетней каторгой, тем хуже для государства.

Уже после 1917 года Котовского называли «одним из вожakov стихийного крестьянского движения в Бессарабии». Сам он впоследствии писал: «Я насилем и террором отбирал от богача-эксплуататора ценности... и передавал их тем, кто эти богатства... создавал. Я, не зная партии, уже был большевиком». На самом деле Григорий Иванович тогда вряд ли имел сколько-нибудь четкое представление о большевиках — отнюдь не самой известной революционной партии, сильно уступавшей по популярности эсерам с их громкими покушениями на царских сановников и масштабными экспроприациями. Что же касается тезиса о необходимости отнять все у богатых и передать бедным, то его для оправдания своей деятельности использовали разбойники и грабители всех времен и народов. Бессарабские не были исключением. Как раз была в разгаре революция 1905 года. Множились беспорядки. В январе 1906 года крестьяне села Комрат в Южной Бессарабии, населенного гагаузами, турецким православным народом, восстали и провозгласили республику, упразднив помещичье землевладение. Но республика просуществовала лишь пять дней и была подавлена войсками и полицией. Горели помещичьи усадьбы. Бессарабский губернатор Харузин обратился к сельскому населению с воззванием, которое 22 февраля 1906 года было опубликовано в газете «Бессарабия»: «В селах и деревнях, как сделалось известным, распространяются слухи о предстоящем будто бы дополнительном наделе крестьян землею. При этом толкуется, будто правительство распорядится отнятием части помещичьей земли для передачи крестьянам. Поэтому в некоторых местностях толкуют, что весной следует приступить к самовольной запашке земель помещиков. В других местностях крестьяне приступили к самовольной порубке чужого леса.

Все они подвергнуты наказанию. Предостерегаю сельское население от беды, которая неминуемо грозит ему при всяком нарушении права помещика. Самовольный же захват чужой земли или самовольная порубка леса, будь то у казны, у помещика или монастырей — безразлично, будет, как и всякое другое насилие, строжайше преследоваться.

...18 января в Царском Селе имели счастье представляться: Государю Императору крестьяне Щигровского уезда Курской губернии. Во время приема его императорское величество изволил сказать крестьянам следующие слова, относящиеся ко всем крестьянам России:

“Я очень рад вас видеть. Вы, братцы, конечно, должны знать, что всякое право собственности неприкосновенно. То, что принадлежит помещику, — принадлежит ему; то, что принадлежит крестьянину, — принадлежит ему. Земля, находящаяся во владении помещиков, принадлежит им на том же неотъемлемом праве, как и ваша земля принадлежит вам. Иначе не может быть, и тут спора быть не может”».

Крестьяне, однако, считали, что помещики и государство сильно обделили их собственностью, и требовали раздела помещичьих земель. Котовский и другие разбойники, грабившие помещиков и часть награбленного раздававшие обездоленным, встречали их полное сочувствие и пользовались поддержкой, выражавшейся прежде всего в укрывательстве от преследования, в снабжении информацией о передвижениях полиции и жандармов и в дезинформировании властей насчет того, куда скрылись новоявленные гайдуки. А налеты Котовского приносили крестьянам ощутимую пользу хотя бы в том, что при поджогах помещичьих имений в огне сгорали их долговые расписки.

Потом, уже при советской власти, делая себе революционную биографию, Котовский утверждал, что еще до ареста и призыва в армию он в 1904 году несколько месяцев во главе отряда нападал на помещичьи имения, добывая деньги на революцию по поручению партии эсеров. Никакими независимыми свидетельствами или полицейскими документами эта деятельность Котовского не подтверждается и, скорее всего, полностью вымышлена им самим. Но и в 1905 году Григорий Иванович вовсе не думал возглавлять крестьянские массы. Вместо этого он сколотил небольшую шайку вооруженных грабителей и стал «бомбить» помещичьи усадьбы и проезжих купцов.

Налетами Котовский занялся только летом 1905 года, вскоре после того как вернулся в Бессарабию. 21 августа в Киши-

неве состоялась организованная комитетом РСДРП всеобщая забастовка, переросшая в политическую демонстрацию. Котовский решил, что в сложившихся условиях лучше будет грабить под каким-то «революционным» прикрытием.

В августе Григорий Иванович, именовавший теперь себя «стихийным коммунистом», вступил в боевую группу эсера Дорончана, промышлявшую экспроприациями. Но уже в октябре политика ему поднадоела, и он, так и не совершив ни одного экска, решил создать собственную шайку, дабы не делиться с партийными бонзами. В банду Котовского, которого потом советские биографы лихого атамана начали именовать «партизанским отрядом», вошли семь человек, среди них крестьяне Маноля Гуцуляк и Прокопий Демьянишин из села Трушены, Игнатий Пушкарев и Захарий Гроссу из села Бужоры. Пушкарев до встречи с Котовским успел уже отсидеть полгода в кишиневской тюрьме «за участие в аграрных беспорядках».

До побега из армии конфликт Котовского с государством был не столь глубоким, чтобы вступать с ним в вооруженную борьбу и вести жизнь изгоя. Теперь, однако, Григорий Иванович в буквальном смысле слова рисковал головой. Во-первых, при очередном налете всегда можно было нарваться на пулю солдата или полицейского, если поместье оказывалось под охраной. Правда, ни солдаты, ни полицейские (особенно волостная полиция, состоявшая из тех же крестьян) особой кровожадностью не отличались и без крайней нужды разбойников не убивали. Во-вторых, 19 августа 1906 года в качестве «меры исключительной охраны государственного порядка» был принят Закон о военно-полевых судах, которые действовали в губерниях, переведенных на военное положение или положение чрезвычайной охраны. Военный суд состоял из трех офицеров, как правило, ничего не смысливших в юриспруденции. Зато выносить приговор они должны были за 48 часов, без участия защиты и обвинения, и приводился он в исполнение в течение суток. Поскольку расследовали военно-полевые суды только акты террора и другие тяжкие преступления (убийство, разбой, грабеж, нападения на военных, полицейских и должностных лиц), то смертную казнь они применяли весьма часто и не всегда расстреливали или вешали действительно виновного человека. Котовский мог утешать себя тем, что, если уж попадетя военно-полевому суду, тот нисколько не ошибется, отправив его на виселицу. Хотя, как мы убедимся дальше, когда смертный приговор ему был все-таки вынесен, Котовский сделал все, чтобы его избежать. Риск Котовский любил, а еще больше любил вольную жизнь.

Глава 3
«АТАМАН АДА»

«Великолепная семерка» во главе с «атаманом Ада», как романтически именовал себя Котовский в письмах в полицию и своим будущим жертвам, успешно «бомбила» крупных землевладельцев, но тщательно избегала кровопролития. Григорий Иванович по-своему был гуманистом и кровь до революции 1917 года не проливал.

Еще Котовского именовали «Адским атаманом». Позднее, когда его слава прогремела на весь юг России, в Одессе даже распевали куплеты:

Разбил он банк и шарабан,
Кафешантан и ресторан,
И напоил вином крестьян,
Таков наш Адский атаман

Это было своеобразное признание не только в среде бессарабских крестьян, но и в среде одесских обывателей.

Котовского часто называли последним гайдуком. Кто же такие были гайдуки? Слово это венгерского происхождения, от *hajdú*, означавшего погонщиков скота. Если искать похожий термин, то на ум сразу приходят ковбои — пастухи коров (*cowboy* — буквально переводится как «коровий парень»). Но это, как известно, не было их единственным занятием. Ковбои не только пасли коров и овец, не только приручали мустангов, но и отвоевывали у американских индейцев земли Дикого Запада, а также осваивали золотые прииски, а впоследствии — и нефтедобычу. Гайдуками же называли отряды разбойников в Венгрии, румынских княжествах Молдова и Валахия, а также в славянских землях Балканского полуострова, боровшихся в XVI—XIX веках против турецкого господства, но не забывавших при этом грабить и своих купцов и феодалов. В румынских княжествах, которые были вассалами Османской империи, жертвами гайдуков в первую очередь становились «родные» бояре. Кроме того, гайдуками называли домашнюю стражу венгерских, трансильванских и польско-литовских магнатов, а позднее — и русских крупных феодалов. Поскольку эти домашние отряды выставлялись магнатами во время войн в армию Речи Посполитой, там специально выделялась гайдуцкая пехота. Только она была второсортной — строя не знала и поэтому использовалась в основном для гарнизонной службы.

Из всех этих гайдуков молва и сам Котовский ориентировалась на борцов с османским игом. Любопытно, что свою кни-

гу о гайдуках современный сербский исследователь Александр Пётрович так и озаглавил — «Роль бандитизма в создании национальных государств в центре Балканского полуострова в XIX веке». Только Котовский тогда никаких политических лозунгов не выдвигал. Вероятно, ему, как и всем уголовникам, был близок позднейший ленинский лозунг «Грабь награбленное!». Никаких идей насчет освобождения Бессарабии и присоединения ее к Румынии или о провозглашении независимой Бессарабской Республики у него тогда не было. Как и все разбойники, он грабил богатых, потому что у бедных взять особенно было нечего. Правда, в критической ситуации его соратники могли забрать у крестьянина последнюю корову, а у припозднившегося городского прохожего — последний червонец из кошелька, но сам Григорий Иванович, отдадим ему должное, подобного никогда не допускал. Когда доводилось грабить богатое имение, значительную часть имущества, в том числе скот и запасы продовольствия, котовцы раздавали беднякам. Во-первых, всё унести с собой все равно не было никакой возможности. Во-вторых, тем самым крестьяне проникались к разбойникам сочувствием и при случае пускали погоню по ложному следу. Не Котовский эту тактику изобрел, но он, как и другие крупные разбойники, ее с успехом применял. Позднее, когда на суде Котовский говорил, что раздавал часть награбленного крестьянам, никто свидетельствовать в его пользу не пришел. Но это тоже вполне объяснимо. Признайся крестьянин, что ему перепала часть награбленного, пришлось бы возвращать корову или лошадь, а то еще и штраф платить. Однако, когда котовцы грабили в городе, например, кишиневских и одесских ювелиров, простому люду, кроме пособников, ничего не перепало.

Первого декабря 1905 года в иванчевском лесу, между Кишиневом и Оргеевом, отряд Котовского конфисковал деньги и ценности у дворянина Дудниченко, затем у купца Когана. Часть этих средств Котовский использовал для нужд боевой группы, остальные раздал беднякам.

Тринадцатого декабря уже в бардарском лесу между Кишиневом и Ганчештами Котовский ограбил ганчештских купцов. 22 декабря он опять вернулся в иванчевский лес, где жертвами ограбления стали сразу шесть помещиков и коммерсантов.

Котовский играл пушкинского Дубровского, но действовал в тех же местах, где разбойничал пушкинский же Кирджали из одноименной повести. Напомню, как охарактеризован этот герой в пушкинской повести: «Кирджали был родом болгар. Кирджали на турецком языке значит витязь, удалец. Настоя-

щего его имени я не знаю. Кирджали своими разбоями навондил ужас на всю Молдавию». Необходимо подчеркнуть, что под Молдавией имеется в виду Румынское княжество, находившееся в то время (1820-е годы) в вассальной зависимости от Турции, но по ходу действия Кирджали, прототипом которого послужил реальный разбойник Георгий Кирджали, оказывается в Бессарабии, где, правда, не грабит, а лишь укрывается от турецкого преследования. В советское время реального Георгия Кирджали, как и Котовского, называли «народным мстителем». Кстати сказать, исторического Кирджали, в отличие от пушкинского героя, турки все-таки повесили в Яссах в 1824 году.

Котовский наверняка был знаком и с этой пушкинской повестью. Подобно болгарину Кирджали в Молдавии, русский Котовский был иностранцем в Бессарабии, хотя и тот и другой в значительной мере переняли местные обычаи. Григорий Иванович то ли стал омолодавленным Дубровским, то ли превратился в дворянина-разбойника Кирджали.

Банда росла, расширялась география набегов. В январе 1906 года под началом Котовского было уже 18 конных. Многие бандиты были вооружены револьверами и винтовками. По предложению Котовского они переместились ближе к губернской столице, в иванчевский лес под Кишиневом, откуда сподручнее было совершать налеты на магазины местных ювелиров и торговцев. Активность котовцев нарастала. Всего в декабре 1905 года котовцы совершили 12 нападений на купцов, чиновников и помещиков, в том числе в Кишиневе. У жертв забирали деньги, золото и драгоценности, прочие вещи охотно раздавали крестьянам. В период с 1 января по 16 февраля 1906 года число налетов возросло до двадцати восьми. Нападение подверглось и хорошо знакомое Котовскому имение Манук-бея, которым теперь владел помещик Артемий Назаров, бывший управляющий Манук-бея.

Котовский не ограничивался усадьбами и все чаще совершал налеты в Кишиневе и других бессарабских городах. Владимир Шмерлинг так описывает мотивы изменения тактики котовцев: «Котовский же был дерзок и одновременно осторожен. Если раньше он главное зло видел только в землевладельцах, то теперь начал понимать неизбежность более широкой борьбы — борьбы с властями, с царским правительством.

Он расширял свою деятельность, пополняя дружину новыми людьми. Многие помещики, один за другим, стали оставлять свои имения, переезжать в Кишинев, рассчитывая, что в губернском городе они будут в большей безопасности. Но и в Кишиневе их настигала месть Григория Котовского».

Однако главным мотивом, из-за которого «народный мститель» пришел в Кишинев, был мотив экономический. В столице губернии жили более богатые купцы и помещики, чем в сельских усадьбах. А банда росла, и росли аппетиты ее участников.

В полицейских донесениях особо отмечалось, что «значительное число описанных нападений, имевших место в сравнительно короткий промежуток времени, не оставляет сомнения в том, что эти нападения совершаются под руководством опытного и ловкого начальника». Но иногда случались и неудачи. При нападении на дом купца Гершковича в Ганчештах сын купца успел выбежать на улицу и поднять крик, на который сбежались соседи и полицейские. Котовский со своими людьми вынужден был ретироваться, отстреливаясь от полиции. Как писали «Одесские новости» 5 января 1906 года, «разбойники успели добраться до спрятанных коней и ускакать». 6 января для поимки Котовского был направлен отряд волостной полиции. В тот же день банда выдержала бой с тридцатью полицейскими стражниками в оргеевском лесу. Оргеевский исправник Брониковский и его люди бежали с поля боя. Позднее на допросе в полиции Котовский так охарактеризовал этот первый в своей жизни бой, в котором с каждой из сторон участвовало по несколько десятков всадников: «Я с товарищами своими зашел стражникам в правый фланг, и выстрелами мы заставили их отойти». Что показательно, ни одна из сторон в этом бою не понесла потерь ни убитыми, ни ранеными. Сказались как гуманизм Котовского, так и неопытность и трусость полицейских, не привыкших стрелять по людям.

Ранее в тот же день котовцам удалось разогнать полицейский конвой (он состоял из тех же крестьян — волостной полиции) и освободить 20 крестьян, арестованных за незаконную порубку помещичьего леса. Старшему конвоя атаман оставил расписку: «Освободил арестованных Григорий Котовский!» Позднее начальник конвоя — десятский села Моклешты Василий Турта рассказал в полиции о своей встрече с Котовским, там с его слов записали: «Люди в масках стали требовать от него книгу с пакетом, при котором сопровождался арестованные, и когда он, Турта, не пожелал дать книгу, то один из них, в пиджаке черного цвета, в барашковой шапке, в сапогах, подпоясанный кожаным поясом, за которым были также два револьвера, в руках третий револьвер, выхватил книгу и разорвал пакет, освободив арестованных... На вид ему около 30 лет, брюнет...»

В Кишиневе котовцы ограбили губернского предводителя дворянства Крупенского, у которого забрали подарки эмира

Бухарского — персидский ковер и палку с золотыми инкрустациями.

Котовский и его люди часто прибегали к маскарადу, хорошо освоили искусство изменения внешности с помощью грима. Григорий Иванович мог выступать в роли богатого помещика, купца, дипломата, священника, полицейского или армейского офицера, а мог появиться на улице в облике бродячего музыканта или жестянщика. Неизменной оставалась только фирменная фраза: «Я — Котовский!», парализовавшая сопротивление жертв.

После того как в 1940 году советские войска вошли в Бессарабию, появилось множество воспоминаний местных жителей об их встречах с Котовским. Разумеется, о Григории Ивановиче вспоминали только хорошее, а проверить достоверность этих воспоминаний, нередко повторявших уже опубликованные к тому времени легенды о Котовском или эпизоды из фильма о нем, у нас нет возможности. Например, крестьянка Наталия Лясковская так описала свою встречу с Котовским в беседе со Шмерлингом: «Я и мой муж работали в то время у помещика Сарацика. Мой муж Игнат — садовником, я — прислугой в доме. Как-то помещик получил письмо и сообщил нам, что ждет к себе именитых гостей. Весь дом был поднят на ноги: чистили, варили, пекли. На другой день вечером подъехали два фаэтона с разодетыми “господами”. Вошли в дом. Помещик, кланяясь, пригласил всех в столовую. Сели ужинать. А я как раз прислуживала за столом. Только начался ужин, вдруг я вижу, Сарацик, сильно побледнев, поднялся и вышел, пошатываясь, с одним из гостей, высоким и здоровым мужчиной, в свой кабинет. Скоро они вернулись. Гость этот был Котовский. Уходя, он сказал помещику: “Если вы и дальше будете мучить народ, я пушу вас по миру”».

Григорий Иванович со своими людьми направился к выходу. В передней он увидел меня и подозвал к себе. “Я знаю, что ты и муж твой люди бедные, — сказал мне Котовский. — Вот вам немного денег, купите корову, лошадь, заведите себе хозяйство. Бери, не бойся”. Он протянул мне несколько бумажек. Я хотела их взять, но в это время показался помещик, и я, испугавшись его, отказалась от денег, хотя они нам были очень нужны. Котовский уехал, но через два дня к нам пришел какой-то неизвестный человек, разыскал моего мужа и вручил ему конверт, в котором было тридцать рублей».

Шмерлинг также приводит ряд легенд о Котовском, авторство которых уже не установить. Вот одна из них: «Ровно в полночь он подъехал к одинокому домику на опушке леса. Бы-

ли Святки, и в домике гадали девушки. Дверь они оставили открытой, чтобы сбылось гадание и в дом вошел суженый жених. Входит Котовский, кланяется девушкам и просит разрешения отогреться с дороги. Пока он сидел на скамейке, одна из девушек, бедная учительница, чтобы приворожить гостя, незаметно отрезала у него кусок рукава. Прощаясь с девушками, Котовский попросил у них коробку спичек. Потом сел на коня и уехал. Вскоре девушки увидели зарево над лесом и узнали, что это горит соседнее имение. Только тогда они поняли, зачем их гостю понадобились спички. Нагрянули в домик приставы, искали Котовского и нашли кусок материи, вырезанный из его рукава. Захотели они по этому куску приметить Котовского и захватить его. Но как ни бесились, как ни рыскали, ничего у них не вышло. А Котовский в ту же ночь вернулся в домик в новой рубаше и всем гадавшим девушкам привез подарки».

Как легенды о Котовском, так и рассказы о нем, претендующие на достоверность, построены по одной фольклорной схеме, что заставляет не слишком доверять даже «документальным» свидетельствам. Схема же довольно проста: культурный герой неузнанным приходит на место действия, затем совершает подвиг (ограбление, поджог помещичьей усадьбы и т. п.), в результате чего люди понимают, что это — Котовский, который затем приносит награду бедным. В действительности Котовский не после каждого налета раздавал деньги или иные материальные ценности беднякам — делал это, лишь когда грабил помещичьи усадьбы. После ограбления городских квартир, лавок и магазинов, а также путников на большой дороге ни крестьянам, ни городской бедноте от Котовского и его соратников ничего не перепало.

После поимки на допросах Котовский стремился представить себя защитником бедняков. Так, на допросе 26 февраля 1906 года по поводу ограбления зрителя костюженской больницы Сериогла, который занимался поборами со своих подчиненных, Котовский утверждал: «Когда мои соучастники делали обыск у Сериогла, я всё время стоял у дверей Сериогла, разговаривал с ним, говорил, что он сам вышел из бедных людей, а между тем обижает таких же бедняков, служащих у него».

Впоследствии Котовский довольно пафосно описывал свои «подвиги» на «большой дороге» в 1905—1906 годах: «Наступает 1905 год, в который я окунаюсь целиком. 1905 год и потом последующие годы, и все имевшие место исторические моменты ясно предопределяют мою работу и создают из меня смертельного, беспощадного мстителя за рабочих и крестьян. Мстителя активного. Начинаю террор против помещиков, фа-

брикантов и вообще богачей. Сжигаю их имения, забираю ценности, которые потом раздаю бедноте в городах и селах Бессарабии». Замечу, что по сравнению с тем террором, который начали большевики после захвата власти в 1917 году, «террор» Котовского выглядит невинной шалостью. Ведь Григорий Иванович и его банда никого не убивали, и «террористические акции» заключались лишь в том, что он экспроприировал у помещиков, купцов и ювелиров некоторую толику собственности, причем далеко не основную.

Конечно же бандитами Котовский своих соратников не называл. Но и гайдуками атамана и его подельников называли только крестьяне. Вероятно, для самоназвания оно казалось Котовскому несколько старомодным. Позднее в советской историографии отряд Котовского называли «дружиной», а его членов — «дружинниками», по аналогии с боевыми дружинами эсеров и большевиков. Однако точно неизвестно, использовал ли Котовский это название до 1917 года или стал употреблять его только в позднейших публикациях, дабы подчеркнуть свою близость к революционерам. Ведь в автобиографии ему пришлось объяснять, почему в 1905 году он не примкнул ни к одной из революционных партий: «Почему я остался вне партийной организации? Я не мог в те годы вложиться в какие-нибудь определенные рамки. Моя натура требовала немедленных действий. Мести по отношению к тем, кто так издевался, эксплуатировал всю массу трудового народа». Месть, еще раз повторю, была весьма умеренной. А соратники Котовского ни о какой политике не думали и, как и их атаман, до 1917 года занимались чистой уголовщиной, иной раз, правда в шутку, требуя от своих жертв денег «на революцию».

Зато Шмерлинг упоминает другое самоназвание котовцев — «черноморцы», по всей видимости, аутентичное. Оно якобы было дано в честь моряков Черноморского флота, пришедших в Одессу на восставшем броненосце «Потемкин». Терроретически версия с «Потемкиным» имеет право на существование. Но, думаю, в действительности Котовский и его подельники назывались «черноморцами» в честь казаков-черноморцев. Это были те казаки из упраздненного Запорожского войска, которых поселили в 1792 году на Кубани. Они составили впоследствии основу Кубанского казачьего войска. До того как перейти на царскую службу, казаки промышляли главным образом разбоем.

Столь крупная и удачливая банда, как банда Котовского, не могла не привлечь внимания полицейского начальства. Крупнее была только банда Бужора, насчитывавшая до сорока че-

ловек. За голову Котовского, который, как мы уже говорили, имел обыкновение представляться во время налетов, назначили солидную награду — две тысячи рублей. В автобиографии Григорий Иванович уверял: «Попытки схватить меня не удавались, так как и крестьяне и рабочие всегда наотрез отказывались выходить и выезжать на облавы, устраиваемые по поводу моей поимки». В действительности у Котовского была обширная сеть информаторов, принадлежавших не только к угнетенным классам общества. Но еще больше помогала ему коррупция, процветавшая среди бессарабских чиновников и полицейских.

Григорий Иванович, щедро плативший полиции, полагал, что эти выплаты должны защитить его. Но он ошибся. Жадность у коррупционеров пересилила даже здравый смысл. Они польстились на награду, не понимая, что после ареста Котовский их с превеликим удовольствием сдаст, когда поймет, что больше помощи от них не дождется.

Советский биограф Котовского Геннадий Ананьев так писал об обстоятельствах поимки Котовского: «Секретный агент Новацкий, состоявший непосредственно при губернаторе и получавший по 50 рублей за каждого арестованного по его доносу “опасного преступника”, столько же брал и с Котовского “за услугу”. Помощник пристава 3-го участка Зильберг постоянно сообщал не из-за симпатии, конечно, к Котовскому, о намечавшихся засадах. Но Зильберг готовился и к тому, чтобы подороже продать самого Котовского. Однако до поры до времени отработывал получаемые от Котовского деньги...

Предал его Зильберг. Выгодно для себя предал. Зная одну из конспиративных квартир партизанского отряда (на улице Куприяновской, в доме 9), Зильберг долго держал ее под постоянным наблюдением. И вот 18 февраля 1906 года Котовский появился в этой квартире. Дом тут же оцепили, но ворваться побоялись. Ждали, когда Котовский выйдет на улицу.

Не подозревая измены, Котовский собирался в лес, к своему отряду. Он натянул ботфорты, надел мягкую куртку, шляпу и вышел на крыльцо. Тут его и схватили.

Сопротивляться было бесполезно. Вмиг с ним бы расправились. Это сразу понял Котовский. Сказал только с сожалением: — Разрушен теперь весь мой план.

Полицейские перевернули в доме все, но, увы, улик в их руках оказалось весьма немного: денег 4 рубля 25 копеек, свисток, маска и записная книжка.

В тот же день в доме на Киевской улице были арестованы и закованы в кандалы Прокопий Демьянишин и Игнатий Пуш-

карев, а через несколько дней задержали и других членов отряда. Арестовали и хозяев конспиративных квартир отряда Ирину Бессараб и Акулину Жосаи.

Зильберг получил солидное вознаграждение — 1000 рублей».

Стоит добавить, что непосредственно задержал Котовского околоточный надзиратель Рябый и первоначально Григорий Иванович назвался чужим именем.

В заключении «атаман Ада» на этот раз пробыл недолго. Но за четыре с небольшим месяца, проведенных в кишиневском тюремном замке, Котовский успел утвердить свой авторитет среди местных уголовников. Не последнюю роль в этом сыграли крепкие кулаки атамана. Примерно такое же противостояние есть и в нынешних российских тюрьмах, где нередко меряются силами старые потомственные уголовники во главе с коронованными «ворами в законе» и новые бандиты из тамбовских, солнцевских, ореховских, люберецких и т. д., называемые также «спортсменами». По современным понятиям, Котовский был «спортсмен», которому пришлось ломать «синих» (как называют старых уголовников за многочисленные татуировки). И он их уломал, сплотив вокруг себя. Согласно легенде, Котовский впоследствии был коронован «вором в законе» и в связи с этим вытатуировал у себя на веках несколько черных точек — знак блатного авторитета. Некоторые утверждали, будто точки были в виде восьмерки, опоясывавшей веки. Будто бы от этих точек Котовский избавился только в 1919 году, когда уже был красным командиром. А по другой версии, Котовский так и умер с блатными наколками. Тут сразу следует оговориться, что «воров в законе» в Российской империи вообще не было. Точки же на веках у него, вполне возможно, были, но это, очевидно, просто был знак «крутого» криминального авторитета. Впрочем, на сохранившихся фотографиях Котовского эти точки-татуировки с уверенностью обнаружить нельзя, поскольку любые точки на лице Котовского могут быть в действительности дефектами негатива. Не исключено, что перед нами очередная легенда, связанная с Котовским, и никаких наколок на лице у него в действительности не было. Правда, в одной из позднейших ориентировок, уже после того, как Котовский сбежал с каторги, утверждалось, что он «на лице под глазами имел значки-горошки от татуировки, но места эти он выжег, от чего образовались как бы ямки от прыщей». Заметим, что здесь речь идет о татуировках под глазами, а не на веках, причем о татуировках, которые будто бы были в прошлом, но на момент появления ориентировки уже отсутствовали. Между тем ни на одной из полицейских фото-

графий Котовского никакие татуировки не зафиксированы, а ведь они должны были бы быть сфотографированы и внесены в перечень особых примет преступника. И зачем, спрашивается, Котовскому надо было избавляться задолго до революции 1917 года от знаков, подтверждавших его статус в уголовном мире? Чтобы не дать полиции дополнительных особых примет? Но почему он не подумал об этом обстоятельстве, когда делал татуировки? Думаю, что в данном случае полицейские чины стали жертвой слухов о будто бы существовавших татуировках, которые распускал сам Котовский для повышения своего тюремного авторитета.

В мае 1906 года Григорий Иванович попытался организовать побег семнадцати уголовников и анархистов из тюрьмы. План был поистине грандиозный. Котовский планировал разоружить охрану, затем вызвать по телефону в тюрьму полицеймейстера, товарища прокурора и конвойную команду и взять их в качестве заложников. После этого вывести из тюрьмы всех заключенных, инсценировав отправку по этапу большой партии арестантов в Одессу. 4 мая 1906 года узникам удалось обезоружить более пятидесяти надзирателей и охранников и забрать у них ключи от камер и тюремных ворот. Но тут некоторые заключенные, вопреки первоначальному плану, стали приставлять доски к стене и по ним выбираться на волю. Их заметили часовые у ворот и открыли огонь. Поднялся шум, на который прибыли полицейские из участка напротив тюрьмы, а также рота солдат и отряд конных стражников. Заключенные сломали последние ворота и вырвались на площадь, но здесь их встретили солдаты и полицейские. Тех немногих, кому удалось убежать несколько дальше площади, настигли конные стражники. Некоторые заключенные, осужденные на небольшие сроки, предпочли сами вернуться в тюрьму. Все беглецы, включая Котовского, были пойманы. Следующий побег тоже сорвался. Охрана обнаружила подкоп под стеной тюрьмы. 1 июля 1906 года «Бессарабская жизнь» сообщала: «Третьего дня в местном тюремном замке, в камере, где содержатся участники нашумевшей в нашем городе шайки Котовского и другие серьезные арестанты, закованные в кандалы, и. о. начальника тюрьмы господин Бобелло обнаружил подкоп. Из ватер-клозета, примыкающего к этой камере, подрыта была стена и сделан подкоп под фундамент тюрьмы, с тем, чтобы пробить выход на Сенную площадь. На месте подкопа найдены стамески, лопаты, ломы и др. инструменты».

Котовского перевели в одиночную камеру, находившуюся в так называемой «Больничной» башне на высоте шестиэтаж-

ного дома. У камеры постоянно дежурил надзиратель, а во дворе у башни был устроен дополнительный пост.

Вот как Котовский вспоминал о пребывании в «Больничной» башне: «Одиночный режим... с прогулкой 15 минут в сутки и полной изоляцией от живого мира. На моих глазах люди от этого режима гибли десятками, и только... решение во что бы то ни стало быть на свободе, жажда борьбы, ежедневная тренировка в виде гимнастики спасли меня от гибели».

Однако вскоре ему все-таки удалось бежать из тюремного замка. Это произошло 31 августа 1906 года. В тот же день из Кишинева была отправлена секретная телеграмма, в которой сообщалось о побеге особо опасного преступника Григория Ивановича Котовского двадцати пяти лет. В ней же была подробно описана его внешность. Рост 174 сантиметра (впоследствии газетчики наградили его двухметровым ростом — слава явно делала нашего героя выше), плотного телосложения, несколько сутуловат, походка «боязливая», во время ходьбы покачивается. Голова круглая, с залысинами, редкие черные волосы, глаза карие, маленькие усы. В общем, ничего примечательного и никаких особых примет, кроме заикания. Позднее Котовский стал брить голову наголо, и опознавать его стало еще труднее. Харизму, по всей вероятности, обеспечивала не внешность, а огромная физическая сила. Кроме того, в полицейской сводке указывалось, что Котовский — левша, но одинаково хорошо стреляет с обеих рук. Нередко Котовский вел огонь сразу из двух револьверов, что называется «стрельбой по-македонски» — в честь практиковавших такой способ македонских террористов.

Сам бессарабский губернатор А. Харузин озаботился поимкой Котовского. Он требовал от кишиневского полицмейстера «принять решительные и энергичные меры к самому тщательному розыску по городу Кишиневу и его предместьям бежавшего из кишиневской тюрьмы арестанта Котовского, внушив Вашим подчиненным, что арестант Котовский чрезвычайно важный и опасный преступник». За поимку бессарабского Робин Гуда была назначена денежная награда. Опасались, что он уйдет в Румынию или Австрию. Пограничникам и таможенникам были розданы его фотографии, даже местным контрабандистам была обещана награда за содействие в задержании Котовского. Предупреждены были и румынская, и австрийская полиция. Но на этот раз Григорий Иванович не покинул Кишинева.

Согласно одной из легенд, побег Котовский совершил следующим образом. Однажды на прием к начальнику тюрьмы

явилась дама из высшего кишиневского общества, пожелавшая увидеть знаменитого разбойника. Начальник, получивший дорогой подарок, не смог отказать прекрасной незнакомке. С его разрешения она передала Котовскому одеяло и пачку дорогих папирос. Вечером Котовский угостил надзирателя папиросой, пропитанной опиумом, и тот вскоре заснул. Затем с помощью стамески и спрятанной в переданном одеяле, он сломал скобу на двери и избавился от кандалов. Котовский вышел в коридор, оттуда вылез на чердак и по заранее припасенной веревке спустился во двор. А там, приставив доску к стене, выбрался на свободу.

В телеграмме от 4 сентября 1906 года бессарабский губернатор так описывал обстоятельства побега. Котовский проник в коридор из своей камеры, сломав скобы у двери, а из коридора выбрался на чердак башни и оттуда по веревке через окно спустился во внутренний двор тюрьмы. Из второго двора Котовский прошел через ворота, у которых был расположен пост надзирателей, во двор мастерских, откуда при помощи доски, приставленной к ограде, перелез через нее на улицу. Утром стражник, обходя тюрьму, заметил, что из чердака над камерой Котовского свешивается веревка, сделанная из разорванного на полосы одеяла. Скоба, на которую закрывалась дверь камеры, была снята. В камере остались только кандалы Котовского.

Как-то не верится, дорогой читатель, что столь сложный побег «атаман Ада» совершил без помощи сообщников из тюремной охраны. Ведь и двери камеры кто-то должен был открыть (или забыть закрыть) либо ослабить скобу, чтобы ее легко можно было вынуть. Требовалось еще передать заключенному веревку и оставить открытой дверь на чердак. Кандалы тоже снять было не так просто, если только кто-то не дал Котовскому ключ от них или необходимый слесарный инструмент. Впрочем, избавиться от кандалов с помощью молотка и стамески бесшумно было практически невозможно, Котовский рисковал перебудить всю тюрьму. Так что версия с ключом выглядит правдоподобнее. Кроме того, его должны были в упор не видеть надзиратели у ворот, а у стены кто-то должен был оставить доску. Слишком много случайностей. Полиция в царской России, как мы уже убедились по мемуарам князя Урусова, была коррумпирована ничуть не меньше нынешней. Подозреваю, что надзиратели немало заработали на том, что «проспали» Котовского. Благо денег у его шайки хватало. При аресте у него изъяли, напомним, чуть больше четырех рублей. Основную часть награбленного котовцы прятали где-то в на-

дежных местах, а для прикрытия распускали слухи, что всю добычу раздадут бедным.

В городах Котовский обычно появлялся под маской богатого помещика, предпринимателя или управляющего крупным именем. Он любил играть в карты, рулетку и на скачках, безоглядно прожигал жизнь в дорогих ресторанах и борделях. Так что награбленные деньги у него в руках долго не задерживались. Не чурался Григорий Иванович и искусства, посещал театры и концерты, любил оперу.

После побега Котовский скрывался в Кишиневе у Михаила Ивановича Романова в доме 20 по улице Гончарной. В газетах же распространялись слухи, возможно с подачи его сообщников, что беглец уже перешел австрийскую границу.

Следствие о побеге вел пристав 2-го участка бессарабский грек Хаджи-Коли. Надо сказать, что в руководстве бессарабской полиции, как и среди бессарабских чиновников, этнических румын (молдаван) почти не было. Преобладали русские, украинцы, греки, армяне и немцы.

Хаджи-Коли удалось завербовать в качестве агента эсера Еремчия, и тот указал район, где может скрываться Котовский. И пристав стал регулярно прогуливаться в тех краях в надежде встретить Котовского. Они действительно встретились на Тиобашевской улице, расположенной на Малой Малине — кишиневской окраине.

Увидев пристава, Котовский бросился вверх по улице. «Держи! Стреляй!» — крикнул Хаджи-Коли городовым. Однако Котовскому удалось скрыться, хотя Хаджи-Коли ранил его в ногу. Котовский вскочил в первую проезжавшую пролетку и погнал лошадей, сбросив кучера. На одном из поворотов он спрыгнул и добрался до квартиры своего знакомого — врача Прусакова, который перебинтовал рану и приютил его на несколько дней. Затем Котовский попытался вернуться к Михаилу Романову, но этот адрес к тому времени стал известен полиции то ли от Еремчия, то ли от какого-то другого агента.

У дома Романова под руководством Хаджи-Коли была устроена полицейская засада. Котовский увидел полицейских и попытался бежать. Несмотря на раненую ногу, он выпрыгнул из окна во двор соседнего дома и даже перелез через забор, но наткнулся на другую засаду в Остаповском переулке и был еще раз ранен в правую ногу, после чего принужден был сдаться. Это случилось 24 сентября 1906 года. Начальник кишиневской тюрьмы доносил бессарабскому губернатору, что Котовский вновь заключен в тюрьму, причем «у названного Котовского имеются две огнестрельные сквозные раны на правой ноге —

одна выше колена, а другая — ниже колена, ввиду чего он временно, впредь до выздоровления, освобожден от ножных кандалов и закован в наручники». 26 сентября газета «Бессарабская жизнь» сообщила: «Вчера пристав второго участка произвел в тюрьме допрос Котовского, с целью выяснить обстоятельства побега. На все вопросы Котовский отказывался отвечать, заявив только, что побег им подготовлялся давно. Каким образом он его совершил — сказать отказался. Между прочим, он сообщил, что уехать из Кишинева ему мешали раны, но через два три дня он должен был получить паспорт и выехать из Кишинева. О надзирателях Иванове и Топалове, подозреваемых в содействии его побегу и по распоряжению судебной власти заключенных в тюрьму, Котовский отзывается неведением».

В связи с новым арестом Котовского кишиневский полицеймейстер доносил, что «Котовский прекрасно говорит по-русски, по-румынски, по-еврейски, а равно может объясниться на немецком и чуть ли не на французском языках. Производит впечатление вполне интеллигентного человека, умного и энергичного... В обращении старается быть со всеми изыщен, чем легко привлекает на свою сторону симпатии всех, имеющих с ним дело».

Едва оправившись от ран, Котовский стал готовить новый побег. В начале апреля 1907 года ему даже передали в камеру два браунинга, но они были обнаружены при обыске. Котовского поместили в одиночку, разделенную надвое железной решеткой, причем у решетки круглосуточно дежурили надзиратели.

Тринадцатого апреля 1907 года в Кишиневском окружном суде, находившемся на Синадиновской (ныне Влайку Пыркэлаб) улице, начался процесс над Котовским и его сообщниками Гуцуляком, Демьянишиным и Пушкаревым. Котовского и его друзей судили присяжные заседатели, и некоторые из них, поверив, что перед ними — борцы за счастье трудового народа, склонялись к оправданию подсудимых. Но все-таки большинством голосов был вынесен суровый приговор — десять лет каторги. Однако прокуратура сочла его чересчур мягким, и 24 ноября 1907 года дело слушалось повторно. В качестве дополнительного обвинения рассматривался эпизод с освобождением Котовским арестованных крестьян. Ему добавили еще два года каторжных работ. «Атаман Ада» гневно протестовал против того, что ему инкриминировали освобождение арестованных крестьян: «Лица эти арестованы за аграрные выступления, а не за уголовные».

В газете «Бессарабская жизнь» так описывалось поведение Котовского во время второго процесса: «В судебном заседании

Котовский не отрицал самого факта освобождения им арестантов, но не признал себя виновным, находя, что в поступке его нет ничего преступного. Котовский защищал себя лично и старался открыть перед присяжными заседателями свои политические воззрения на общественный строй и угнетение низших слоев общества. Председательствующий А. Попов оставил Котовского, просил говорить лишь “по существу дела”. Тот издевался над судьей: “Хотел бы я знать, за какое преступление вы заковываете людей в цепи? Вы говорите, что они нарушили закон, но кто писал эти тиранические законы? Как вы докажете, что лес, который рубили крестьяне, принадлежит помещику? А где он взял этот лес, помещик? Он что, с ним родился? Вы заковываете в цепи голодных людей потому, что они хотят есть и кормить своих детей. Не меня надо судить, а вас. Я смотрю на вас с презрением, так как не признаю ваших законов. Мне каторга не страшна”».

Газеты признавали, что «некоторые свидетели оттенили рыцарские качества Котовского, и поэтому публика прониклась к нему особым расположением» и что «поведение Котовского на суде было в высшей степени корректно, и это всё более и более располагало к нему всех присутствующих».

До отправки на каторгу Котовского поместили в общую камеру с уголовниками. Неизвестное свидетельство о Котовском, касающееся как раз пребывания в тираспольской тюрьме перед отправкой на каторгу, журналист Феликс Зинько нашел в газете «Бессарабская жизнь» за 1916 год. Подписано оно журналистом Валерием Михайловичем Горожаниным (Кудельским), евреем, уроженцем Аккермана, будущим известным чекистом и другом Маяковского. Его стоит воспроизвести полностью: «С начала февраля до конца марта 1908 года мне ежедневно приходилось видеться с Котовским, и он вовсе не производил впечатления хвастливого болтуна, готового порисоваться своими подвигами. И меня теперь удивляет то, что я читаю о нем в газетах. В упомянутое выше время отбывала в местной тюрьме большая группа “крепостников”, и на мою долю выпало два месяца и семь дней по 2-й части 132-й статьи. Котовский тогда после ряда громких походов осужден был в каторгу и арестован в местной тюрьме до высылки в николаевскую каторжную тюрьму (Котовский находился там с 8 февраля 1908 года по 27 марта 1910 года. — Б. С.). Вот тут-то мне и пришлось с ним сталкиваться, и я должен признать, что он не только на нас, “политиков”, но и на административных производил впечатление очень серьезного и настойчивого человека, из которого при благоприятных условиях жизни выра-

ботался бы полезный член общества. Режим тогда при начальнике Францкевиче был такой, что мы в шутку называли тюрьму “гостиницей первого класса”. И как раз именно при таком мягком управлении в тюрьме не было никаких происшествий, а была, что называется, “тишь, гладь и Божья благодать”. После вступления приговора в законную силу Котовского заковали было в ножные железа, но он их тут же на глазах начальника снял, причем заявил, что не причинит ему неприятностей по службе, что от Францкевича он не убежит. И слово свое держал честно. Находясь в предварительном заключении по обвинению его в “подлоге доверия”, Котовский свел обширные знакомства с преступным миром. По выходе из тюрьмы Котовский воспользовался этими знакомствами и организовал “шайку”, наводившую ужас на весь Оргеевский уезд. Котовский был вскоре пойман, и в 1907 году его присудили к 18-летним каторжным работам. В 1913 году Котовскому удалось убежать с построения Амурской железной дороги. Скрываясь от властей, Котовский некоторое время проживал в Восточной России, а затем ему удалось пробраться в Бессарабию, где он и совершил за последний год ряд грабежей в Кишиневе и других местах». Здесь серьезно завышен срок положенной Котовскому каторги. Как мы уже знаем, 13 апреля 1907 года его осудили на десять лет каторжных работ, а позднее, 24 ноября, добавили еще два года — за освобождение арестованных крестьян.

В тюрьме у Котовского вышел конфликт с одним из местных уголовных авторитетов — греком Загари, установившим там свои порядки. Дошло до рукопашной. Котовский ударом правой в челюсть отправил противника в нокдаун. Когда Загари поднялся, то достал нож. Но броситься на Котовского не успел. Соратник Григория Ивановича Григорий Меламут треснул авторитета булыжником по голове. Друзья Загари тоже взялись за булыжники. Завязалась схватка стенка на стенку. Драку долго не могли прекратить. Пришлось вызывать стражу. В ходе драки из шайки Загари погиб фальшивомонетчик Попу, а из шайки Котовского — налетчик Гроссу. А вот раненых и покалеченных среди сторонников Загари оказалось гораздо больше. После этого авторитет Котовского в тюрьме стал безоговорочным. Теперь только он выступал посредником во взаимоотношениях между заключенными и тюремной администрацией. Чтобы разнообразить свой досуг, Котовский поступил в тюремный церковный хор. Но это занятие имело и сугубо практическое значение. Ранее с помощью тридцати анархистов, ожидавших суда по делу о нападении на кишинев-

скую контору банкира Белоцерковского, Котовский стал делать подкоп. Его начали из камеры политзаключенных в «Крестовой» башне. Однако с помощью внутрикамерной агентуры тюремное начальство узнало о подкопе и побег не удался. Тогда Котовский попробовал вести подкоп из тюремной церкви, где ежедневно пел в хоре, но опять потерпел неудачу. Под аналоем полицейские нашли склад с оружием, а затем обнаружили и подкоп.

Еще Котовский не раз организовывал тюремные забастовки в поддержку требований заключенных, как уголовных, так и политических. И в ряде случаев начальство вынуждено было эти требования удовлетворять. Также Котовский не раз демонстрировал умение гасить тюремные беспорядки. Тюремное начальство его за это ценило и не торопилось отправлять на каторгу. Но после неоднократных попыток бежать Котовского решили перевести в более надежную николаевскую тюрьму, да еще в одиночную камеру. 8 февраля 1908 года, по распоряжению главного тюремного управления, Котовского в арестантском вагоне отправили в Николаев.

Считалось, что в николаевской тюрьме надзиратели не такие продажные, как в кишиневской. Не случайно во дворе тюрьмы стояли железные клетки, в которых надзиратели могли укрыться в случае бунта заключенных.

Побег из николаевской тюрьмы был практически невозможен. Особенно если сидишь в одиночке. Но Григорий Иванович нашел способ покинуть тюрьму. Он потребовал бумаги и чернил и подробно написал, как Зильберг и другие полицейские чины брали от него взятки. Расчет оказался верным. Котовского вызвали на допрос, но он категорически отказался давать показания без очных ставок. Иначе, убеждал он следователей, полиция сумеет обвинить его в клевете.

Властям пришлось под усиленным конвоем препроводить Котовского в Кишинев. Это случилось зимой 1910 года. Котовский, стремясь максимально затянуть дело, называл все новых и новых свидетелей из числа своих бывших подельников. Их в кишиневской тюрьме скопилось около двух десятков. С ними Котовский собирался организовать побег.

Соратники Котовского подтвердили, что Зильберг за свои услуги брал деньги и вещи, награбленные бандой Котовского у помещиков и коммерсантов.

Обвинения против Зильберга поддерживал пристав Хаджи-Коли. Как кажется, Николай Михайлович был одним из немногих сравнительно честных российских полицейских. Нельзя сказать, что он совсем не брал взяток. Но по крайней

мере не брал с уголовных и политических преступников и не фальсифицировал дела.

Дело Зильберга рассматривала выездная сессия Одесской судебной палаты. На суде Котовский подробно рассказал всё, что знал, о проделках бессарабской полиции и, в частности, о бывшем полицмейстере бароне Рейхарте, который присваивал себе многие краденые вещи, которые полиции удавалось найти. Впрочем, Рейхарта, переведенного на другую должность, к суду привлекать не стали.

Сохранился интересный документ — кассационная жалоба Зильберга на приговор:

«...Я доказал бы фактами, что Хаджи-Коли не только старался раздуть в преступниках чувство злобы против меня непозволительными разоблачениями моих служебных действий против них, но и подкупал их...»

Зильберг утверждал, что Хаджи-Коли подкупил Анну Пушкареву, хозяйку конспиративной квартиры, дав ей швейную машинку и пообещав еще 90 рублей, если она будет тверда в своем ложном оговоре. Подговорил якобы Хаджи-Коли и еще одну хозяйку конспиративной квартиры — Людмер, чтобы и она удостоверила знакомство Зильберга с Котовским. Зильберг, правда, не отрицал того, что часто встречался с Котовским, но утверждал, что делал это только в интересах сыска с ведома и по распоряжению своего начальства — полицмейстера Рейхарта, губернатора Харузина и товарища прокурора Фрейнета.

Зильберг настаивал, что в день его ареста — 15 сентября 1908 года — Хаджи-Коли требовал от агента Пини Меламута показать на следствии, что не Котовский, а Зильберг был главарем разбойничьей шайки и доставал бандитам оружие. Однако Меламут на следствии лишь подтвердил, что поставщиком оружия Котовскому был Зильберг.

При обыске у Зильберга был найден ковер, принадлежавший помещику Крупенскому, подаренный шахом. Ковер тот у Крупенского реквизировал Котовский и передал Зильбергу за услуги.

Подобных доказательств в деле было с избытком. Вместе с Зильбергом судили помощника пристава Лемени-Македони и околоточного надзирателя Бабакиянца. Все они понесли заслуженное наказание, получив по четыре года каторги. А вот побег, ради которого Котовский начал этот процесс, не удался. Всех свидетелей очень скоро вернули в тюрьмы. Во время же процесса в тюрьме были приняты усиленные меры безопасности, и о побеге нечего было и думать.

ПОСЛЕДНИЙ ПОБЕГ И ПОСЛЕДНИЙ АРЕСТ

После процесса над Зильбергом Котовского этапировали в Смоленский централ, куда он прибыл 26 марта 1910 года. Этому предшествовал ультиматум, выдвинутый Котовским, — он требовал, чтобы его отправили куда угодно, только не в Николаевский централ, иначе он взбунтует тюрьму и администрации мало не покажется. Надзиратели же стали вести себя с Котовским очень вежливо, обращались только по имени-отчеству и просили, чтобы тюрьму он бунтовал не в их дежурство. В личном деле узника было особо отмечено: «Постоянно стремящийся к побегу». На этот раз бежать Котовский даже не пытался. Из Смоленска в декабре 1910 года его, наконец, отправили в Сибирь по железной дороге. От небольшой станции за Иркутском — пешим этапом до печально знаменитого Александровского централа. Его узники, которых было более четырех тысяч, днем работали на ткацких станках либо ремесленничали. Из Александровского централа Котовского в феврале 1911 года отправили в Горный Зерентуй Нерчинского уезда Забайкальской губернии, где добывали полиметаллические руды. В Горном Зерентуе Котовского определили на Казанские золотые прииски. Здесь каторжане добывали золотосодержащую руду. Но Григорий Иванович всегда умел производить самое благоприятное впечатление на тюремную администрацию. То ли сказывалось природное обаяние, то ли с воли подельники сумели прислать некоторую сумму денег, то ли каторжане сумели утаить часть добытого золота.

В мае 1912 года Котовского направили на строительство Амурской железной дороги и назначили бригадиром. Котовский трудился усердно, о побеге не помышлял и удостоился похвалы от начальства. Подобная кротость и временная законопослушность «атамана Ада» были вполне объяснимы. Дело в том, что 21 февраля 1913 года в Российской империи отмечали 300-летие правления дома Романовых. По поводу юбилея царствующей династии была объявлена широкая амнистия, и Котовский надеялся попасть под нее. Но его преступления были сочтены слишком тяжкими, и амнистия нашего героя не коснулась. Это печальное известие он получил еще 19 февраля. А уже 27 февраля бежал с каторги. Очевидно, к тому моменту он успел подготовить всё необходимое для побега (деньги, запас продовольствия, подложные документы), но ждал возможной амнистии. В советской автобиографии Котовский написал для солидности, что «при побеге убил двух конвоиров,

охранявших шахту». В действительности Григорий Иванович никого не убивал, да и в шахте в тот момент не работал.

За убийство двух стражников ему грозила бы смертная казнь. Как уже говорилось, Котовский до 1917 года кровь не проливал.

Побег произошел гораздо проще. Котовский бросился в лес, окружавший дорогу, которую строили каторжники, воспользовавшись ротозейством конвоя (может быть, опять не бескорыстно). К тому же бригадир явно пользовался большей свободой передвижения, чем рядовой каторжанин. В полицейских документах это называли «скрылся с работ». Вслед беглецу отправилась телеграмма, объявлявшая в розыск ссыльнокаторжного Григория Ивановича Котовского, из мещан города Балты Подольской губернии, высокого роста, русоволосого, с рыжеватыми усами. Замечу, что в других ориентировках он назывался черноволосым.

В автобиографии, написанной Котовским в тюрьме 20 сентября 1916 года после последнего ареста, указано, что он бежал со строительства Амурской железной дороги, а про Нерчинские рудники и убийство двух часовых ничего не говорится. Полиции врать не имело смысла, она и так знала об обстоятельствах побега. А уж признаться в несовершенном убийстве двух часовых в тот момент мог только человек, решивший любыми способами покончить с собой.

Котовскому пришлось 70 километров идти по заснеженной тайге до Благовещенска. Он изрядно замерз, хотя у него были теплая одежда и запас продуктов (все это, равно как и деньги, смогли доставить на каторгу с воли). Оказался у него и подложный паспорт на имя мещанина Рудковского, который ему передали на явке в Благовещенске. С этим паспортом он работал некоторое время грузчиком на Волге, в Балашове, на строительстве мельницы, а также кочегаром, чернорабочим, кучером, молотобойцем. Впоследствии Котовский утверждал, что уже тогда вел революционную пропаганду: «Работая на Волге грузчиком, чернорабочим на постройках и в помещичьих имениях, кочегаром на мельнице, помощником машиниста, кучером, разливальщиком и рабочим на пивоваренном заводе, молотобойцем, рабочим кирпичного завода, рабочим на постройке железной дороги — везде я будил ненависть к эксплуататорам, к тем, кто выжимает последние соки из рабочего и бедняка».

В Сызрани его арестовали, но он легко бежал из-под ареста. Для маскировки Григорий Иванович перекрасил волосы и усы, надел длинное пальто и большую шляпу с широкими полями.

Уже осенью 1913 года Котовский добрался до Бессарабии, опять сколотил шайку из семи человек и обзавелся еще одним фальшивым паспортом на имя Гушана. До конца года он успел совершить пять грабежей. Не повезло, в частности, помещику Назарову (уже вторично) и арендатору винокуренного завода Фукельману. «Снова организовал террор на помещиков и богачей, и снова они почувствовали мою руку», — с гордостью вспоминал Котовский.

В Кишиневе Котовский жил либо на малине у вора Абрама Кициса, либо в дешевом трактире «Лондон». Одно время он для маскировки работал кочегаром и агрономом, но больше находился на нелегальном положении. В 1914 году котовцы отметились десятью грабежами, в том числе в Кишиневе, Тирасполе, Бендерах и Балте. В 1915 году было совершено более двадцати налетов, в том числе три — в Одессе. В частности, здесь Котовский существенно облегчил сейф миллионера Блумберга. В банде было уже 16 человек, в том числе матерые рецидивисты: Загари, после памятной драки подружившийся с Котовским и признавший его первенство, Дорончан, Радышевский, Шефер, Кириллов («Байстриук»), Кицис, Гамарник, Игнатий Пушкарев, Федор Стригунов, Степан Руснак, беглые солдаты Афанасьев и Перекупке. Среди наводчиков был школьный товарищ Михаил Попеску, ставший псаломщиком в церкви в Ганчештах. В Одессе на Котовского работали братья Гефтман, братья Авербух, Михаил Ивченко. Последний был схвачен полицией, и его поимка впоследствии помогла выйти на след Котовского.

Седьмого мая 1914 года в Кишиневе по инициативе благотворительного общества намечено было провести День синего цветка — день пожертвований в пользу сирот. По улицам города ходили волонтеры и продавали цветы. Вся выручка шла на нужды сирот. Кто сколько платил, зависело от совести и финансовых возможностей. Но некоторые богатые горожане платили за цветы сушие гроши. Известна легенда, что Котовский, узнав об одном таком скупом рыцаре — купце первой гильдии, неожиданно нагрянул к нему домой, назвался и прикрепил цветок к лацкану пиджака жертвы. Перепуганный купец бросил в чашку для сбора пожертвований пачку крупных купюр, которую Котовский честно передал благотворительному комитету. Но существует и другая легенда, связанная с детьми-сиротами, которая, на наш взгляд, выглядит более правдоподобно. Будто бы Котовский и его шайка являлись к богатым жителям Кишинева с цветами и благотворительными кружками и предлагали сугубо добровольно по-

жертвовать на нужды несчастных сирот. Жертвовали весьма щедро, но ни до каких благотворительных обществ деньги не доходили, оседая в карманах Котовского и его товарищей, потом просаживались в ресторанах, шли на покупку оружия, на взятки полиции, на проституток и т. д. Сам Григорий Иванович, конечно, до проституток не опускался, заводя бурные романы с благородными дамами. Позднее, в 1918 году, в Одессе молва приписывала Котовскому роман с самой Верой Холодной.

После побега с каторги Котовский и его шайка все больше переносили свою деятельность в города, почти не занимаясь налетами на помещичьи имения. Ведь в Кишиневе, а тем более в Одессе можно было взять гораздо большую добычу. Но в связи с этим отпадала необходимость делиться с крестьянами-бедняками и играть в Робин Гуда и Дубровского. В городах добыча делилась только между членами банды и их пособниками-наводчиками.

Еще Котовский иной раз требовал от своих жертв «денег на революцию». Но впоследствии ни одна из революционных партий не призналась, что получала от Котовского деньги.

Одесские писатели Илья Ильф и Евгений Петров в своем знаменитом романе «Двенадцать стульев» спародировали Григория Котовского в образе великого комбинатора Остапа Бендера, чья фамилия напоминает название города Бендеры, в окрестностях которого Котовский был в последний раз арестован царской полицией. Бендер создает «Союз меча и орала», чтобы собирать с доверчивых «бывших» деньги на помощь беспризорным детям и на свержение советской власти (то есть на революцию или на контрреволюцию, в зависимости от того, кто как на это дело смотрит).

Но чаще всего Котовский рассылал кишиневским и одесским богачам короткие записки с требованием внести по определенному адресу в такой-то день и час указанную сумму. И мало кто рисковал не удовлетворить это требование.

С началом Первой мировой войны Бессарабская губерния стала прифронтовой зоной и была объявлена на военном положении. Однако это первое время не сильно сказывалось на действиях банды Котовского. Разве что в связи с массовой мобилизацией в армию труднее стало вербовать новых членов. Но Григорий Иванович и тут нашел выход.

В марте 1915 года на станции Бендеры котовцы освободили 60 заключенных из арестантских вагонов и на повозках вывезли их в безопасные места. Часть из них присоединилась к шайке. Правда, теперь в случае поимки Котовскому и его

друзьям грозила уже не каторга, а виселица, но до поры до времени они предпочитали об этом не задумываться.

Очень ярким был налет в сентябре 1915 года на одесскую квартиру крупного скотопромышленника Арона Гольштейна. Под дулом револьвера Котовский предложил купцу внести в «фонд обездоленных десять тысяч рублей, так как многие одесские старушки и младенцы не имеют средств на покупку молока». Скотопромышленник понадеялся обойтись «малой кровью» и предложил 500 рублей в пользу обездоленных детей. Такая скарედность возмутила «атамана Ада», и он распорядился как следует потрошить скрягу. Из сейфа и карманов Гольштейна и его гостя барона Штайберга выгребли 8838 рублей «детямкам на молочишко». На прожить Гольштейну оставили 300 рублей. Правда, нет никаких сведений, что хотя бы рубль из этой суммы дошел до обездоленных. Еще жертвами котовцев в Одессе стали владелец магазина готового платья Коган и банкир Финкельштейн, лишившиеся соответственно трех и восьми тысяч рублей. При этом гувернантке Финкельштейна вернули взятые у нее дешевые серьги. В газетах Котовского называли «новым Пугачевым или Карлом Моором».

Из-за усиления полицейского режима в Бессарабии Котовский перенес свою деятельность в Тирасполь и Одессу. Под его началом теперь уже орудовала не одна шайка.

Второго января 1916 года банду Котовского постигла неудача. Одесскому купцу Якову Блумбергу предложили дать 20 тысяч рублей «на нужды революции» (сам Котовский в налете не участвовал). Пока налетчики искали деньги, жена купца разбила окно и стала звать на помощь. Котовцы открыли беспорядочную стрельбу, ранили жену и дочь купца, а также одного из своих, Кириллова-Байстрюка — прострелили ему правую руку. Добыча ограничилась кольцом с бриллиантом и золотой брошью, которые сорвали с перепуганных и истекающих кровью женщин.

Самого Котовского неудача постигла 13 января 1916 года во время налета на квартиру врача Бродовского. Вся добыча составила 40 рублей и золотые часы. Если верить газете «Одесская почта», Котовский по этому поводу произнес пламенную речь: ««Нам дали неверные сведения. Кто это сделал, поплатится жизнью. Я лично убью того, кто навел нас на трудящегося доктора! Мы стараемся не трогать людей, живущих своим трудом. Тем более что вы будете нас лечить». К счастью, угрозу расправиться с проштрафившимся наводчиком Григорий Иванович не собирался приводить в исполнение.

Котовский по-прежнему любил внешний эффект. Так, в кишиневском театре он подошел поздороваться с бывшим директором Кокорозенского училища. «В антракте, — вспоминал И. Г. Киркоров, — ко мне подошел господин в цилиндре с окладистой черной бородой. “Иосиф Григорьевич, — говорит мне тихо, — я ваш ученик Гриша”. Я обомлел. Сколько смелости и изобретательности».

Вскоре неудачи были компенсированы новыми крупными успехами. 20 января 1916 года в Балте котовцы ограбили содержателя ссудной кассы Аквисона, захватив 200 рублей наличными и до двух тысяч рублей золотом и драгоценностями, а 28 мая 1916 года, во время последнего налета, Котовский ограбил на большой дороге под Кишиневом двух купцов-евреев, захватив более тысячи рублей.

Банда Котовского все больше беспокоила власти. Ведь рядом был фронт. За поимку Котовского была объявлена награда в две тысячи рублей. И вскоре определенный прогресс в деле поимки «атамана Ада» был достигнут. В конце января 1916 года повозка, в которой ехали члены банды Ивченко, Афанасьев и Исаак Рутгайзер, была остановлена полицией на выезде из Тирасполя. После короткой перестрелки бандиты сдались. Помощнику начальника одесского сыска Дон-Донцову удалось задержать 12 котовцев, но сам Котовский остался неуловим. Его успел перед собственным арестом предупредить Абрам Кицис, и Котовский срочно покинул одесскую гостиницу «Бессарабия» на Екатерининской улице.

Сохранился протокол допроса Ивченко от 8 февраля 1916 года, проведенного Александром Евгеньевичем Дон-Донцовым. 34-летний Ивченко, мещанин Елизаветграда, участвовал в четырнадцати налетах Котовского. До этого он отсидел в тюрьме два с половиной года за организацию побега дезертиров, а затем был завербован в Тирасполе в шайку Котовского Абрамом Кицисом. Ивченко подробно рассказал, как 24 сентября 1915 года ограбили присяжного поверенного Гольштейна. Из взятых у него двух тысяч рублей Котовский забрал 650, четверо членов шайки получили по 275 рублей, остальное ушло на накладные расходы — покупку лошади с бричкой. 24 октября того же года жертвой ограбления стал хлебопромышленник Штейнберг. Здесь пожива была невелика — 100 рублей, но зато по дороге домой удалось изъять у случайного прохожего 140 рублей. 20 ноября коммерсант Финкельштейн лишился 300 рублей, шубы и драгоценностей. 20 декабря котовцы ограбили сразу троих — владельца часового магазина Гродбука, мирового судью Черкеса и коммерсанта Сокальско-

го. Пожива составила 850 рублей и драгоценности. По словам Ивченко, Котовский мечтал «лично собрать 70 тысяч рублей и махнуть навсегда в Румынию». Однако в такое верится с трудом. Григорий Иванович меньше всего походил на стяжателя. Он любил жить на широкую ногу, и деньги, вырученные от налетов, у него никогда не задерживались. Тяжело себе представить Котовского в виде преуспевающего румынского бизнесмена. Правда, советским бизнесменом он под конец жизни все-таки стал. Но это произошло в очень специфических условиях, имеющих мало общего со свободной рыночной экономикой. А вот мысль перенести свою деятельность в нейтральную Румынию, тогда как в прифронтовой Бессарабии приходилось действовать в условиях военного положения, у Котовского действительно могла появиться. Но реализовать ее он не успел.

В 1916 году «Одесские новости» писали о легендарном атамане налетчиков: «Чем дальше, тем больше выясняется своеобразная личность этого человека. Приходится признать, что название “легендарный” им вполне заслужено. Котовский как бы бравировал своей беззаветной удачей, своей изумительной неустрашимостью... Живя по подложному паспорту, он спокойно разгуливал по улицам Кишинева, просиживал часами на веранде местного кафе “Робин”, занимал номер в самой фешенебельной местной гостинице».

Незадолго до своей поимки Котовский постарался легализовать всех участников своей преступной группировки. Некоторым он раздобыл новые паспорта и «белые билеты», освобождавшие от военной службы. Те же, кто еще не попадал в поле зрения полиции, должны были жить по своим настоящим паспортам и иметь легальное занятие, приносящее хоть какой-то доход. Благодаря этому можно было избежать подозрений в незаконной деятельности. Но довести до конца этот план он не успел.

Последние свои громкие налеты, когда в городах бандитам стало жарко, Котовский совершил в местах, где начиналась его разбойничья юность. 28 мая 1916 года в бардарском лесу котовцы ограбили купцов Левита и Кимельфельда, разжившись значительной суммой денег. 17 июня на ганчештской дороге та же участь постигла богатых купцов Гершенгольда и Ницканера. Но прокутить награбленное Котовский и его товарищи не успели.

По поводу этого налета газета «Голос Кишинева» писала, что «после долгого перерыва атаман разбойничьей шайки Григорий Котовский снова появился у нас и принялся за вооруженные грабежи». И тот же «Голос Кишинева» 23 июня опу-

ликовал сообщение, что за поимку Котовского назначено вознаграждение в две тысячи рублей. Тут же была помещена и его фотография.

И буквально на следующий день это объявление принесло результат.

Сдал Котовского кто-то из поделщиков, прельстившись наградой и амнистией. Имя предателя до сих пор неизвестно. 24 июня 1916 года предатель явился в Кишиневе в губернское полицейское управление и сообщил, что Котовский скрывается в Бендерском уезде на хуторе Кайнары помещика Стаматова, где служит ключником (помощником управляющего), и имеет подложный паспорт на имя Ивана Ромашкина. Имение было обширное, разбросанное на десятки верст. Фактически же Котовский исполнял обязанности управляющего, получая весьма приличное жалованье — 800 рублей в год. Днем он усердно трудился, объезжал всё имение, строго спрашивал с батраков. Ночью же, на конях, со своими поделщиками, часть из которых тоже служила у Стаматова, жег и грабил соседние имения. А когда надо было прищучить кого-нибудь в Одессе или Кишиневе, управляющий Ромашкин брал краткосрочный отпуск по семейным обстоятельствам.

В автобиографии Котовский утверждал, что и у Стаматова в имении занимался революционной работой: «Веду агитаторскую и пропагандистскую работу среди рабочих, которые состоят из пленных австро-венгерцев, солдат русской старой армии больших возрастов и деревенской бедноты окружающих сел, которых работает в этом имении свыше трех тысяч человек. Веду также работу между частями сапер, роющими окопы на территории имения». Окопы копали на тот случай, если в Бессарабию придут австро-германские войска.

Сразу же в Бендерский уезд на автомобиле был направлен полицейский отряд во главе с кишиневским полицмейстером Славинским и кишиневским исправником Хаджи-Коли. Во избежание утечки информации, только они знали о подлинной цели миссии. Рядовых полицейских о задании проинформировали, только когда оказались в имении помещика Недова, соседа Стаматова.

Доносчик получил две тысячи рублей, а захватившие Котовского полицмейстер Славинский и исправник Хаджи-Коли — пять тысяч.

Арест произошел 25 июня 1916 года. Перед арестом за ним несколько часов следили. Григорий Иванович после физзарядки успел съездить в поле, распределить работу между батраками и к двенадцати часам вернуться в имение. Тогда-то его

и взяли. Полицейские пришли переодетые крестьянами и завязали с Котовским разговор о найме поденщиками. Котовский заподозрил неладное и попытался ускакать. Но его блокировали на ячменном поле. При аресте атаман оказал сопротивление и был тяжело ранен в грудь навывлет. Его сковали по рукам и ногам и под конвоем из тридцати человек препроводили в кишиневскую тюрьму. При обыске квартиры Котовского на хуторе был найден браунинг с одним патроном вместе с запиской: «Сия пуля при трудном положении принадлежала для меня лично. Людей я не стрелял и стрелять не буду. Гр. Котовский». Нашли также большую корзину с огромными камнями, заменявшими Котовскому гири. На полке лежала стопка брошюр по гимнастике, стояло несколько флаконов одеколona. В этот день Котовский оставил револьвер в кармане пальто, что существенно облегчило его поимку.

Впоследствии этот последний арест в рассказах Котовского оброс многими фантастическими деталями. Леонид Утесов запечатлел один из них: «Никогда не забуду рассказа Григория Ивановича о том, как за ним охотился целый отряд жандармов.

...Когда было обнаружено место его пребывания, он выбежал из своего убежища и бросился в степь, в хлеба. Жандармы начали прочесывать хлебное поле. Колосья были высокие, и Григорий Иванович лежал, прижавшись к земле, надеясь остаться незамеченным. Но вдруг перед ним возникла толстая, красная, мокрая от пота рожа жандарма. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Я понял, — сказал Григорий Иванович, — что должен кончить этого человека, но так, чтобы рожь не колыхнулась. И рожь не колыхнулась...

Григорий Иванович рассказывал мне этот эпизод с какой-то особой, я бы даже сказал, скромной улыбкой, словно хотел убедить меня, что ничего особенного, сверхчеловеческого он не сделал, что сделал он только необходимое. Необходимое-то необходимое, но какие душевные силы надо иметь для этого!»

К счастью, подобное хладнокровное убийство Григорий Иванович совершил только в собственном богатом воображении. При последнем задержании Котовского, кроме его самого, никто не был ни ранен, ни убит. А если бы даже один полицейский или жандарм был хотя бы ранен, Котовскому в военное время вряд ли удалось бы избежать смертной казни. Григорий Иванович это отлично понимал и кровь старался не проливать.

Сопровождали Котовского в Кишинев Славинский, Хаджи-Коли, пристав 3-го участка титулярный советник Гембарский, помощник пристава Чаманский и околоточный надзиратель Садовский. Хаджи-Коли доносил в жандармское управление, что «беглый каторжник Григорий Иванович Котовский задержан 25 июня с. г. утром на вотчине Кайнары Бендерского уезда».

Позднее Котовский придал своему последнему аресту поистине эпический размах: «В имение приезжают внезапно ночью наряды полиции, жандармерии и конных стражников свыше трехсот человек. Отчаянная борьба».

На допросе Котовский, как водится, отказался назвать имена своих сообщников. Зато он подробно рассказал о своей службе у Стаматова. Во дворе полицейского управления Котовского снял фотограф сысского отделения. Его поимка стала всероссийским событием. Во всех газетах империи была напечатана телеграмма Российского телеграфного агентства: «Кишинев. 25 июня арестован беглый каторжник Григорий Котовский, много лет терроризировавший Бессарабию. За поимку его полиции выдано пять тысяч рублей».

Ряд соратников Котовского, почувствовав свою силу, стали действовать самостоятельно. Профессиональный грабитель Николай Радышевский после ареста Котовского продолжал «бомбить» богачей в Херсонской, Таврической, Киевской и Подольской губерниях. Михаил Берелев подался с частью банды в Ананьевский уезд Херсонской губернии, где грабил не только помещиков и торговцев, но и простых крестьян, часто убивая ограбленных и свидетелей нападения. Жертвами банды Берелева стали промышленник Нусинов, лесник Прокоп, сторож Жалко. Не брезговали берелевцы и конокрадством. Когда беспредельщика Берелева поймали, он просил повесить его «вместе с Гришей». Но его повесили, а Котовский и на этот раз уцелел.

Интересно, что так и не поймавшие Котовского руководители одесской полиции вскоре сами оказались за решеткой. Вот что писал писатель и журналист Виктор Сильченко, изучавший архивы одесской полиции: «В октябре 1916 года начальник сысской части Гиршфельд и помощник нового полицмейстера Андреев с командой окружили кафе “Фанкони” на Екатерининской улице. Лиц мужского пола попросили оставаться на местах. Дам выпустили».

Полторы сотни задержанных обыскали в бильярдном зале. Изымали письма, телеграммы, чеки, векселя. Множество клочков запродажных писем, чеков и других документов нашли впоследствии под мебелью и коврами дорожками.

Выяснилось, что у греческого подданного Стилиотиса Креаулиса есть нелегальный склад с 336 банками брынзы и 18 мешками лимонов. Мошко Маркиз спекулировал бумагой. Арон Кон проводил операции с овощными консервами, а Ицек Таубман продавал по завышенным ценам медикаменты, завезенные из Англии. Лейба Бейтер перевез на пароходе из Лондона во Владивосток, а оттуда в Одессу поездом 250 пудов черного перца по 47 с полтиной за пуд. Заплатил задаток в две тысячи, а на остальную сумму дал запродажное письмо, которое затем перепродал с фантастической прибылью. В Одессе перец шел по 74 рубля за пуд.

Петроградский первой гильдии купец Ицек Абрамов Ратнер хранил 10 тысяч пудов растительного и топленого масла. Оно было куплено в Намангане Ферганского края по 6 рублей 50 копеек, а продавалось, по документам, по 8 рублей 25 копеек. На самом же деле масло шло по 24 рублика!

На полицию тут же пожаловались: дескать, провела операцию, чтобы получить взятки за уничтожение улики.

Прокуратура взялась за дело и установила: Штейнман дал начальнику сыскной части 3500 рублей, Рапопорт и Вишнепольский дали начальнику и его помощнику — 1100 и 1200 рублей. Смолеев получил 300 рублей за уничтожение протокола по делу Нестора и Дреслера, обвиненных в сбыте золота в Германию, противнику в войне. А это пахло уже смертной казнью или пожизненным сроком.

Следствие нечаянно добралось до самых верхов. Оказалось, что одесский градоначальник Сосновский получил от Ратнера 50 тысяч и по телефону приказал его отпустить. Что завод Фрейдовского в действительности принадлежит его тестю Дон-Донцову. Что у мадам Донцовой откуда-то взялись бумаги железнодорожного займа на 45 тысяч.

Полицейские оказались за решеткой».

Они оставались за решеткой как минимум до Февральской революции, несмотря на то, что у всех у них сразу же нашлись тяжелейшие болезни, препятствующие отсидке. Дон-Донцову, например, очень мешал сидеть в тюрьме внезапно разбивший его радикулит. Что стало с вороватыми одесскими полицейскими в революционное время, мы не знаем. Очень вероятно, что, среди прочего, они в свое время кормились и от Котовского.

Девятого июля 1916 года знаменитого арестанта этапировали в одесскую тюрьму, где поместили в одиночную камеру. Прослышав об этом заранее, у ворот кишиневского тюремного замка собралась толпа народа, чтобы поглазеть на ле-

гендарного разбойника. В Одессе находился штаб военного округа, и судить Котовского должен был военно-окружной суд.

В одесской тюрьме Котовский встретился с Федором Стригуновым, который был осужден не за бандитизм, а за дезертирство. Стригунов, работавший баландером и имевший поэтому возможность посещать все камеры, передал Котовскому ключ от ручных кандалов и пилку, чтобы спилить заклепки на ножных кандалах и заменить их винтами. Для Котовского уже вели подкоп от тюремного кладбища. Но подкоп обвалился. Тогда он предпринял еще одну попытку. Теперь его, из соображений безопасности, выводили на прогулки только по ночам. А Котовский узнал, что у одного из заключенных из Бессарабии, некоего Наума Горлавого, сильно разболелись ноги и тюремное начальство выдало ему костыли. И Котовский написал записку заключенным общих камер: «Дорогие друзья! Вы видите, что я гуляю теперь по вечерам, при свете фонаря. Это — верная свобода. Прошу вас и моего земляка на костылях приготовить мне из костылей лестницу. Костыли имеют длину около двух аршин, у вас есть швабры, которыми сметается пыль, есть ящики; как-нибудь можно достать две крепких палки по $\frac{1}{4}$ аршина каждая, чтобы удлинить костыли, привязать палки к костылям, а вместо ступенек привязать скрученные тряпки, так: (в этом месте записки Котовский начертил рисунок лестницы. — Б. С.). И вот лестница готова. Спасите, а то погибну. Если хотите ответить запиской, то напишите ее и передайте надежному парню в среднюю или угловую камеру третьего этажа вашего отделения со стороны конторы, и он может выбросить ее мне через окно, когда я гуляю, но он должен ее выбросить тогда, когда я махну платочком носовым, и пусть бросает посильнее, чтобы не упала под самые окна конторы. Пожалуйста, подумайте, помогите и спасите... Если мой земляк согласится дать костыли, их можно будет еще чем-нибудь удлинить на один аршин, тогда я наверно буду на воле. Тогда отвечайте мне, а я напишу, как надо действовать и как выкинуть мне лестницу через окно». Он выбросил записку во двор в надежде, что ее подберет кто-нибудь из прогуливающихся там заключенных. Но, на беду Котовского, его малява попала в руки надзирателя. Теперь Котовскому терять действительно было нечего, кроме цепей, в которые его заковали.

Тогда Григорий Иванович решил сыграть в искреннее раскаяние, чтобы спасти свою жизнь. Он написал и попросил приобщить к делу как свою характеристику подробную «Исповедь», или автобиографию, где перечислил все свои грабе-

жи, демонстрировал искреннее раскаяние, обещал твердо встать на путь исправления и оправдывал свое преступное прошлое неблагоприятными условиями среды. Правда, он не называл ни адреса воровских малин, ни мест, где хранилось награбленное. Хотя не исключено, что хранить было особенно и нечего, поскольку Котовский и его товарищи ни в чем себе не отказывали и быстро проматывали награбленное.

Котовский подал пять прошений с просьбой перенести заседание суда. Он надеялся затянуть дело, а тем временем либо совершить побег, либо привлечь к делу внимание общественности. Но 4 октября суд все-таки состоялся.

На суде Котовский, пытаясь спасти свою жизнь, полностью раскаялся. Он заявил, что «условия общественной государственной жизни породили во мне много горечи и озлобления против господствующих в стране произвола и несправедливой власти богатства. Своими действиями я мстил всему сильному и злему, взявшему верх над слабым». Однако ни прокурор полковник Бик, ни председатель суда полковник Гаврилица в раскаяние матерого налетчика не поверили. Бик потребовал приговорить Котовского к смертной казни через повешение. Тогда Григорий Иванович сделал рассчитанный на публику театральная жест: «Если ваша совесть не найдет возможным даровать мне жизнь, то я прошу вас о замене повешения — расстрелом». Газеты с восхищением писали: «Этот человек с гордо поднятой головой испытал самые страшные человеческие муки и всюду, где бы он ни был, он знал себе цену. В нем жила неистощимая энергия.

“Какая обаятельная личность! — говорили некоторые, кому случалось беседовать с ним”.

“Характер у него такой же твердый, железный, как и мышцы”».

Следуя «Исповеди», в свое оправдание он уверял, что значительную часть награбленного отдавал беднякам, а также... Красному Кресту на помощь раненым. Правда, крестьян, готовых подтвердить в суде, что получали от банды Котовского деньги или имущество, и на этот раз не нашлось. Возможно, это объяснялось тем, что они опасались, что у них отберут полученное несправедливым путем, и потому предпочитали помалкивать. Но и от Красного Креста не поступило никаких подтверждений, что он получал деньги от Котовского. Остается предположить, что Григорий Иванович выступал в качестве анонимного жертвователя, чтобы не ставить чиновников в неудобное положение. Но вполне возможно, что про Красный Крест Котовский выдумал. И сделал это не случайно, а чтобы

понравиться супруге главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала от кавалерии А. А. Брусилова. Как главнокомандующему Юго-Западным фронтом, Брусилову подчинялся Одесский военный округ, и он должен был утверждать приговор военно-полевого суда. Эмигрантский писатель Роман Гуль почему-то заявляет, что «особо энергичную борьбу за освобождение бессарабского Робин Гуда повела, влиятельный в Одессе человек, генеральша Щербакова. Когда день казни был уже близок, генеральша Щербакова добилась невероятно — оттяжки казни». Писатель явно спутал командующего Румынским фронтом Д. Г. Щербачева с командующим Юго-Западным фронтом А. А. Брусиловым. Это связано, очевидно, и с тем, что время суда над Котовским Гуль произвольно перенес на февраль 1917 года, на самый канун революции. Именно с революцией связывал Гуль чудесное спасение Котовского, уверяя простодушных читателей-эмигрантов: «Но как ни влиятельна была генеральша Щербакова, все ж от смерти спасти Котовского не могла. Смертная казнь была назначена. Григория Котовского, разбойника с тяжелым детством, атлета с уголовной фантазией, должна была неминуемо затянуть петля на раннем рассвете во дворе одесской тюрьмы.

Но тут пришла бо́льшая, чем генеральша Щербакова, непредвиденность.

Над Россией разразилась революция, буревестником которой был Котовский».

На самом деле в октябре 1916 года, когда судили Котовского, Румынский фронт еще не существовал, так как был создан только в декабре того же года, а до этого Щербачев командовал 7-й армией Юго-Западного фронта и на судьбу Котовского никак повлиять не мог, сколько бы его ни просила жена.

Надежда Владимировна Брусилова, урожденная Желиховская, много занималась благотворительностью и, в частности, помогала учреждениям Красного Креста. Заявление Котовского о том, что он отдавал награбленное в пользу Красного Креста, должно было расположить супругу главнокомандующего в его пользу.

Надо сказать, что генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов и его вторая супруга Надежда Владимировна Желиховская, сыгравшие решающую роль в избавлении Котовского от смертной казни, были весьма колоритными персонажами. Надежда Владимировна была последовательницей теософского учения своей родной тетки Елены Петровны Блаватской (Ган), изложенного в ее многотомной «Тайной доктрине». Но еще большим теософом, чем его вторая жена, был

сам генерал Брусилов, увлекавшийся оккультизмом и, в отличие от жены, осиливший все семь томов «Тайной доктрины» Блаватской. Много лет спустя после кончины мужа, 3 февраля 1935 года, Надежда Владимировна писала журналисту и писателю Василию Ивановичу Немировичу-Данченко, масону и эмигранту: «...Вы пишете, что с интересом прочли книгу П. Д. Успенского о четвертом измерении. Спасибо, что прислали ее нам. Читали ли Вы его же Tertium Organum (Ключ к загадкам мира)? Все эти темы и глубокое их значение обработаны с поразительной эрудицией Ел. Блаватской в ее “Секретной доктрине” еще в начале 70-х годов. Я никогда не в силах была прочесть эти семь томов ее мудрых трудов. В нашей семье, кроме матери, всё это прочтено было Алексеем Алексеевичем...»*

Вслед за Блаватской Брусиловы полагали, что судьба каждого человека (карма) предопределена. Очевидно, они были уверены, что Котовскому не предопределено свыше быть казненным. Возможно, идеи социалистов, в том числе «стихийного коммуниста» Котовского, казались близкими главной цели Теософского общества — создать ядро Всемирного братства без различия расы, цвета кожи, пола, касты и вероисповедания. Наверное, Брусиловым Котовский казался неординарной личностью, обладавшей незаурядными духовными и психическими способностями, которые теософы стремились выявлять и исследовать.

Глава 5

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР И ПОМИЛОВАНИЕ

Четвертого октября 1916 года Котовский, несмотря на все усилия защищавшего его известного адвоката В. С. Лузгина, был приговорен военным судом к смертной казни через повешение. Приговор гласил: «...подсудимого Григория Котовского, уже лишённого всех прав состояния, подвергнуть смертной казни через повешение...»

Не помогло и то, что на суде Котовский уверял, что никогда из оружия не стрелял и никого не убил, а носил его для солидности. Кажется, здесь «атаман Ада» не врал. Во всяком случае, нет никаких доказательств, что до 1917 года он убил хотя бы одного человека. Котовский пытался убедить судей, что «уважал человека, его человеческое достоинство... не совершая

---

* ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 1. Д. 22а. Л. 144.

никаких физических насилий потому, что всегда с любовью относился к человеческой жизни». Котовский просил отправить его «штрафником» на фронт, где он «с радостью погибнет за царя» и искупит кровью свою вину.

Уже в камере смертников Котовский продолжал заниматься гимнастикой. На положении смертника он оставался в течение сорока пяти суток.

Оставалось уповать на чудо и на супругу генерала Брусилова. И 8 октября Котовский написал письмо Надежде Владимировне: «Ваше Высокопревосходительство!

Коленопреклоненно умоляю Вас прочесть до конца настоящее письмо. Приговором Одесского военно-окружного суда от 4-го числа сего октября я приговорен к смертной казни через повешение за два совершенных мною разбойных нападения, без физического насилия, пролития крови и убийства. Приговор этот подлежит конфирмации Его Высокопревосходительства господина главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Ваше Высокопревосходительство! Сознавая всю степень виновности своей перед Отечеством и обществом за совершенные преступления, принеся публично в суде полную повинную за них и полное искреннее и чистосердечное раскаяние и признавая справедливость вынесенного мне судом приговора, я все-таки решаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с мольбой о высоком и великодушном заступничестве пред господином главнокомандующим — Вашим высоким супругом — о смягчении моей участи и о даровании мне жизни. Я решаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству с этой мольбой только в силу следующего: ступив на путь преступления в силу несчастно сложившейся своей жизни, но обладая душой мягкой, доброй и гуманной, способной также на высшие и лучшие побуждения человеческой души, я, совершая преступления, никогда не произвел ни над кем физического насилия, не пролил ни одной капли крови, не совершил ни одного убийства. Я высоко ценил человеческую жизнь и с любовью относился к ней как к высшему благу, данному человеку Богом. Был случай здесь, в Одессе, когда я выстрелил в своего соучастника по преступлению, позволившего себе произвести выстрел в хозяев дома, где мы находились, и этим выстрелом, ранив его в руку, выбил ему из рук оружие. К женщине и ее чести я относился всегда как к святыне, и женщины при совершении мною преступлений были неприкосновенны. Производя психическое насилие, я и здесь старался, чтобы оно было наименее ощутительно и не оставляло после себя следа. Материальные средства, добытые

преступным путем, я отдавал на раненых, на нужды войны, пострадавшим от войны и бедным людям. Преступления я совершал, не будучи в душе преступником, не имея в душе ни одного из элементов, характерных преступной натуре. Был случай в Кишиневе, когда, явившись в дом богатых коммерсантов с целью совершить преступление, мы застали там одних только женщин; увидев их испуг, я вывел в другие комнаты своих соучастников, потом, вернувшись, успокоил хозяек дома и ушел, не взяв ничего, несмотря на то, что в кассе хранилась крупная сумма денег, причем прибегнул к обману, заявив своим соучастникам, что открывал кассу и там ничего не оказалось. И вот теперь, поставленный своими преступлениями перед лицом позорной смерти, потрясенный сознанием, что, уходя из этой жизни, оставляю после себя такой ужасный нравственный багаж, такую позорную память, и, испытывая страстную, жгучую потребность и жажду исправить и загладить содеянное зло и черпая нравственную силу для нового возрождения и исправления в этой потребности и жажде души, чувствуя в себе силы, которые помогут мне снова возродиться и стать снова в полном и абсолютном смысле честным человеком и полезным для своего Великого Отечества, которое я так всегда горячо, страстно и беззаветно любил, я осмеливаюсь обратиться к Вашему Высокопревосходительству и коленопреклоненно умоляю — заступитесь за меня и спасите мне жизнь, и это Ваше заступничество и милость будут до самой последней минуты моей жизни гореть ярким светом в моей душе, и будет этот свет руководящим, главным принципом всей моей последующей жизни. Я желал бы, чтобы Вы, Ваше Высокопревосходительство, могли бы заглянуть в душу писавшего это письмо, во все ее тайники, и Вы тогда увидели бы пред собой не злодея, не прирожденного и профессионально преступника, а случайно павшего человека, который, сознав свою виновность, с душой, переполненной тоской и непередаваемыми переживаниями от угрызений совести, пишет Вам эти строки мольбы.

Вы увидели бы пред собой не аморального, отказавшегося от всех моральных ценностей, на которых основана жизнь культурного и честного человека, преступника, а человека, не выдержавшего жестоких ударов суровой жизни и павшего под ними, но не погибшего душой, и верьте, Ваше Высокопревосходительство, что Вам не придется раскаиваться за свое высокое заступничество за меня, я сумею быть достойным его и, нося Ваш светлый, благородный и великодушный образ в своей душе, создам из своей жизни по своей честности, бескоры-

стности и облагораживающего человеческую душу труда высокий образец человеческого существования.

Если же Вы, Ваше Высокопревосходительство, не найдете возможным ходатайствовать перед господином главнокомандующим, Вашим высоким супругом, о даровании мне жизни, то как потомок военных, дед которого, полковник артиллерии, сражался и проливал кровь за Отечество (Котовский, кажется, сам уже поверил, что его дед был полковником артиллерии и дворянином. С точки зрения обращения к Брусилову это была удачная придумка: генерал скорее проявит снисхождение к внуку боевого полковника и дворянина, чем к сыну механика винокурного завода. — Б. С.), умоляю как о высшей милости и чести ходатайства Вашего Высокопревосходительства пред Его Высокопревосходительством господином главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта о замене им смертной казни через повешение смертной казнь через расстрел. Я знаю, что как отверженный я лишен права чести умереть от благородной пули, но как потомок военных, как искренний и глубокий патриот, стремившийся попасть в ряды нашей героической армии, чтобы умереть смертью храбрых, смертью чести, но не имевший возможность это сделать в силу своего нелегального положения, умоляю об этой высшей милости, и последним моим возгласом при уходе из этой жизни будет возглас: “Да здравствует армия!” Приговор о смертной казни с делом суда отосланы для конфирмации Его Высокопревосходительству 7-го числа октября 1916 года в 5 часов пополудни.

Коленопреклоненно умоляющий Ваше Высокопревосходительство Григорий Иванов Котовский.

Одесская тюрьма. Октября 8-го дня 1916 года».

Примерно то же самое Котовский написал и самому генералу Брусилову. Уже 18 октября Брусилов своей властью заменил Котовскому смертную казнь «каторгой без срока». Но еще раньше, сразу же по получении письма жены, Брусилов связался с руководством Одесского округа и распорядился отложить приведение смертного приговора в исполнение.

Надежда Владимировна Брусилова была писательницей и наверняка оценила литературные способности Котовского. Письмо было в меру сентиментальным и при этом весьма неконкретным, но производило впечатление глубокой искренности. В письме Котовского бросается в глаза, что когда он говорит об ударах судьбы, будто бы толкнувших его на криминальную дорожку, то в чем именно заключались эти удары, не сообщает. Котовский упоминает несколько своих налетов, во

время которых будто бы проявил благородство. Но опять-таки никакой конкретики — когда происходил тот или иной налет, кто именно был ограблен. А ведь Котовский никогда просто так первого встречного не грабил. Он действовал по наводке, подбирал свои жертвы и тщательно готовил нападения, так что фамилии большинства ограбленных им людей должен был помнить. Такая забывчивость деталей наводит на мысль, что все случаи, свидетельствовавшие о его благородстве, Котовский придумал. Тем более что в письме фигурировал еще и мифический предок-полковник. Зато о связях с революционерами Котовский в этом письме, естественно, и словом не обмолвился. Ничего не сказал он и о своем дезертирстве из армии во время Русско-японской войны. Это наверняка не понравилось бы боевому генералу.

Разумеется, супруги Брусиловы правдивость сообщенного Котовским проверять не стали. Хотя, наверное, догадывались, что кое-что он мог и присочинить. Но им очень хотелось верить человеку, обещавшему завязать с преступным прошлым и твердо встать на путь исправления. И Надежда Владимировна сделала всё, чтобы убедить мужа помиловать Котовского. Уже 16 октября она писала ему: «Дорогой мой, я позволяю себе телеграфировать об Котовском, так как никогда в жизни не была в таком тяжелом положении относительно жизни и смерти человека. Прочти это письмо или хоть подчеркнутые мною места. Начальник тюрьмы, председатель военного суда и очень много других лиц говорят мне, что он производит впечатление действительно кающегося человека. Так хоть замени виселицу расстрелом, если нельзя даровать жизнь, как он и просит. Но лучше всего совсем спаси человека.

...Может быть, можно отправить этого разбойника Котовского на фронт на суд Божий. Подумать только, как часто такие разбойники бывают честнее и благороднее всяких чинушек военных и штатских, обкрадывающих русское правительство и народ исподтишка...»

А в конце октября, когда Котовский уже был помилован, Надежда Владимировна написала мужу благодарственное письмо: «Милый мой, ты прости, что я такую суматоху подняла из-за приговора Котовского. Я не знаю, действительно ли он разбойник или идейный анархист, я не следила за процессом, у меня для этого нет времени. Но раз человек обратился ко мне, то уж ты устрой, чтобы на моих руках крови не было. Бог всё разберет. Иной разбойник иногда лучше иного министра. Здесь все на меня рассердилось, что я задержала исполнение приговора военного суда на целые сутки, пока не дове-

ла до тебя всей этой истории. Я телеграфировала ночью прокурору и генерал-губернатору и градоначальнику, пока не добилась своего. И как удачно, что твой милый усатый жандарм заглянул ко мне прежде, чем на поезд, с экстренными бумагами из штаба. Я вижу в этом Божию волю. И вот жизнь человека спасена. Я даже не знала, что у тебя есть право совсем отменить смертную казнь, и только надеялась, что ты сможешь приказать пересмотреть дело вновь, всё же он бы видел, что я сделала, что могла. Слава Богу, что так вышло. Спасибо тебе...»

Нельзя сказать, что генерал Брусилов был таким всепрощающим добрым дедушкой. Уже после помилования Котовского он бестрепетно утвердил смертный приговор группе солдат 223-го Одоевского пехотного полка за участие в антивоенных выступлениях. В связи с этим Алексей Алексеевич 26 января 1917 года телеграфировал в Ставку: «Необходимо для примера немедленно привести приговор в исполнение. Совершенно недопустимо никакое снисхождение». Но к Котовскому генерал снисхождение проявил, в том числе и потому, что почувствовал в нем «социально близкого» человека — внука заслуженного героя-полковника. Несомненно, решающим здесь было заступничество Надежды Владимировны. Возможно, генерал также поверил в искренность раскаяния Котовского и в его готовность искупить свою вину на фронте. Как мы увидим дальше, на фронт Первой мировой войны Котовский действительно попал, но поучаствовать в боях ему так и не довелось.

Уже после Февральской революции, 18 марта 1917 года, Котовский навестил Надежду Владимировну. В этот день она писала мужу: «Дорогой мой, жду сейчас Котовского, разбойника бессарабского, который пожелал “поцеловать мне руку за то, что я ему жизнь даровала”».

Надежда Владимировна вспоминала об этой встрече в августе 1925 года, когда узнала о гибели Котовского: «Тут вскоре разыгралась Февральская революция, и смута душевная все усиливалась. В городе было беспокойно. Уголовная и политическая тюрьма разбежалась. Котовский мне просил передать, чтобы я была спокойна, что он пользуется таким авторитетом среди разбежавшихся, что соберет их всех обратно и водворит порядок, что он и выполнил. Я была ему крайне благодарна, так как по городу ходили чудовищные слухи. Жители боялись вечером выходить на улицу, грабежи участились и т. д. и т. п.

Дня через два, в то время, когда у меня в залах было много дам и барышень, моих помощниц по делам благотворительности, мне позвонил журналист Горелик. Это был очень симпатичный человек.

тичный еврей, газетный работник, и я много раз имела с ним дело. Он по телефону просил меня принять его вместе с Котовским. Я отвечала согласием.

Мои девицы и дамы — врассыпную, визжат и охают.

— Как вы не боитесь, Надежда Владимировна, ведь он разбойник...

— Ну да, конечно, он сейчас ворвется и всех нас перестреляет, — трунила я над ними. Минут через двадцать швейцар докладывает лакею, тот мне, и появляется Горелик в обществе совершенно бритого человека с умным, энергичным лицом.

— Я пришел, чтобы поблагодарить вас, позвольте поцеловать ручку, которая даровала мне жизнь.

Я в свою очередь поблагодарила его за энергичную помощь властям в тюрьме в борьбе с уголовными преступниками. Мы обменялись еще несколькими словами. В тот день как раз были телеграммы о том, что вызванный было в армию с Кавказа великий князь Николай Николаевич остановлен на пути, что Временное правительство передумало (назначать его главнокомандующим русской армией. — Б. С.) и отклонило свое решение. Это, конечно, было сделано по распоряжению солдатских и рабочих депутатов, то есть по указанию большевиков. Но Котовский тогда их не знал, ничего общего с ними не имел, они позднее его к себе пристегнули.

Он тогда, увидев на моем столе большой портрет великого князя, заговорил об этом вопросе сам:

— Какую ошибку делает Временное правительство. Разве можно в то время, когда война не кончена, устранять от армии такого опытного, популярного, всеми в войсках любимого человека.

Это его подлинные слова. Что-то на большевика не похоже.

Мы с ним простились, и вскоре, уехав из Одессы сначала в Каменец-Подольск, потом в Могилев, потом в Москву, я забыла о нем».

Надежда Владимировна ошиблась. Уже с конца 1917 года Котовский пошел одним путем с большевиками.

А вот как о встрече Котовского и Надежды Владимировны писал в газете «Маленький Одесский листок» журналист Горелик в заметке «Г. Катовский у Н. В. Брусиловой» 19 марта 1917 года. Характерно, что в тексте статьи фамилия нашего героя неизменно пишется как «Катовский». Это заставляет подозревать, что журналист не слишком хорошо знал биографию Григория Ивановича, раз ошибся даже в написании его фамилии. В заметке говорилось: «Супруга главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Н. В. Брусилова приняла вче-

ра во дворце главнокомандующего на Николаевском бульваре знаменитого героя уголовных процессов, рыцаря большой дороги Григория Катовского. История этого трогательного визита такова.

Когда Катовский был приговорен Одесским военно-окружным судом к смертной казни за нападение и ограбление в степи, он решил подчиниться своей судьбе.

— Не потому, что я упал духом или не мог найти способа бежать, — рассказывает этот сильный человек пишущему эти строки. — Я пришел к убеждению и сознанию, что все против меня. Обстоятельства создавались роковой силой, против которой я даже не хотел бороться. Началось моим нелепым арестом, — я попал глупо, как мальчишка. В тюрьме сидя, я провалился с записками, которые хотел тайно передать и которые говорили в суде против меня. И многие другие мелочи топили меня с фатальной неумолимостью.

Суд приговорил Катовского к повешению, и он был переведен в одесский тюремный замок, где находился на положении “смертника”.

18-го ноября 1916 года его вызвали в кабинет начальника тюрьмы. Начальник Перелешин, — ныне арестованный, — протянул ему со злобой бумагу и проворчал:

— Вот вам замена. Распишитесь.

Это была бумага о том, что смертная казнь Григорию Катовскому заменена вечной каторгой. Возвращенный к жизни человек просил тюремщиков сказать ему, кто его помиловал, чьим заботам и хлопотам он обязан жизнью. Перелешин ответил, что кто-то его запрашивал, но что он ничего точно не знает.

Мартовские события раскрыли двери тюрьмы. Одни оттуда вышли навсегда, другие получили возможность отлучиться в город, видеть солнце и слышать свободные речи. В числе последних был и Григорий Катовский. И тут, на воле, он совершенно случайно узнал от корреспондента “Русского слова” — кому он обязан жизнью. Это — Н. В. Брусилова. И Катовский решил пойти к ней и поблагодарить ее за то, что он, по ее милости, ходит в живых.

Вчера в 3 часа дня Катовский и корреспондент “Русского слова” явились во дворец и были приняты Н. В. Брусиловой. Катовский, этот крепкий человек, переживший и суд, и каторгу, и смертный приговор, и жизнь в каменном мешке — предпоследнем обиталище “смертника”, заметно волновался. Здесь, в этих стенах, что-то делалось для спасения его жизни, тут решалась его судьба.

К Катовскому вышли Н. В. Брусилова и сестра ее Е. В. Желиховская. Катовский взял обеими руками протянутую ему Н. В. Брусиловой руку и крепко пожал ее. Он сказал, что глубоко сожалеет, что так поздно узнал, кому обязан своей жизнью. Н. В. Брусилова ответила, что счастлива тем, что ей удалось спасти хоть одну человеческую жизнь в эти скорбные дни, когда их гибнет так много. Н. В. Брусилова тут же рассказала Катовскому историю его помилования. Получив письмо Катовского, которое произвело на нее сильное впечатление, Н. В. написала своему супругу в Ставку подробное письмо о Катовском и просила смягчить его участь, указывая на то, что Катовский за всю свою бурную жизнь все же не пролил ни одной капли крови, не совершил ни одного убийства. Одновременно Н. В. Брусилова отправила письмо начальнику судной части при Ставке генералу Батогу. Ответ от генерала А. А. Брусилова получился очень скоро. Главнокомандующий писал, что он ознакомился с делом Катовского, убедился, что он действительно не убивал, и решил заменить ему смертную казнь вечной каторгой. Для человека, не пролившего чужой крови, всегда открыт, по мнению генерала, путь к исправлению.

Н. В. Брусилова рассказала Катовскому эти подробности, выразила свое удовлетворение деятельностью Катовского в тюрьме (о чем читала в газетах) и спросила — чем может ему помочь в будущем.

Катовский ответил, что личной жизни для него больше не существует. В эти дни освобождения народа он хочет жить для других, чтобы искупить свое прошлое. Его мечта — обратиться к обществу с призывом простить всех уголовников, нужно, чтобы наряду с амнистией, дарованной государством, преступники получили бы и прощение от общества. Нужно, чтобы общество, только что бывшее свидетелем всемирного чуда над нашей родиной, уверовало в то, что такое же чудо может случиться и с отверженными было людьми. Нужно их простить и смотреть на них, как на новых людей, родившихся после 27-го февраля. Помочь ему в этом деле своими содействиями и просил Катовский Н. В. Брусилову. Н. В. Брусилова внимательно выслушала Катовского, тронутая его словами, обещала свою помощь и просила его жить теперь новой и красивой жизнью».

И ведь угадала Надежда Владимировна! Новая жизнь Катовского действительно стала краше прежней. Особенно эффектно смотрелся он в роли красного комбрига в синей габардиновой гимнастерке, красной фуражке и красных штанах.

Вероятно, газетчики все-таки присочинили насчет того, что Котовский только при встрече узнал о роли супруги Брусилова в его избавлении от смертной казни. Ведь не мог же он забыть, что писал ей письмо. Хотя, конечно, о том, что именно Надежда Владимировна замедлила приведение в исполнение смертного приговора, он мог и не знать. И уж точно придумал Горелик (а точнее, рассказавший ему эту историю Котовский), что начальник тюрьмы не скрывал своей злобы по поводу помилования Котовского. Ведь, как мы знаем из письма Надежды Владимировны мужу, начальник тюрьмы верил в искренность раскаяния Котовского, а значит, полагал возможным его помилование.

В августе 1925 года Надежда Владимировна вспоминала, как удалось добиться отмены смертной казни для Котовского: «В прежнее время он был форменный разбойник, грабитель в Бессарабии, это все знали, и судился за грабежи, и преследовался правосудием за разбой. Он говорил мне и даже писал, что награбленным делился иногда не только со своей шайкой, но и с подвернувшейся беднотой, но насколько это верно, я судить не могу, хотя возможность этого вполне допускаю. Это был человек типа пушкинского Дубровского, не лишенный симпатичных сторон. По его словам, он был сын артиллерийского офицера в Бессарабии и с самых ранних лет не хотел систематично учиться, не хотел жить в городе, принадлежать своей семье, его тянули леса и поля, большие дороги, жизнь бродяги и впечатления воли и буйного ветра в степи. Живя в Одессе, я много слышала о нем, и мне он казался удалым молодчиной. Когда однажды в обществе я услышала в разговоре военных юристов, что Котовский опять попался и на этот раз “мы его держим крепко”, у меня невольно вырвались слова: “А я буду очень рада, если он опять ударит”. Мужчины засмеялись, а дамы были весьма шокированы и укоризненно на меня посмотрели.

Прошло несколько лет. Во время германской войны он сидел в одесской тюрьме, его судили, и, читая газеты, я видела, что на этот раз дело его действительно плохо. Он был приговорен к смертной казни через повешение.

В то время А. А. был главнокомандующим Ю-3, ему подчинены были двенадцать губерний. Я жила во дворце на бульваре и играла большую роль во всевозможных тыловых делах. Работы у меня (и по благотворительности, и по снабжению войск подарками и медикаментами, и санитарные поезда-бани, лазареты, госпиталя и приюты для детей и беженцев) было бесконечно много. (В то время, кроме моих прежних дел “братской и повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам

и их семьям”, на мне лежали все дела склада государыни императрицы Александры Федоровны на Юго-Западном фронте. Я получала 60 тыс. рублей в месяц на это дело, и ответственность эта была мучительна.) У меня было три секретаря, и, несмотря на это, приходилось работать иногда целыми ночами. Как-то раз около полуночи я сидела за своим письменным столом, когда вошедшая горничная подала мне письмо со словами: “Это принес какой-то мальчишка из тюрьмы. Швейцар и дворники его гнали, а я гуляла с собачатами и согласилась взять письмо: уж очень он просил. Жизнь человека, говорит, от этого зависит”.

— Хорошо сделали, что взяли письмо, — одобрила я ее.

Это письмо было от Котовского, длинное, обстоятельное, красноречивое. Я очень сожалею, что не сохранила хотя бы копии с него. Но минуты были сочтены, наутро его могли повесить. Он уже несколько дней тому назад написал мне это письмо, но его до меня не допускали. Он клялся, что лично никогда никого не убивал, а только дирижировал своей шайкой. Но ведь это то же самое. Кроме того, он умолял меня просить моего мужа помиловать его, отправить на фронт в самые опасные места, что он с радостью погибнет за Родину в бою с немцами, что в крайнем случае он умоляет его расстрелять, но не вешать, как собаку, что он сын офицера и такая позорная смерть для него ужасна.

Я читала это письмо и с жутким чувством сознавала, что в первый раз в жизни у меня в руках жизнь и смерть человека. Это была большая ответственность перед Богом, и мне очень жаль, что это письмо не сохранилось у меня, оно было приложено к делам военного прокурора на Юго-Западном фронте (С. А. Батога). Думать не было времени, нужно было действовать. Я перекрестилась и стала звонить в телефон генерал-губернатору Эбелову, градоначальнику Сосновскому, одесскому военному прокурору (не вспомню теперь его фамилии). Я умоляла задержать казнь Котовскому, дать мне возможность списаться с мужем. Надо мной смеялись, даже возмущенно говорили: “Охота вам беспокоить Алексея Алексеевича, на рассвете вздернут эту собаку Котовского и баста...”

— Я удивляюсь вам всем, какие вы христиане. Мне тошно подумать, что человека “вздернут”, по вашему выражению, — возражала я.

Наконец мне все же удалось уговорить отложить казнь Котовского на несколько дней. Я облегченно вздохнула и стала писать письмо мужу. Едва я его кончила, как в комнату вошла опять моя горничная.

— Тут жандарм едет курьером в штаб генерала. Очень боится опоздать на поезд, спешит. Но говорит, что, как обещал раз и навсегда генеральше, никак не может уехать с бумагами в штаб, не заглянув к вам.

— Зовите его скорее сюда. (Господи! Я положительно увидела в этом совпадении руку Провидения.)

Вошел мой усатый приятель, звякнув шпорами.

— Не прикажете ли чего передать Его Высокопревосходительству или братцу господину полковнику? Если что готово, а то мне до поезда полчаса осталось.

— Готово, готово, милый мой, спасибо, что зашли, вот мы спасем с вами жизнь человеку, Господом дарованную, а мы не имеем права ее отнимать, — говорила я, безумно торопясь положить письмо в конверт, всунув туда же письмо Котовского. Руки у меня дрожали и голос тоже, и мой приятель унтер-офицер, вероятно, не все понял, что я бормотала, и был немало удивлен.

— Отдайте в руки генералу, как только приедете, скажите Григорию, чтобы доложил о вас ему, это очень важно, и что я приказала как можно скорей в руки передать генералу.

— Слушаюсь, будет исполнено, не сумлевайтесь, Ваше Высокопревосходительство.

И вот на другой же день к вечеру мне стало известно, что Алексей Алексеевич говорил по прямому телеграфному проводу с Одесским штабом и что он совсем отменил смертную казнь Котовскому и заменил ее каторжными работами. Спасибо Алексею Алексеевичу, он избавил меня от тяжелого впечатления казни человека, кто бы он ни был».

Если бы не расторопность Надежды Владимировны, Котовского могли бы казнить и слава героя Гражданской войны и легендарного красного комбрига его бы миновала. Остался бы Григорий Иванович лишь в памяти жителей Бессарабии и Одесчины как добрый разбойник и народный заступник.

У жены Брусилова сложилось впечатление, что после помилования Котовский начнет другую жизнь, будет помогать людям, а не причинять им страдания. Что ж, одна разительная перемена в Котовском после вынесения смертного приговора и последующей замены его каторгой действительно произошла. К чистой уголовщине он больше не вернулся. Впрочем, на это скорее повлиял не смертный приговор, а случившаяся вскоре Февральская революция. Все-таки Григорий Иванович не был обыкновенным бандитом-налетчиком, иначе не было бы у него столь необычной судьбы. В победившей революции Котовский увидел возможность реализации собственного

анархического идеала. Но очень скоро пришел к выводу, что без сильной государственной организации его не осуществить. И стал убежденным государственнымником. Котовскому еще довелось вспомнить разбойничью молодость и знатно пограбить в Одессе. Но грабил он не столько буржуев, сколько белых и интервентов, а добычей на этот раз щедро делился не с бедняками, а с большевиками.

Глава 6

РЕВОЛЮЦИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЕ

Февральская революция не сразу освободила Котовского из заключения. 3 марта 1917 года во дворе одесской тюрьмы собрали всех политических заключенных и начальник тюрьмы зачитал телеграмму министра юстиции Временного правительства Керенского об амнистии. Котовский, как уголовник, под нее не попал.

Седьмого марта 1917 года было принято постановление Временного правительства «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления». Осужденным на смертную казнь уголовным преступникам она заменялась каторгой на 15 лет. По этой амнистии по всей стране на свободу было выпущено около пятнадцати тысяч уголовных преступников, в том числе и приговоренный к вечной каторге Нестор Махно, осужденный за политический терроризм. Котовскому же всего лишь заменили пожизненное заключение двенадцатью годами каторги, поскольку никаких революционных заслуг за ним не числилось. Котовскому такое решение не понравилось. Он хотел выйти на свободу в эти революционные дни, почувствовав, что теперь можно делать по-настоящему большие дела. И уже 8 марта в тюрьме вспыхнул бунт заключенных. Котовский помог тюремной администрации урегулировать конфликт ценой значительного ослабления режима заключения, продемонстрировав тем самым свою незаменимость. По его предложению ворота изнутри стали охранять сами заключенные из бывших солдат. Со всех сняли кандалы, двери камер днем оставались открытыми. Разрешалось свободное передвижение в пределах тюрьмы. Контроль за поступлением в тюрьму продуктов и их использованием по назначению осуществляли сами заключенные. Были разрешены практически неограниченные свидания заключенных с родственниками, все камеры были обеспечены матрацами и одеялами и нормально отапливались.

Охранялся только внешний периметр тюрьмы. В тюрьме было введено самоуправление заключенных, и Котовский стал членом тюремного комитета. Он даже устраивал экскурсии по тюрьме, рассказывая доверчивой одесской публике байки о крысах, будто бы насмерть загрызавших в камере людей.

Котовский по-прежнему оставался в одесской тюрьме, хотя его заключение было формальным. Весь день он свободно разгуливал по городу и приходил в тюрьму, только чтобы переночевать. Он предлагал свои услуги по организации революционной милиции, но их пока что не принимали. 15 марта 1917 года Котовский организовал собрание сорока уголовных авторитетов Одессы в кафе «Саратов». Там Григорий Иванович заявил: «Мы из тюремного замка посланы призвать всех объединиться для поддержки нового строя. Нам надо подняться, получить доверие и освободиться. Никому от этого опасности нет, мы хотим бросить свое ремесло и вернуться к мирному труду. Объединим всех в борьбе с преступностью. В Одессе возможна полная безопасность и без полиции». Собрание единогласно заявило о готовности содействовать поддержанию и сохранению порядка и безопасности в возрожденной Одессе, особенно если уголовникам будет дана возможность ознакомиться все общественные организации с их положением и нуждами, если будет возвращена свобода всем узникам одесской тюрьмы и если им разрешат открыто собраться и обсудить способы устройства честной жизни.

Котовский, конечно, мог без труда сбежать из тюрьмы, но он добивался легального освобождения, чтобы наравне со всеми участвовать в общественной жизни и пользоваться плодами только что обретенных гражданских свобод.

Насколько искренни были Котовский и другие уголовники, когда декларировали свое желание порвать с преступным прошлым и начать новую жизнь? Вероятно, большинство надеялись выйти на свободу лишь для того, чтобы снова воровать и грабить, благо революционная неразбериха давала для этого массу возможностей. Но Котовский, как кажется, действительно хотел завязать с уголовными налетами. За несколько месяцев, прошедших после освобождения из тюрьмы и до отъезда на фронт, Котовский оставался публичной фигурой и не совершил ни одного преступления. В 1918—1919 годах в Одессе он работал в контакте с большевистским подпольем и все налеты, совершенные под его руководством, имели политические цели и были направлены против белогвардейцев, петлюровцев и иностранных интервентов. Похоже, сразу после Февральской революции Котовский решил всерьез заняться

политикой. Правда, сначала он ошибочно ставил на Керенского, но еще до падения последнего успел переориентироваться на большевиков.

Сохранился любопытный документ: «В Совет Рабочих Депутатов. Заявление. Мы, представители тюремного комитета (арестантского), просим Совет РД в ближайшем заседании поставить на повестку дня о заслушании представителей наших с требованиями заключенных тюремного замка и также о текущих нуждах последнего. Председатель комитета В. Фейгель, члены Г. Котовский, А. Альперин. 16 марта 1917 года». Котовский и его товарищи претендовали на то, чтобы представлять в городском совете интересы узников, но так далеко демократия тогда еще не зашла.

Двадцать третьего марта в городском театре был дан концерт в «пользу жертв революции». В образе продавца газет, с сумкой через плечо, пританцовывая и присвистывая, пел свои «Одесские новости» Леонид Утесов. Тогда родилась знаменитая реприза «Котовский явился, буржуй всполошился!».

В антракте Котовский устроил аукцион, на который выставил свои кандалы каторжанина. За 3100 рублей эти кандалы купил известный в городе либеральный адвокат К. Гомберг и тотчас пожертвовал их театральному музею. Вот за ручные кандалы удалось выручить только 75 рублей. Их приобрел владелец кафе «Фанкони» и в рекламных целях выставил их в витрине своего заведения. 783 рубля из вырученных за кандалы денег Котовский передал в фонд помощи заключенным одесской тюрьмы. Куда ушли остальные деньги, можно только догадываться. Вероятно, часть средств Григорий Иванович потратил на безбедную дневную жизнь в Одессе, а другую мог передать своим товарищам по шайке, остававшимся на воле.

За безусловное освобождение Котовского из тюрьмы хлопотал известный одесский писатель Александр Митрофанович Федоров. Роман Гуль, ошибочно считавший, что Федоров избавил Котовского от смертной казни, писал: «Уж отрекся царь, уж опустел Зимний дворец, власть над Россией взяла в свои руки русские интеллигенты. Но Керенский еще не успел отменить смертную казнь, и петля висела над Котовским (на самом деле — после 18 октября 1916 года уже не висела. — Б. С.).

...Федоров Котовского не знал, но, вероятно, как писателю Котовский был ему интересен.

Федоров вошел в небольшую узкую камеру, где сидел законный Котовский.

Котовский — “шармер”. Это знала Одесса. Знал это и Федоров, и генеральша Щербакова, и та не выданная Котовским светская дама, принесшая ему пилки и шелковую веревку».

И далее Роман Борисович пересказывает фельетон А. М. Федорова «О разбойнике-генерале». Поскольку текст этого фельетона нам недоступен, мы процитируем его в пересказе Гуля: «В узкой тюремной камере Федоров увидел мускулистого силача, с красивым, немного грустным лицом и острыми пронизательными глазами. Когда Федоров сказал, что хлопочет перед Временным правительством не только об отмене смертной казни, но и об освобождении Котовского, тот улыбнулся и ответил:

— Я знаю, что вас интересует во мне. Вы интересуетесь, как я представляю себе свою жизнь сейчас, после революции? Да? Я скажу вам прямо, я не хочу умирать и хочу милости жизни, но я хочу ее, пожалуй, даже не для себя, я могу обойтись без нее. Эта милость была бы показателем доверия и добра, но не ко мне одному... Впрочем, — улыбнулся Котовский, — я бы постарался оправдать...

— Конкретно, — проговорил Федоров, — что вы хотите?

— Свободы! Свободы! — вскрикнул Котовский, зазвенев кандалами. — Но свободы, которую я бы принял не как подарок, а как вексель, по которому надо платить. Мне тюрьма теперь страшнее смерти...

Котовский, задумавшись, помолчал. Потом заговорил как бы сам с собой:

— Я знаю свою силу и влияние на массы. Это не хвастовство, это знаете и вы. Доказательств сколько угодно. Я прошу послать меня на фронт, где благодаря гнусному приказу № 1 делается сейчас черт знает что! Пусть отправят меня на Румынский фронт, меня все там знают, за меня встанет народ, солдаты. И вся эта сволочь, проповедующая бегство с фронта, будет мной сломлена. Если меня убьют, буду счастлив умереть за родину, оказавшую мне доверие. А не убьют, так все узнают, как умеет сражаться Григорий Котовский.

Котовский говорил без рисовки, со спокойной твердостью.

— Нет, теперь умирать я не хочу. И верю, что не умру. Если смерть меня так необычайно пощадила, когда я уже был приговорен к казни и ждал ее, то тут есть какой-то смысл (эта фраза доказывает, что разговор Котовского с Федоровым происходил уже после того, как смертная казнь была заменена Котовскому вечной каторгой, но Гуть не обратил на это внимание. — Б. С.). Кто-то, судьба иль Бог, — улыбнулся он, — но оказали мне доверие, и я его оправдаю. Теперь только пусть

окажет мне еще доверие родина, в лице тех, кто сейчас временно ее представляют, — и не возвышая голоса, он вдруг добавил: — Мне хочется жить!

И с такой внутренней силой, которая почувствовалась в мускулах, в оживших темных, тяжелых глазах.

— Жить! Чтоб поверить в людей, в светлое будущее родины, которую я люблю, в ее творческую духовную мощь, которая даст новые формы жизни, а не законы, и новые отношения, а не правила».

А. М. Федоров действительно был активным противником смертной казни и боролся за ее отмену в России. Но в марте 1917 года, встречаясь с Котовским, Александр Митрофанович уже прекрасно знал, что смертная казнь ему не грозит. И в своей статье «Сорок дней приговоренного к смерти», опубликованной в «Маленьком Одесском листке» 19 марта 1917 года (на нее Гуль тоже ссылается), Федоров передавал переживания Котовского в камере смертников, чтобы убедить общественность в необходимости отказаться от смертной казни.хлопотал же он о том, чтобы выпустить Котовского на свободу как человека, не представляющего никакой общественной опасности.

За Котовского вступились заводские коллективы, общественные организации. Они ходатайствовали перед комиссарами Временного правительства и перед Одесским советом об освобождении героя. Под давлением масс было дано указание судебным органам пересмотреть приговор. Решение: вместо пожизненного заключения — 12 лет каторги с запрещением заниматься общественно-политической деятельностью. Тогда Котовский обратился к министру юстиции с просьбой о помиловании. Эту просьбу начальник штаба округа генерал Н. А. Маркс сопроводил резолюцией: «Горячо верю в искренность просителя и прошу об исполнении его просьбы». Керенский вернул прошение в Одессу «на усмотрение местных властей». На сей раз вмешался Румчерод (Исполнительный комитет советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области), и Одесский военно-окружной суд принял следующее решение: «Подсудимого Григория Котовского... если по состоянию здоровья он окажется годным к военной службе, условно освободить от наказания и передать его в ведение военных властей». Это произошло 5 мая 1917 года. Вместе с Котовским был освобожден еще 41 уголовник.

Разумеется, при тех порядках, которые царили после революции в одесской тюрьме, Котовский легко мог сбежать и при желании возглавить новую шайку в Бессарабии. Благо

полиция практически перестала существовать. Но теперь, когда свершилась революция, «атаман Ада» почувствовал себя общественным деятелем, чье имя упоминается на первых страницах газет. Ему больше не хотелось быть атаманом шайки, пусть даже самой знаменитой на всем юге России. Григорий Иванович верил, что впереди его ждут великие дела и что он может сыграть не последнюю роль в большой политике.

Глава 7

НА РУМЫНСКОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

На фронт Котовский не торопился. Только 4 августа 1917 года в газете «Бессарабская жизнь» появилась краткая заметка: «Отъезд Котовского на фронт», где сообщалось, что «вчера вечером отправился добровольцем-разведчиком на фронт Григорий Котовский». Он поступил в команду пеших разведчиков 136-го Таганрогского пехотного полка, входившего во 2-ю бригаду 34-й пехотной дивизии 7-го армейского корпуса 6-й армии.

Вероятно, вскоре после поступления на военную службу Котовский впервые встретился со знаменитым артистом Леонидом Утесовым (Лазарем Вайсбейном). Леонид Осипович так описал эту встречу в Ришельевском театре: «Как-то раз после спектакля ко мне за кулисы пришел незнакомый человек богатырского сложения. На нем были синие брюки галифе, высокие сапоги и куртка, плотно облегающая могучий торс. Он подошел ко мне твердым военным шагом.

— Разрешите поблагодарить вас за удовольствие, — сказал он и крепко пожал мою руку, — это все. Еще раз спасибо! — повторил он и направился к выходу.

— Простите, кто вы?

— Я Григорий Котовский.

Я онемел. Легендарный герой! Гроза бессарабских помещиков и жандармов! Как и все одесситы, я с юных лет восхищался им. И вдруг он сам пришел ко мне! Я ему понравился!

Мы вышли из театра вместе. С тех пор почти полтора месяца он часто приходил в театр и просиживал у меня в артистической до конца спектакля.

Он смеялся моим шуткам и рассказывал эпизоды из своей поистине романтической жизни.

В нем чувствовалась огромная физическая сила, воля, энергия, и в то же время он казался мне человеком беспредельной доброты. А те суровые и подчас жестокие поступки,

которые приходилось ему совершать, были необходимостью, единственным выходом из положения. Даже в рассказах, — представляю, как это было “в деле”, — в нем вскипала ненависть к врагам. Резкий контраст богатства и бедности возмущал его романтическую душу. Чем-то он напоминал мне Дубровского, что-то родственное было у них в сознании и стиле поступков, хотя внешне пушкинский герой представлялся мне совсем иным».

Замечу, что в рассказах о своем дореволюционном прошлом Котовский предстал значительно более жестоким, чем это было в действительности.

Владимир Шмерлинг утверждал: «Котовский прибыл на один из участков Румынского фронта, в 136 пехотный полк, и был назначен рядовым в полковую конную (на самом деле — пешую. — Б. С.) разведку. Он отличился в первых же боях с германскими и австрийскими войсками. Его наградили орденом Георгия 4 степени, присвоили первый офицерский чин и назначили начальником конной разведки, в которую он еще так недавно вступил рядовым». Другие биографы писали об унтер-офицерском чине и солдатском «Георгии» 4-й степени. Но ни одна из этих версий не соответствует действительности. В документах 136-го полка сохранились приказы о награждении солдат георгиевскими крестами и георгиевскими медалями вплоть до начала 1918 года. Фамилии Котовского там нет.

А вот как Котовский охарактеризовал свою деятельность на фронте Первой мировой войны в автобиографии: «Начинается работа большевиков по разложению армии. Еще не сознавая и не охватывая умом всей работы большевиков, я, по интуиции, по чутью, присоединяюсь к ним, как к партии, которая мне наиболее близка и к которой я близок по своей психике. Ведь я с первого момента своей сознательной жизни, не имея никакого понятия о большевиках, меньшевиках и вообще о революционерах, был стихийным коммунистом, своей психикой, своей интуицией охватывающим сущность классовой борьбы между трудом и капиталом, между жестоко, беспощадно эксплуатируемым и жестоко, беспощадно эксплуатирующим. Я был по натуре и психологии человеком реального действия. Я не мог спокойно смотреть на бедствия эксплуатируемого бедняка, рабочего и крестьянина, — отсюда моя активная месть богачам сегодня и моя помощь, моя безграничная любовь и преданность тем, кто тяжелым трудом добывал себе кусок черного хлеба. Я насильем и террором отбирал у богача-эксплуататора ценности, которые ему по праву не принадлежа-

ли, и передавал их тем, кто эти богатства и ценности создавал своим трудом, своей кровью и потом».

На самом деле летом и осенью 1917 года на Румынском фронте в комитетах преобладали эсеры, выступавшие за войну до победного конца. Солдаты-молдаване плохо знали русский язык и о политических новостях узнавали от своих офицеров, придерживавшихся преимущественно эсеровской ориентации. Но молдаване в русских армиях Румынского фронта составляли меньшинство, а в этническом отношении преобладали украинцы. Котовский, очевидно, был близок к эсерам, иначе его вряд ли избрали бы членом полкового комитета 136-го Таганрогского пехотного полка. На заседании комитета 25 сентября 1917 года утверждался его доклад «О корпусной конференции культурно-просветительской секции». В протоколе заседания отмечалось: «Культурно-просветительская секция в своем заседании от 22 сентября с. г. нашла, что существующая программа, во-первых, не охватывает всей деятельности таковой и, во-вторых, не дает доступа для работников, каковые не определились с принадлежностью к той или иной социалистической партии. В том составе (четырёх-пяти человек), каков сейчас, секция не в состоянии обслуживать полк. Ввиду того в § 1-м вставлено: “поднятие уровня масс в культурном отношении”, в § 2 добавлено: “устройство концертов, спектаклей и прочих культурных развлечений”. В § 6 вставлено: “с культурно-просветительскими секциями”. § 7 изменен так: “в ряд деятелей секции входят члены комитета, изъявившие желание работать в ней. Образовавшаяся таким образом секция приглашает работников, список которых утверждает полковой комитет”. § 8 исключается вовсе. Таковое изменение собрание считает приемлемым. Всех лиц, указанных в списке культурно-просветительской секции, собрание утверждает таковым...

§ 3. Прибывший с корпусной конференции культурно-просветительских секций тов. Котовский докладывает следующее. На конференции из докладов с мест выяснилось, что культурно-просветительские секции, за редким исключением, почти не работали. Литература, распространяемая среди солдат, слишком мало дает результатов. Ввиду близости выборов в Учредительное собрание необходимо было принять самые энергичные меры к развитию мирозерцания масс. Сначала решено было учредить лекторско-пропагандистские курсы при корпусе. Но ввиду отсутствия лекторов-учителей, а также слишком короткого времени до Учредительного собрания, решено было собственными силами частей читать лекции. Для

этого выработана программа лекций “минимум”. Если в части не имеется литературы по указанным в программе лекциям, обращаться за таковой в “Румчерод”. Для ознакомления частей с техникой по выборам в Учредительное собрание из каждой части необходимо послать по одному человеку на инструкторские курсы в “Румчерод”. Собрание, принимая к сведению изложенное в докладе, выражает тов. Котовскому благодарность. <...> На инструкторские курсы при “Румчероде” посылается прапорщик Стрыков». Протокол подписали председатель комитета подпоручик Шевяков и секретарь комитета рядовой Удодов. С ним ознакомился командир полка полковник Васильев.

Характерно, что Котовский, будучи значительно образованнее своих товарищей, возглавлял культурно-просветительскую секцию. С ним, очевидно, не могли соперничать и офицеры. Но вряд ли сугубо канцелярская работа по составлению плана культурно-просветительских мероприятий и редактированию принимаемых комитетом резолюций отвечала романтической и энергичной натуре Котовского.

На заседании 27 сентября, согласно протоколу, «тов. Котовский просит слово для внеочередного заявления. Председательствующий просит разрешения у собрания выслушать заявление тов. Котовского, не приступая к выборам президиума. Поступает предложение перенести выборы во все организации комитета и президиум на послеобеденное заседание, а сейчас при старом президиуме выслушать заявление тов. Котовского и другие вопросы, касающиеся объединенного собрания полкового и ротных комитетов. По решению таковых вопросов членов ротных комитетов возможно будет и отпустить. Собрание принимает это предложение. Остаются вопросы, касающиеся объединенного заседания. 1. Заявление тов. Котовского и 2. Резолюция симферопольцев о выступлении на позицию...

§ 12. Тов. Котовский докладывает, что он, несмотря на просьбы команды, отказался быть членом полкового комитета и по следующим причинам. На предыдущем собрании при посещении нас начальником дивизии, последний был заброшен такими вопросами со стороны солдат по поводу окончания войны и средств к продолжению ее, что генерал Гаврилов был поставлен в безвыходное положение, а особенно словами товарища Киянова: “До каких же пор будет продолжаться эта бойня”. “Я собственно”, говорит т. Котовский, “высказал свой взгляд на текущий момент, но это как бы послужило ответом на вопрос тов. Киянова, на который, я чувствовал, не в

состоянии был ясно и определенно ответить генерал. Это послужило причиной того, что начальник дивизии поблагодарил меня, а солдатская масса по-за углами дала мне кличку буржуя или защитника буржуев”. Но может ли быть Котовский буржуем или защитником таковых? Как бы отвечая на заданный вопрос, оратор излагает свою биографию, говорит о своей борьбе с буржуями, о пятнадцатилетних страданиях по воле тех же буржуев в одиночном заключении и каторжных работах (Котовский отродясь столько не сидел ни в тюрьме, ни на каторге в целом. — Б. С.). Свою биографию Котовский заканчивает словами: “Может ли Котовский, польсевший по милости буржуев, быть их сторонником?” Далее им высказывается взгляд на войну, причем опасность он видит в германском империализме и не допускает сепаратный мир, возникает надежда на организацию демократии и на воздействие таковой на правительства воюющих держав, малосознательная масса своей дезорганизацией может довести Россию до того, что явится кровавый Вильгельм из Германии или Николай из Тобольска и вновь повиснет над русским народом кулак и нагайка. “А для меня пока существует свобода, существует и Россия; без свободы для меня нет России”, — заканчивает свою речь оратор.

Интересней всего, что на совещании командующему армией пришлось отвечать на вопрос, почему мы не пошли сменить пятый корпус, охраняющий Черноморское побережье. Оказалось, что 5 корпуса за всю войну не было на Румынском фронте. Все слухи по этому поводу являются просто провокацией. В заключение командующий армией (генерал от кавалерии А. А. Цуриков. — Б. С.) просил и даже приказал всем командирам частей идти навстречу войсковым организациям. На совещании был затронут вопрос о выборах в Учредительное собрание.

Все собравшиеся просят тов. Котовского оставаться работником в комитете, на что Котовский изъявляет свое согласие.

Тов. Ковалев видит сознательность в действиях симферопольцев: “Наше дело исполнить приказ, а дело нашего начальства побеспокоиться об исполнении наших требований”. Командир полка на слова Ковалева: “мы идем на позицию, но не ответственны за результаты”, указывает на то, что ответственность за имущество может падать и на нас, ибо были случаи, когда солдаты, получившие в тылу полное обмундирование и снаряжение, приходили на позиции без такового. Тов. Котовский согласен с Ковалевым и сопоставляет слова комиссара Войтинского (комиссара Временного правительства на Север-

ном фронте. — Б. С.) на демократическом совещании, что армия босая и голодная побеждать не может...».

После всестороннего обсуждения и принятия трех поправок, объединенное собрание выносит следующую резолюцию: «Полк безусловно выполнит свой долг и по первому требованию пойдет на позицию. Плачевное положение полка возбуждает всевозможные толки среди солдат. Постановлено довести до сведения комиссара армии и просить его о принятии всех мер к улучшению положения полка в смысле пополнения, обмундирования, вооружения и довольствия. Ввиду вышеизложенного, объединенное заседание считает своим долгом сообщить, что в случае невозможности выполнить боевой задачи полком, таковой слагает с себя ответственность за последствия, хотя по-прежнему будет сражаться до последней возможности». Объединенное собрание постановило послать делегацию в составе пяти человек к армейскому комиссару для доклада о состоянии полка. Избраны: прапорщики Ковалев и Безус, подпрапорщик Бойко, старший унтер-офицер Серов и рядовой Котовский. На этом же заседании Котовский был избран членом следственной комиссии.

На заседании полкового комитета 5 октября 1917 года в четвертом параграфе протокола было отмечено, что «тов. Котовский предлагает членов комитета, вошедших в избирательную комиссию по выборам в Учредительное собрание, не ставить кандидатами на должность председателя контрольно-хозяйственной комиссии, а председателя этой комиссии просить не приглашать для работы тех членов, которые состоят в комиссии по выборам в Учредительное собрание». Однако надолго Котовский в комитете 136-го полка не задержался.

Седьмого октября 1917 года в третьем параграфе протокола заседания комитета констатировалось: «Делегат команды пеших разведчиков оглашает заявление тов. Котовского об отказе в участии в работах полкового комитета и всех организаций полка. Собрание через указанного делегата просит Котовского изъять свой отказ обратно, о согласии сообщить к следующему заседанию.

На следующем заседании 8 октября Котовский отсутствовал, равно как и на заседании 12 октября»*.

Итак, Котовский покинул полковой комитет под флагом своеобразного «революционного оборончества», смешанного с пацифизмом. Такая позиция была близка в тот момент левым эсерам, блокировавшимся с большевиками. И еще Котовский

---

* РГВИА. Ф. 2126. Оп. 5. Д. 32. Л. 1—7.

требовал наведения порядка и в армии, и в государстве. Хотя, казалось бы, именно революционный хаос создавал идеальные условия для возвращения к бандитской профессии.

Интересно, что на заседаниях полкового комитета 27 сентября и 12 октября присутствовал некто Поскребышев. Уж не был ли это будущий секретарь Сталина Александр Николаевич Поскребышев? Если это так, то в аппарате ЦК РКП(б) Поскребышев работал с 1922 года, а с 1924 года был личным помощником Сталина. Он мог лишний раз напомнить Сталину о Котовском, способствуя особому вниманию, которое проявил Сталин к Котовскому после его смерти.

Восьмого сентября на Румынском фронте установилось затишье, причем боевые действия против австро-германских войск так и не возобновились вплоть до выхода России из войны. До этого, в августе, на Румынском фронте велись боевые действия, но в них участвовали главным образом румынские войска, отражавшие австро-германское контрнаступление, последовавшее за неудачным русским наступлением в июле. Русские войска, основательно разложившиеся, в это время держались пассивно. Фронтовой съезд комитетов Румынского фронта 30 октября 1917 года принял решение о непризнании советской власти. Военно-революционный комитет во главе с комиссаром фронта эсером Тизенгаузером и его помощником эсером Андриановым поддержал Временное правительство и осудил захват власти большевиками.

Однако уже в декабре 1917 года большевики и левые эсеры получили большинство в Румчероде. Тогда Котовский, по его утверждению, был избран в армейский комитет 6-й армии и даже в его президиум. Но об этом мы знаем только со слов самого Григория Ивановича. Никаких документов, подтверждающих его членство в армейском комитете, так и не было найдено, да и прыжок его после ухода из полкового комитета сразу в армейский кажется невероятным.

Что не вызывает сомнения, так это то, что уже в конце сентября 1917 года, после провала Корниловского мятежа, Котовский переориентировался с эсеров на отколовшихся от них левых эсеров и большевиков. И в январе 1918 года по поручению контролировавшегося большевиками и левыми эсерами комитета 6-й армии сформировал в Тирасполе отряд для борьбы против румынских войск.

Двадцатого октября (2 ноября) 1917 года прорумынски настроенные партии и организации сформировали Сфатул цэрий (Совет края). Это произошло на съезде молдавских солдат в Кишиневе, 800 делегатов которого представляли 250 тысяч

бессарабских солдат и офицеров со всех фронтов. Благодаря тому, что значительная часть эсеров ушла в Сфатул цэрий, в комитетах Румынского фронта возобладали большевики. На съезде Сфатул цэрий было принято решение о предоставлении территориальной и политической автономии Бессарабии в границах Бессарабской губернии. Между тем на южные уезды Бессарабии, населенные преимущественно украинцами, претендовала украинская Центральная рада (Центральный совет), взявшая власть в Киеве в результате вооруженного восстания против Временного правительства 29—31 октября (11—13 ноября). 7(20) ноября 1917 года Центральная рада провозгласила независимость Украинской Народной Республики. Параллельно происходил процесс «украинизации» армий Румынского фронта, то есть передачи их под контроль Центральной рады. «Украинизацию» поддерживал командующий фронтом генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев, видевший в ней меньшее зло по сравнению с угрозой перехода власти в комитетах частей и соединений фронта в руки большевиков. Зато этот процесс способствовал тому, что в тех частях, которые отказались украинизироваться, большинство в комитетах оказалось у большевиков и левых эсеров.

Сфатул цэрий состоял из 150 депутатов под председательством Иона Инкулеца, который был также депутатом Петроградского совета. Национальный состав этого органа был следующим: румыны (молдаване) — 105 человек, украинцы — 15, евреи — 14, русские — 7, немцы — 2, болгары — 2, гагаузы — 2, поляки — 1, армяне — 1, греки — 1 человек. Румынский перевес здесь был подавляющим, хотя в самой Бессарабии румыны (молдаване) составляли лишь чуть более половины населения.

Двадцатого ноября (3 декабря) 1917 года генерал Щербачев с согласия держав Антанты обратился к командованию войск Четверного союза с предложением немедленно начать переговоры о перемирии. В результате 26 ноября (9 декабря) в Фокшанах было заключено перемирие между русско-румынскими и германо-австро-болгаро-турецкими войсками.

Сфатул цэрий 2(15) декабря 1917 года провозгласил образование Молдавской Демократической Республики. Было создано правительство — Совет генеральных директоров во главе с Пантелемоном Ерханом. Оно было признано Советом народных комиссаров в Петрограде.

Между тем в ночь на 5(18) декабря войска, верные Центральной раде, по приказу Щербачева заняли все штабы корпусов, дивизий и полков, а затем вместе с румынами приступи-

ли к разоружению тех полков, где было сильно большевистское влияние. Был убит большевистский комиссар Румынского фронта С. Г. Рошаль. Разоруженных солдат отправляли за Днестр на территорию Украины. С согласия Щербачева румынские войска заняли основные стратегические пункты Бессарабии для поддержания порядка и спокойствия в тылу Румынского фронта. А 10/23 января 1918 года Совет генеральных директоров от имени Сфатул цэрий призвал в Бессарабию румынские войска «для борьбы с анархией». В тот же день советское правительство разорвало дипломатические отношения с Румынией, секвестировало румынский золотой запас и арестовало членов румынской дипмиссии. Начались боевые действия между румынскими войсками и теми русскими войсками Румынского фронта, которые признали советскую власть.

В Одессе 12/25 декабря 1917 года был созван второй съезд Румчерода, на котором он перешел под контроль большевиков. Однако его влияние распространялось только на русские части, молдавские и украинские части ему не подчинялись. Фронтовой отдел Румчерода, руководивший военной работой, расположился в Кишиневе, в здании гимназии имени Дадиани, по Киевской улице. Котовскому довелось там частенько бывать.

Расскажем здесь кратко, чем закончилась история Сфатул цэрий. 12/25 января Центральная рада провозгласила полную независимость Украинской Народной Республики. 24 января (6 февраля) 1918 года вслед за Центральной радой Сфатул цэрий единогласно принял декларацию о независимости Молдавской Демократической Республики, а 27 марта (9 апреля) 1918 года 86 голосами «за» при 3 «против» и 36 воздержавшихся был принят акт о присоединении Бессарабии к Румынии на правах автономии. Там говорились, что «Молдавская Демократическая Республика (Бессарабия) в своих исторических границах между Прутом, Днестром, Дунаем, Черным морем, старой австрийской границей объединяется с Румынией». Одновременно в Бессарабии была принята более радикальная аграрная реформа, чем в остальной Румынии. 9/22 апреля решение об объединении было ратифицировано декретом короля и правительства Румынии в Яссах.

Двадцать шестого ноября (9 декабря) 1918 года, после присоединения Трансильвании к Румынии, под давлением румынских властей Сфатул цэрий отказался от автономии, согласившись на безусловное присоединение Бессарабии к Румынии. На Бессарабию формально была распространена

менее радикальная румынская аграрная реформа, но на практике в Бессарабии она все равно была осуществлена более радикально, чем в старой Румынии. Крупное помещичье землевладение было ликвидировано, и фактически помещики компенсации за отчужденные у них земли не получили. Предел землевладения был установлен в 150 гектаров на хозяйство. Аграрная реформа в Бессарабии начала осуществляться в марте 1920 года, тогда как в Старом королевстве и в Трансильвании — только в июле 1921 года. Бессарабия также отказалась от особого административного устройства и от властных полномочий Сфатул цэрий. Отметим также, что в апреле 1919 года в Бессарабии и в Старом королевстве был введен григорианский календарь (новый стиль), после чего все события в Бессарабии как в советских, так и в румынских документах датируются только по новому стилю.

А что же произошло с нашим героем, пока его родная земля меняла государственную принадлежность? 26 ноября 1917 года в Галаце Котовский, по его утверждению, был делегатом 2-го съезда Советов и комитетов 6-й армии. К началу съезда от эсеров был 341 делегат, от меньшевиков — 78, а от большевиков — 231. Однако в ходе съезда левые эсеры и часть меньшевиков поддержали большевиков, у которых в результате оказалось большинство.

На съезде Котовского, как он уверял, избрали членом армейского комитета. Однако присутствовавший на этом съезде в качестве делегата от 458-го Суджанского пехотного полка Г. П. Софронов, избранный в президиум армейского комитета 6-й армии, об этом даже не упоминает, хотя в его мемуарах Григорий Иванович фигурирует. А учитывая колоритную внешность Котовского, его трудно было не запомнить.

И еще одна характерная деталь. В 1924 году Котовский, ходатайствуя о восстановлении ему партстажа с 25 ноября 1917 года, писал: «Официально числясь членом РКП с апреля 1920 года, я фактически примкнул к партии и являюсь ее активным членом с 25 ноября 1917 года, когда на съезде 6 армии Румфронта выделилась фракция большевиков, в которой я состоял. Ежедневное пребывание в условиях ежедневных боев не дало возможности официально себя зарегистрировать в партийной организации до 1920 года.

Сейчас возбуждаю ходатайство через ЦК о восстановлении стажа с 25 ноября 1917 года. Могу по первому требованию указать ответственных товарищей, могущих подтвердить настоящее заявление». Однако в восстановлении партстажа ему было отказано, что косвенно свидетельствует о том, что в армейский

комитет 6-й армии он не избирался и в тамошней фракции большевиков не состоял.

В дни съезда комитетов 6-й армии по городам Бессарабии прокатились еврейские погромы. Член армейского комитета 6-й армии Л. С. Дегтярев, который председательствовал на съезде комитетов этой армии в Галаце, а позже стал ее командующим, вспоминал, что Котовский прибыл в Болград в самый разгар еврейского погрома. Поручик из штаба армии, пытавшийся остановить погром, был убит. Кто-то вывел отряд солдат, но они отказались стрелять в народ и сами бросились грабить. Вдруг появился Котовский на грузовике с группой в семь человек.

— Остановись! — скомандовал он. — Товарищи! Слушай мою команду!

— А ты кто такой выискался? — ехидно спросил кто-то.

— Я — Котовский! Именем армейского комитета приказываю немедленно разойтись!

В ответ прозвучало несколько выстрелов.

— Пальба взводом! Взвод... — скомандовал Котовский. Шелкнули затворы. Толпа притихла, но залпа не последовало. Громким голосом Котовский приказал:

— Вот этого арестовать и этого. Остальным немедленно разойтись!

И люди покорились Котовскому и мирно разошлись.

Глава 8

В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Советская власть была установлена в Кишиневе 1/14 января 1918 года. Однако продержалась она недолго. 13/26 января в Кишинев вошли румынские войска. В отличие от русских они не разложились, и русским частям Румынского фронта трудно было им противостоять. Русские солдаты в массе своей хотели разойтись по домам. Большинство же румынских солдат идти было некуда, так как почти вся территория Румынии, за исключением Северной Молдовы, была оккупирована войсками Центральных держав. Обороняли Бессарабию в основном те части, где было много уроженцев Бессарабии из нерумынского населения — украинцев, русских, евреев, болгар.

Котовский по поручению военной секции эвакуировавшегося из города Кишиневского совета начал формировать добровольческий отряд, ставший частью большого Тираспольско-

го отряда. Ему несколько раз приходилось усмирять еврейские погромы.

Бывший боец Тираспольского революционного отряда В. Л. Цетлин, в будущем — пулеметчик в бригаде Котовского, а впоследствии — генерал-майор, вспоминал, что отряд Котовского формировался в январе — феврале 1918 года первоначально как пеший. Помогал Котовскому в его формировании большевик И. П. Годунов. Затем в отряд влился конный партизанский полк, сформированный комитетом 6-й армии в Маяках. После этого Котовский стал командиром смешанного конно-пешего разведывательного отряда. Всего в отряде было 127 конников и 160 пехотинцев. Утверждение же, что Котовский прибыл в Тирасполь из Бессарабии во главе конного отряда, сформированного еще в Кишиневе, не соответствует действительности. Григорий Иванович впервые возглавил такое большое количество людей. Во времена уголовной юности под его началом никогда не оказывалось более двух десятков бандитов. Тем не менее этот опыт учли, когда поручили Котовскому командовать отрядом разведчиков.

Двадцать пятого января 1918 года Котовский принял участие в боях в Одессе, когда большевики свергли власть Центральной рады. Как участник боев за установление советской власти в Одессе, Котовский был награжден значком Одесской Красной гвардии № 1443. После одесских боев Котовскому был вручен следующий мандат: «Котовскому Григорию Ивановичу, как испытанному и боевому товарищу, поручается организация боевых частей для освобождения Бессарабии от гнета мирового империализма».

Первой крупной боевой операцией, в которой участвовал отряд Котовского, стала атака на местечко Кицканы на правом берегу Днестра. 16 февраля отряд Котовского предпринял набег на румынские батареи, обстреливавшие Тирасполь из села Кицканы. «По полученным в Одессе сведениям, — сообщила 20 февраля газета «Одесская почта», — партизанский отряд, организованный Григорием Котовским, сильно тревожит румын. Котовский, пользуясь своим прекрасным знакомством с топографией Бессарабии, где он родился и жил, часто заходит к румынам в тыл, совершает на них время от времени набеги и всегда с той стороны, откуда его меньше всего ожидают».

Трудно сказать, что в этой статье правда, а что придумано самим Котовским. Дело в том, что 17 февраля между Румчеродом и румынскими властями начались переговоры и боевые действия были временно прекращены.

Как раз 17 февраля Котовскому поручили передать румынам ультиматум на бендерском железнодорожном мосту. Румчерод требовал очистить Бессарабию от румынских войск, вернуть захваченное военное имущество и выдать генерала Щербачева и других русских офицеров. Естественно, ультиматум был отвергнут, а переговоры затягивались. В конце февраля, когда румынские войска заняли переправу у Дубоссар, туда была переброшена пешая часть отряда Котовского под командованием И. П. Годунова, который остановил румынское наступление.

В конце февраля румынские войска в районе Рыбницы потерпели поражение от 1-й революционной армии, которой командовал М. А. Муравьев, бывший подполковник царской армии и левый эсер. 18 февраля Муравьев подчинил своему трехтысячному отряду пятитысячную Одесскую особую армию Румчерода. В тот же день он телеграфировал Ленину: «Положение чрезвычайно серьезное. Войска бывшего фронта дезорганизованы, в действительности фронта нет, остались только штабы, место нахождения которых не выяснено. Надежда только на подкрепления извне. Одесский пролетариат дезорганизован и политически неграмотный. Не обращая внимания на то, что враг приближается к Одессе, они не думают волноваться. Отношение к делу очень холодное — специфически одесское». 20 февраля Муравьев начал наступление против румынских войск, захвативших несколько плацдармов на левобережье Днестра. В районе Бендер у румын были захвачены три орудия. Ко 2 марту румынские войска потерпели поражение в районе Рыбница — Слободзеи и оставили попытки удерживать плацдармы на Левобережье, потеряв в общей сложности до 15 орудий и до 500 пленными. Муравьев предлагал продолжить наступление за Днестр в направлении Кишинева и Ясс, а на юге — к Измаилу.

Однако начавшееся 18 февраля вторжение на Украину австро-германских войск, призванных правительством Центральной рады, вынудило советские войска отступить с левого берега Днестра. Румыны, готовые еще 8 марта подписать договор об отводе своих войск из Бессарабии в течение двух месяцев, уже 9 марта возобновили наступление и заняли Аккерман и Шабо.

В марте отряд Котовского, который находился в Дубоссарах, был отрезан от других отступающих частей, но ему удалось с боем прорваться через Раздельную на Березовку и присоединиться к Тираспольскому отряду. В Вознесенске этот отряд был переформирован. Котовский возглавил конницу отряда

(главным образом из бывших 5-го и 6-го Заамурских полков) и бронеотряд и двинулся походным порядком на Кривой Рог — Екатеринослав. Действовавший теперь отдельно от отряда Котовского пеший отряд под командованием И. П. Годунова был разбит в арьергардных боях в районе станций Корсавка — Пятихатка, а сам Годунов погиб. Также и конный отряд Котовского почти полностью рассеялся на пути к Екатеринославу, и здесь Котовский стал работать в штабе Тираспольского отряда. По некоторым данным, в Екатеринославе под началом Котовского осталось всего 25—30 человек. В апреле на пути к Луганску Котовский заболел «испанкой» и получил отпуск для лечения. Это его спасло. Основные силы Тираспольского отряда, переименованного во 2-ю революционную (или социалистическую) армию Южного фронта, отступили в Донскую область, где были частично уничтожены восставшими казаками, а захваченные в плен переданы немцам (это хорошо описано в романе Михаила Шолохова «Тихий Дон»). Погибли командующий Тираспольским отрядом, бывший штабс-капитан царской армии Е. М. Венедиктов, его адъютант И. Я. Авасапов и председатель ревтрибунала М. Л. Мерсон.

В послужном списке, который Котовский в 1920 году продиктовал начальнику штаба своей бригады Константину Фомичу Юцевичу, утверждалось: «Был захвачен в плен конным отрядом Дроздова в Мариуполе во время отступления Тираспольского отряда на Дон. 1918, апреля, 6 числа». Однако этот факт опровергается документом — выданным 7 апреля 1918 года удостоверением № 1250, где говорилось: «Предъявителю сего — члену штаба (Тираспольского. — Б. С.) отряда т. Григорию Котовскому разрешается 10-дневный отпуск для лечения, что подписью и печатью удостоверяется. Начальник штаба. Старший адъютант». Получается, что на следующий день после 6 апреля Котовский все еще пребывал в своем отряде и ни в какой плен к полковнику М. Г. Дроздовскому (очевидно, он имеется в виду под фамилией Дроздов) не попадал. Тут не помогает даже оговорка, что Котовский мог датировать свое пленение по старому стилю, тогда по новому стилю это — 19 апреля. Но отряд М. Г. Дроздовского, направлявшийся с Румынского фронта на Дон, прибыл в Мариуполь только 27 апреля 1918 года. Очевидно, Григорию Ивановичу просто захотелось присочинить для своей биографии еще один подвиг — побег из белого плена, как потом в автобиографии он описал в героическом духе свой побег с сибирской каторги, безжалостно убив (к счастью, только на бумаге) двух стражни-

ков. В тот момент он заболел тифом, но после окончания отпуска в свой отряд не вернулся, а подался в Одессу. Чтобы как-то оправдать свое дезертирство, Котовский и придумал историю о том, как он оказался в плену у белых. Дескать, пробираться в тот момент к фронту, сквозь боевые порядки белых, было бы самоубийством.

Вот как события конца 1917-го — начала 1918 года описывались в феврале 1924 года в письме Котовского и других деятелей революционного движения с просьбой о создании Молдавской Республики: «После февральской революции в 1917 году, когда старое буржуазное государство переживало свои предсмертные судороги, в Заднепровской провинции, в Бессарабии, присоединенной к России в 1812 году, возникла мелкобуржуазная краевая организация, которая создала потом свое собственное правительство, т. н. “Сфатул Цэрий”. Это правительство, под влиянием политической конъюнктуры того времени старалось добыть автономию этой молдавской области. В состав правительства вошли мелкобуржуазные, а также явно буржуазно-националистические и шовинистически настроенные элементы: Чугуряну, Ерхан, Инкулец и др. (правые эсеры).

Румынское правительство не играло последней роли в этих событиях, и потом, когда русская армия в Румынии окончательно разложилась и русские солдаты начали стихийно возвращаться домой, правительство “Сфатул Цэрий” обратилось за помощью к Украинской Раде и Румынии.

Правительство последней откликнулось и 5/1—18 года при одобрении Антантовских и особенно французских дипломатов, две румынские дивизии вторглись в пределы Бессарабии и, под предлогом обеспечения источников снабжения для армии, заняли ее. Советская Россия, тогда занятая Брест-Литовском, мало могла уделить внимания и сил этим событиям. Все же Советское правительство делало все, что могло, и в результате своих усилий, 9/3—18 г. в Одессе был подписан бывшим премьером Румынии генералом Авереску и тов. Раковским договор, по которому Румыния обязывалась очистить в 2-месячный срок Бессарабию от своих войск. Однако быстрое развитие событий и особенно вторжение немцев на Украину помешало Советскому правительству настаивать на своевременном исполнении этого договора, и последний остался только на бумаге. Подлинник этого договора ныне увезен в Румынию бывшим членом автономной верховной Русско-Румынской коллегии по русско-румынским делам [Михаилом] Брашеваном.

Румынии удалось вырвать от “Сфатул Цэрий” так называемое “Торжественное постановление о присоединении Бессарабской республики к Румынскому королевству”. Обстоятельства, при которых Румынии удалось добиться своей цели, хорошо известны Советскому правительству и нашим партийным органам. Нужно только напомнить, что “союзники”, признавшие потом официально это присоединение, без ведома и участия в этом решении Советского правительства и вопреки позиции в этом вопросе Соединенных Штатов Северной Америки, в свое время также гарантировали своевременный уход румынских войск из Бессарабии».

Тут следует отметить, что у Сфатул цэрий практически не было альтернатив перед присоединением к Румынии. От присоединения к Советской России ничего хорошего молдавским политикам из числа эсеров, а тем более — из числа правых партий ждать не приходилось. Присоединение к Украинской Народной Республике грозило украинизацией молдаван (румын), да к тому же власть Центральной рады была достаточно эфемерной. Сохранение же независимости еще более эфемерной карликовой Молдавской Демократической Республики в тех условиях не представлялось возможным, тем более что Сфатул цэрий так и не создал собственной армии и вынужден был целиком полагаться на регулярную армию Румынского королевства.

Само существование договора от 9 марта 1918 года (5 марта его будто бы подписал в Яссах Авереску, а 9 марта — в Одессе советские представители, иногда в качестве этих дат называется 8 и 12 марта) об очищении румынскими войсками Бессарабии вызывает большие сомнения. Румынская историография факт его существования не признает, а оригинал договора так и не был найден. Зато известно, что в тот же день, 5 марта, Румыния достигла принципиального соглашения с Центральными державами о передаче ей Бессарабии. Двумя днями ранее, 3 марта, в Брест-Литовске Советская Россия заключила мирный договор с Германией и ее союзниками, согласно которому Украина признавалась независимым государством и советские войска больше не могли угрожать Румынии. Кроме того, стало ясно, что революционную войну против Германии Советская Россия вести не будет, а именно в расчете на такую войну державы Антанты побуждали Румынию к уступкам в бессарабском вопросе. На Украину уже вошли германо-австрийские войска и захватили Киев. Советские войска стремительно покидали Украину, и им было явно не до Бессарабии. 24 апреля (7 мая) 1918 года с согласия союзников по Ан-

танте Румыния подписала сепаратный Бухарестский мирный договор с Центральными державами, которые признали присоединение Бессарабии к Румынии.

В июне 1918 года Котовский объявился в Одессе с паспортом на имя помещика Золотарева. Чем он занимался в апреле и мае, достоверно неизвестно. Скорее всего, искал товарищей по былым налетам, чтобы продолжить лихие дела в Одессе, самом богатом городе юга России. Здесь его налеты приобрели явно политическую окраску. В сложившихся условиях Котовский предпочитал грабить не частных лиц, а учреждения и склады, принадлежавшие интервентам и белогвардейцам. До конца 1918 года в Одессе находились австро-германские войска и силы украинского гетмана П. П. Скоропадского. Затем их сменили французы и греки, короткое время в городе находились власти Украинской Народной Республики, а затем появились части Добровольческой армии. Котовский связался с большевистским и левозеровским подпольем и часть награбленного отдавал на его нужды. Чаще всего Котовский работал под маской богатого помещика, пытающегося поставить фураж и продовольствие сначала австро-венгерским и германским войскам, а затем — франко-греческим. К тому времени он научился мастерски изменять свою внешность.

Как считал Гуль, «в Котовском самом не было корысти, но его окружение состояло из настоящих бандитов и “налеты” смешивались с явным разбоем.

То Котовский переодетый офицер, то дьякон, то помещик. Грабежи днем и ночью. На столбах Одессы расклеены воззвания, предлагающие за выдачу Котовского и его сообщников крупную награду. Но именно эту-то “игру жизнью” и риск каждой минуты и любил Котовский.

Котовский играл. Играл так, как играют в кинематографе. Говорят, в этом человеке жила большая тоска, смешанная с патологической жадной крутить перед всем миром трехтысячметровый криминальный фильм, на который “нервных просят не ходить”».

Котовец А. Гарри утверждал: «Я не всегда сразу узнавал Котовского: способностью перевоплощаться он владел в совершенстве. Ему служили не только грим и костюм: он изменял походку, выражение лица, голос, жестикуляцию». В Одессе Котовский переодевался то блестящим офицером с вензелями Академии Генштаба, то священником, то херсонским помещиком Золотаревым. Он слыл знатоком рысистых лошадей, отличным игроком на бильярде, посещал самые дорогие рестораны и кафе, брал лучшие места в театре, жил в роскошных

гостиницах. Но иногда Котовский перевоплощался в еврейско-го торговца Гершеле Берковича, имевшего на Привозе большой лабаз с овощами. Он также закупал оружие у контрабандистов.

А. Гарри так описал свои впечатления от первой встречи с Котовским в Одессе в ноябре 1918 года: «Передо мною сидел не то циркач, не то маклер с черной биржи». Кстати сказать, гримировался Котовский всегда сам и делал это вполне профессионально.

Двенадцатого декабря 1918 года, в разгар эвакуации из города австро-германских войск, отряд Котовского вместе с людьми Япончика взял штурмом одесскую тюрьму и освободил всех заключенных, как уголовных, так и политических. В этот день большевики планировали в Одессе всеобщее восстание против захвативших 11 декабря власть сторонников Украинской Народной Республики и денкинских офицеров-добровольцев, контролировавших ряд районов Одессы. Однако, в отличие от нападения на тюрьму, восстание не удалось. А 18 декабря с кораблей французской эскадры в Одессе высадился крупный контингент французских и греческих войск. Большевики вели активную деятельность по разложению войск интервентов, печатая в десятках тысяч экземпляров листовки на французском, английском, греческом, румынском и польском языках.

В начале 1919 года отряд Котовского вместе с другими партизанскими отрядами участвовал в боях против французских и греческих войск в районе Тирасполя, но каких-либо успехов не достиг и вернулся в Одессу.

В феврале 1919 года Котовский совершил несколько дерзких налетов на склады и эшелоны с оружием. Все эти операции Котовский осуществлял во взаимодействии с «королем» одесских бандитов Мишкой Япончиком (Мойше-Яковом Винницким, или Моисеем Вольфовичем Винницким), который, как и Котовский, во время налетов стремился избегать убийств. Большевиков такие действия вождей одесских уголовников вполне устраивали. Интервенты несли ощутимые материальные потери, в городе нарастал хаос. При этом подручные Япончика и Котовского поживились обильной добычей. Через Котовского Япончик снабжал большевистское подполье оружием, причем по весьма умеренным ценам.

С Япончиком, или Японцем, Котовский познакомился в тюрьме, где Япончик отбывал 12 лет каторги. В отличие от Котовского он считался политическим заключенным, поскольку отбывал наказание за налеты, совершенные в 1907 году в составе анархистской организации «Молодая воля». В ок-

тябре 1905 года, когда Котовский начинал бандитскую карьеру в Бессарабии, Япончик, которому тогда было всего 14 лет, был членом одесского отряда еврейской самообороны, защищавшего евреев от погромов. «Королем» же криминальной Одессы прототип главного героя «Одесских рассказов» стал не в начале 1900-х годов, а в 1917—1919 годах, когда по амнистии вернулся с каторги. С улиц революционной Одессы очень быстро исчезла полиция, а потом сменявшие друг друга власти никак не могли совладать с уголовной преступностью. Относительно того, насколько тесной была дружба Япончика и Котовского, достоверных данных нет. Иногда даже говорят об их скрытой борьбе и соперничестве. Но можно предположить, что против белых и интервентов им в любом случае приходилось действовать совместно, при этом также помогая большевикам, анархистам и левым эсерам.

Занимался Котовский и диверсиями, подрывая железнодорожные пути и станционные сооружения. Благо на станции Одесса-Главная у большевиков был свой агент-телефонист, так что они оперативно снабжали Котовского данными о движении эшелонов. Григорий Иванович заранее знал, какой эшелон (с войсками) надо просто подорвать, а какой (с имуществом) пограбить, так что он и его люди внакладе не оставались.

В марте 1919 года, незадолго до прихода Красной армии, руководители большевистского подполья Одессы были арестованы и казнены. Котовский будто бы планировал осуществить налет на тюрьму и освободить их, но не успел. Теперь он фактически возглавил борьбу против интервентов в Одессе. Под его началом было примерно 250 вооруженных боевиков.

Когда к городу подошли советские войска, Котовский и Япончик подняли восстание на Молдаванке, в котором приняли участие и уголовники, и рабочие. Белые и интервенты начали отступать к порту, а бандиты вволю пограбили склады, магазины и богатые особняки, где оставалось немало брошенного в панике имущества. Люди, переодетые в форму денкинских офицеров, среди бела дня подъехали к зданию Одесского государственного банка на трех грузовиках и предъявили предписание о вывозе денег и ценностей на пять миллионов золотых рублей. Через полчаса после их отъезда подъехали машины с настоящими офицерами, которым было предписано эвакуировать банк. Но эвакуировать, в сущности, уже было нечего. Молва упорно приписывала этот подвиг Котовскому, хотя и без него героев хватало. А в народе еще в 1930-е годы циркулировали легенды о кладях Котовского, в одном из которых должны были лежать взятые в Одесском гос-

банке золото и драгоценности. Думаю, если такие клады и были, то Котовский, скорее всего, пустил их в оборот в период нэпа, что могло обеспечить первоначальный капитал для развития и последующего процветания Бессарабской коммуны.

Второго апреля 1919 года французские и греческие войска, большинство из которых отказалось сражаться, получили приказ эвакуироваться из Одессы. 8 апреля эвакуация закончилась, но еще 5 апреля в Одессу вступили советские войска, поддержанные большевистским и уголовным подпольем.

Большевики решили использовать популярность Котовского в Бессарабии, которую после взятия Одессы Красная армия собиралась освободить, чтобы затем сокрушить «боярскую» Румынию и прийти на помощь красной Венгрии. 13 апреля 1919 года он с благословения секретаря Одесского губкома партии Яна Гамарника получил мандат, где говорилось: «Тов. Котовскому Григорию Ивановичу, как испытанному и боевому товарищу, поручается организация боевых частей для освобождения Бессарабии от гнета мирового империализма. Тов. Котовский работает на территории Одесского округа и подпольно в Бессарабии. Все советские учреждения, исполкомы, ревкомы, также подпольные советские организации оказывают указанному товарищу безусловное содействие». Тогда же, 20 апреля, Котовский получил первую официальную советскую должность — военкома пограничного с Бессарабией Овидиопольского военного комиссариата. Ему предложили создать группу для подпольной работы в Бессарабии. Котовский собирался высадить отряд партизан на другом берегу Днестра, используя для этого рыбацкие лодки. Но румыны узнали о плане десанта. Из Аккермана в Овидиополь пришел румынский монитор и расстрелял все собранные для десанта лодки.

В короткий срок Котовскому удалось завербовать более трех тысяч добровольцев, в том числе немало своих соратников из числа одесских и бессарабских уголовников. В конце апреля Одесский губком сформировал Временное рабоче-крестьянское правительство Бессарабии, вскоре перебравшееся из Одессы в Тирасполь. Его возглавил И. Н. Кривоуков. 28 апреля политбюро компартии Украины приняло решение о формировании Бессарабской Красной армии. Через Бессарабию и Буковину советские войска собирались двинуться на помощь красной Венгрии.

Первого мая советское правительство предъявило Румынии ультиматум с требованием в 48 часов очистить Бессарабию и Буковину (последняя, кстати сказать, была австрийской

провинцией и никогда не входила в состав Российской империи). 5 мая 1919 года, совершив переправу, в Бендеры ворвалась небольшая группа большевистских повстанцев. Они докладывали советскому командованию: «Пять часов утра. Переправа совершена удачно. Румынская застава взята без выстрела. Часовые других постов спали и также сняты. Цепь из сорока штыков, направившаяся в сторону Бендерской крепости, заставила последнюю выкинуть белый флаг о сдаче. Другой небольшой отряд захватил вокзал, откуда без всякого боя бежали жандармы и румынские солдаты». Однако к концу дня румынские войска выбили повстанцев из Бендер. Штаб Котовского в это время находился в гостинице «Швейцария» в Тирасполе. Казалось, его отряд скоро ринется за Днестр.

Однако 7 мая поднял мятеж освободитель Одессы начдив 6-й советской дивизии, бывший штабс-капитан царской армии, георгиевский кавалер и бывший полковник армии УНР Николай (Никифор) Александрович Григорьев, прототип атамана Грициана Таврического из популярной советской оперетты Бориса Александрова «Свадьба в Малиновке», экранизированной в 1967 году. Он отказался выступить на Румынский фронт и выдвинул лозунги «власть Советам народа Украины без коммунистов», «Украина для украинцев», «свободная торговля хлебом». Отличились григорьевцы и еврейскими погромами. Войска Григорьева, насчитывавшие до двадцати тысяч человек, взяли власть в Александровском, Елисаветградском, Херсонском уездах. Советские гарнизоны в Кременчуге и Золотоноше восстали и присоединились к Григорьеву. Повстанцы заняли Екатеринослав и Николаев, но 21 мая были разбиты на подступах к Киеву превосходящими силами советских войск, частично снятых с Бессарабского фронта. Григорьев с отрядом в три тысячи человек присоединился к Нестору Махно, но был заподозрен последним в сношениях с деникинцами и 27 июля 1919 года убит.

Писатель Иван Бунин, находившийся в те дни в Одессе, в связи с восстанием Григорьева записал 11 мая в дневнике: «Во избежание циркулирующих в городе слухов, штаб Третьей украинской советской армии объявляет, что атаман Григорьев, собрав кучку приверженцев, провозгласил себя гетманом и объявил войну Советскому правительству... Затем приказ Антонова-Овсеенко: “Белогвардейская сволочь стремится расстроить красную силу, натравить ее на мирное население... Подлый предатель родины, подлый слуга врагов наших Каин должен быть уничтожен, как бешеная собака... раздавлен и вбит, как черви, в землю, которую он опоганил...”

Затем воззвание членов военно-революционного совета: “Всем, всем, всем! Дети трудового народа социалистической Украины! Авантюрист, пьяница, прислужник своры старого режима, попов и помещиков, маменькиных сынков, Григорьев, открыл свою настоящую личину, окружил себя стаей черных воронов с засаленными рожами... Проповедует о том, якобы большевики желают запречь в коммуно... меж тем как коммунисты никого не заставляют вступать, а только разъясняют, как всякий тоже знает, что не дело большевиков распинать Христа, который учил тому же и, будучи Спаситель, восстал против богачей... Такая нелепая провокация, сочиненная в пьяном виде, конечно, не могла подействовать... Ура, долей авантюриста, который вздумал выкупаться в крови проголодавшихся рабочих... Мы должны изловить сутенеров и предателей и предать их в руки рабочих и крестьян...” Подписано так: “Товарищи Дятко, Голубенко, Щаденко”. — Это вроде того, как если бы я подписался: господин Бунин.

Вообще утро большого волнения. Был Юшкевич. Очень боится еврейского погрома. Юдофобство в городе лютое!»

В подтверждение этого последнего тезиса Бунин 15 мая отметил: «Еврейский погром на Большом Фонтане, учиненный одесскими красноармейцами.

Были Овсянко-Куликовский и писатель Кипен. Рассказывали подробности. На Б. Фонтане убито 14 комиссаров и человек 30 простых евреев. Разгромлено много лавочек. Врывались ночью, стаскивали с кроватей и убивали кого попало. Люди бежали в степь, бросались в море, а за ними гонялись и стреляли, — шла настоящая охота. Кипен спасся случайно, — ночевал, по счастью, не дома, а в санатории “Белый цветок”. На рассвете туда нагрянул отряд красноармейцев. — “Есть тут жиды?” — спрашивают у сторожа. — “Нет, нету”. — “Побожись!” — Сторож побожился, и красноармейцы поехали дальше.

Убит Моисей Гутман, биндюжник, прошлой осенью перевозивший нас с дачи, очень милый человек».

По части еврейских погромов те, кто в момент григорьевского мятежа остался на стороне советской власти, мало в чем уступали Григорьеву. Котовского в тот момент в Одессе не было, иначе он, надо полагать, сделал бы все для предотвращения погрома. Григорий Иванович всегда был решительным противником погромов, утверждая, что человека нельзя убивать или грабить только за то, что он еврей.

Советскому командованию пришлось бросить против Григорьева войска, призванные участвовать в операции в Бессарабии, а сам поход на Кишинев надолго отложить. Начавшее-

ся же в двадцатых числах мая наступление Деникина в Донбассе вообще сделало советское вторжение за Днестр неактуальным. Правда, 27 мая советским войскам при поддержке местных большевиков все-таки удалось взять Бендеры, но уже к вечеру красных отбросили обратно за Днестр. Расчет на то, что румынская армия разложится сама по себе и даже перейдет на сторону красных, не оправдался.

Третьего июля 1919 года Котовский был назначен командиром 2-й пехотной бригады 45-й стрелковой дивизии.

Жена Котовского Ольга Петровна в 1920-е годы в одном из писем тем, кто занимался историей кавбригады, которой командовал ее муж, кратко набросала боевой путь Григория Ивановича в годы Гражданской войны: «Уважаемый товарищ! В Вашем “циркулярном письме ко всем старым котовцам”, назван 18—19 гг., где нет у комиссии материалов. Еще в канун нового 22 года покойный Григорий Иванович поднял вопрос о составлении истории 1-го и 2-го полка. Этим делом занимался Гарри. История 2-го полка у меня была, и я отдала ее в корпус вместе со всей библиотекой Григория Ивановича. Тогда же я отдала и очень ценный документ для бригады нашей — карту операции против Тютюнника. Карту составлял Ильин (тогда был адъютантом) для предоставления в округ.

1918—1919 гг. — это истории полков, которые затем вошли в состав бригады.

Здесь наиболее ярким моментом будет бой под Киевом 1-го полка, которым командовал Нягу. 1920 год — фронт Деникинский, польский, петлюровский — легендарные бои, колоссальные победы. В орготдел пошлите статью покойного Григория Ивановича о бое под Б. Церковью (м. Ольшанка), где погиб т. Макаренко. Эта статья помещена в сборнике, посвященном 5-летию Красной Армии (Харьковский). Есть книжонка — История 45-ой дивизии, изданная к 5-летию дивизии, где отведено скромное местечко и нашей бригаде под заглавием “Котовцы за работой” — хронологически описан петлюровский фронт — статья хороша, как канва, по которой можно развернуть большую главу. Слабым местом в истории бригады, по-моему, будет ее пребывание в составе 17-й дивизии с января по апрель 1921 года — поход на Махно, или, скорее, погоня за Махно под командованием 1-го конного, о чем может сообщить т. Криворучко. Затем снова идет победоносный путь — операции на Тамбовщине с мая до августа 21 года — как отдельной бригады Котовского. В составе 9-ой дивизии конец октября и начало ноября 1921 года блестящая операция — ликвидация банды Тютюнника. 2-го ноября 22 года

бригада развертывается в Бессарабскую дивизию. Все снимки, какие были у меня, я передала в музей. Снимки, относящиеся к Польскому фронту, должны быть у т. Юцевича, адреса его я не знаю. Он работает в Госиздате в Москве.

Своих личных воспоминаний я дать не могу, ибо не была там. Я с момента формирования бригады была врачом бригады. Историю бригады я знаю хорошо и помню почти все яркие моменты в хронологическом порядке, ибо мой пер[евязочный] отряд находился всегда при полевом штабе. На Польском фронте наш штаб состоял из начальника штаба (Юцевича), переносчика 2-х телефо-шнуров и меня. Когда я не была занята врачебной работой, то всегда помогала в штабе (расшифровка, зашифровка, дежурство у телефона, когда телефонист стал засыпать от усталости). Много материала должна дать коммуна, где много наших бойцов; там по составлению материалов работает выделенная специальная комиссия. Здесь, в Киеве, есть много котовцев, но адресов я не знаю. Следовало бы сделать публикации в местных газетах. Здесь живет Слива — б. нач. пулеметной команды 1-го полка, работает в транспортном отделе. Я Вам посылаю о формировании бригады, если у Вас не будет ничего другого, воспользуйтесь и моими сведениями. Я только не знаю основы второго полка — откуда появился Макаренко. Я боюсь напутать, не то он из петлюровцев, не то из григорьевцев. Если при составлении нужна будет какая-либо помощь и с моей стороны — я к услугам комиссии.

С товарищеским приветом

О. Котовская.

Р. С.: На Польском фронте при 45-ой дивизии был фотограф Овзер, который сейчас в Харькове. У него видела снимок и нашей бригады. Я помню, он снимал в Галиции. Затем он с дивизией нашей ездил во время маневров 24 г., где участвовали наш и 1-й корпуса — поход на Винницу.

О. К.».

2-я бригада 45-й дивизии состояла из 400, 401 и 402-го стрелковых полков и кавалерийского дивизиона — бывшего кавалерийского отряда Котовского. Позднее в нее влился также отряд Михая Нягу, именовавшийся 1-м Бессарабским кавалерийским полком. В бригаде преобладали уроженцы Бессарабии — молдаване, украинцы, поляки, в нее входили также венгры и сербы. Комиссаром бригады стал Исай Павлович Шмидт — товарищ Котовского по одесской тюрьме и подполью, член партии большевиков с 1917 года. В дальнейшем он стал комиссаром 44-й стрелковой дивизии. В 1933 году

Шмидт окончил Институт красной профессуры и стал делать успешную вузовскую карьеру на ниве преподавания истории, был первым ректором восстановленного Одесского государственного университета. Репрессий Исая Павлович благополучно избежал, в том числе и потому, что после Гражданской войны не остался в Красной армии.

В этот момент советское руководство еще раз задумалось о походе в Бессарабию. 12 июня в Тирасполе состоялось объединенное заседание командования войск и представителей советской власти в районах, прилегающих к Бессарабии. Обсуждали возможность похода в Бессарабию с точки зрения боевой готовности частей Красной армии и способности железнодорожного и гужевого транспорта обеспечить снабжение войск боеприпасами, оружием, продовольствием и фуражом. Котовский в своем выступлении назвал политическое и в особенности военное положение как крайне неустойчивое, но при этом настаивал на скорейшем наступлении на Бессарабию до начала жатвы, указывая, что румыны еще не успели подтянуть резервы, скованные боями в Венгрии. Однако развитие наступления Деникина, овладевшего 24 июня Харьковом, а 30 июня — Царицыном, заставило Красную армию отказаться от похода в Бессарабию. Также войска УНР, потеснив советские войска, вышли к 1 июля на линию Старо-Константинов — Новая Ушица — Могилев-Подольский. Вскоре петлюровцы захватили Жмеринку, нарушив связь Одессы с Киевом.

45-й стрелковой дивизии 12-й армии пришлось оборонять 300-километровый участок фронта от Маяков (левый фланг) до Ямполья по берегу Днестра, а затем по линии железной дороги до Волочиска. Бригаде Котовского достался участок фронта от устья реки Окны до села Дорощкого.

Вскоре бригаде пришлось подавлять крестьянское восстание в старообрядческих селах Плоское, Малаешты и Бутор. Восстание удалось ликвидировать только с большими потерями и при помощи артиллерии, стрелявшей прямой наводкой. У повстанцев захватили одно орудие и четыре пулемета. Многие бойцы бригады были родом из восставших сел, и тем ожесточеннее была борьба. При артобстреле Плоского был разрушен дом командира 400-го полка котовцев Н. Н. Колесникова и убит его пятилетний сын.

Десятого июля бригада Котовского, переименованная в 12-ю бригаду 45-й дивизии, выбила петлюровцев из Жмеринки. Но уже через два дня войска УНР вновь перешли в наступление, ударив в стык 44-й и 45-й дивизий и опять перерезав железную дорогу Одесса — Жмеринка. Украинские войска здесь

возглавлял полковник Юрий Иосифович Тютюнник, с которым Котовскому предстояло еще не раз встретиться. Бригада Котовского нанесла контрудар и захватила Ямполь. Однако входивший в бригаду полк матроса-анархиста Стародуба перепился, не выставил боевое охранение и был почти полностью уничтожен войсками УНР. Бригаде Котовского пришлось отступить и занять оборону по линии Журавлевка — Комаргород — Ямполь. Согласно донесению начдива 45-й дивизии Савицкого, бригада Котовского «представляет из себя жалкие, бегущие, потерявшие всякое управление остатки. Боевой силы она не представляет». Но другие советские соединения на Украине были немногим лучше.

Друг и соратник Котовского Мишка Япончик после захвата Красной армией Одессы в начале июня 1919 года получил разрешение сформировать из одесских уголовников отряд в составе 3-й Украинской армии, затем преобразованный в 54-й имени Ленина советский революционный полк. В него вошли одесские уголовники, анархисты, а также мобилизованные студенты Новороссийского университета. Вот как происходило формирование бандитского полка.

Тридцатого мая 1919 года Япончик писал в «Известия Одесского Совета рабочих депутатов», опубликовавшие опровержение насчет его службы в Одесской ЧК: «Я, Моисей Винницкий, по кличке Мишка Япончик, приехал четыре дня тому назад с фронта, прочел в “Известиях” объявление ОЧК, в котором поносят мое доброе имя.

Со своей стороны могу заявить, что со дня существования ЧК в Одессе я не принимал никакого активного участия в его учреждении.

Относительно моей деятельности со дня освобождения меня из тюрьмы по Указу Временного правительства, до которого я был осужден за революционную деятельность на 12 лет, из которых я отбыл 10 лет, — могу показать документы, находящиеся в контрразведке, а также приказ той же контрразведки, в котором сказано, что за поимку меня обещано 100 тысяч рублей, как организатор отрядов против контрреволюционеров, только благодаря рабочим массам я мог укрываться в его лачугах, избежать расстрела.

Весной нынешнего года, когда пронесся слух о предстоящем погроме, я не замедлил обратиться к начальнику Еврейской боевой дружины тов. Кашману с предложением войти в контакт с ним для защиты рабочих кварталов от погромов белогвардейцами всеми имеющимися в моем распоряжении средствами и силами.

Я лично всей душой буду рад, когда кто-нибудь из рабочих и крестьян отзовется и скажет, что мною был обижен. Заранее знаю, что такого человека не найдется.

Что касается буржуазии, то если мною предпринимались активные действия против нее, то этого, я думаю, никто из рабочих и крестьян не поставит мне в вину. Потому что буржуазия, привыкшая грабить бедняков, сделала меня грабителем ее, но именем такого грабителя я горжусь, и покуда моя голова на плечах, для капиталистов и врагов народа буду всегда грозой.

Как один из примеров провокации моим именем, даже при Советской власти, приведу следующий факт.

По просьбе начальника отряда тов. Трофимова мы совместно отправились к начальнику отряда Слободского района тов. Каушану с просьбой, чтобы тов. Каушан разрешил мне препроводить в ОЧК для предания суду революционного трибунала Ивана Гричко, который, пользуясь моим именем, убил рабочего и забрал у него 1500 рублей. У Гричко были также мандаты для рассылки с вымогательскими целями в разные места с подписью Мишка Япончик. Тов. Каушан разрешил, и я препроводил убийцу рабочего в ЧК.

В заключение укажу на мою деятельность с приходом Советской власти. Записавшись добровольцем в один из местных боевых отрядов, я был назначен в конце апреля 1919 года в 1-ю Заднепровскую дивизию, куда я незамедлительно отправился.

Проезжая мимо станции Журавлевка ЮЗЖД, стало известно, что под руководством петлюровского офицера Орлика был устроен погром в Тульчине, куда пошел отряд 56-го Жмеринского полка для ликвидации погромной банды. К несчастью, командир отряда был убит, не дойдя к месту назначения. Красноармейцы, зная мою железную волю, на общем собрании избрали меня командиром.

Завидуя моему успеху, некоторые несознательные элементы изменническим образом передали меня в руки бандита Орлика, который хотел расстрелять меня, но благодаря вмешательству крестьян села Денорварка (в нескольких верстах от Тульчина), стоящих за Советскую власть, я был спасен. Все вышеуказанное подтверждено документами, выданными мне Тульчинским военным комиссаром за № 7.

После целого ряда военных испытаний я попал в Киев, где после обсуждения всего вышеизложенного я получил от Народного военного комиссара назначение в 1-й Подольский полк, где военным губернским комиссаром была возложена на

меня задача, как на командира бронепоезда № 870932, очистить путь от ст. Вапнярка до Одессы от григорьевских банд, что мною было выполнено; подтверждается документом командующего 3-й армией за № 1107.

На основании вышеприведенного я отдаю себя на суд рабочих и крестьян, революционных работников, от которых жду честной оценки всей моей деятельности на страх врагам трудового народа».

После публикации этого письма Япончик явился в Особый отдел ЧК при 3-й украинской армии и предложил сформировать воинскую часть «для защиты революции». Сначала речь шла о батальоне особого назначения из боевиков Япончика для борьбы с Деникиным. Однако добровольцев оказалось гораздо больше, чем требовалось для батальона, и решено было сформировать 54-й имени Ленина советский революционный полк. Комиссаром полка был назначен анархист Александр Фельдман, поскольку коммунисты вступать в полк отказывались, опасаясь за свою жизнь. Позднее еще одним комиссаром был назначен венгр Тибор Самуэли (предполагалось, что полк примет участие в походе на помощь коммунистической Венгрии). Однако вскоре Самуэли переправили в Будапешт. Он погиб при падении красной Венгрии 2 августа 1919 года, когда попытался перейти австро-венгерскую границу.

Вот как описывал Мишку Япончика Леонид Утесов: «...Небольшого роста, коренастый, быстрые движения, раскосые глаза — это Мишка-Япончик. “Япончик” — за раскосые глаза — его урканский, воровской “псевдоним”. Настоящая же его фамилия — Винницкий.

У Бабеля он — Бенья Крик, налетчик-романтик.

У Япончика недурные организаторские способности и умение повелевать. Это и сделало его королем уголовного мира в одесском масштабе. Смелый, предприимчивый, он сумел прибрать к рукам всю одесскую блатную шпану. В американских условиях он, несомненно, сделал бы большую карьеру и мог бы крепко наступить на мозоль даже Аль Капоне, знаменитому, как бы мы сказали сегодня, гангстеру Нью-Йорка.

У него смелая армия хорошо вооруженных урканов. Мокрые дела он не признает. При виде крови бледнеет. Был случай, когда один из его подданных укусил его за палец. Мишка орал как зарезанный.

Белогвардейцев не любит и даже умудрился устроить “на них тихий погром”.

По ночам рассылает маленькие группы своих людей по городу. С независимым видом они прогуливаются перед ночны-

Комовский

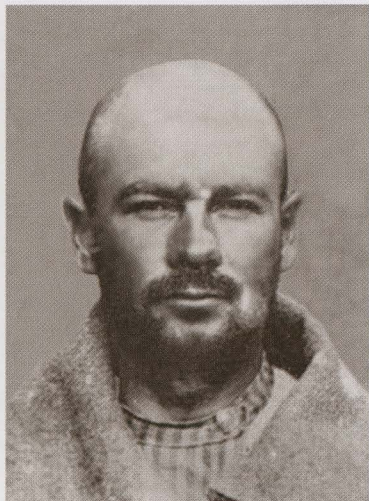
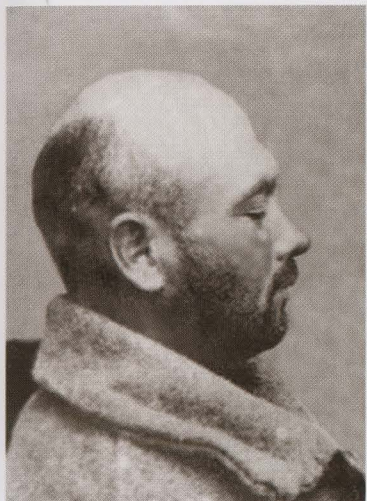

Вид села Ганчешты

Корокозенское сельскохозяйственное училище

Котовский.
Тюремные снимки.
1906 г.

Котовский (слева)
маскируется
под добропорядочного
буржуа. 1906 г.

Котовский —
заключенный
кишиневской
тюрьмы. 1916 г.

Башня
кишиневской
тюрьмы

Умань. Зимние забавы

Жена Г. И. Котовского — Ольга Петровна

Котовский с членами ЦК ЛКСМ Украины

Автограф

Управляющему Ободовским Конзаводом и Совхозом
тов. ДОБРОВОЛЬСКОМУ, копия тов. Кестоканову

Настоящим ставлю Вас в известность что с этого числа тов. КЕСТОКАНОВ назначается в качестве Уполномоченного Корпуса при Ободовском Совхозе и Конзаводе. В силу чего тов. КЕСТОКАНОВ является вполне ответственным лицом как в административном, так и хозяйственном отношении, а потому всекие сделки, покупки, продажи, оборудование построек, инвентаря, прием и урегулирование служащих должны быть согласованы с ним, что касается военнослужащих при Конзаводе и Совхозе, то таковые являются в полном подчинении т. Кестоканова и ему предоставляется право за неисполнение приказаний администрации и уклонения по службе налагать дисциплинарные взыскания.

КОМАНДИР КОРПУСА *Котовский* КОМИССАР *Добровольский*
НАЧАЛЬНИК ШТАБА *Гуров*
Копия: Командиром Совхоза

Дом в селе Никольском Тамбовской губернии, где размещался штаб бригады Котовского

Соратники Г. И. Котовского

Котовцы с жеребятами. 1922 г.

Котовский на Польском
фронте. 1920 г.

Г. И. Котовский, С. М. Буденный, М. В. Фрунзе и К. Е. Ворошилов
на заседании Реввоенсовета. Москва, 1925 г.

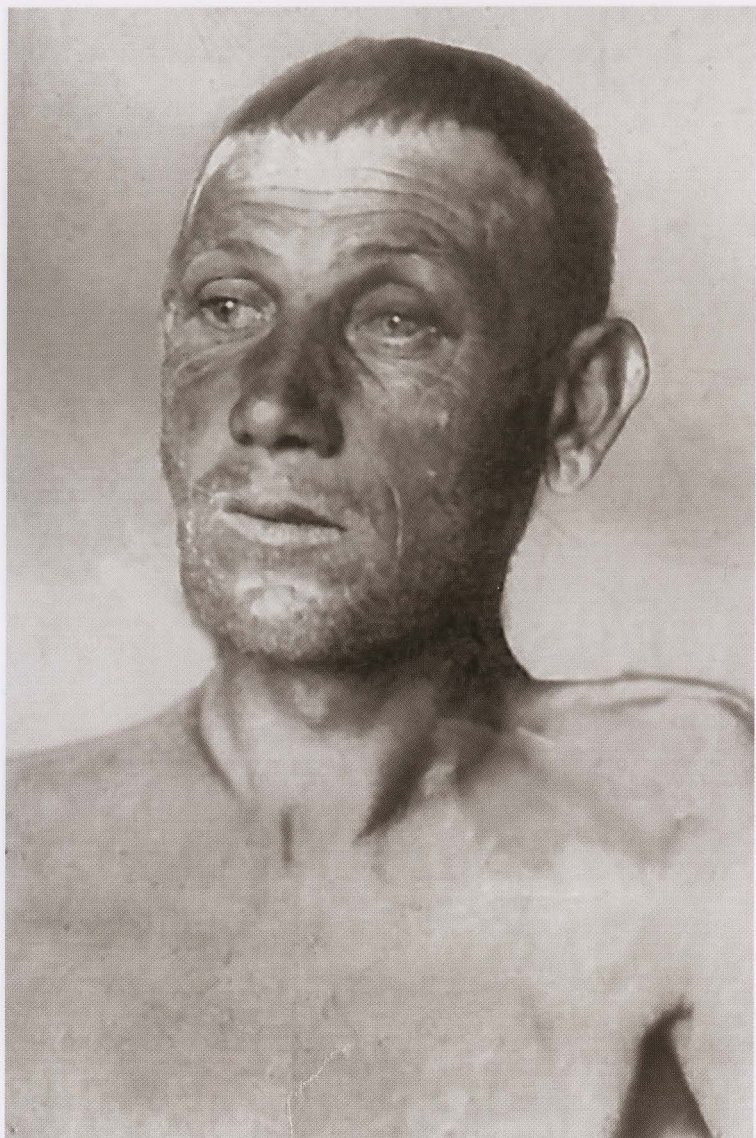

Бессарабская сельскохозяйственная коммуна

Котовский с трубачами корпуса

Убийца Котовского — Мейер Зайдер

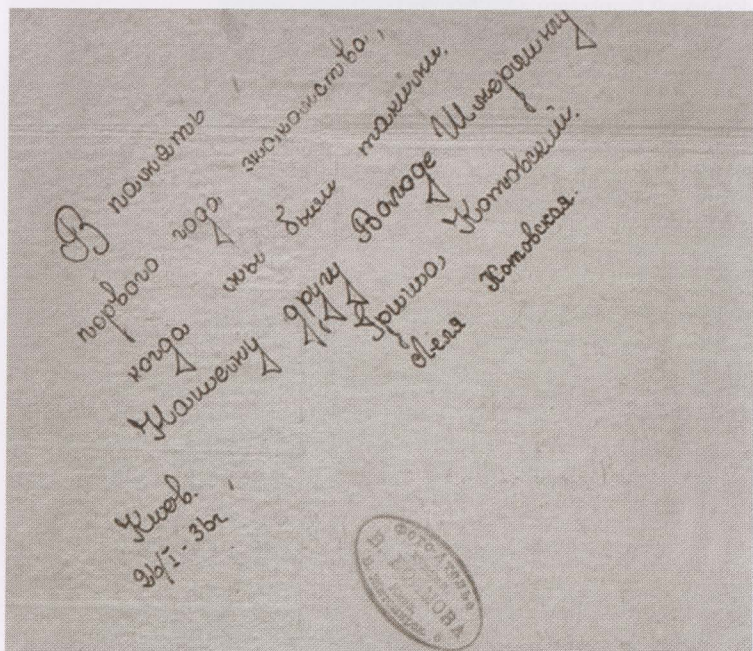
Ольга Петровна у гроба мужа

Дом-музей Котовского в Ганчештах

Дети Котовского Леля и Гриша. Фотография с дарственной надписью. 1936 г.

Ольга Петровна с детьми у мавзолея Котовского. 1939 г.

Памятник Г. И. Котовскому в Тирасполе

ми кабачками, и, когда подвыпившие “беляки” покидают ресторан, им приходится столкнуться с Мишкиными “воинами” и, как правило, потерпеть поражение. В резиденцию короля — Молдаванку — беляки не рискуют заглядывать даже большими группами.

“Армия” Мишки-Япончика — это не десятки, не сотни — это тысячи урканов. У них есть свой “моральный” кодекс. Врачей, адвокатов, артистов они не трогают или, как они говорят, “не калечат”. Обворовать или ограбить человека этих профессий — величайшее нарушение их “морального” кодекса.

Возлюбленная уркана может заниматься проституцией, и это его не волнует. Это — профессия, тут никакой репутации быть не может. Но горе ей, если у нее будет случайная встреча не за деньги, а “за любовь”. Это великое нарушение “морального” кодекса. И этого ей не простят. Конечно, не всегда возлюбленная или жена уркана — проститутка. Бывают и другие варианты. Жена — помощник в работе. Здесь многие достигли высоких результатов, превзойдя своих мужей и в ловкости, и в смелости, а уж что касается хитрости — нечего и говорить.

Мишка-Япончик даже во времена своего расцвета не поднимался до высот, достигнутых задолго до него Сонькой-Золотой ручкой. Как известно, под этим именем “прославилась” Софья Блювштейн.

Мишка-Япончик — король. И как для всякого короля — революция для него гибель. Расцвет Мишки-Япончика падает на начало революции, на времена керенщины. Октябрьская революция пресекает его деятельность, но белогвардейщина возрождает ее.

И вот наступает 1919 год. В Одессе снова Советская власть. И перед Мишкой встает вопрос: “быть или не быть?” Продолжать свои “подвиги” он не может — революция карает таких жестоко. И Мишка делает ход конем — он решает “перековаться”. Это был недурной ход. Мишка пришел в горисполком с предложением организовать полк из уголовников, желающих начать новую жизнь. Ему поверили и дали возможность это сделать.

Двор казармы полон. Митинг по случаю организации полка. Здесь “новобранцы” и их “дамы”. Крик, хохот — шум невообразимый. На импровизированную трибуну поднимается Мишка. Френч, галифе, сапоги.

Мишка пытается “положить речь”. Он даже пытается агитировать, но фразы покрываются диким хохотом, выкриками, и речь превращается в диалог между оратором и слушателями.

— Братва! Нам выдали доверие, и мы должны высоко держать знамя.

— Мишка! Держи мешок, мы будем сыпать картошку.

— Засохни. Мы должны доказать нашу новую жизнь. Довольно воровать, довольно калечить, докажем, что мы можем воевать.

— Мишка! А что наши бабы будут делать, они же захочут кушать?

— А воровать они больные?

Мишка любит водить свой полк по улицам Одессы. Зрелище грандиозное. Впереди он — на серой кобыле. Рядом его адъютант и советник Мейер Герш-Гундосый. Слепой на один глаз, рыжебородый, на рыжем жеребце. Позади ватага “перекрывающихся”.

Винтовки всех систем — со штыком в виде японских кинжалов и однозарядные берданки. У некоторых “бойцов” оружия вовсе нет. Шинели нараспашку. Головные уборы: фуражки, шляпы, кепки.

Идут как попало. О том, чтобы идти “в ногу”, не может быть и речи. Рядом с полком шагают “боевые полковые подруги”.

— Полк, правое плечо вперед, — командует Мишка.

— Полк, правое плечо вперед, — повторяет Гундосый и для ясности правой рукой делает округлый жест влево.

Одесситы смотрят — смеются:

— Ну и комедия!»

Конечно, такое воинство могло воевать разве что против небольшого отряда или банды какого-нибудь залетного атамана-анархиста. А когда пришлось сражаться против петлюровцев, являвшихся пусть не самой боеспособной, но регулярной армией, полк Япончика был разбит в пух и прах. Организаторские способности Мишки годились бы на то, чтобы сделать его в Америке Аль Капоне. Но вот в России он не мог стать ни Котовским, ни Чапаевым, ни Махно.

Утесов так описывает конец Япончика: «Полк Мишки-Япончика был отправлен на фронт против петлюровцев, недалеко от Одессы.

Люди, лишенные чувства воинского долга, не знавшие, что такое труд, привыкшие к паразитическому образу жизни, не смогли проникнуться психологией бойцов за будущее счастье народа. Это им было совершенно непонятно. В полку началось дезертирство. Одесса магнитом тянула их к себе.

Хотел ли Мишка удержаться или нет — трудно сказать. Известно, что он явился к коменданту станции Вознесенск и потребовал вагоны для отправки своей “армии” в Одессу. Он

даже нашел предлог: в Одессе, мол, готовятся какие-то беспорядки, и он должен быть там, чтобы защищать жителей родного города.

Комендант ему отказал.

Между ними возник горячий спор, во время которого Мишка хотел прибегнуть к оружию. Но комендант обладал более быстрой реакцией и разрядил свой наган быстрее.

Это и был “ужасный конец” Мишки-Япончика».

На самом деле все было немного иначе. В июле полк Япончика был направлен в бригаду Котовского. По случаю отъезда был устроен банкет, затянувшийся на три дня. Япончику торжественно вручили красное знамя и серебряную саблю. Из 2202 бойцов полка до фронта дошли лишь 704. Тем не менее первая атака полка в районе Бирзулы оказалась успешной, полк сумел захватить Вапнярку и взять пленных и трофеи. Но на следующий день петлюровцы контратаковали и разгромили полк Япончика. Одесские уголовники, не имевшие никакой военной подготовки и не приученные к дисциплине, просто разбежались. Не помогли и имевшиеся у полка 40 пулеметов. Япончик безуспешно пытался остановить своих бойцов. Бывший помощник командира 45-й дивизии Д. Коренблит писал: «Возникла опасность образования в тылу 45-й дивизии бандитской шайки. Надо было изолировать от “храброго воинства” Мишку Япончика. Якир решил выдать Япончику бумагу о том, что полк направляется в штаб армии для получения нового назначения, а в пути Япончика арестовать, батальоны разоружить. Я подготовил необходимые бумаги, выдал их Япончику и добавил, что для поездки ему предоставляется отдельный вагон». Таким образом, начдив Якир направил Япончика в Киев, где находился штаб 12-й армии. Но Михаил предпочел с ротой охраны (бывшей Еврейской революционной дружиной самообороны), насчитывавшей 116 человек, вернуться в Одессу. Япончика обвинили в неподчинении приказу. В Вознесенске поезд Япончика перехватили чекисты и убили его, якобы за «сопротивление при аресте». Доклад военкома Овидиопольского уезда М. Синкжова одесскому окружному комиссару по военным делам дает нам картину гибели «короля одесских бандитов»: «4-го сего августа 1919 года я получил распоряжение со станции Помашная от командующего внутренним фронтом т. Кругляка задержать до особого распоряжения прибывающего с эшелонном командира 54-го стрелкового советского украинского полка Митьку Японца (Мишку Япончика. — Б. С.).

Во исполнение поручения я тотчас же отправился на станцию Вознесенск с отрядом кавалеристов Вознесенского от-

дельного кавалерийского дивизиона и командиром названного дивизиона т. Урсуловым, где распорядился расстановкой кавалеристов в указанных местах и стал поджидать прибытия эшелона.

Ожидаемый эшелон был остановлен за семафором. К остановленному эшелону я прибыл совместно с военруком, секретарем и командиром дивизиона и потребовал немедленной явки ко мне Митьки Японца, что и было исполнено.

По прибытии Японца я объявил его арестованным и потребовал от него оружие, но он сдать оружие отказался, после чего я приказал отобрать оружие силой.

В это время, когда было приступлено к обезоруживанию, Японец пытался бежать, оказал сопротивление, ввиду чего был убит, выстрелом из револьвера, командиром дивизиона.

Отряд Японца, в числе 116 человек, арестован и отправлен под конвоем на работу в огородную организацию».

Убийца Япончика Никифор Урусов (такова его настоящая фамилия) был за этот сомнительный подвиг награжден орденом Боевого Красного Знамени. Остатки полка Япончика влились в бригаду Котовского. Япончик показал себя плохим военным руководителем и большевикам оказался не нужен. Поэтому они предпочли избавиться от него. Нет сомнений, что, если бы Котовский не смог совладать с уголовной вольницей в своей бригаде, его бы ждала печальная участь Мишки Япончика.

Роман Гуль писал в своей биографии Котовского: «Одесские уголовники — Мишка Япончик, Домбровский, Загари и другие ненавидели Котовского за то, что чего-то в нем не понимали. Зачем, в сущности, этот бывший “барин” отбивает у них хлеб? Котовский же презирал “уголовников-Иванов”, “мокрушников”, потому, что знал, з а ч е м эти люди идут на грабеж и убийство.

С уголовником Япончиком безжалостно расправился этот немного уже начавший уставать, со сдающим сердцем Григорий Котовский. Япончик набрал под своей командой отряд, сражавшийся вместе с большевиками против белых. Но когда в этом миновала надобность, Котовский посоветовал красным уничтожить уголовников оригинальным способом: пустить на украинских повстанцев атамана Григорьева, обещать резервы и не дать резервов. Так этот отряд уголовных и был целиком вместе с Япончиком уничтожен григорьевцами».

Действительность, как мы уже убедились, не имела ничего общего с этими утверждениями. Япончик и Котовский никогда не ссорились, по крайней мере открыто, и ни о какой вза-

имной ненависти между ними говорить не приходится. Разбит был отряд (полк) Япончика отнюдь не григорьевцами, а войсками Украинской Народной Республики. К убийству Япончика, равно как и к отправлению его отряда на фронт, Котовский не имел никакого отношения. Хотя полк Япончика формально был включен в бригаду Котовского, тот не требовал наказать Япончика, когда 54-й полк бежал с фронта. Распространено мнение, что котовцы были причастны к истреблению или разоружению бойцов Япончика после гибели «короля одесских бандитов», но никакими документами это пока не подтверждено. Да и советские биографы Котовского ничего не сообщают об участии Григория Ивановича в ликвидации полка Мишки Япончика, хотя в советское время эта тема отнюдь не была табуирована. Об этом писали и отставные чекисты, и бывшие командиры из дивизии Якира. Ничто не мешало бы написать об этом эпизоде как о еще одном героическом деянии легендарного комбрига.

Почему же Япончик потерпел неудачу в формировании красноармейской части из одесских уголовников, а Котовскому удалось вплоть до конца Гражданской войны воевать с кавбригадой, костяк которой составили уголовники из Бессарабии и той же Одессы? Причин несколько. У Котовского был значительно больший опыт, чем у Япончика, и жизненный, и криминальный. Ведь он был на десять лет старше. К тому же до 1917 года Япончик десять лет непрерывно провел в тюрьмах и на каторге, тогда как у Котовского суммарный срок заключения, прерывавшегося многочисленными побегам, составил только около восьми лет. Да и криминальный стаж у Котовского был на два года больше. Главное же, Котовский еще тогда, когда грабил купцов и помещиков в Бессарабии, фактически уже создал маленький конный партизанский отряд в два десятка сабель, которому случалось выдерживать серьезные столкновения с полицией. Так что, можно сказать, у Котовского еще до 1917 года был определенный боевой опыт, пусть и несколько специфический. Кроме того, ему довелось состоять членом полкового комитета, где пришлось использовать свои ораторские способности. Именно к Котовскому примкнуло немало участников антирумынских выступлений в Бессарабии, которые только с ним связывали надежду на возвращение на родину. Одесские уголовники у Котовского не составляли большинства и погоды не делали. Многие из них, в частности знаменитый медвежатник Григорий Вальдман, удачно вписались в бригаду. Вальдман, например, стал лихим командиром эскадрона. Одесские же уголовники в целом и

развращены были сильнее, чем бессарабские, и, что еще важнее, никакой жизни, кроме городской, не знали и не имели ни малейшего представления о воинской дисциплине. Они не умели практически ничего, что должен уметь солдат, даже рыть окопы. Неудивительно, что, оказавшись в чистом поле против неприятельской конницы, они дрогнули и либо разбежались, либо поглыби под гайдамацкими саблями. Большой ошибкой Япончика стало то, что он не привлек к формированию полка опытных офицеров и унтер-офицеров, вернувшихся с Первой мировой войны. Они могли бы хоть как-то сколотить роты и батальоны 54-го полка.

Котовский находился в более выгодном положении по сравнению с Япончиком. Сначала ему довелось командовать бригадой в составе 45-й стрелковой дивизии, которую он сам не формировал. В ее составе были как солдаты, так и офицеры и унтер-офицеры с боевым опытом Первой мировой войны. А когда в начале 1920 года Григорию Ивановичу пришлось самому формировать кавбригаду, у него уже был более чем полугодовой опыт командования стрелковой бригадой. И в кавбригаду он набирал тех, кто уже имел опыт и Гражданской, и Первой мировой войны. И офицеры у него в штабе тоже были (Ульрих, Юцевич).

Котовский сумел сплотить вокруг себя ядро лично преданных ему людей, постепенно выучив их военному делу. Он никогда не гнался за количеством, и численность кавбригады, за редкими исключениями, не превышала пятисот человек, тогда как Япончик первоначально собирался идти в бой с тремя тысячами налетчиков, из которых до фронта добралось 800 человек. Япончику удавалось спланировать бандитов лишь для бандитских дел, тогда как Котовский, обладая большим организаторским талантом, сумел из бывших бандитов создать регулярное войско.

Двадцать пятого августа Одесса была захвачена денкиками при поддержке британской эскадры. В конце августа 1919 года бригада Котовского в составе Южной группы Якира начала поход по тылам петлюровской армии, чтобы соединиться с основными силами Красной армии. Котовский командовал левой резервной колонной, состоявшей из двух бригад и насчитывавшей 900 пехотинцев, 200 кавалеристов, три батареи и обоз. Котовец И. М. Жалоба вспоминал: «Перед началом похода Г. И. Котовский собрал нас и сказал: “Товарищи, мы окружены со всех сторон разными бандами, которых поддерживает иностранная интервенция, и поэтому сейчас мы вынуждены отступить. Кто трус, пусть уйдет от нас, те же, кто

верит в силу рабочего класса, кто верит мне, кто хочет победить, кто хочет пробиться на соединение с красными войсками, пусть остается со мной»».

Петлюровцы внезапным налетом выбили бригаду Котовского из селения Песчанка. Котовцам с большими потерями удалось прорваться к станции Попелюхи. Пришлось бросить обозы, вагоны и бронепоезда.

Начальником штаба 2-й пехотной бригады 45-й дивизии, а затем кавбригады этой дивизии, а потом и 17-й кавдивизии, которой также командовал Котовский, был Константин Фомич Юцевич, бывший прапорщик царской армии, в Красной армии дослужившийся только до подполковника, да и то уже в годы Великой Отечественной войны. Он был на 12 лет младше Котовского. Константин Фомич так описал поход Южной группы: «Человек небывалой отваги, Котовский еще в годы Первой русской революции проявил себя народным героем. Прославился он и в боях 1918 года — как командир конного разведывательного отряда под Тирасполем, руководитель диверсионных групп в тылу немецких оккупантов. Однако нашлись люди, которые противились назначению Григория Ивановича на должность командира 2-й бригады, распространяли слухи о его “партизанщине” и неизбежном превращении в “батьку”. Гамарник решительно отменил подобные поклепы, поддержал кандидатуру Котовского. И не ошибся: Григорий Иванович в последующих боях показал себя талантливым командиром.

Оперативным планом Южной группы Г. И. Котовскому отводилась важная роль. Возглавляя левую колонну войск, он двумя бригадами — 1-й и 2-й — должен был по крайней мере двое суток сдерживать натиск петлюровцев на линии железной дороги Крыжополь — Рудница — Кодыма и около близлежащих сел, что позволило бы центральной колонне уйти от Бирзулы подальше на север, к Умани. Лишь после этого частям левой колонны надлежало оторваться от противника и следовать в тот же район.

Двое суток... Сколько они потребовали от воинов мужества и хладнокровия, небывалой стойкости, а от командиров, помимо всего, и умелой распорядительности! Трудности усугублялись тем, что прекратилась связь с центральной колонной и мы не знали, далеко ли она продвинулась, когда нам можно идти ей вслед. Решение целиком зависело от Котовского, и он сознавал свою огромную ответственность. Ведь в составе центральной колонны находились штаб и Реввоенсовет Южной группы, партийно-советский актив из Одессы, гро-

моздкие обозы с боеприпасами, продовольствием, со спасенными ценностями одесского банка. Хотелось надеяться, что начальник штаба 45-й дивизии И. И. Гарькавый с 3-й бригадой, дивизионной школой, возглавляемой храбрецом Иваном Базарным, другими подразделениями сумеет провести эту колонну по намеченному маршруту. А вдруг?.. Нет, лучше уж принять на себя еще один удар, но прикрыть, надежно прикрыть боевых товарищей... И Котовский, его подчиненные продолжали схватку.

Две небольшие по численности бригады стойко отбивали натиск двух петлюровских дивизий. Бесперывно трещали пулеметы, пока вода не закипала в кожных. Ружейный огонь то и дело сменялся звоном скрестившихся штыков. Отбивали одну вражескую цепь, а уже напирала другая. Два полка 1-й бригады почти полностью полегли в этой сече, заметные потери понесла и 2-я бригада. Но петлюровцы получили достойный отпор, откатились, оставив на поле боя много трупов своих солдат.

Выиграв время, Котовский отдал приказ об отходе. Совершить отход было непросто, но проходил он организованно, быстро, люди проявляли находчивость и военную хитрость... На станции Рудница скопились красноармейцы, местные жители, беженцы. Неразбериха, казалось, полнейшая, перемешались подразделения и обозы. Команды старшин не действуют на возбужденную толпу. Но вот комбриг приказывает собрать духовой оркестр — звучит музыка, и бойцы строятся поротно. Открывается летучий митинг. Григорий Иванович произносит короткую речь. Он воздаёт славу героям, погибшим в боях. Хвалит полки за отвагу и стойкость. Призывает бойцов и командиров к выдержке и дисциплине. Напоминает — впереди еще долгий и трудный путь.

Части дивизии, погрузив поклажу на крестьянские подводы, под покровом ночи двинулись к югу. Да, именно к югу. Такое неожиданное направление было подкреплено заведомо распушенным слухом: “Уходим в родную Бессарабию”. А пройдя полтора десятка верст, войска круто поворачивают на восток, затем на север. 6 сентября мы переправились через реку Буг в районе села Хошеваты. Этот крюк, конечно, отнял драгоценные часы, зато запутал противника. Двигаясь ускоренным темпом, делая самые короткие привалы на ночлег, левая колонна через несколько дней догнала центральную.

Считаю долгом назвать наиболее близких и надежных помощников Котовского, которые обеспечивали выполнение боевой задачи. Это командир 1-й бригады Грицов и военком Левензон, с которыми Григорий Иванович действовал в кон-

такте и согласии, командир 399-го полка этой бригады Попа, неунывающий, богатырского сложения человек, участник Первой мировой войны, один из организаторов известного Хотинского восстания. Попа дрался с петлюровцами мужественно. Он оставался с горсткой бойцов, но позиций врагу не уступил. Из нашей 2-й бригады назову командиров полков Колесникова, Дьячишина, Криворучко и Нягу, людей стойких и умелых. Бойцы верили им безгранично, шли за ними в огонь и воду. Не могу умолчать о начальнике бригадного штаба Каменском, в прошлом поручике и левом эсере, который, однако, твердо встал на позиции Советской власти. В походе он помогал Котовскому руководить заградительным сражением. Вместе они придумали и обманный крюк. Работая в штабе под началом Каменского, я всё больше убеждался в его незаурядных способностях. Это был советчик Котовского, надежный исполнитель его приказов и распоряжений...»

Якир так вспоминал обстоятельства, в которых начинался поход Южной группы: «На юге — море, англо-французский флот, поддерживающий белые десанты, на юго-западе — румыны, на севере — Петлюра и галичане. В тылу кулацкие бандиты, восстания, колокольный набатный звон, разрушенные мосты, нападения на склады, постоянные стычки с отдельными отрядами и зверское уничтожение отдельных наших людей — связистов, продовольственников, агентов санитарной службы...»

Бывший начальник штаба 58-й дивизии Я. Я. Попов вспоминал о роли Котовского в походе Южной группы: «Войска разделились на три колонны по фактическому их расположению: правую, состоящую из частей 47-й и 58-й дивизий во главе с начдивом 58-й И. Ф. Федько, левую — две бригады 45-й дивизии под общим командованием Г. И. Котовского — и центральную, возглавляемую начальником штаба 45-й дивизии И. И. Гарькавым. Вместе с частями этой колонны находился сводный отряд партийно-советского актива Одессы, а также Реввоенсовет группы.

Каждой колонне указывался маршрут движения, встреча их намечалась в районе Умани, с тем чтобы затем совместно пробиваться через фронт белых. Предвиделось, что отрыв от регулярных частей противника потребует умелого маневра, а на пути следования неизбежны схватки с различными местными бандами, занимавшими территорию между железными дорогами...

Г. И. Котовский со своими частями двое суток вел западнее Бирзулы ожесточенные бои с петлюровцами, отвлекая их

силы на себя и создавая видимость прорыва на юг. Это позволило центральной колонне сравнительно быстро и легко продвинуться к Умани. Когда первая задача была выполнена, Котовский ночью оторвался от противника и, отбиваясь арьергардом, стал следовать на удалении 30—35 верст от главных сил».

Во время похода Южной группы Котовский издал следующий грозный приказ: «В связи с большими переходами, совершаемыми вверенной мне колонной, конский состав во многих частях пришел в негодность и подлежал замене. Так как мы находимся в исключительных условиях, когда из центра не можем ждать пополнения и должны добывать все на месте, мною разрешено было негодный конский состав заменить годным, беря таковой в помещичьих имениях и у кулаков. Взять коня у помещика, который добыл его не собственным трудом, не составляет преступления». В то же время комбриг обрушился на отдельных несознательных бойцов, позволяющих себе «отбирать лошадей у первого встречного, не исключая и бедных крестьян...». Замеченных в грабежах и мародерстве Котовский обещал расстреливать без суда. Неизвестно, однако, претворил ли он в жизнь эту угрозу.

Гуль утверждает: «Котовский уже чувствовал себя генералом. Ввел правильную казарменную жизнь, дисциплину, обязательную гимнастику, расправлялся с бандой сурово. Если проведет ладонью по крупу коня и останется пылинка, избьет так, как не бил и царский ротмистр. Любил дисциплину этот бывший анархист и разбойник». Григорий Иванович, безусловно, дисциплину любил. Но прибегал ли он для ее поддержания к рукоприкладству, точно сказать нельзя. Других свидетельств, кроме утверждения Гуля, на этот счет нет. Стоит только заметить, что по своему положению одного из крупных криминальных авторитетов ему было как-то не по чину лично бить подчиненных. Возможно, для этой цели у него были подручные-адеютанты. Но вообще в Красной армии мордобой расцвел пышным цветом только в Великую Отечественную войну. В Гражданскую же войну рукоприкладство было редким явлением, поскольку большевики в то время боролись против традиций царской армии, где офицер свободно мог дать солдату зуботычину. В то же время и в тюрьме, и в случае возникновения конфликтов в рядах своей шайки Котовский до революции наверняка не раз пускал в ход свои кулаки, чтобы водворить порядок.

Одиннадцатого сентября удалось установить радиосвязь с 44-й стрелковой дивизией 12-й армии в Овруче. А 17 сентября

в районе Житомира войска Якира соединились с 58-й дивизией 12-й армии. За поход Южной группы 12-й армии Котовский был награжден именными золотыми часами.

После соединения группы Якира с основными силами бригада Котовского была брошена в наступление на Киев, занятый деникинскими войсками. 4—5 октября части 2-й стрелковой бригады сменили 3-й Интернациональный полк на участке Новая Гребля — Бородеянка — Берестянка по реке Здвиж. Котовцы должны были захватить переправы и подготовить плацдарм для удара на Киев. 6—7 октября им удалось отбросить деникинцев за Здвиж. 400-й и 401-й полки с боем заняли западную часть Новой Гребли и отбили все контратаки противника, а затем при поддержке спешенного эскадрона перешли в наступление. Котовский вспоминал: «Много изумительного, легендарного героизма было проявлено в эту ночь как отдельными бойцами, так и целиком обоими полками.

...На рассвете, без артиллерийской подготовки, два маленьких полчка при поддержке спешенного эскадрона перешли в контратаку, бросившись на противника в штыки.

Никогда до этого и после этого во все время Гражданской войны мне не приходилось видеть такого жестокого боя, поистине смертельной схватки.

Обойденные и отрезанные со стороны болотистой речки спешенными кавалеристами, занявшими единственный переход через нее у них в тылу — мостик, белогвардейские стрелки — офицеры понимали, что спасения нет, и дрались с психологией отчаяния. В результате боя они были уничтожены до одного человека, частью убиты, частью потоплены в речке.

Взошедшее утром солнце осветило жуткую картину...

Трупы лежали грудями, иногда группой в 4—6 человек, и видно было, как двое, схватившись в последней смертельной схватке, еще не убив друг друга, были пронзены штыками своих врагов, а те в свою очередь были убиты другими.

Маленькие полчки после этого боя еще больше поредели, но задача была выполнена, противник совершенно уничтожен.

Поредевшие ряды легендарных и вместе с тем скромных незаметных героев рвались к Киеву. “Даешь Киев!” — вот что было в устах каждого отдельного и всех бойцов бригады и дивизии...»

По горячим следам Григорий Иванович доносил об этом бое гораздо лаконичнее: «Лихой атакой в 6 часов утра 400-м полком совместно со спешившимся 1-м эскадронам кавалерии противник выбит из с. Новой Гребли. Захвачены три пу-

лемета “максим”, 10 000 патронов, 60 винтовок. Противник отброшен за реку. Переправа занята нами».

Красные ворвались в Киев 15—16 октября, но были выбиты оттуда с помощью подоспевших подкреплений, а также находившихся в городе офицеров, присоединившихся к деникинцам. Котовцы дрались в киевских пригородах Борожанка и Новая Гребля. Особенно серьезно пострадал при отступлении 400-й полк.

После боев под Киевом бригаду Котовского перебросили для отдыха и переформирования в Рославль, где она получила новое суконное обмундирование и новые винтовки-трехлинейки. Деревянные казармы плохо отапливались, начался тиф. Утром 1 ноября Котовский получил приказ: «В двадцать четыре часа погрузить в вагоны весь личный состав, лошадей, артиллерию и обоз. Готовьтесь к немедленному выступлению. Грузитесь на Петроградский фронт. Распоряжение о подаче вагонов дано».

Бойцы, мечтавшие вернуться в родную Бессарабию, встретили известие об отправке под Петроград без энтузиазма. Но Котовский сумел убедить своих бойцов, что путь к Днестру лежит через Петроград, что красный Питер, маяк мировой пролетарской революции, в опасности и надо спешить на помощь петроградским рабочим, которые как львы сражаются с войсками белого генерала Юденича. Губернским органам снабжения в Вязьме Григорий Иванович телеграфировал: «Ночью нами получен срочный боевой приказ о немедленной отправке наших частей на фронт. Все красноармейцы голы и босы, большинство простужено. Необходимо тотчас же снабдить нас хотя бы обувью и шинелями. Нам приказано сегодня же в 14 часов грузиться. Если не будет предоставлена обувь — валенки, шинели и полушубки, мы не сумеем выполнить боевой приказ. Я отвечу жизнью за невыполнение приказа, и ваша совесть будет нечиста». Получив отказ, Котовский составил акт о том, что части его бригады не могут приступить к погрузке «ввиду отсутствия обмундирования у красноармейцев, которые совершенно раздеты и босы». Обуви и шинелей хватило на один батальон, который и был отправлен в 14 часов в заранее натопленные вагоны, как того требовал приказ. Там бойцы сняли шинели, сапоги и валенки, которые передали следующему батальону, а затем комбинация с переодеванием повторилась. Последний же отряд из-за спешки пришлось отправить к вагонам без обуви. Уже в пути следования прямо в вагоны было доставлено обмундирование: сапоги, портянки, белье, шинели, гимнастерки, ремни.

Таким образом, в начале ноября 1919 года 2-я бригада Котовского была перебросена под Петроград, где наступал Юденич. Вот извлечения из докладной записки Котовского: «Переброска утомленных боями частей бригады на Петроградский фронт, в абсолютном смысле голыми и босыми, колоссально отразилась на боеспособности частей бригады. Повальная эпидемия тифа, чесотка, экзема и простудные заболевания вследствие отсутствия белья и элементарного обмундирования и бани вырвали из рядов бойцов от 75 до 85 процентов... В заключение считаю своим долгом революционера заявить следующее: Я считаю, что по логике вещей и в высших интересах республики советов я не должен командовать бригадой на этом столь важном для республики фронте. Я не военный специалист, и если я смог командовать бригадой на Украинском фронте, то командование на тех фронтах было, несомненно, не так тяжело и ответственно и ошибки, совершенные там командованием, не были так болезненно губительны и смертельны, каковой может быть малейшая ошибка здесь, на Петроградском фронте. Здесь нужны большие специальные знания и опыт командования бригадой...»

Характерно, что в цитируемой докладной записке Котовский весьма критично и реалистически оценивает свои военные знания и командирские способности. Думаю, это сделано не только для того, чтобы снять с себя ответственность за возможную неудачу на Петроградском фронте и добиться возвращения бригады на юг Украины. Котовский не имел никакого опыта ведения позиционной войны, а Петроград приходилось защищать на узком фронте и в окопах. Григорий Иванович не мог, разумеется, знать о том, что к моменту прибытия его бригады на новый фронт Юденича уже погонят к эстонской границе и война опять станет маневренной, когда нужно преследовать разбитого врага. Такую войну Котовский очень любил, здесь он был в своей стихии.

Снять его не успели. Котовский свалился с тяжелым крупозным двусторонним воспалением легких. Но Григорий Иванович не унывал: «Меня болезнь не возьмет, я ее силой перешибу». И, как обычно, занялся гимнастикой, а потом облился ведром холодной воды и плотно поел. Начальству, интересовавшемуся состоянием здоровья, Котовский бодро рапортовал: «Встал утром, умылся, проделал гимнастику по системе Анохина, облился холодной водой, сделал обтирание, на завтрак съел две курицы. Чувствую себя хорошо, веду приемы по делам службы». Но вскоре температура поднялась выше сорока. Котовский свалился в бреду. Тогда он перенес

сразу и сыпной тиф, и воспаление легких. Его поместили в госпиталь.

Следует отметить, что на Петроградский фронт бригада Котовского прибыла уже к шапочному разбору, поскольку войска Юденича начали отступление еще в начале ноября. Под Петроградом котовцам сражаться практически так и не пришлось. Только полк Нягу поучаствовал в боях в районе Ямбурга. Бригада разместилась в Детском Селе, в казармах бывшей лейб-гвардии. В качестве пайка выдавали только воблу. От голодной смерти спасли мешки с сахаром, захваченные котовцами с собой с Украины. Свирепствовала эпидемия тифа, жертвой которой стал и Котовский.

Пока Котовский боролся с болезнью, его бригада 25 ноября получила приказ вернуться на Украину. Котовский же вышел из госпиталя только в середине декабря. Петроградские рабочие подарили ему серую шинель с бобровым воротником. В ней Котовский выехал на Украину. На подъезде к Брянску он оказался в одном вагоне с группой врачей, назначенных в различные армейские части на Украину. Тогда Котовский и познакомился со своей будущей женой Ольгой Петровной Шакиной. В Брянске он встретился с бойцами своей бригады и других частей 45-й дивизии, застрявших здесь уже больше чем на десять дней. К вечеру Котовский сумел достать эшелон и вместе с бойцами отправился на Южный фронт, 10 января 1920 года переименованный в Юго-Западный.

В двадцатых числах декабря основные силы 2-й бригады выгрузились в Глухове. Котовский нагнал их 31 декабря в Новомосковске. И сразу представил им Ольгу Петровну, пошутив: «Я калечу, а она лечит». Затем они вместе направились в Екатеринослав, в штаб 45-й дивизии. Здесь они зашли и в кинематограф. По ходу действия фильма показывали казнь на виселице. Когда в зале зажегся свет, Ольга Петровна с удивлением заметила, что Григорий Иванович сильно побледнел. «Не удивляйтесь, я сам был смертником, — объяснил Котовский. — Эта картина напомнила мне то, что я пережил, ожидая виселицы. Ведь каждый раз, когда раздавался лязг отодвигаемого засова, я думал, что это конец, что это за мной».

В отличие от матери Григорий Григорьевич Котовский в своих воспоминаниях излагает совершенно фантастическую версию знакомства родителей, относя его к гораздо более раннему времени: «С мамой они познакомились осенью 1918 года (в другом интервью Григорий Григорьевич называл временем знакомства родителей сентябрь 1919 года, что также на три месяца раньше реальной даты. — Б. С.). Это была романтическая

история, которая в значительной степени искажена в книгах об отце. Поэтому рассказываю ее со слов мамы, так сказать, из первоисточника. Ольга Петровна тоже была незаурядным человеком. Она происходит из волжских крестьян: ее отец в Сызрани был прасолом — покупал, нагуливал и перепродавал овец. Их родственники владели местным кожевенным заводом. Родители у моей матери умерли рано. Начальница местной гимназии взяла мою мать в учебу на казенный кошт. Вместе со своей сестрой Елизаветой они купили в рассрочку швейную зингеровскую машину, которая, кстати, дожила до наших дней, тетка что-то шила, мама вышивала. На это жили. После окончания гимназии мама устроилась корректором в местную — социал-демократическую — газету. Здесь работала сестра Ленина — Анна Ильинична Ульянова, а издавал газету ее супруг Марк Елизаров. Марк Тимофеевич за мамой ухаживал, и Анна Ильинична ревновала ее. Мама была бесприданницей, и ей надо было устраивать жизнь. В 18 лет ее познакомили с земским врачом по фамилии Шакин из города Кузнецка, что недалеко от Сызрани. Он ею увлекся, хотя был старше ее чуть ли не на 30 лет, и они очень хорошо прожили два года. Детей не было. Шакин заболел раком. Зная об этом и будучи благородным человеком, он повез мать сначала в Петербург, чтобы она поступила на медицинский факультет университета к Бехтереву. Но там что-то не вышло, и они поехали в Москву. В 1914 году мама поступает на медицинский факультет Московского университета. Вскоре Шакин умирает, мать с теткой продают дом в Кузнецке и кладут деньги в банк, который в 1917 году лопнул (точнее, не лопнул, а после Октябрьской революции был национализирован, а вклады клиентов конфискованы в пользу государства. — Б. С.). Тетя Лиза работала в то время казначейшей в Сызраньской больнице, где после 1917 года главврачом стал брат Ленина Дмитрий Ульянов. Тетка о нем говорила плохо. Ленина она боготворила, а вот его брата считала человеком весьма посредственным, да и изрядно выпивавшим. Мама продолжала учебу в Москве и после революции поступила работать в отдел металлов ВСНХ техническим работником. Мама рассказывала, что в то время Москва спасалась от голода семечками: вся столица утопала в семечках, которые были важным источником калорий. Мама вступила в партию в 1918 году. Она была любимой ученицей великого русского хирурга Н. Н. Бурденко, и, когда заканчивала учебу, он хотел оставить ее в своей ординатуре. Но, как член партии, она добровольцем поехала на Южный фронт. В поезде она встретилась с отцом, который догонял бригаду после перенесенного

тифа. В это страшное время, конечно, каждая женщина хотела прислониться к плечу мужчины. Мама впоследствии рассказывала со слов отца, почему она ему понравилась: он увидел в ней облик своей матери, которую потерял, когда ему было три года. Начался роман. Котовский предложил поехать к нему в бригаду. Врачей у него не было, и он назначил ее сразу бригадным врачом. Это было в конце 1918 г. Когда они поженились, бойцы преподнесли им в подарок кровать. Эта кровать (сохранившаяся до ВОВ в нашей квартире в Киеве) и была всем их семейным имуществом».

Можно с уверенностью утверждать, что Григорий Григорьевич немного ошибся в дате знакомства отца и матери и что рассказ Ольги Петровны Шмерлингу гораздо ближе к истине. Осенью 1918 года Котовский еще занимался налетами в Одессе, а не бригаду в Красной армии организовывал.

В январе 1920 года Котовского назначили командиром Отдельной кавалерийской бригады, которая наступала на Одессу. Он писал своей будущей жене: «Милая Леля! Мне приказано сейчас же начать сводку всех кавалерийских частей нашей дивизии в кавалерийскую бригаду. Ты будешь самое короткое время во 2 бригаде, после чего будешь переведена в мою кавалерийскую, где, конечно, займешь свое место в перевязочном отряде бригады».

Ольга Петровна Котовская составила небольшой очерк боевого пути кавбригады Котовского в 1920 году под названием «Боевой год бригады — 20 год»: «12-го января 1920 г. в Екатеринославе в приказе по 45-ой дивизии было объявлено о формировании кавалерийской бригады. Командиром бригады назначался командир 2-й пех. бригады 45-ой дивизии Котовский. Котовский с Юцевичем (был переписчиком в штабе 2-ой бригады) (на самом деле — помощником начальника штаба. — Б. С.) из Екатеринослава выехали в местечко Лозоватку собирать кавалерийские части. Юцевич был назначен начальником штаба. 25-го января было закончено формирование, и бригада получила задачу содействовать 2-й бригаде в овладении г. Вознесенска. Свое первое боевое крещение получила 30-го января, заняв г. Вознесенск. 3-го февраля после упорного боя у д. Колосовки заняла Березовку. В первый раз я видела всю бригаду перед Вознесенском, когда бригада направлялась в тыл противника. Внешний вид желал еще многого: около 300 всадников в самом различном одеянии, кони, за небольшим исключением, клячи. Шествие замыкали санитарная повозка с санитаром, который олицетворял собою санчасть бригады, и 2 новые полев. кухни. В лице Юцевича — был

штаб бригады. Но была уверенность в своей силе и стремление к победе. У большинства бойцов (бессарабцев) было стремление скорее разгромить противника и затем пойти на Бессарабию, очистить ее от румын. В Вознесенске я получила приказ о переводе меня в кавбригаду и догнала бригаду в м[естечке] Березовке. Здесь я осталась со “штабом” формировать санчасть бригады, т. к. много было оставлено раненых и больных, а полки двинулись на Одессу. Поход был так стремителен, что приказы не догоняли их, и 7-го февраля в 2 часа дня наша бригада ворвалась в Одессу со стороны Пересыпи. Пополнение бойцов за это время шло за счет добровольцев из молдавских сел, через которые бригада проходила, 9-го февраля около Маяк бригада разбила противника около 5 тысяч, выдержав упорный бой, ибо тут собрались “сливки” — охранка, жандармерия, офицерство. Здесь бригада подлаталась — громадное количество захвачено было пулеметов, артиллерии и обоза. В то время бойцов в бригаде было 350. 12-го февраля бригада заняла Тирасполь совместно со 2-ой бригадой. Трофеи были настолько огромны, что из армии была прислана комиссия по учету этих трофеев — одних бронепоездов 12. В половине февраля бригада направилась в г. Ананьев на формирование. Но недолго отдыхала бригада. Ее перебросили на Польский фронт в район Жмеринки. В этом районе на ст. Комаровцы бригада пробыла целый месяц в тяжелых условиях. Поляки ежедневно устраивали ночные налеты. Бойцы все время должны были быть начеку. Лошади были оседланы, боец не отходил от лошади. Люди питались плохо, довольствие лошадей еще хуже. Заедала вошь. Но и при такой обстановке котовцы не изменили своей традиции — бить противника. Несколько раз так шелкнули по носу, что после этого поляки стали осторожнее. В половине апреля бригаду перебрасывают в 17 дивизию; 2-ой полк уже был на Казатине, как вдруг измена галичан. Макаренко пошел на Винницу и с боем продвинулся и соединился с бригадой. Так перевод наш в 17-ю и не состоялся.

В конце мая после общего отступления с приходом Конной армии на фронте перелом и части вновь переходят в наступление. Наша бригада из Звенигородки идет на Лысянку, бои под Ольшанкой, Белой Церковью, Казатин, Любар (где был тяжело ранен Нягу и навсегда выбыл из строя), Грицово (где был исход боя определен поединком между офицером и Котовским), Изяславль, Катербург, Горленка (где был контужен Котовский и выбыл из строя на 6 недель), Бабья Гора (работа группы Осадчего), рейд в тыл к полякам в Почаев, захват польских генштабистов; операции в Галиции — бой под Красном.

Отступление с боями, где захватывались трофеи. Бои перед заключением перемирия.

Затем переброска на петлюровский фронт и работа котовцев здесь как заключительный аккорд конца 20-го года — первого года существования кавбригады. К концу операции бойцов было 250 ч., награждены орденами Красного Знамени около 200 чел. За этот год пополнялась бригада добровольцами — перебежчиками из Бессарабии, конское пополнение, обмундирование, снаряжение — за счет противника. В чем была сила бригады? — что сделало ее непобедимой, что навело панику у противника и вселяло бодрость в наших соседних частях только при одном слухе, что Котовский здесь неподалеку? Характерный штрих: на Жмеринку прибывает к нам из Одессы группа добровольцев в 30 человек, все одеты как смольные, все кавалеристы — красные галифе, синие гимнастерки. Котовский принял их, произнес речь, смысл которой был тот, что в бригаде может быть тот, который не боится смерти, решил во имя революции пожертвовать собой, кто готов на это — может остаться. Осталось всего 2 человека. Бригада была сильна внутренней спайкой, железной дисциплиной. Не было отдельных личностей, а была бригада в целом — одна семья. Каждый давал максимум энергии в порученном ему деле, проявляя инициативу, чувствовал ответственность в своей работе. Крепка была бригада дисциплиной — мародерства не допускалось. Был один случай, когда один красноармеец стащил у крестьянки платок. Она пожаловалась прямо перед самым уходом полка из села. Летучий митинг и после постановил расстрелять этого красноармейца. Население довольно было нашей стоянкой, т. к. никогда никто ничего не требовал от крестьян. Было дело в Росоховатке — мы там стояли порядочно. Крестьяне, помня “хорошее отношение панов”, были рады нам и спокойно жили, т. к. никаких сборов у них не было. После нашего ухода проходила Буденновская часть и забрала свиней у крестьян — крестьяне прислали делегацию с жалобой на буденновцев и прося заслушать, мы тогда были в Лысянке под Тарашей. Настолько боец был связан с бригадой, что даже выбывая из строя раненый или б[ольно]й, он не хотел уходить из бригады. Один был вопрос — а как я потом догону свою часть, когда выздоровлю? И бригаде приходилось “явочным порядком” устраивать у себя походный лазарет. Оборудование также было “за счет противника”.

Перед боем всегда было задание: при наступлении на противника чем надо пополняться. Если надо было пополнять коней — то зарабатывали коней, пулеметы — то зарабатывали

пулеметы. Не обижали бойцы и свою санчасть — мои заказы также выполнялись.

Бригада жила одной мыслью, одним желанием — «За власть Советов». Твердо блюли традиции бригады: бить врага, не считая, умирая, не сдаваться!

Революционная дисциплина, выдержанность, сознательность проходила красной нитью через весь боевой путь бригады. Даже оторванные далеко от Днестра в Тамбовской губ. бойцы отказались от демобилизации, пока не уничтожена будет антоновщина. Высокий образец революционной выдержанности проявила бригада при секретной операции на Антонова — маскировку во фроловцев.

Беззаветная храбрость, самоотверженность, неутомимая энергия организатора и командира бригады воодушевляла бойцов.

Погиб Котовский, погиб Нягу, Макаренко, Просвирин и много бойцов, незаметных героев, но традиции, выкованные в боях, живы. Они поведут дивизию к новым победам в последней схватке».

1-й кавполк под командованием Михая Нягу объединил молдаван. Командиром 2-го кавполка был назначен Макаренко, человек исполинского роста, происходивший из донских казаков. В этом полку преобладали украинцы. Комиссар 2-го полка Христофоров одновременно являлся комиссаром бригады. Он происходил из народных учителей и был членом РСДРП(б) еще с 1914 года. В состав бригады вошли также бойцы действовавших на Украине повстанческих отрядов, в том числе бывших махновцев.

Двадцать четвертого января в Лозоватке состоялся первый смотр кавбригады. Лошади были разномастные: рыжие, пегие, серые и гнедые, но все с подстриженными хвостами и в новых уздечках. Бойцы тоже не отличались единообразием формы, будучи одеты в тулупы, кожаные куртки, шинели и даже фуфайки. В бригаде было несколько пулеметных тачанок, которыми командовал бессарабец Слива, и два артиллерийских орудия. Под командой Котовского в тот момент было около 350 сабель.

Бывший котовец И. М. Жалоба вспоминал, как бригада Котовского вошла в Одессу: «В Одессу мы вошли с Пересыпи по Московской улице, через Черный мост... дошли до 1-й заставы и увидели... поезда деникинцев, которые двигались от станции Одесса-Главная на Раздельную. Г. И. Котовский дал нам приказ открыть огонь по поездам. Бой был горячий, наши артиллеристы так стреляли, что дула были горячими, и деникинцев загнали обратно в Одессу — на станцию Одесса-Глав-

ная. Наша бригада пошла дальше в село Дальник, где было полно денкинцев. Это было в 12 часов ночи, а мы с самого утра ничего не ели. В Дальнике мы открыли пулеметный огонь с 25 тачанок и орудий. Здесь мы захватили много пленных, орудий, пулеметов и боеприпасов. Утром часть кавалеристов поехала в город и освободила тюрьму, а остальные пошли в колонию Фрейденталь, где захватили много трофеев, а потом двинулись в село Маяки... загнали денкинцев в плавни. Тут уже стали сдаваться без боя. Последний бой был в немецкой колонии Зальц, где Г. И. Котовский построил кавбригаду и сам... повел кавалеристов на денкинскую пехоту... Здесь наша бригада захватила несколько тысяч пленных, несколько генералов и много трофеев...»

В бригаде Котовского служил и будущий писатель Николай Островский, прославившийся на весь мир романом «Как закалялась сталь», автобиографическим повествованием о красноармейце-комсомольце, не сломленном тяжелым недугом. Николай Алексеевич вспоминал: «Когда наша 44-я стрелковая дивизия Щорса с бригадой Котовского разгромила петлюровцев и освободила Житомир, я много наслушался от бойцов о легендарном Котовском, пошел к нему в конную разведку. Нравилась мне разведка. Меня, как комсомольца, сделали политбойцом, чтецом, гармонистом. Был даже учителем по ликвидации неграмотности. После выздоровления (от тифа) догнал Котовского, когда он в январе 1920 года формировал кавалерийскую бригаду. Стал проситься в конницу, а в штабе настояли, чтобы пошел в стрелковый полк. Пришлось идти к самому Котовскому. Тот выслушал и сказал:

— Берем! Весели моих ребят. Пусть тебе только хорошую гармонию достанут. Пойдешь в полк Макаренко. Там комиссар Христофоров, хороший ценитель муз, оформит тебя полковым маэстро.

После мы на Одессу пошли. Белогвардейцы при упоминании, что Котовский близко, бежали без оглядки».

Кстати сказать, свое первое произведение Островский написал именно о котовцах. Но эта повесть, к сожалению, была утеряна.

Двадцать девятого января 1920 года ударил мороз и поднялась снежная буря. Бригада Котовского в этот момент двигалась на Вознесенск. Город был взят после ожесточенного боя. Котовцы захватили много трофеев, в том числе обмундирование, и тотчас переоделись в новые шинели. В плен попал духовой оркестр денкинского Севастопольского полка. Музыкантов заставили спешно выучить «Интернационал», который

они исполнили вместе с похоронным маршем во время похорон погибших красноармейцев. Немало котовцев сложили головы под Вознесенском. Но белогвардейцев погибло гораздо больше.

Третьего февраля 1920 года бригада Котовского заняла Березовку, захватив сотни пленных. А в качестве трофеев котовцам достались эшелоны с продовольствием и два вагона, набитые персидскими коврами.

В мемуарах Якир писал: «Я не буду... останавливаться на захвате Одессы, не буду разрешать спор между командиром 41-й дивизии Осадчим и покойным Григорием Ивановичем Котовским. Уверен только, что без героических действий конницы Котовского не занята была бы Одесса. А из Одессы нашу западную разграничительную линию завернули на Тирасполь, и быстрыми аллюрами Григорий Иванович ушел по ней.

В то же время компактная группа белых тысяч в десять, ушедшая из Одессы на Овидиополь — Маяки, двинулась на немецкие колонии Баден — Страсбург и вышла к нам в тыл. Быстрыми действиями пехотных и кавалерийских частей нам удалось здесь, у Лимана, задержать движение этой группы наиболее отчаянных белогвардейцев. Они пытались перебраться на румынский берег. Румыны, боясь, что вслед за ними ворвемся и мы, встретили их пулеметным огнем, убивали женщин, детей... Они вернулись и после короткого боя вынуждены были сдатьсь. Это были последние остатки армии Деникина на Правобережье.

Кадры нашей дивизии состояли из бессарабцев; только огромная выдержка могла заставить их остановиться, не двигаться дальше через прочный лед в свои родные края. Пошелкали зубами, поглядели на свой берег, кавалеристы Котовского помаячили в своих красных шароварах по буграм и... ушли от Днестра. Двинулись в новый поход, на Польский фронт.

Тяжело началась для нас борьба на Польском фронте, мы не знали противника, на первых порах он учил нас уму-разуму. Однако мы быстро с ним познакомились, и не так оказался «страшен черт, как его малюют»».

Якир назвал Котовского «наиболее выдающимся» из всех командиров 45-й дивизии.

Бригада Котовского заняла местечко Потоцкое в 40 верстах от Одессы. Там находилась телеграфная станция. На вызов из Раздельной Котовский ответил: «Я — Одесса», предварительно отключив Одессу. И перехватил следующее сообщение: «Принимайте точную оперативную сводку. Красная 41 дивизия южнее Березовки, 45 дивизия севернее Березовки и кон-

ная армия Котовского в самой Березовке. Прошу выставить сильную охрану со стороны станции Сортировочная, а также организовать оборону Пересыпи. Все, Генерал Шевченко. Кто принял сводку?»

Котовский приказал телеграфисту ответить: «Сводку принял Котовский».

Генерал возмутился: «Что за безобразие в такое время заниматься шутками!»

Потоцкое ответило еще раз: «Сводку принял Котовский».

Тогда Шевченко предложил красному комбригу: «Союз спасения родины предлагает вам опомниться и повести свою конницу против большевиков».

Котовский ответил: «С малых лет я веду борьбу с эксплуататорами рабочих и крестьян и буду вести до тех пор, пока вы окончательно не будете уничтожены. Часа через три ждите меня в Одессе».

На этом переговоры прекратились. Бригада Котовского 7 февраля ворвалась в Одессу со стороны Пересыпи, причем белогвардейская застава первоначально приняла котовцев за своих. Они прошли Пересыпский мост и двинулись по Московской улице, по Нарышкинскому спуску, Преображенской и Тираспольской улицам. Котовский артиллерийским огнем разбил железнодорожное полотно между Одессой и станцией Застава, закрыв деникинским эшелонам путь отступления в Бессарабию. Впрочем, в этом не было большой нужды, так как румыны все равно не собирались пускать за Днестр белогвардейцев. Затем котовцы начали обстреливать порт. С других направлений в Одессу также вступили пехотные части 41-й дивизии Ю. В. Саблина, которой бригада Котовского была подчинена в оперативном отношении. Потом это породило спор, кто первым вошел в Одессу — Саблин или Котовский. После того как в 1937 году Юрий Владимирович Саблин был расстрелян по делу Тухачевского, о его роли в освобождении Одессы было приказано забыть. Пока же котовцы и саблинцы вместе выбивали белых из Одессы. Лишь немногие деникинцы смогли эвакуироваться на французских и британских судах. Часть белогвардейцев, среди которых было много офицеров, а также гражданских беженцев, стала отступать пешим порядком в Бессарабию, однако румыны, за редким исключением, не пропускали их через границу, не желая вмешиваться в русскую Гражданскую войну.

Утром 8 февраля Котовский докладывал Саблину: «У вас, товарищ начдив, полнейший кавардак. Прошло пять часов с момента, когда вы обещали прислать смену на станцию Заста-

ва 1, а ее нет. Тов. Саблин, связь поставлена до невозможности плохо, даже на вокзале главным ни до кого не дозвонишься. С городом никакой телефонной связи, т. е. с штабдивом. Прижмите вашего начальника связи, чтобы он установил связь с вокзалами и заставами, не забудьте, что Застава первая есть рубеж... Оставляю взвод еще до девятнадцати часов. Если ему не прибудет смена, он уйдет на Маяки».

Смена, наконец, подоспела, и котовцы пошли в наступление на Маяки.

В тот же день вечером Котовский докладывал Саблину: «8-го февраля, 12 часов 20 минут. Доношу, что доблестная, вверенная мне кавбригада и батарея, исполняя данную ей задачу, в своем направлении на Маяки настигла неприятеля в селении Николаевское, оно же Фронталь. Противник состоял из следующих частей: Уланский полк, 75-й Севастопольский, 42-й Навагинский, запасный батальон, инженерные части и четырехорудийная батарея. Кавбригада повела наступление и после часового боя и отчаянного сопротивления противника разбила его наголову. Остатки неприятеля в панике бежали в направлении Маяки — Овидиополь. Захвачены четыре орудия, восемь пулеметов, громадный обоз и более двухсот пленных. Офицерство частью перебито в бою, частью застрелилось само. По последним сведениям, полученным от крестьян, противник в большом количестве движется по берегу Днестра от Тирасполя к Маяки, где он решил во что бы то ни стало удерживать переправы».

Одиннадцатого февраля 1920 года Котовский телеграфировал в штаб 41-й дивизии, что 10 февраля кавбригада весь день выбивала и обезоруживала противника, засевшего в плавнях. 12 февраля котовцы заняли Тирасполь.

Бывший командир батальона 405-го полка в бригаде Котовского К. А. Тиманюк вспоминал последний бой с «непримиримыми белыми» под Тирасполем: «Темнеет... Подъезжает Котовский, говорит мне:

— Костя, остатки добровольцев думают овладеть Тирасполем. Приказываю погрузить пехоту в эшелон и занять станцию Кучурган. Я прибуду форсированным маршем в колонию Страсбург. Задача — уничтожить банду. Скоро встретимся.

Пехота шагает к вокзалу и начинает погрузку в темноте. Не доезжая ст. Кучурган, в 23 часа разгрузились. Выслана разведка. “Стой!” Могучий бас прорезает ночную темноту: “Свои. Я Котовский...”

Разведка донесла, что противник расположился на ночлег в немецкой колонии Зельц.

Подойдя несколько времени спустя к северной окраине колонии Зельц, конница котовцев поворотила налево, а за ней и артиллерия. Конница пошла в обход, артиллерия заняла позиции. Пехота продолжала движение на северную окраину Зельц. До противника осталось 3 км. Две роты развернулись в цепь. Резерв — рота пехоты и эскадрон конницы — сосредоточен правее дороги из колонии Кандель в Зельц. Пехота движется параллельно северной окраине Зельц. Правее ее — изгиб Днестра, заросли камыша. Левее — постепенно повышающийся скат гладкого поля.

Вскоре одновременно грянули гром орудий и лихое “ура” котовцев. Но атака конницы по левому флангу колонии Зельц отбита. Противник заблаговременно предупрежден колонистами, и трещат его пулеметы, шумят бронемашины, двинувшиеся против котовцев, ревет ураганный огонь артиллерии противника. Пехота же его перешла в контрнаступление на пехоту приднестровцев, пытаясь пересечь железнодорожную линию Раздельная — Тирасполь.

Три цепи деникинцев развернулись. Правый фланг их скрыт где-то за гребнем ската, а левый — на противоположном берегу залива в д. Граденица. Израсходовав до последнего бойца резерв, батальон приднестровцев удерживает фронт по рубежу 1—11/2 км севернее колонии Зельц.

Конница без устали атакует правый и левый фланги и тыл противника, но не может преодолеть огня бронемашин и пулеметов. Но вот атака батальона приднестровцев с фронта вдоль дороги Кандель — Зельц отвлекает бронемашины противника на себя. Бронемашины громят наши тачанки с пулеметами, и весь батальон в “беспорядке” отходит. Противник увлечен победой. Главные силы его пехоты и бронемашины вышли в поле...

В течение двух часов атаки и отхода приднестровцы понесли тяжелые жертвы. Комиссар бригады тов. Христофоров и 2 командира роты, 4 взводных и 27 красноармейцев убито; 40 ранено (комиссар Христофоров погиб 15 февраля в бою у селения Кандель. — *Б. С.*). Но маневр удался. Пока деникинцы “громили” “отходивший” батальон красных, конница заняла колонию Зельц с тыла, другая часть пехоты сосредоточилась на северной окраине колонии Кандель.

Когда противник это обнаружил, его охватила полная паника. Он бежит через лед к румынам, бросает бронемашины, ищет спасения на зеркальной поверхности льда по заливу и в камышах. Но спасения нет. Пулеметы беспощадно обстреливают лед и камыши. Параллельное преследование вынудило

противника оставить на поле боя всю материальную часть и только на противоположном берегу залива остаткам его посчастливилось под прикрытием огня румынской заставы, стрелявшей по красным, перейти через Днестр. Но там “счастливицов” ограбили румыны...

Утром деникинцы “с повинной” возвратились на левый берег Днестра, заявляя: “Мы-де за революцию”, “мы мобилизованные”, “мы подводчики” и т. д. У всех 5000 пленных белогвардейцев видны на пальцах следы от нажатия на курок пулемета или винтовки, но несмотря на это Котовский говорит построенным в ряды пленным: “Красные даже мерзавцев не расстреливают... Вы направляетесь в штаб 45-й стрелковой дивизии и в дальнейшем по месту жительства... Горе будет вздумавшим бежать”».

Этот же бой описал и Василий Витальевич Шульгин в книге «1920» (он тогда командовал одним из отрядов белых в группе коменданта Одессы полковника А. А. Стесселя): «Ну вот, кажется, какое-то село — немецкая колония. Обоз втянулся. По-видимому, здесь будет отдых. Я иду селом, разыскиваю своих, от которых отстал. Большое село, массивные немецкие дома с треугольными фасадами. Тут, наверное, масса белого хлеба. И наверное, можно что-нибудь сварить. И наверное, наши отыскали уже хорошее, теплое, просторное помещение. Квартирьером послан поручик Л., который немножко любит комфорт. Как знать — может быть, в какой-нибудь культурной немецкой семье отыщется и рояль. Тогда будет и *valse triste* Сибелиуса.

Так-так-так-так-так-так-так-так... вот тебе и вальс Сибелиуса!..

Кто-то “занимается” по нас пулеметом — вдоль улицы.

Неужели большевики в конце села? Я не успел сообразить этого, как шрапнель разорвалась над домом, где поместился штаб. В ту же минуту высыпали оттуда и стали кричать, сзывать всех, кто под рукой. Я бросился через какие-то ворота в поле. Со мной несколько человек, в том числе Алеша. С других сторон тоже бежали люди. Сейчас же на огородах образовалась беспорядочная цепь. Это было нечто скифское. Все вопили, стреляли куда-то в пространство.

Никаких организованных звеньев не было. Вообще ничего не было. Ни командиров, ни подчиненных. Все командовали, т. е. все вопили и в общем стихийно двигались вперед. Кажется, нас обстреливали, даже наверное. Несколько пулеметов трещало. Но это не производило никакого впечатления. Бежали, останавливались. Ложились, опять бежали. На-

конец, отошли довольно далеко от деревни. Кто-то и к нам притащил пулемет... С нашей стороны беспорядочная пальба не прекращается. Но она достигает апогея, когда появляется большевистская кавалерия на горизонте. Некоторые теряют головы.

Престарелые полковники командуют:

— Прицел три тысячи!.. По наступающей кавалерии!..

И дают залпы на три тысячи шагов. По наступающей кавалерии, которая вовсе не наступает, по-моему, а движется шагом. Я понимаю, что это бессмыслица, у нас мало патронов, но ничего не могу сделать в этом дьявольском шуме — голоса не хватает. Подзываю Алешу, приказываю ему взять командование над ближайшими, прекратить пальбу и сохранить патроны на случай действительной атаки кавалерии. Его металлический голос начинает звенеть в этом смысле. Кто-то протестует, возмущается, кричит, что кавалерия нас обходит.

Обходящая кавалерия на самом деле оказывается нашей кавалерией. Она выезжает справа, имея, по-видимому, желание атаковать неприятельскую. Но почему-то это не происходит. В это время за нашими спинами начинают работать наши орудия. Неприятельская кавалерия явственно отходит, вытягивается гуськом на дороге вдоль фронта.

Удачная шрапнель заставляет их прибавить ходу. Они уходят вскачь.

Мы победили. В это время справа что-то происходит. Там начинают кричать ура, и потом это ура перекачивается по всем цепям, доходит до нас, мы тоже кричим ура и перебрасываем его следующим цепям влево. Затем приходит и объяснение. Начальник штаба объявил, что мы вошли в соприкосновение с войсками ген. Бредова. Хотя войска генерала Бредова были в это время не ближе ста верст, но все этому поверили...

И все это повторилось снова. Через два часа большевики опять напали на нас. И мы снова защищались. Те же цепи, те же крики, тот же беспорядок. Но на этот раз было хуже. Сильно крыли гранатами. Сверкнет ярким желтым пламенем, а затем густой взрыв дыма...

Цепи сблизились шагов на двести. Но чувствуется, что мы не сдадим. Я выпустил несколько обойм, когда они побежали. Мы скифски их преследовали, вопили, размахивали винтовками. Они поспешно отходили по почерневшим полям — снег стоял в этот день.

Штаб. Совещание. Дело плохо. Противника отогнали, но патронов нет. Пальба на три тысячи шагов залпами сказалась...

Броневи́к “Россия”, на котором наше единственное оружие, надо бросить — нет бензина. В сущности мы безоружны.

Идем вот уже несколько суток без отдыха, почти без пищи.

Решено пробиваться еще раз в Румынию хотя бы силой...

Алеша ранен. Поручик Р. убит. Еще несколько человек ранены в нашем отряде; остальные, слава богу, целы. Вообще же потери в этом бою насчитывают около четырехсот человек.

Из штаба приходит приказание бросить все вещи».

Шульгин также описал, как румыны ограбили русских офицеров и беженцев перед тем, как отправить их обратно за Днестр, так и не пропустив в Бессарабию: «Когда наступил вечер, румыны развернули свою настоящую природу. Они приступили к нам с требованием отдать или менять то, что у нас было, т. е. попросту стали грабить. Сопротивляться было бесполезно. Один толстый полковник пробовал устроить скандал, вырвался, но его схватили, побили и отняли всё, что хотели. Брали все, что можно. У одних взяли сапоги, дав лапти, у других взяли штаны, у третьих френчи, не говоря о всевозможных мелочах, как то: часы, портсигары, кошельки, деньги, кроме “колокольчиков”. Разумеется, снимали кольца с рук. Словом, произошел форменный грабеж». Шульгину еще повезло — с него сняли только обручальные кольца, а одно кольцо, самое для него дорогое, ему даже оставили.

Этот эпизод шульгинских мемуаров спародировали в финале «Золотого тельца» Ильф и Петров, когда Бендера, выдающего себя за бежавшего от большевиков профессора, грабят румынские пограничники, в том числе сдирая кольца с пальцев, а затем выбрасывают на днестровский лед в одном сапоге, но зато с чудом сохранным великим комбинатором орденом Золотого руна.

Описал Шульгин и появление парламентаров Котовского:

«Вдруг на лужайке появляются два всадника. Они приближаются, направляясь прямо к нам. Они без оружия.

Подъехав, они останавливаются и глазами кого-то ищут.

— Где тут полковник Стесселев?

Стессель ответил своим характерным басом, чуть хриплым, как будто с одышкой.

— Это я. Что вам?

Это были по виду как будто унтер-офицеры, но без погон.

Один из них начал так:

— Ну что ж, товарищ полковник... Надо кончать... Зачем вы против нас цепи выслали?.. Так что вы в таком положении, что мы с вами драться не желаем...

— Да кто вы такие?

— Мы те самые, с которыми вы позавчера бой вели... дивизия товарища Котовского... Товарищ Котовский нас прислал, чтобы, значит, кончать...

Тут он повернулся ко всем нам, к толпе.

— Если некоторые господа офицеры опасаются, что им что будет, то пусть не опасаются. Потому товарищ Котовский не приказал... и вещей отбирать тоже не будут... И ежели при господах офицерах которые дамочки есть, то тоже пусть не опасаются... Ничего им не будет... Приказал товарищ Котовский сказать, чтоб все до нас шли и чтобы не опасались.

В это время кто-то из толпы, кажется, единственная сестра милосердия, которая была с нами, спросила:

— Да кто вы такие?

— Мы? Мы — большевики!

— Так как же, если вы большевики... как же вы обещаете то, другое... а вчера кто убивал? кто резал? кто отнимал?

— Мы? Нет, мы не обижали!..

— Как не обижали? Вы же коммунисты?

— Какие мы коммунисты! Мы большевики, а не коммунисты!.. Мы с коммунистами сами борьбу ведем... Вот, к примеру сказать, господа офицеры... разве среди вас все хорошие люди?.. Есть некоторые хорошие, а есть... сами знаете... Так и у нас — коммунисты... Сволочь коммунисты!..

В нашей толпе произошло заметное волнение. Эти слова производили впечатление. Делегаты Котовского, очевидно, это поняли.

— Вот, господа офицеры, тут наш штаб недалеко... И ваш полковник Мамонтов там. Вчера его взяли... Кто к нам — пожалуйста... Всем хорошо будет. Кто хочет к нам на службу — принимаем. А кто не хочет — так себе пусть идет домой... А не желаете, ну тогда — драться будем...»

Большинство военнослужащих и беженцев сдались. Остались только 52 человека во главе со Стесселем и Шульгиным. Александр Анатольевич Стессель в конце концов добрался до отступавшего в Польшу отряда генерала Бредова, а Шульгин — во врангелевский Крым. Часть беженцев, имевших польское или румынское гражданство, а также несовершеннолетние дети, в том числе кадеты, были оставлены в Румынии. Шульгину также пришлось вести группу из тридцати человек, которые хотели сдать Котовскому. Он честно довел их до штаба комбрига, а потом продолжил свою одиссею. О бойцах Котовского Василий Витальевич отозвался с похвалой: «Вот идет какая-то конная часть. Очевидно, эскадрон дивизии Котовского. Очень приличный внешний вид. Хорошие лошади, седла, аму-

ниция — все в порядке. Если бы они носили погоны, это напоминало бы старую русскую армию».

Шульгин также передает свой разговор с одним из командиров-котовцев, у которого он выменял штатское пальто на свою офицерскую бекешу:

«— Как мы все довольны, что товарищ Котовский прекратил это безобразие...

— Какое безобразие? Расстрелы?

— Да... Мы все этому рады. В бою, это дело другое. Вот мы несколько дней назад с вами дрались... еще вы адъютанта Котовского убили... Ну бой так бой. Ну кончили, а расстреливать пленных — это безобразие...

— Котовский хороший человек?

— Очень хороший... И он строго-настрого приказал... И грабить не разрешает... Меняться — это можно... У меня хорошее пальто, приличное.

Не знаю почему, разговор скользнул на Петлюру. Он был очень против него восстановлен.

— Отчего вы так против Петлюры?

— Да ведь он самостийник.

— А вы?

— Мы... мы за “Единую Неделимую”.

Я должен сказать, что у меня, выражаясь деликатно, глаза полезли на лоб. Три дня тому назад я, с двумя сыновьями с правой и левой руки, с друзьями и родственниками, скифски-эпически дрался за “Единую Неделимую” именно с этой дивизией Котовского. И вот, оказывается, произошло легкое недоразумение: они тоже за “Единую Неделимую”.

Мы подходим к караулке. Тут он, правда, пониженным голосом, стал чистить коммунистов. К этому уже я был несколько подготовлен: я вспомнил тех двух делегатов Котовского на берегу Днестра:

— Сволочь коммунисты...

Этот говорил в том же роде. Я посмотрел на него сбоку: “Не наш ли ты?” Нет, он не был офицер. Это красный командир большевистской формации».

Главный идеолог Белого движения в данном случае — свидетель авторитетный. И он так резюмировал свое мнение о Котовском и котовцах: «Да, они пока не обирали, не расстреливали, не грабили.

Может быть, в такой дивизии Котовского гораздо больше близкого и родного, чем мы это думаем. Но всё это пока...

Пока здесь работает что-то человеческое, вернее сказать, что-то общее всем нам, русским. Но ведь за этим стоит страш-

ная изуверская сектантская сила, кровожадная, злобная, ненавидящая, которой, увы, подчинены все эти Котовские и близкие ему по духу...»

Шульгин также дает свою версию биографии Котовского, вполне фантастическую, которую позднее использовал в своей книге Роман Гуль:

«Кстати, о Котовском.

Этот человек окружен легендой. Но вот что мне удалось более или менее установить. Он родом из Бессарабии... Кажется, получил какое-то среднее агрономическое образование. Будучи еще совсем молодым человеком, он убил. Убил человека, который оскорбил его сестру. Был сослан на каторгу. Бежал, вернулся в Бессарабию под чужим именем. Поступил управляющим к одной помещице. Образцово управляя имением, он вместе с тем производил самые дерзкие нападения и грабежи во всей округе, причем грабил только богатых будто бы и широко помогал бедным. Долгое время полиция никак не могла установить, что этот полуполюгендарный не то Дубровский, не то Робин Гуд и Котовский, образцовый управляющий, — один и тот же человек. Но, наконец, его выследили: подробности его ареста рассказываются со всякими украшениями; словом, он был ранен, арестован, снова судим и снова сослан. Революция 1917 г. освободила его, и он появился в Одессе. В городском театре, в фойе, одна из ограбленных им дам узнала его и упала в обморок. Он весьма галантно привел ее в чувство. Затем отправился на митинг, который шел в театре, и весьма шикарно продал с аукциона в пользу чего-то, наверное свободы, свои кандалы за 5000 рублей. Как он стал командиром дивизии, я не знаю, но могу засвидетельствовать, что он содержал ее в строгости и благочестии, бывший каторжник, — “*honny soit, qui mal y pense*” (позор тому, кто плохо об этом подумает (*фр.*) — Б. С.). В особенности замечательно его отношение к нам — “пленным”. Он не только категорически приказал не обижать пленных, но и заставил себя слушать.

Не только в Тирасполе, но и во всей округе рассказывали, что он собственноручно застрелил двух красноармейцев, которые ограбили наших больных офицеров и попались ему на глаза.

“Товарищ Котовский не приказал” — это было, можно сказать, лозунгом в районе Тирасполя. Скольким это спасло жизнь...

Надо отдать справедливость и врагам. Я надеюсь, что, если “товарищ Котовский” когда-нибудь попадет в наши руки, ему вспомнятся не только “зло”, им сделанное, но и добро... И за добро заплатят добром».

Мы уже знаем, что до 1917 года Котовский не то что никого не убил, но даже не ранил. Никто его сестер как будто не оскорблял, и Григорий Иванович точно не убивал их обидчика. И на каторге побывал фактически один раз, так как всё время по второму приговору провел в одесской тюрьме. И в 1917 году никакие дамы, узнавшие Котовского, в обморок не падали. У них тогда было много других поводов падать в обморок. Шульгин, а вслед за ним и некоторые другие белоэмигранты хотели видеть в Котовском благородного разбойника, готового в будущем бороться с коммунистами за восстановление «Единой и Неделимой» России, то ли во главе с монархом, то ли с республиканским правительством. С подлинной политической физиономией Котовского эти мечты имели мало общего.

О бое у селения Кандель сохранились и другие свидетельства с белой стороны, помимо мемуаров Шульгина. Это — приказ военного представителя в Румынии генерала А. В. Геруа от 15 апреля 1920 года: «25-го января произошла эвакуация Одессы. Часть войск Добровольческой армии, масса беженцев с женщинами и детьми отходили под натиском большевистских частей и банд к границам Румынии.

В составе отступающих находилось около 400 кадетов от 12 до 14 лет. Отходя от Одессы под угрозой нападения со всех сторон при ничтожных для противодействия большевикам силах, отсутствия боевых и жизненных припасов, перегруженности отряда обозом, в коем следовали женщины и дети, холоде и недружелюбном отношении запуганных большевиками жителей, требовались сверхъестественные усилия для преодоления лишений и сохранения бодрости...

31-го января (13 февраля н. ст. — *Б. С.*) части, под общим командованием полковника Стесселя, вступили в бой с большевиками, превосходными силами, около дивизии, наступавшими со стороны ст. Выгоды и бригадой Котовского, со стороны села Зельц. Отряд полковника Стесселя, не превышавший 600 человек бойцов, вынужден был принять бой для спасения беженцев, женщин и детей. Левый фланг поручен был кадетскому корпусу под начальством капитана Реммерта.

Сплоченные узами товарищества, крепкие духом, кадеты явились лучшей организационной частью, о которую разбились все атаки противника. На левый фланг большевиками были направлены наибольшие силы и проявлено наибольшее упорство для овладения селением Кандель. Жестокий артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь не мог поколебать мужественных кадетов. После соответствующей подготовки,

большевики бросили на левый фланг бывшие у них кавалерийские части. Неудача грозила гибелью всему нашему отряду. В эту решительную минуту юноши и дети — кадеты, понимая всю важность обороняемой позиции, не смутились натиском противника. Дружные залпы встретили несущуюся кавалерию. Твердой стеной стояли кадетские штыки. Не ожидавшие такой выдержки и мужества, большевики обратились в бегство.

Успех на левом фланге отразился на действиях всего отряда, перешедшего после этого в контрнаступление, продвинувшегося на 5 верст к ст. Выгода, после чего возвратился в исходное положение. В тот же день отряду пришлось выдержать второй бой с полным для нас успехом. Бой длился с 9-ти часов утра до 6-ти часов вечера с перерывами. В последующие дни части кадетов удалось переправиться в Румынию. Мужество и доблесть кадетов в этих боях, понесших в бою и впоследствии огромные потери, ставят их в ряды испытанных воинов.

От имени Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, благодарю доблестных Кадетов-Героев за полное самоотвержение и мужественное участие в боях под Канделем и Зельцем.

От имени Главнокомандующего благодарю воспитателей корпуса, положивших зерна безграничной любви к Родине в сердца и души своих воспитанников. Верю, что, проявив столько доблести в юношеском возрасте за дело страдающей Родины, кадеты впишут свои имена золотыми буквами в историю возрождения России».

За этот бой четыре кадета были удостоены Георгиевского креста 4-й степени, один — Георгиевского креста 3-й степени и пять — Георгиевской медали 4-й степени. Четверо кадетов погибли в бою.

Однако приказ генерала Геруа, как утверждает бывший кадет Одесского кадетского корпуса Евгений Михайлович Яконовский, участвовавший в том бою, имеет мало общего с действительностью. Большинство кадетов не пропустили в Румынию, и они вынуждены были вернуться в Одессу на милость красным. Бой с Котовским Яконовский описал в очерке «Кандель»: «Снежные холмы Подолии, белая пурга, бьющая в лицо, далекий в дымке тумана Аккерман, днестровский лед, румыны, снова лед, снова холмы и безостановочный девяностоверстный марш на северо-запад... Холод, гнилая кукуруза, подорванная на зимних пустых полях, и, как на детской картинке, аккуратная немецкая колония с красными крышами и мирными дымками на берегу замерзшего озера... Кандель».

Мало кто знает о гибели на днестровской границе отряда генерала Васильева. Еще меньше знают о присутствии в нем 1-ой полуроты Одесского корпуса под командой отважного подполковника Рогойского.

Существует несоответствующий действительности приказ русского военного агента в Бухаресте, генерала Геруа, в котором говорится о четырехстах кадетов. Это, слава Богу, ошибка! Что бы мы делали с малышами под пулями Котовского и в ледяных днестровских плавнях? Нет, нас было пятьдесят юношей и два офицера. 1-ый и 3-ий взводы 1-ой роты Одесского корпуса и два воспитателя. С нами же был ротный линейный значок вылинявшего синего цвета с нашитыми желтыми буквами: О.К.

Киево-черниговская группа генерала Бредова откатывалась от линии среднего Днепра в общем направлении Одесса — Николаев, не оказывая почти никакого сопротивления красным, несмотря на их относительную слабость (главные силы красных были на Дону) и недостаток настойчивости.

Сдача правобережной Украины и Новороссии была скорее результатом психологического развала и потери веры в себя, чем результатом военных действий. Красные просто шли по пятам частей Бредова, которые отходили от Днепра на юго-запад. Все же предполагалось защищать линию Вознесенск — Тирасполь, опираясь флангами на Днестр и Буг. Целью было сохранение предмостного укрепления в Новороссии, на чем давно настаивал Врангель (в это время находившийся “не у дел” в Крыму). Были отпущены большие средства для ведения работ по укреплению линии командующему войсками Новороссии генерал-лейтенанту Шилленгу. Средства были, но не оказалось ни рабочих рук, ни материала. Кое-какие инженеры нажились, представив свои проекты, но ни одного окопа не было вырыто. Тыловые части Бредова подтягивались понемногу в Одессу, куда стеклись тысячами беженцы и оторвавшиеся от своих частей военные. Город был переполнен лазаретами. Свирепствовал тиф, и начинался голод.

Несмотря на присутствие в Одессе пятнадцать тысяч офицеров, в распоряжении командования не было ни одной воинской части, мало кто верил в возможность защиты Одессы и большинство стремилось попасть на пароходы... Честный, старый офицер, генерал Шиллинг, как и подавляющее большинство его сверстников, не мог понять Гражданской войны и ее психологических законов, таких далеких от ясных слов Устава о внутренней службе. Не он один был не на месте. Старый Драгомиров был также растерян и также не понимал

обстановки. И когда стало ясно, что эвакуировать нужно не только кадетский корпус и институт благородных девиц, но и лазареты, и команды, и Государственную стражу, и все войска Бредова с тыловыми частями, не говоря о гражданских беженцах, в Одессе, да и вообще на Черном море не оказалось ни необходимого тоннажа, ни угля для случайно застрявших в одесском порту пароходов.

20-го января генерал Бредов, узнав про положение в одесском порту и не найдя по дороге обещанных фортификаций, круто повернул с юго-западного направления на северо-западное, надеясь прорваться в Польшу, чтобы спасти, если не боевую силу (ее ждало разоружение и интернирование), то хотя бы жизнь своих солдат. Этим маневром он обнажал Одессу со стороны Николаева и Вознесенска. Падение города становилось неминуемым, и оно произошло через пять дней. Начиная с 20-го, тыловые части Бредова начали спешно уходить на северо-запад в надежде догнать боевые части в районе Тирасполя и Раздельной. В городе формировались какие-то части полупартизанского типа с громкими названиями вроде «Отряда священного долга». Что-то формировал даже епископ Антоний и штатский Шульгин».

Следует иметь в виду, что под Одессой в начале 1920 года бригада Котовского сражалась против деморализованных остатков деникинских войск, не имевших в достаточном количестве ни боеприпасов, ни продовольствия, ни правильной организации и командования. С таким противником вчерашним налетчиком и партизанам Котовского справиться было очень трудно. Что же касается наиболее боеспособных сил белых, находившихся в тот момент на Дону и Маньиче, а потом объединившихся в Русскую армию Врангеля, то с ними бригаде Котовского, на ее счастье, сражаться не довелось. А если бы пришлось, результат, вероятно, был бы столь же печальным, как и на Польском фронте.

Бой же у Канделя 2/15 февраля, по словам Яконовского, происходил следующим образом: «С генералом Васильевым уходило к северу, в надежде прорваться к Бредову, около десяти тысяч человек. Впереди шел броневой автомобиль и эскадрон павлоградских гусар, наша единственная конная часть. Из регулярных частей была знакомая уже нам гвардейская саперная рота с пулеметной командой и батальон немецких колонистов из-под Николаева. Остальное состояло из наспех сколоченных отрядов и рот, командиры и организаторы которых спорили о том, кто кому должен подчиняться, и оставались на деле самостоятельными. Беженский обоз с самого начала

обременял колонну. Николаевская государственная стража эвакуировалась с женами и детьми, с граммофонами и канарейками, саперы везли с собой ненужное уже саперное имущество, гусарских подвод было больше, чем гусар в строю. С самого начала отряд генерала Васильева, громоздкий и медленный, был обречен на гибель. Генерал Васильев не был Корниловым и полковники Стессель, Мамонтов и Васильев не были Марковым, Дроздовским и Казановичем.

Достаточно было бы сбросить граммофоны и канареек, чтобы посадить уже до похода замученную пехоту на подводы, как сделал Деникин после Медведовской, чтобы вдвое ускорить марш колонны и вдвое же увеличить количество бойцов...

Дорога с пригорка спускается прямо в улицу, на которой копошатся люди. Должно быть, большевики с пулеметом, который стреляет навстречу колонне. На пригорке происходит что-то неопишное: с криком, без строя, сбивая друг друга с ног, бросается отряд генерала Васильева к деревне, к крышам, к теплу, к дымам из труб, к еде, ко сну! Пехотная застава красной дивизии Котовского вылетает из деревни, как пробка шампанского, бросая пулемет. К нему подбегает наш левофланговый Авраменко. Пулемет взят нами, кадетами. Полковник Рогойский остался сзади, не поспев за общей лавиной. Он уже нашел хату и старается раздобыть съедобное. Немцы-хозяева где-то попрятались, но никому в голову не приходит открыть башенную кладовую. Рекой входят обозы в колонию, разливаются по боковым улицам. Там где-то еще постреливают, но никто не обращает внимания на выстрелы, хотя, по всей вероятности, за выбитой заставой находятся значительные силы противника. Ведь мы на тираспольской дороге, и до Тирасполя не больше двадцати верст.

Собираемся в хате Рогойского. Закипает уже вода в котле для мамалыги. Ординарец от полковника Стесселя: передвинуть кадетскую роту на северо-восточную окраину Канделя, что против кладбища соседней колонии Зельц.

Итак, деревня у озера называется Кандель. Мы только что выиграли бой, правда, незначительный. У нас нет потерь, мы взяли пулемет, у нас варится мамалыга и в немецкой хате божеественно тепло. Боже! Как трудно подниматься!..

Идем по опустевшим улицам с кукурузной мукой в башлыках. Новая хата, тоже брошенная хозяевами на противоположном бугре лощины. За ней пустырь с оврагами и каменная ограда кладбища. Левее и ниже, ближе к озеру, обе колонии соприкасаются. Там слышны редкие выстрелы. Снова начинаем греть воду для мамалыги. Не знаю, сколько проходит вре-

мени: пять минут, десять минут, может быть, полчаса. Вбегает офицер, что-то шепчет подполковнику Рогойскому. В ружье! Выходи! На воздухе выстрелы слышнее, и они становятся частыми. Вот затарахтел пулемет. Значит, кандельский бой не кончен.

С Рогойским значковый Росселевич и горнист Тер-Никогосов. Росселевич в настоящей кадетской форме с погонями 2-го корпуса. Синий значок с буквами О. К. на штыке. — В цепь! 1-ый взвод вправо от полковника, мы, 3-ий, слева, со стороны озера.

Медленно, подравниваясь, двигаемся к кладбищенской стене. Впереди и левее нас перестрелка все усиливается. На замерзшем озере видна отступающая цепь. Жалко брошенной уже в котел мамалыги. У меня, слава Богу, остался полный бахшык. Жую на ходу горьковатую желтую муку.

Перешли через овраг. Навстречу раненый из добровольческой роты. У него шея залита кровью. Кажется, что это аккуратный красный воротничок. — Дайте им, кадеты! — показывает в сторону кладбища. Начинают мяукать пули. Рогойский прибавляет шаг. Нужно скорее дойти до кладбищенской стены. Вот она, серая, аккуратная, немецкая. За ней строгие лютеранские кресты. За крестами противоположная стена и на ней огоньки выстрелов.

— Беглый огонь! — Увы, команда звучит иронически. В среднем, у нас по четыре обоймы. Цокают пули о каменные кресты. Белыми брызгами летят каменные осколки. Отвечаем редким огнем, экономя обоймы. Все дело в том, кто первый пойдет в атаку. Если пойдут они, патроны нам понадобятся.

Влево от кладбища, в сторону озера наш фланг не защищен. Направо тоже никого нет. Впечатление, что мы одни у кладбищенской стены. А снова выстрелы, почти вровень с нашей цепью. — Полковник Фокин! Осветите левый фланг! Бородатый кавалерийский полковник бежит влево. С ним его сын, Шурка Фокин, маленький Авраменко, я и еще два-три кадета.

Дорога, идущая вдоль кладбищенской стены, переходит в мошную улицу. Вот площадь с красной кирпичной кирхой. С визгом разрывается на мостовой граната и роем несутся вдоль улицы осколки. Красные прямо перед нами и перпендикулярно нашей цепи у кладбищенской стены. Полковник Фокин посылает донесение в цепь. Слева мы обойдены и связи с добровольческой ротой нет. Одновременно со стороны поля появляется конница с пулеметной тачанкой.

Правый угол кладбища выходит в поле. Наш правый фланг “висит” на этом углу. Первовзводник Никольский пристроил-

ся с ручным пулеметом за углом. Бьет он очень метко и заставляет красных прятать головы за противоположную стену на всем участке правого фланга.

Когда появляется пулеметная тачанка, он вступает с ней в единоборство. Зато головы снова появляются на стене кладбища и огонь заметно усиливается. Никольский вскрикивает и бросает свой лююис. Правая кисть его мгновенно заливается кровью. На наше несчастье, близко нет ни одного пулеметчика (а лююис — довольно сложная машинка). Замешательством пользуется красная тачанка. Быстро заезжая справа, она берет цепь под продольный огонь.

Где же наши пулеметы? Где гвардейские саперы со своими четырьмя максимами? Только что взятый нами максим без лент, унесенных красными, и, кажется, без замка.

Рогойский решает отвести цепь до недавно пройденного оврага. Красные не дают оторваться. Цепь уходит под сильным и метким огнем. Впрочем, Рогойский задерживается несколько раз, отвечая залпами. Первым был убит Евгений Никитин (из Ташкентского корпуса). Наповал. Потом почти одновременно смертельно ранен Григороссуло и убит Клобуков. Росселевич, бледный, но спокойный, стоит во весь рост. Ротный — значок на штыке — Росселевич! — Снимите значок и спрячьте, он привлекает на нас весь огонь, — приказывает полковник Рогойский и наклоняется к Григороссуло. Но Володя хрипит предсмертным хрипом, и из пробитой груди рекой льется кровь. Клобуков, высокий красивый мальчик, убит пулей в лоб.

Раненный в бедро Стойчев ковляет слева с группой Фокина. У Никольского тяжелое ранение в кисть руки. Лицо его перекошено страданием, и каждый шаг, каждое движение даются ему ценою ужасных мучений.

Леонид Никитин ранен в щеку и строя не бросает. Слева красные обходят нас квартал за кварталом. Прямо игра в кошки-мышки: кто скорее добежит до следующего угла и успеет встретить партнера винтовочным выстрелом. Исчез Тер-Никогосов, пройдя квартал ниже к озеру. Мы никогда больше не видели нашего горниста. Без всякого сомнения, он был убит нашими партнерами по игре в кошки-мышки.

У оврага, разделяющего колонну, снова вливаемся в цепь. Красные не подвигаются от кладбищенской стены, ограничиваясь сильным пулеметным огнем. В овраге кончается Григороссуло. Отсюда через полчаса мы перейдем в контратаку. Павлоградцы опрокинут красную конницу, которая угрожала нам справа, саперы, наконец, подведут свои пулеметы.

Там, в Канделе, растолкают пинками ног в бок спящих свинцовым сном людей, на последних каплях бензина подьедет броневик и последнюю гранату выстрелит наша единственная пушка, которую больше не в силах тащить отошавшие лошади.

Постепенно вошли в бой все боевые части генерала Васильева, и к ночи дивизия Котовского была выбита из второй колонии, в направлении Тирасполя. В темноте мы растерялись, разбились на маленькие группы. Ночью, когда батальон полковника Стесселя отошел обратно на Кандель, с ним оказалось человек двадцать кадетов с капитаном Реммертом и полковником Фокиным. Нам посчастливилось найти раненых Стойчева и Никольского, оставленных в начале боя в хате с мамалыгой; подполковник Рогойский где-то в сторожевом охранении с остальными за Зельцем. Говорят, что их забыли. Что ж, подождем до утра!

Начинаем в третий раз варить мамалыгу. Офицер от полковника Стесселя шепчется с капитаном Реммертом. У Реммерта на лице отчаяние:

— Скажите им сами, капитан, а то мне не поверят.

— Господа, — повышает голос капитан, — сегодня мы дрались с дивизией Котовского и выбили ее из колонии в сторону Тирасполя. Но у нас нет больше патронов, и даже броневик придется бросить. Командующий отрядом не решается бросить беженский обоз, т. е. попросту сбросить с подвод беженский хлам. Так мы все погибнем. Полковник Стессель решил пробиваться один. Сегодня ночью, сейчас, мы перейдем озеро, дойдем до Днестра и будем пробиваться вдоль границы. Полковник Стессель приказал мне вас найти и привести. Он тоже кадет, и я кадет. Вы сегодня целый час сдерживали всю дивизию Котовского, бросить вас полковник не может. За вашей заставой в Зельце уже послано.

Капитан Реммерт волнуется:

— А наши раненые?

— Раненых возьмем на повозки, даю вам слово, за полковника Стесселя...

Как оказалось, наше сопротивление у кладбищенской стены и на овраге буквально спасло сегодня отряд. Понадобилось больше часа, чтобы поднять заснувших людей или оторвать их от еды.

Восьмая ночь, пожалуй, самая страшная из всех. Трудно было подняться на крутой противоположный берег. Повозки долго искали подъема. Морозно и туманно. Голая снежная степь. В тумане луна. Уже без строя, кое-как, длинной цепью

идут люди на запад. Сам не знаю, как я очутился на облучке саперного фургона. Нужно не заснуть, чтобы не свалиться под колесо. Нужно не заснуть, чтобы не уронить винтовку. Раненые стонут. В груди тел, наверно, есть уже трупы. Лежат друг на друге. Сестра в английской шинели что-то говорит тихим, ласковым женским голосом. Говорит безостановочно одни и те же слова. Утешает, обещает:

— Вот сейчас деревня, еще верста. — Потерпите, сейчас будет тепло и вас перевяжут.

Потом, не помню как, я — в нашем строю. Нас человек пятнадцать с Реммертом. Полковника Рогойского нет, хотя офицер Стесселя исполнил свое обещание: наша застава в Зельце была снята. Говорят, что он уже по эту сторону озера остановился отдохнуть:

— Идите, не ждите меня, — приказал он бывшим с ним кадетам, — догоняйте роту.

Он остался сидеть с краю дороги, наш маленький одноручный командир. С ним остался шестиклассник Платон. Больше мы их никогда не видели...

По днестровскому льду идут остатки Одесского корпуса. Спотыкаются, стараясь держать равнение. Кажется, это действительно последние уже силы или, может быть, это только потому, что идем не на Котовского, а к регенту Александру, у которого будет тепло и сытно, не нужно будет ходить морозными ночами по кукурузным полям и умирать в овраге, между двумя мирными немецкими колониями с черепичными красными крышами. Может быть, для Котовского сил хватило бы, как их хватило позавчера!»

Командовавший отрядом генерал Васильев застрелился. Всего котовцам сдались три генерала, 200 офицеров и около четырех тысяч солдат. В качестве трофеев были взяты более 100 исправных орудий разных калибров, 16 бронепоездов, 140 тысяч трехдюймовых снарядов, миллионы патронов, множество эшелонов с сахаром.

Не только Шульгин отмечал нехарактерный для Гражданской войны гуманизм Котовского по отношению к поверженным врагам. Сохранилось и свидетельство Н. В. Брусиловой о гуманизме Котовского по отношению к пленным офицерам: «Налетел вихрь большевизма, арестов, расстрелов, горя, голода, холода... Как-то в 1918 году ко мне приезжал офицер, фамилию которого я забыла, с юга, привез мне из Одессы письма и рассказал, что в пути, на Украине, претерпел большую тревогу, был взят в плен какой-то шайкой бандитов, приговорен к расстрелу за то, что будто бы был у белых и пробирался

в Москву, как шпион. Это была неправда, он просто ехал к родным и вез письма друзьям и знакомым.

Но на эту банду налетел отряд Котовского, он сам выслушал его, пересмотрел его пакеты и, увидев на нескольких из них мое имя, вернул всё ему и отпустил, сказав: “Кланяйтесь Алексею Алексеевичу и Надежде Владимировне, скажите, что Григорий Иванович Котовский всегда рад им служить”...

Последствия мы много слышали, какую хорошую роль он сыграл относительно офицеров, юнкеров и кадетов в 1920 году во время их бегства из Одессы в Бессарабию. Румыны их обстреливали и гнали назад, и многие из тех, кто попадал к Котовскому, благословляли его. Он их устраивал в имениях, на хуторах, принимал в свою армию и обращался с ними по-человечески. Я это слышала от самих потерпевших беглецов.

Человек соткан из противоречий».

Эпизод с пленением белогвардейцев и беженцев в Приднестровье сильно повысил авторитет Котовского среди белых, а позднее — среди русской эмиграции. Между тем его линия на милосердие к пленным деникинцам не противоречила общей линии, проводившейся руководством большевиков. Пленных, в том числе офицеров, по возможности не расстреливали, а привлекали в Красную армию, прежде всего для борьбы против Польши. Вот к врангелевцам, продолжившим борьбу уже после начала широкомасштабной советско-польской войны, отношение было гораздо хуже. Поэтому после ухода Врангеля были расстреляны десятки тысяч оставшихся в Крыму офицеров и беженцев. Но, что характерно, у офицеров и солдат спрашивали, сражался ли человек против красных только при Деникине или еще и при Врангеле, и к «чистым» деникинцам отношение было более снисходительным. Надо учесть также, что Котовскому удавалось не допускать бессудных расстрелов, обычных тогда как у красных, так и у белых. И, конечно, не надо забывать о природном артистизме Котовского, его умении играть роль разбойника-джентльмена и подать милость так, что она надолго запоминается и врагам, и друзьям.

Девятнадцатого февраля, закончив разоружение деникинцев, укрывшихся в плавнях на берегу Днестра, бригада Котовского вернулась в Тирасполь. В конце февраля ее перебросили в Ананьев для переформирования. В Ананьеве Котовский обнародовал воззвание к населению:

«Могучим порывом Рабоче-Крестьянская Красная Армия смела с арены истории ряд белогвардейских правительств и мишурных золотопогонных армий, дав этим самым трудовому народу возможность возврата к мирному труду и могучему

творчеству на иных началах, началах полнейшей социальной справедливости, заставив сплотившихся против рабоче-крестьянской власти капиталистов всего мира признать себя побежденными. Они склонили перед рабоче-крестьянской властью белые знамена, сняв блокаду с Советской России и предложив товарообмен.

...Могучая Красная Армия, идущая сплошным фронтом с севера до юга, окончательно уничтожает противника, встречаемого на своем пути. Весь район Днестра, почти вплоть до Могилева-Подольска, уже очищен. Последние группы белых в районе немецких колоний Страсбург — Кандель разоружены и ликвидированы окончательно.

Могучая Рабоче-Крестьянская Красная Армия, уничтожившая Колчака, Юденича, добывающая Деникина, гарантирует всем вам мирную творческую работу! Поэтому призываю всех граждан, без различия положения, спланиваться вокруг власти трудящихся — власти Советов и дружной работой создать счастье народа, о котором он всегда мечтал и которое так близко.

...Пусть население города Ананьева помнит, что власть Советов, стоя на страже интересов народных масс, не позволит банде ворваться в город для грабежа и насилия. Все распускаемые по городу слухи считайте провокационными. Никого не бойтесь. Красная Армия вас защитит!

Да здравствует мирный труд!»

За освобождение Одессы и Тирасполя Котовский 18 июня 1921 года был награжден орденом Красного Знамени. В приказе Реввоенсовета Республики говорилось, что он удостоен высокой награды за умелое руководство кавалерийскими частями 45-й стрелковой дивизии во время одесской операции 14-й армии в феврале 1920 года, за личное мужество и верность делу революции.

В Ананьеве Григорий Иванович и Ольга Петровна сыграли свадьбу. Между прочим, в Ананьеве Котовский объявил беспощадную борьбу с самогонварением. Бойцы изымали у населения и закваску, и самогонные аппараты. Но его свадьба вряд ли была безалкогольной.

Ольга Петровна так описала свадьбу в письме биографу Котовского В. Г. Шмерлингу: «Свадьбу нашу праздновал весь командный состав бригады в 1920 г. приблизительно в начале марта в Ананьеве, когда мы после окончания деникинского фронта из Тирасполя перешли на отдых и формирование в г. Ананьев. И Нягу, и Макаренко (командиры полков кавбригады Котовского. — Б. С.) были. Главным распорядите-

лем был Ульрих (заместитель комбрига Котовского. — Б. С.)». Там же она сообщила, что «бригадного лазарета официально не было, а был перевязочный отряд, но обстановка заставляла развертывать лазарет. За период фронта прошло много работников. Врачом была я одна». Можно предположить, что на свадьбе пили не самогон, а медицинский спирт.

Пятнадцатого марта бригада Котовского покинула Ананьев, направляясь на борьбу с поляками и петлюровцами. Теперь она была объявлена отдельной и снабжаться тоже должна была отдельно, без участия интендантства 45-й дивизии 14-й армии. И это чуть было не привело к катастрофе. Вот телефонный разговор Котовского и Юцевича с начальником штаба 45-й дивизии И. И. Гарькавым:

«Юцевич: Согласно приказу мы должны были получить указание о формировании. Указаний нет. Скажите, кому сейчас мы подчинены?

В Ананьеве совершенно нет госпиталей и больниц, а у нас за последнее время масса заболевших. Разрешите открыть хотя бы лазарет на 60 коек и при каждом полку — 15 коек... Высший медицинский персонал имеется, рядовых работников нет, не положен нам по штату лазарет. Откуда получить средства?

Положен ли нам по штату, как отдельной бригаде, ветлазарет? Имеется много больных лошадей.

Мобилизованы все силы для добывания продуктов и фуража совместно с местным продкомом. Денег нет ни гроша...

Обмундирования совершенно нет, белья нет, но без обуви можем обойтись недели полторы...

Котовский: У аппарата Котовский. Положение безвыходное. Я занял 200 000 рублей у частных лиц; еще два дня — и придется разойтись по домам. 60 часов добиваемся связи, нам не дают провода, и выслушать нас не хотят. Примите самые решительные меры к снабжению нас деньгами... Укажите определенно, что мы в данный момент представляем — отдельную ли бригаду или часть вашей дивизии. Так, если мы отдельная часть, помогите нам устроиться, потому что мы оторваны, отрезаны от всех, так существовать дальше нельзя...

Пока о формировании и мирной творческой работе в бригаде и говорить даже не приходится...»

Котовский решил не полагаться на интендантство, а получать снабжение из окрестных сел. В бригаде появились собственные хлебопекарни и мастерские, где изготавливали обмундирование и обувь.

В тот же день, 15 марта, котовцы выгрузились на станции Жмеринка, а затем заняли оборону в районе станции Кома-

ровцы, где перешли в оперативное подчинение 45-й стрелковой дивизии. Снабжение оставалось плохим.

Р. Гуль утверждал, что в начале 1920 года о Котовском «уже пошла широкая слава как о самом боевом командире красной кавалерии». Это, безусловно, преувеличение. Ни в начале, ни в конце этого года Котовский не считался ни самым известным, ни самым боевым и успешным кавалерийским командиром Красной армии. Гораздо более известными в то время были такие кавалерийские начальники, как Буденный, Ворошилов, Примаков, Гай и другие, например, начдивы Первой конной, которых знала уже вся Красная армия. Известность же Котовского по-прежнему ограничивалась южными районами Украины.

С марта 1920 года бригада Котовского вела бои с польскими и петлюровскими войсками. Начальник Польского государства Юзеф Пилсудский 21 апреля 1920 года заключил союз с правительством УНР и 25 апреля начал большое наступление на Киев. Ранее, в октябре 1919 года, он прекратил боевые действия против Красной армии, дав ей возможность сосредоточить все силы на разгроме Деникина. Позднее, в январе 1920 года, в беседе с британским дипломатом сэром Хэлфордом Макиндером, британским верховным комиссаром на юге России (фактически — представителем при Деникине), Пилсудский говорил, что «большевицкие вооруженные силы по своей организации превосходили вооруженные силы генерала Деникина. Пилсудский утверждал, что генерал Деникин никогда не сможет в одиночку свергнуть большевицкий режим. Тем не менее большевиков он расценивал как находящихся в тяжелом положении и решительно утверждал, что польская армия могла самостоятельно войти в Москву следующей весной, но в этом случае перед ним встал бы вопрос — что делать в политическом плане». Теперь же Пилсудский надеялся разбить Красную армию, чтобы создать между Польшей и Советской Россией буферное Украинское государство. Тогда, как думал Пилсудский, большевики окажутся достаточно ослаблены, чтобы не думать о поглощении Польши.

В районе Тульчина котовцам пришлось обороняться от войск УНР под предводительством Юрия Тютюнника. 4-я Киевская стрелковая дивизия Тютюнника захватила обоз 60-й стрелковой дивизии. Котовский потом докладывал, что в районе Вапнярки он почти полностью уничтожил около тысячи конных и пеших бойцов «банды Тютюнника». Правда, сам Тютюнник ни на допросе в ГПУ в 1923 году, ни в вышедших годом раньше мемуарах «Зимний поход 1919—1920 годов» об этом

разгроме не упоминает. Наоборот, хорошо известно, что в ходе Первого Зимнего похода, с 6 декабря 1919 года по 6 мая 1920 года, армия УНР под командованием генерала М. В. Омеляновича-Павленко, в которую входила и дивизия Тютюнника, выйдя из «треугольника смерти» у реки Случь на Воляни, где она была зажата польскими, советскими и деникинскими войсками, успешно пройдя по советским и деникинским тылам, прорвала фронт красных и соединилась с 3-й украинской «железной» дивизией, которая наступала на Украине в составе 6-й польской армии. Армия Омеляновича-Павленко насчитывала две тысячи штыков и тысячу сабель при четырнадцать орудиях, а понесенные ею за время всего похода потери были значительно меньше тысячи человек убитыми и ранеными, поскольку к концу похода в армии насчитывалось 2100 штыков и 580 сабель. Общая численность участников Зимнего похода достигала десяти тысяч, но около семи тысяч были тыловые служащие и больные тифом. Вероятно, Котовский в лучшем случае разбил один из мелких отрядов дивизии Тютюнника, а в донесении превратил этот бой в разгром главных сил Киевской дивизии. Дивизия Тютюнника после боя у Тульчина разбила в ходе 15-часового боя советские войска у Вапнярки. А в Вознесенске армия во время Зимнего похода взяла 28 пушек, два миллиона патронов, 32 тысячи снарядов, а также четыре тысячи повозок с разным имуществом.

Возможно, действия бригады Котовского против петлюровцев оказались малоуспешными потому, что ее снабжение так и не было налажено. Помощник командира взвода 3-го эскадрона 2-го кавполка З. И. Гуревич в своих воспоминаниях приводит запись «о внутренней боевой службе»: «21 марта. Полк голодный. Продовольствия и фуража нет. Все поиски такового в окрестностях местечка Волковинцы не дали никаких результатов. Лавки и магазины закрыты. Голод, в полном смысле слова, всего полка».

В тылу 45-й дивизии восстали две бригады галицийской армии. В письме Шмерлингу от 7 ноября 1937 года в связи с выходом первой биографии Котовского Ольга Петровна подробно написала об измене галицийских частей: «К сожалению, у Вас не отмечен факт, когда мы стояли в Ананьеве на переформировании... Когда Григорий Иванович получил дислокацию частей и просмотрел ее на карте, сейчас же поехал в штаб армии и предупреждал Затонского об опасности в случае измены галичан, т. к. все важные стратегические пункты были заняты галицийскими частями. Затонский, как командир всех галицийских частей, заверил его в преданности галичан Со-

ветской власти, а не прошло и месяца как опасения Григория Ивановича подтвердились. Сейчас для меня ясно, что убийство Григор. Ив. и последующее убийство убийцы дело рук их. Григорий Иванович пал первой жертвой».

Основу галицийской армии составили бывшие солдаты бригады украинских стрелков и другие украинцы, служившие в австро-венгерской армии. После провозглашения Западно-Украинской Народной Республики они сформировали ее армию, а после объединения ЗУНР и УНР в январе 1919 года и вытеснения поляками армии ЗУНР за пределы Галиции 18 июля 1919 года галицийская армия стала частью армии УНР. Затем галичане в ноябре 1919 года перешли на сторону денкинских Вооруженных сил Юга России, а в самом начале 1920 года, полностью утратив боеспособность из-за эпидемии тифа, галицийская армия перешла на сторону Красной армии. Но и здесь задержалась недолго. Запрет национальной символики, гонения на греко-католических священников, насаждение вражды между офицерами и солдатами на основе «классового принципа» привели к тому, что основная масса галичан в марте — апреле 1920 года перешла на сторону своих прежних противников — поляков. Между прочим, ревком галицийской армии 10 февраля 1920 года передал бригаде Котовского командующего армией генерал-хорунжего Осипа Микитку, который противился переходу галичан на сторону красных и хотел увести остатки армии в Польшу вместе с отрядом белого генерала Н. Э. Бредова. Котовский препроводил генерала в Москву, где Микитку расстреляли в августе 1920 года, вскоре после поражения советских войск под Варшавой.

Из-за восстания галичан 45-я дивизия оказалась между двух огней, поскольку с фронта наступали войска УНР. Котовский в разговоре по прямому проводу говорил Якиру: «Положение, близкое к катастрофе. Части 134-й бригады при малейшем нажиме противника откатятся на десяток верст, а весь обоз и артиллерия останутся в руках противника. Чтобы предотвратить неприятности, надо свести четыреста первый и четырехсотый полки в один полк под командой Антонидзе... Противник сам настроен панически, но деморализацию нашей пехоты передать невозможно. Советую срочно принять предлагаемые меры, иначе дивизия может потерять свое блестящее прошлое на этом злосчастном фронте...»

Якир подчинил Котовскому 134-ю бригаду. Григорию Ивановичу удалось укрепить там дисциплину. Но большого польского наступления, начавшегося 25 апреля, части 45-й дивизии не выдержали и едва не попали в окружение под Волковинцами.

В апреле и мае Котовскому пришлось драться уже против поляков. Это был его самый серьезный противник за все время Гражданской войны. Против бригады Котовского впервые сражалась, в отличие от полупартизанских отрядов петлюровцев, настоящая национальная регулярная армия, воодушевленная лозунгами борьбы за восстановление независимого Польского государства, имевшая в своих рядах значительное число кадровых офицеров и унтер-офицеров русской, австро-венгерской и германской службы с большим опытом Первой мировой и Польско-украинской войн.

Части Красной армии на Украине стремительно отступали под ударами поляков и петлюровцев, бросая обозы и артиллерию. Командир 45-й дивизии приказал расстреливать командиров и комиссаров частей, бежавших с фронта. Под Жмеринкой поляки основательно потрепали бригаду Котовского.

Польские потери во время боевых действий на Правобережной Украине с 25 апреля и вплоть до взятия Киева 7 мая составили всего 150 убитыми и 300 ранеными. Потери украинских войск тоже были невелики. Так что все рассказы советских биографов легендарного комбрига об огромном уроне, будто бы нанесенном бригадой Котовского полякам и петлюровцам в этот период, следует отнести к сфере фантастики. Уже 6 мая котовцы вынуждены были отступить за Южный Буг. В этот момент польское наступление приостановилось. Во-первых, часть сил пришлось перебросить в Белоруссию для отражения начавшегося 14 мая наступления войск советского Западного фронта. Во-вторых, Пилсудский не хотел вести активные боевые действия на Левобережной Украине и на Одесском направлении до того, как будут разгромлены основные силы Красной армии, что было главной целью польских войск. Петлюровские же войска для самостоятельных действий были слишком слабы. Вопреки ожиданиям, значительных сил Красной армии на Правобережной Украине не оказалось, но те, что были, Пилсудскому разгромить не удалось. 12-я и 14-я советские армии, хотя и были основательно потрепаны, потеряв только пленными 18 тысяч человек (значительная часть этих пленных была отбита красными в ходе последовавшего советского контрнаступления; так, котовцы освободили пленных красноармейцев в Почаеве), смогли отступить в относительном порядке. В этих условиях наступление с Киевского плацдарма на Левобережье Украины было рискованно. Главные советские силы, вопреки первоначальным расчетам Пилсудского, оказались в Белоруссии, и для продолжения наступления на Украине требовалось сначала разбить Западный

фронт во главе с М. Н. Тухачевским. Здесь поляки 27 мая остановили советское наступление, а 1 июня перешли в контр-наступление, к 8 июня захватив 12 тысяч пленных. Но для этого пришлось ослабить группировку на Украине. Советское командование, воспользовавшись этим, подтянуло на Украину Первую конную армию С. М. Буденного и войска с Северного Кавказа. 26 мая советские войска перешли здесь в контр-наступление. 5 июня Конармия прорвала Польский фронт у Самгородка, а 10 июня 3-я польская армия генерала Э. Рыдз-Смиглы оставила Киев. Войска Юго-Западного фронта, включая бригаду Котовского, безуспешно пытались окружить киевскую группировку.

В конце мая в бою под Ольшанкой был смертельно ранен командир 2-го полка И. Н. Макаренко. Вот как описал его смерть Владимир Шмерлинг: «Котовцы потеряли двадцать семь бойцов. Был ранен в живот командир 2 полка Макаренко. Рядом с ним в этом бою сражалась и его жена Аня — донская казачка. Даже и после того, как она увидела, что ее муж ранен, Аня продолжала рубить белополяков.

Белополяки под Ольшанкой потеряли четыреста человек убитыми, столько же было взято в плен.

...Макаренко привезли в Тарашу. Он тяжело страдал, но терпеливо переносил страдания. Даже прикосновение простыни вызывало у него мучительную боль.

— Скажите мне правду, — с трудом спросил он, — конец или еще есть надежда?

— В таких случаях один из тысячи выживает. Будем надеяться, что один из тысячи — это вы, — ответила врач Котовская.

Командиры и бойцы, узнав, что Макаренко умирает, пришли к нему в палатку и стали вокруг его кровати.

— Прощайте, друзья, — собрав силы, сказал раненый. — Я умираю, но вы будьте храбрыми до конца. А хорошо мы им всыпали...

Макаренко похоронили в Тараше».

О жене Макаренко Ольга Петровна Котовская писала Шмерлингу 2 мая 1936 года: «Жена Макаренко родом казачка, была в полку сестрой. Ездил верхом. Невысоких моральных качеств, он ее не уважал, а относился как к “бабе”. Похоронив его, она в тот же день сошлась с Жестокановым, что вызвало у всех отрицательное отношение к Жестоканову, казалось, что это было оскорблением памяти Макаренко».

Ко 2 июня, перед переходом в наступление, в бригаде Котовского осталось всего 210 бойцов кавалерии. Поляки стремились вести позиционную войну против кавалерии. Их регу-

лярная кавалерия, уланы, была грозным противником. Большинство польских кавалеристов имели опыт Первой мировой войны в армиях Австрии, Германии и России. Нередко после боев на Польском фронте в бригаде Котовского оставалось не более трети боевого состава.

В июне, после прорыва Польского фронта Конармией Буденного, бригада Котовского перешла в контрнаступление в районе Белой Церкви. Реввоенсовет Юго-Западного фронта потребовал от 45-й дивизии и бригады Котовского: «Решительным наступлением не позднее 10.VI овладеть районом Фастов — Корнин, кончастями в кратчайший срок перерезать шоссе Киев—Житомир». После того как войска фастовской группы Якира овладели 10 июня Фастовом, фастовская группа была расформирована и ее дивизии и бригада Котовского включены в состав Конармии. 11 июня Буденный и Ворошилов приказали Котовскому «ликвидировать группу противника, засевшего в районе Васильков — Обухов...».

Двадцать четвертого июня Котовский пытался войти в Любар по мосту через Случь, однако белополяки, бросившись в контратаку, потеснили котовцев и подожгли мост. Котовский докладывал, что «сделанным налетом м. Любар захватить не удалось, так как противник прочно закрепился. Первый кавполк ворвался в конном строю в местечко, но был выбит противником, открывшим ураганный пулеметный и ружейный огонь. Потом спешился и в пешем строю выбивал противника, но не мог удержаться и вынужден был отступить. Второй кавполк действовал со стороны Гриневцы, переправился на другой берег реки, но по причине местности, не давшей возможности развернуться кавалерийскому строю, ввиду канав и трясин, вынужден был отступить».

Котовский решил атаковать Любар в пешем строю. После рукопашного боя злосчастное местечко было взято. Но в этом бою был тяжело ранен командир 1-го кавполка Илларион (Михай) Степанович Нягу, давний соратник Котовского. Он был направлен в Одесский военный госпиталь, где пробыл почти год. В марте 1921 года при переезде из Одессы в Тарашу Нягу заболел воспалением легких и умер.

Двадцать девятого июня бригада Котовского заняла местечко Лабунь, выбив оттуда батальон 19-го польского пехотного полка.

Второго июля бригада Котовского, усиленная 400-м стрелковым полком 134-й стрелковой бригады, столкнулась у местечка Грицов с группой польского полковника Гогенауэра в составе 145-го пехотного полка и 1-го батальона 4-го полка по-

долянских стрелков, усиленной 6-м уланским полком. На этот раз удача отвернулась от Котовского. Поляки заняли Грицов, а бригада Котовского отступила к селу Большие Пузырьки, потеряв два орудия. На следующий день котовцы, поддержанные тремя стрелковыми полками 133-й и 134-й стрелковых бригад, попытались отбить Грицов. Местечко несколько раз переходило из рук в руки, но осталось за поляками, которые ввели в бой основные силы 18-й пехотной дивизии. На следующий день котовцы смогли остановить дальнейшее наступление 6-го уланского полка у Больших Пузырьков. 4 июля кавбригада Котовского взяла село Белополье, захватив там три орудия.

Тяжелые бои завязались за село Горынку, прикрывавшее дорогу на Кременец. Здесь 16 июля бригада Котовского была остановлена сильным артиллерийско-пулеметным огнем и проволочными заграждениями. Котовский поднял бойцов в атаку, но был тяжело контужен взрывом снаряда и больше месяца провел в госпитале, а потом отдыхал в Одессе и на Днестре. Вот как описал Шмерлинг со слов очевидцев обстоятельства ранения Котовского: «Дав шпоры коню, комбриг выехал на дорогу. Котовцы увидели своего командира. Над головой его сверкал обнаженный клинок. В нескольких шагах за комбригом следовали на конях штаб-трубач и коновод Васька. Все трое ехали легкой рысью.

Белополяки сразу заметили Котовского. По дороге застрошил пулемет. Через несколько секунд огонь прекратился.

Котовский, не останавливаясь, объезжал цепь. Начальник штаба кричал ему вдогонку:

— Товарищ комбриг! Укройтесь за деревом!

— Подымайся в атаку! Вперед! — бросал бойцам Котовский. Огонь усилился. Совсем рядом, на дороге, разорвался снаряд.

Недолет. Не опуская руки, не наклоня головы, мчался Котовский. Снова разорвался снаряд — перелет. А за ним — третий... И вдруг бойцы увидели, что Орлик мчится без всадника.

— Убит! — пронеслось по цепи. Когда прошли секунды первого оцепенения, раздалось “ура”. Один за другим вскакивали бойцы. Без команды, без командира бросились котовцы в штыковую атаку.

Несколько человек подбежали к месту, где разорвался снаряд. Они увидели Котовского. Упираясь ладонями в землю, он силился приподняться.

— Комбриг жив! Жив! — кричали друг другу котовцы. Теперь никакой огонь не мог удержать их.

Котовский поднялся, глубоко вдохнул в себя воздух и крикнул:

— Батарей сюда!

Он искал глазами Орлика. Раненый конь крутился на месте.

Вдруг Котовский побледнел, провел рукой по лицу и снова свалился на землю. Четверо коноводов подняли его и понесли на тачанку.

В нескольких шагах от места, где упал Котовский, стонал его коновод Васька...

В местечке Катербург, где стоял штаб бригады, Ольга Петровна, как всегда, ждала исхода боя, готовясь немедленно оказать помощь раненым. Вот уже прибыли первые раненые, вынесенные санитарями из-под огня.

Как ни тяжело был ранен боец, а всегда во время перевязки рассказывал “мамаше” подробности боя, сообщал о том, что комбриг жив и невредим, и о том, как его самого ранило.

На этот раз раненые молчали. Ольга Петровна сразу поняла: что-то случилось. И только один боец сказал как бы про себя:

— А как там наш комбриг бедный, сильно его контузило...

Ольга Петровна впрыснула раненому морфий, чтобы успокоить боль. Несколько секунд она была в оцепенении, а потом быстро собрала медикаменты и на фаэтоне выехала вперед, по дороге к деревне Горинка.

С вечера тучи обложили небо. Как только стемнело, разразилась гроза. Казалось, что бой еще продолжается. Изредка молнии вспышками освещали дорогу.

Ольга Петровна остановила первую подводку, которая ехала со стороны Горинки к Катербургу. Она зажгла пучок соломы и на телеге увидела Ваську-коновода, своего старого приятеля. Еще вчера она заставила его остричь волосы и выстирала ему гимнастерку... Коновод узнал “мамашу”.

— Куда ранен? Сейчас перевяжу тебя.

— Не надо. Поспешите... Товарищ Котовский, должно, ранен, его перевязать надо. А я всё равно помру: в живот... Передайте командиру привет!

Ездовой светил, а Котовская перевязывала стонавшего Ваську.

Здесь же, на дороге, она встретила штаб-трубача. Он сидел на своем Бельчике, держа на поводу Орлика. Орлик шел медленно, низко опустив шею, израненную осколками.

Штаб-трубач ничего не мог ответить на расспросы Ольги Петровны.

Скоро показалась и тачанка, на которой лежал Котовский. В его голове не умолкал шум... Ему трудно было дышать. Горела грудь.

Григорий Иванович не узнал жену. В бреду он то вскакивал на повозке, размахивая кулаками, то хрипел и хватался за грудь.

Всю ночь он метался, звал жену, сидевшую рядом. Приходя в себя, он говорил Ольге Петровне:

— Я знал, что ты будешь со мной.

Утром Котовского в сопровождении жены отправили в тыл для лечения. Он очень тяжело переносил контузию.

Командование настаивало на том, чтобы как можно скорее доставить его в Одессу, к морю.

Котовскому было выдано удостоверение в том, “что он в славном бою под деревней Горинкой (в районе г. Кременца) тяжело контужен и направляется в тыл для лечения. Все гражданские и военные учреждения благоволят оказывать всемерное содействие для скорейшего восстановления здоровья выведенного из строя славного командира и возвращения его в дивизию”».

От Проскурова Котовского везли в Одессу в отдельном вагоне. Что, кстати сказать, было расточительностью. Ведь в вагоне, выделенном Котовскому, можно было бы эвакуировать несколько десятков раненых. В Одессе контуженный комбриг поселился в особняке на Французском бульваре. Когда Котовскому стало лучше, он переехал в Тирасполь, где и закончил лечение. Там как раз состоялся уездный съезд комитетов незаметных (бедных) селян, и Котовский был избран его почетным председателем.

Интересно, что Котовский писал письма жене, хотя они почти всегда были рядом, — от командного пункта бригады до лазарета было 10—15 километров. Григорий Иванович сообщал о мелких бытовых трудностях: «Ты напрасно сшила мне из зеленого сукна блузу. Я хотел отдать сукно хорошему портному. Жаль хорошего сукна. Черная рубашка, которую ты мне прислала, не годится, так как воротник не сходится на целых полтора-два дюйма. Выстираешь синюю, которую я тебе выслал позавчера, шитую в Одессе, и пришли мне». «Сапоги высылаю назад. Обую их зимой. Очень тяжелы. Желтые уже рвутся, я их донашивать буду».

И в этих же письмах Котовский признавался: «Милая, дорогая, желанная Лелечка! Каждый раз, когда приходит летучка “оттуда”, где ты, моя родная, ненаглядная, душа моя, переживаю какой-то удивительно сложный и сильный по остроте

своего переживания момент. Каждый раз хочу послать тебе на бумаге то, что у меня на душе, — мое чувство... Эх, да разве вместит весь мир мою любовь?!»

Тем временем 23 июля войска Юго-Западного фронта были развернуты на Львов, падение которого предполагалось одновременно с падением Варшавы. После взятия Львова часть войск Юго-Западного фронта, включая бригаду Котовского, планировалось направить в Бессарабию.

Бригада Котовского, которой временно командовал Ульрих, действовала южнее 11-й кавдивизии Первой конной армии. Она входила в группу Львовского направления в составе 45-й и 47-й стрелковых дивизий и 8-й червоного казачества. Эта группа 17 августа вела упорные бои за переправы через реку Западный Буг южнее местечка Белый Камень и овладела им к концу дня. Части 45-й дивизии, переправившиеся у Сасова, двинулись к Золочеву, который 18 августа был взят 8-й кавдивизией. Однако это был последний успех советских войск. К тому времени основные силы Западного фронта уже были разгромлены под Варшавой. Поляки перешли в контрнаступление, и бригаде Котовского пришлось отступить на восток.

Лишь 27 августа Котовский вернулся в бригаду, отступавшую из-под Львова, где она понесла тяжелые потери. Сразу же после возвращения комбригу пришлось выступать на траурном митинге по случаю похорон двух пулеметчиков, погибших накануне. Котовский заявил, что «каждая капля пролитой крови в будущем превратится в лучезарные звезды завоеваний пролетариата». Пополнение бригада получала исключительно из Тирасполя, где действовало вербовочное бюро. Бригада пополнялась только добровольцами из числа местного населения, в том числе беженцами из Бессарабии.

Ольга Петровна упорно лечила Орлика, раны которого все не заживали. Но Котовский не хотел расставаться с любимым конем.

В начале сентября командование 14-й армии для обеспечения фланга с севера вынуждено было выдвинуть к Топорову кавбригаду Котовского. Ей порой приходилось выступать в качестве заградотряда, останавливая и возвращая в бой бегущую красную пехоту. В одном из донесений Котовского читаем: «Задержал пехоту... Повернув ее на противника, я пустил в обход слева кавалерию, открыл ураганный огонь с конной батареи, и через минуту противник повернул назад и начал в панике бежать, бросая снаряжение, обмундирование». 9 сентября, отступая от Львова, во время контратаки, при форсировании

Западного Буга погиб заместитель Котовского Михаил Павлович Ульрих, бывший прапорщик конной артиллерии, еще в 1917 году связавший свою судьбу с большевиками. Он временно командовал бригадой после контузии Котовского, а после возвращения комбрига стал командиром 1-го полка. Ольга Петровна писала о нем В. Г. Шмерлингу: «Ульрих для меня был загадкой. Я несколько его знала по Польскому фронту, когда мы штабом стояли в Жмеринке в вагонах. Из разговоров с ним видно было, что он карьерист и мечтал о наживе, стремился осуществить и то, и другое на передовой линии, кроме того, очевидно, была семейная драма, ибо его жена флиртowała с одним сотрудником штаба, б. офицером. Затем по его просьбе Григ. Иван. взял его на фронт. Григ. Иван. говорил, что он был храбр и рвался в бой».

Следует подчеркнуть, что котовцы при отступлении не запятнали себя еврейскими погромами, убийствами и грабежом мирного населения. Этим они выгодно отличались от бойцов Первой конной, где пришлось даже расформировать две бригады после того, как конармейцы убили комиссара дивизии Шепелева, пытавшегося остановить погромы. 9 октября 1920 года Реввоенсовет Первой конной издал приказ, в котором, в частности, говорилось: «Эти чудовищные злодеяния совершены частями одной из дивизий, когда-то тоже боевой и победоносной. Выходя из боя, направляясь в тыл, полки 6 кавалерийской дивизии, 31, 32 и 33, учинили ряд погромов, грабежей, насилий и убийств. Эти преступления появились еще раньше отхода. Так, 18 сентября совершено было 2 бандитских налета на мирное население; 19 сентября — 3 налета; 20 сентября — 9 налетов; 21 числа — 6 и 22 сентября — 2 налета, а всего за эти дни совершено было больше 30 разбойничьих нападений...

В местечке Любар (которое бригаде Котовского пришлось брать во время наступления. — Б. С.) 29/IX произведен был грабеж и погром мирного населения, причем убито было 60 человек. В Прилуках в ночь со 2 на 3/X тоже были грабежи, причем ранено мирного населения 12 человек, убито 21 и изнасиловано много женщин. Женщины бесстыдно насиловались на глазах у всех, а девушки, как рабыни, утаскивались зверями бандитами к себе в обозы. В Вахновке 3/X убито 20 чел., много ранено, изнасиловано, и сожжено 18 домов. При грабежах преступники не останавливались ни перед чем и утаскивали даже у малышей-ребят детское белье...»

Пятого октября бригада Котовского сосредоточилась в районе Хмельника, где вела бои против петлюровцев, пытавшихся прорваться к Виннице.

Поражение Красной армии в Советско-польской войне побудило державы Антанты юридически урегулировать проблему Бессарабии. 28 октября 1920 года, вскоре после советско-польского перемирия, когда стало окончательно ясно, что поход Красной армии в Европу провалился, Англия, Франция, Италия и Япония подписали соглашение с Румынией о признании вхождения Бессарабии в состав Румынского королевства. Япония в дальнейшем это соглашение не ратифицировала.

Подводя итоги боевой деятельности Котовского на Польском фронте, следует сказать, что утверждение Романа Гуля о том, что «полная слава красного маршала пришла к Котовскому летом 1920 года, когда в ответ на наступление Пилсудского на Россию красные войска под командой Тухачевского пошли на Варшаву», выглядит большим преувеличением. Котовский вовсе не был «вторым вождем красной конницы», как заявлял Гуть. Если первым вождем красной конницы считать Буденного, то вторым, несомненно, был командир действовавшего на Западном фронте 3-го кавалерийского корпуса Г. Д. Гай. И на роль первого вождя, то есть командующего Первой конной армией, Котовского не выдвинули не потому, что большевики не доверяли «дворянину-анархисту», как писал Гуть. Если бы не доверяли, то и бригады не доверили бы. Просто вряд ли начдивы и комбриги Первой конной стали бы подчиняться не своему давнему вождю Буденному, а бывшему бессарабскому разбойнику, ни с Доном, ни с Кубанью, ни со Ставрополем, откуда были основные кадры Первой конной, никак не связанному. К тому же бригада Котовского по численности была отнюдь не бригадой. В царской армии, где в эскадроне было около двухсот сабель, а в кавполку — 1200, бригаду Котовского в лучшем случае можно было назвать дивизионом из двух с половиной эскадронов. Котовский был типичным полевым командиром и хорошо мог командовать только такой бригадой-дивизионом, где он знал лично всех бойцов и командиров. Крупными же кавалерийскими соединениями в Гражданскую войну он никогда не командовал и вряд ли смог бы успешно делать это в боевой обстановке, принимая во внимание отсутствие военного образования и опыта. В этом, как мы помним, он честно признавался в одном из донесений. Зато Гуть был прав, когда отмечал: «Котовский любил кавбригаду, как огородник любит свой огород, как охотник любит своих борзых и гончих. Самолично подбирали командиров, сам среди пленных разыскивал отменных рубак. Не спрашивал “как веруешь”, в кавбригаде вместе с прошедшими всю войну крас-

ными партизанами смешались белые казаки-деникинцы, шуруинцы, военнопленные мадьяры, немцы, неведомые беглые поляки и чехи.

Подбор вышел хорош. Недаром котовцы даже не называли себя красноармейцами. Это оскорбление.

— Не красноармейцы мы, а котовцы.

— Какие мы коммунисты, коммунисты — сволочь, мы — большевики.

И были здесь чистокровные “национал-большевики”, те, что плавали 300 лет назад на челнах Степана Разина».

Что касается пленных казаков-деникинцев, кубанских казаков, прежде служивших у белого генерала Шкуро, равно как и венгров, немцев, поляков и чехов, то Гуль это просто придумал. С корпусом Шкуро Котовский никогда не сражался, и пленные из этого корпуса никак не могли попасть к Котовскому. Слухи о венграх, очевидно, были вызваны в свое время предполагаемым участием бригады Котовского в походе на помощь красной Венгрии весной 1919 года, когда короткое время комиссаром бригады был венгерский революционер Тиббор Самуэли (тогда в состав бригады Котовского входил полк Мишки Япончика), но о других венграх в бригаде ничего не известно. Немцем, вероятно, был Михаил Ульрих, хотя мы не знаем, был ли он выходцем из православной или из лютеранской семьи. Возможно, за немцев принимали некоторых евреев с немецкими фамилиями, служивших в бригаде, например, того же эскадронного Вальдмана. Однако в сколько-нибудь значительном количестве немцы-колонисты Бессарабии и юга Украины в бригаде Котовского не служили. Возможно, там было несколько поляков и чехов из Бессарабии, но даже этот факт трудно подтвердить документально. А вот в том, что бригада была одной семьей, Гуль, безусловно, прав. Он же первым назвал Котовского в печати национал-большевиком. Однако Григорий Иванович, хотя и состоял в ВКП(б), вряд ли был знаком с трудами Маркса, Энгельса и Ленина. И вообще, идеологическая составляющая играла в его жизни далеко не главную роль.

После заключения перемирия с Польшей армия петлюровской Украинской Народной Республики попыталась совершить поход на Киев, но была легко разбита советскими войсками. Петлюровцы вместе с союзниками — Отдельной российской армией генерала Перемыкина, ранее подчинявшейся Врангелю, — насчитывали до двадцати тысяч штыков и сабель, не считая еще примерно десяти тысяч только что мобилизованных и небоеспособных крестьян Подолии. Проти-

востоявшие им советские войска насчитывали до двадцати шести тысяч штыков и до семи тысяч сабель. После заключения перемирия поляки больше не снабжали украинскую армию боеприпасами. В условиях, когда на винтовку приходилось всего 10—20 патронов, наступление Петлюры на Украину было чистой воды авантюрой. Красные, узнав о готовящемся наступлении петлюровцев, назначенном на 11 ноября, решили предупредить его. 10 ноября 8-я дивизия червонного казачества прорвала фронт украинской армии у Шаргорода и двинулась на Могилев-Подольский. Петлюра тем не менее 11 ноября начал запланированное наступление, в ходе которого надеялся освободить всю Украину от большевиков. Петлюровцам удалось захватить городок Литин в 20 километрах от Винницы. Но путь к Виннице преградила 17-я кавдивизия, отбросившая противника к Проскурову. Не удалось петлюровцам захватить и Жмеринку, чтобы прервать железнодорожное сообщение между Киевом и Одессой.

В ночь с 17 на 18 ноября бригада Котовского взяла Проскуров, вынудив петлюровцев к отступлению. Она захватила большие трофеи, включая два бронепоезда, восемь орудий, более 120 пулеметов. Правительство Петлюры вынуждено было спешно эвакуироваться в пограничный Волочиск на Збруче. В тот же день головной атаман отдал приказ своим войскам отходить за Збруч, на польскую территорию. Котовцы заняли Волочиск и преследовали врага до самого Збруча. В боях за Проскуров при разрыве орудия был смертельно ранен командир батареи отдельной кавбригады Михаил Васильевич Провсирин, бывший фейерверкер царской артиллерии, родом из Пензы, один из ближайших соратников комбрига. В артбатареях у Котовского было много русских, тогда как в конных полках преобладали молдаване и украинцы.

За последние бои против Петлюры кавбригада получила Почетное революционное Красное знамя, а комбриг — второй орден Красного Знамени. В приказе Реввоенсовета Республики № 209 о награждении Котовского было сказано: «Он лихим налетом захватил г. Волочиск и своими энергичными действиями в высшей степени способствовал достижению блестящих успехов в деле полного разгрома противника».

В письме жене Котовский так описал последние бои с Петлюрой: «...близится час, когда мы будем снова вместе. Судьба хочет, чтобы я сохранился и в этих жестоких последних боях, где я несколько раз был на волосок от гибели. Что же, может быть, моя безграничная любовь к тебе спасает, охраняет... Противник разгромлен по всему фронту блестяще. Бригада

Котовского захватила у противника 11 орудий, до 60 пулеметов, 800 пленных, разгромила 8 киевскую дивизию, отдельную конную дивизию, значительную часть лучшей кавалерии кавотряда Фролова... Противник, после нанесенных ему страшных ударов, в панике разбегается и бежит дальше, бросая обозы, и части пехоты трех дивизий идут теперь без боя. Наша кавбригада двинула и двигает по фронту три пехотных дивизии. Когда мы были 12-го окружены, кругом отрезаны, и противник уже подъехал ко мне и предложил нам сдаться, — он в ответ на это был в бешеной схватке опрокинут, разбит и обращен в паническое бегство».

Тринадцатого декабря 1920 года, в связи с представлением кавбригады к награждению Почетным революционным Красным знаменем, был составлен «Акт обследования подвигов, совершенных Отдельной кавалерийской бригадой тов. Котовского при 45-й советской стрелковой дивизии в период операции против армии Петлюры и 3-й армии Врангеля с 10 по 22 ноября 1920 года», опубликованный в дивизионной газете 45-й дивизии «Голос красноармейца». Конечно, документ этот сугубо пропагандистский, но какое-то представление, пусть сильно мифологизированное, он дает. Вот что сообщалось, например, о событиях 10 ноября 1920 года: «К 24 часам 10.XI кавбригада сосредоточилась в исходном положении в д. Володиевцы, что в 12 верстах юго-западнее м. Джурин. Противник крупными силами (3-я “железная” дивизия полковника Удовиченко) занимал линию по р. Мурашка: деревни Березовка — Лужки — Черновцы.

С рассветом 10.XI кавбригада во взаимодействии со 134-й и 135-й бригадами из д. Володиевцы перешла в решительное наступление на деревни Березовка — Шендеровка. И хотя дороги были размыты дождем и лежал густой туман, бригада быстро подошла к деревне Березовка, но ее встретили сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Шедший во главе колонны 2-й кавполк, не имея возможности атаковать противника в конном строю, был спешен, а при поддержке конной батареи, выброшенной на линию цепи и открывшей сильный огонь прямой наводкой, полк дружным ударом выбил значительно превосходящего противника из села Березовка и обратил его в бегство.

На следующий день котовцы скрестили клинки с конным отрядом Фролова в деревне Бендичаны. В результате этого боя крупная и лучшая кавалерийская часть противника понесла большие потери и бежала к местечку Озаринцы. Разгром отряда Фролова завершили части 134-й бригады и 1-го конкорпу-

са. Бригада же Котовского остановилась на ночлег в деревне Малый Ольчадаев».

Заметим, что знакомство с бойцами атамана Фролова очень пригодилось Котовскому во время подавления антоновского восстания на Тамбовщине.

А вот как «Акт» описывал бои, происходившие 18 ноября: «В ночь с 17 на 18 ноября части кавдивизии Яковлева занимают местечко Деражня, выбив оттуда части 60-й дивизии. Считая единственным средством ликвидации противника удар по его главным силам и тылам в Проскурове, кавбригада, несмотря на отсутствие связи с 1-м конкорпусом, в 3 часа утра 18 ноября из деревни Баламутовки форсированным маршем наступает на Проскуров, с рассветом переправляется через озеро Дубовое, где сбивает передовые заставы противника и вступает в бой с его главными силами. Крупные пехотные и кавалерийские части противника, вышедшие из города, при поддержке ураганного артогня двух бронепоездов, 8 легких и 2 тяжелых орудий, стрелявших со стороны деревни Заречье, оказывают упорное сопротивление, но части кавбригады после двухчасового боя героически сломили сопротивление в несколько раз превосходящего противника и ворвались в город. Конная батарея бригады, выбросившись на линию наступающих частей и открыв меткий ураганный огонь по городу, оказывала содействие кавалерии. В городе захвачены трофеи, обоз и отбита большая партия пленных красноармейцев.

Деморализованный противник, потеряв окончательно связь с кавдивизией Яковлева, в панике бежит. Кавдивизия Яковлева, намеревавшаяся из района Голосково — Деражня произвести глубокий рейд в тыл наших войск, тоже начала отступление.

В течение трех дней на линию Проскуров — Черный Остров выдвигаются оставшиеся далеко позади части 1-го конкорпуса и 60-й дивизии. Петлюровцы, оказывая сопротивление, отходят на Волочиск. К вечеру 21 ноября наша 14-я армия готовилась к окончательной ликвидации противника».

И, наконец, последний день боев — 22 ноября. Согласно все тому же «Акту», в этот день «разведкой установлено, что между петлюровцами и белополяками достигнуто соглашение о пропуске остатков “украинской” и 3-й армии Врангеля со всей материальной частью в Галицию. Кавбригада Котовского, не ожидая, пока выдвинутся на занимаемую ею линию части 1-го конкорпуса, совершенно самостоятельно, без всякой поддержки справа и слева, форсированным маршем идет прямо на Волочиск, где враг сосредоточил все свои силы. Сметая

его арьергардные части, под ураганным огнем бронепоездов кавбригада переменным аллюром проходит по маршруту Гарнишевка — Якушевцы — Вальковцы, тесня огромные силы противника, и от деревни Фридриховка бросается в стремительную атаку. Последние пять верст перед Волочиском бригада прошла галопом под ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника и в 18 часов конечным ударом сбивает его главные силы на лед, отрезая их от моста. Буквально из рук вырывает переправляемые на польский берег орудия, эшелоны и материальную часть. Заканчивает ликвидацию остатков армии противника и захватывает много пленных и громадные трофеи: 8 орудий, 2 бронепоезда, богатый обоз, 4 эшелона с арттехимуществом...».

Бригада Котовского после последних боев с армией УНР была отведена в район Умани, где действовали отряды петлюровских атаманов Грызло, Цветковского и Гуляй-Гуленко. 19 декабря 1920 года бригада Котовского разбила их, взяв в плен до пятисот человек, многие из которых были расстреляны. 27 декабря 1920 года котовцы влились в состав 17-й кавалерийской дивизии из 2-го корпуса червоного казачества, а сам Котовский стал начальником этой дивизии. В январе 1921 года ему пришлось сражаться против повстанческой армии Нестора Махно. Махновцам удалось прорваться из окружения, попутно уничтожив штаб 14-й кавдивизии во главе с А. Я. Пархоменко. Начальник штаба махновской армии В. Ф. Белаш вспоминал, что захваченный врасплох «начдив 14-й Пархоменко, поняв, что встретился с махновцами, кроме того, что дал сведения о красных частях, просил Марченко и Махно сохранить ему жизнь. Он говорил, что имеет тесную связь с антоновщиной. Извлекая из кармана письмо, он рассказал, что его брат Пархоменко — анархист и находится в рядах антоновщины, что он и себя считает последователем анархии. Но в сложной обстановке боя А. Пархоменко и командиры штаба 14-й дивизии второпях, при отступлении были расстреляны. И после Махно жалел, говоря: “Пархоменку можно было бы и простить убийство дедушки Максюты”». Видного анархиста Максюту, которого соратники с уважением называли «дедушкой», Пархоменко лично расстрелял в мае 1919 года в Екатеринославе.

Бывший командир 7-го полка червоных казаков И. В. Дубинский вспоминал: «...Вскоре махновская черная рать попала в “мешок”. Тщательно задуманная ловушка была подготовлена для нее недалеко от Хорола. Путь банде преграждала крутая насыпь железной дороги. Перемахнуть через нее мож-

но было только у переезда, вблизи которого курсировал бронепоезд.

С двух сторон охватывала врага советская конница. Разъезды 14-й буденновской дивизии нащупали основные силы махновцев. Приближался к полю боя сводный отряд Котовского. Казалось, что теперь уже бесшабашные головорезы батки не устоят против натиска червонных казаков и буденновцев, стремившихся отомстить за своих любимцев — Пархоменко и Карачаева.

Очутившись в безвыходном, казалось бы, положении, Махно придумал коварный маневр. В его штабе нашлось удостоверение на имя командира взвода 84-го полка 14-й дивизии. С этим документом личный ординарец батки помчался к бронепоезду. Предъявив документ, подвел командира к амбразуре. Показал на приближавшихся махновцев:

— Это наши. А там, — повел он пальцем в сторону буденновцев, — махновцы. Кони наши вымотаны, к атаке не способны. Так что начдив просит вдарить ураганным... пока пройдем. За переездом станем... будем ждать червонных казаков...

Простодушный командир бронепоезда попался на махновский трюк. И на сей раз анархо-бандиты вырвались из тщательно подготовленной для них западни...»

Лев Копелев в мемуарной книге «И сотворил себе кумира» рассказывает, как учился в школе с неким Шуркой Лукашук, бывшим ординарцем Котовского, которому в 1924 году исполнилось 17 лет. Фамилия этого персонажа, скорее всего, вымышленна, и был ли этот человек действительно так близок к Котовскому, мы вряд ли когда-нибудь достоверно узнаем. Но то, что Лукашук сообщает о Котовском, интересно в любом случае. Это не только свидетельство очевидца, но и творимая легенда о народном герое. В повествовании Л. Копелева Шурка описан так: «Широколицый, скуластый, чубатый, он носил матросскую форменку, распахнутую почти до пупа, и брюки клеш необычайной ширины и длины, так, что ботинок не было видно. Фуражка-блин то непонятно как лепилась к затылку, то надвигалась на самый нос, широкий, угрястый, лихо вздернутый. Он плевал необыкновенно шумно, с присвистом и на огромные расстояния, сморкался в два пальца, ходил “поморяцки” — вразвалку, круто сгибаемая колени. На школьные вечера он нацеплял кобуру с наганом, которая свисала на правую ягодицу. Шурка был сиротой, жил в детдоме и, как уверяли его почитатели, каждое воскресенье ходил обедать и пить чай к Котовскому. В школе у него не было друзей. Нас, “мелких шибздигов”, он презирал величаво, не снисходя даже до

затрещин. Активистов, уговаривавших его выступить с воспоминаниями, он отшивал безоговорочно.

— Нет, не буду трепаться. Григорий Иванович сам не трепетен и не уважает таких, кто “бала-бала-бала, мы — герои”... Возьмите книжки и почитайте, там все написано, за Григория Ивановича и еще за кого надо...

Он рассказывал, постепенно распаяясь.

— От раз послал Григорий Иванович разведку до одного села. А те разведчики зашли только на край, в одну-две хаты. Напились там воды чи молока и вертают. Говорят, порядок. Пошли в село колонной, поэскадронно, з музыкой. А там банда. Махно. Как ушкварят из пулеметов... Японский бог! Наших, может, двадцать — ни, двадцать два — убитых, а сколько раненых, так без счета. Ну, Григорий Иваныч, как положено: даешь боевой порядок! Захождение с флангов. Развернули тачанки с пулеметами. Батарея вдарила. Потом уже лавой. Рубай все на мелкие щепки!.. Взяли село... Тогда он зовет тех, которые в разведке были, кто живые остались. Через вас, говорит, погибли геройские товарищи. Через вас наша кровь марно потекла. За это вам кара: всех до стенки. Полный расстрел без всякой пощады. Там один хлопец был, ну грошки застарше меня. Григорий Иваныч его любил, сам воспитал. Смотрит на него, покраснел, еще больше заикается, чем как всегда. “Ты, — каже, — мне за сына был, я на тебя надежду имел... Но пощады тебе не дам”. Комиссар тот пожалел хлопца. Каже: “Может, этого помиловать, как несовершеннолетние у него года”. Но Григорий Иваныч только глазом зыркнул и зубами скрипнул: “Н-нет, — каже, — справедливость одна для всех. Стреляйте его в мою голову...” Ну и постреляли... А они что? Стояли молчки, понимали же, что виноватые. И Григорий Иваныч тот потом ночью плакал, и еще целую неделю глаза кажно утро червонные были. Так переживал.

Несколько раз Шурка повторял рассказ о том, как сам Котовский отбирал бойцов.

— Наша котовская дивизия была самая славная на всю Украину, на всю Россию, да, може, и на весь свет. Геройская дивизия. Одно слово: непереможна, непобедимая. И скрозь до нашей дивизии шли добровольцы. И городские и сельские. Кто босой, обдертый, голодный, а кто на своем коне со справным седлом, с карабином или с шашкой; с той войны сберег или отнял у кого. И еще мешок харчей везет. Григорий Иваныч сам принимал каждого и спрашивал: ты, значит, кто будешь, кто батько, зачем воевать хочешь? И завсегда давал такой последний вопрос: а в Бога веруешь? И если кто скажет “верую”,

то Григорий Иванович говорил: тогда ты мне неподходящий. Хотя бы какой геройский был с виду, и с конем, и с оружием, — не брал. Иди, говорил, до кого другого. Потому что у меня так: я в людях понимаю, и когда человека узнал, то знаю шо с него ждать, шо спрашивать. Но если у него Бог есть, то я уже не могу знать, шо ему той Бог прикажет. А у меня в дивизии должен быть один бог — комдив».

Политработник Никита Федорович Юда, служивший в бригаде Котовского с 1920 года, тоже вспоминал, как Котовский принимал бойцов в бригаду: «Первый раз встретил Котовского в Одессе. Принимал нас в бригаду сам Григорий Иванович. Он рассказал нам о бригаде, о том, что она гордится своими победами. Лично три раза Котовский вызывал меня к себе и выражал благодарность. Григорий Иванович очень любил людей, часто рассказывал о себе, о своей любимой Бессарабии... По требованию Котовского мы, политработники, проделали огромную работу при создании Бессарабской сельскохозяйственной коммуны. Люди, которые вступили в коммуну, были благодарны и нам, и Котовскому».

Думаю, Никита Федорович не кривил душой. Бессарабская коммуна была образцовой, ее поддерживали сначала Котовский, а потом государство. Членам коммуны жилось гораздо лучше, чем крестьянам, которых силой загоняли в колхозы после 1929 года и которые познали все ужасы голодомора. В Бессарабской коммуне имени Котовского по-настоящему все-таки не голодали, хотя жизнь в период голода 1932—1933 годов была трудной.

Можно не сомневаться, что у Котовского в бригаде был только один бог — он сам. Он был убежденным атеистом, а добровольцев в бригаду отбирал прежде всего по принципу личной преданности.

Ольга Петровна вспоминала в письме Шмерлингу 2 мая 1936 года, что «звездины были в районе Умани в августе 1922 г.». За этой загадочной для современного читателя записью скрывается немаловажное событие. Котовский активно боролся с «религиозными пережитками» и проводил «звездины» — советский торжественный обряд, противопоставлявшийся церковному таинству крещения. Церемония «звездин», или, как иначе назывались красные крестины, «октябрин», проводилась в заводском клубе или в другом просторном помещении, украшенном большой красной звездой вместо креста, советским флагом вместо хоругви и портретами вождей вместо икон. На трибуну приглашались родители с новорожденным и почетные родители, они же «красные кумовья». Тут же сотруд-

ница загса предлагала выбрать революционно-коммунистическое имя. Очевидно, Григорий Иванович сам давал имена новорожденным, в том числе и «революционные» — Владлен, Октябрина и др. А вместо крестика на младенца надевали маленькую пятиконечную звезду — отсюда и «звездины». Родители клялись воспитать ребенка настоящим коммунистом, а «красные кумовья» принимали обязательство следить за воспитанием, чтобы ребенок вырос истинным богоборцем. Правда, «звездины»-«октябрины» широкого распространения не получили и к середине 1920-х годов постепенно сошли на нет.

Котовского обвиняли в том, что он не слишком активно действовал против махновцев. Не исключено, что Григорий Иванович надеялся решить дело миром и уговорить Махно вновь помириться с советской властью. Кроме того, в его дивизии были точно такие же украинские крестьяне и донские казаки, какие сражались и в армии Махно, и Котовский опасался, что часть из его бойцов присоединится к махновцам. Ведь лично преданная ему кавбригада составляла лишь небольшую часть 17-й дивизии. По официальной же версии, бригада Котовского в январе 1921 года десять дней гналась за махновцами через Канев, Лубны, Ромодан, Лохвицу, Ромны, Сумы, пройдя более 500 километров. Но Махно, все всадники которого имели сменных лошадей, делал по 100 километров в день и ушел от погони.

Демонстрируя желание покончить с махновцами, Котовский 4 марта 1921 года отдал специальный приказ по 17-й кавалерийской дивизии о приведении ее в полную боевую готовность на случай нового появления Махно: «Комбригам и комполков немедленно ввести в программу ежедневных строевых занятий сомкнутый строй при атаках против конницы, проделывая это наглядно, каждым эскадроном и полком отдельно, приучая людей и лошадей идти совершенно сомкнутым строем на большом аллюре.

Комбригам и комполков разъяснить в беседах низшему комсоставу и всем бойцам полков значение сомкнутого строя при конных атаках и против кавалерии противника, когда противник опрокидывается и разбивается не свалкой, а штыком. Это дает потом возможность быстро добить и уничтожить противника».

Махно от этого приказа было ни жарко ни холодно. 28 августа 1921 года он в районе Ямполья благополучно ушел за Днестр, в Румынию.

Котовский организовал кампанию по ликвидации неграмотности в дивизии. Он приказал выдавать красноармейцам

хлеб только под расписку, так что им для начала пришлось научиться хотя бы писать собственную фамилию. Котовский также устроил библиотеки и организовал школы ликбеза.

В марте—апреле 1921 года дивизия Котовского действовала против повстанцев самой разной ориентации (петлюровцы, анархисты, просто уголовные бандиты) в Таращанском, Белоцерковском, Уманьском и Китайгородском районах.

Бывший командующий артиллерией 25-й Чапаевской дивизии Н. М. Хлебников вспоминал: «Григория Ивановича Котовского я увидел в деле уже после окончания войны с Польшей. В селе Макарове, что близ Киева, банда Мардолевича разгромила сельсовет и комитет бедноты. На время ликвидации банды наш артдивизион придали кавбригаде Котовского, и мне довелось стать свидетелем конной атаки, в которой Котовский лично, мощным своим ударом зарубил несколько бандитов». Это было во время боя с отрядом петлюровского атамана Мардолевича-Головацкого. Из свидетельства Хлебникова можно сделать вывод о том, что за время Гражданской войны Котовский научился хладнокровно убивать своих противников.

Глава 9

ПРОТИВ КРЕСТЬЯН ТАМБОВЩИНЫ

Девятнадцатого августа 1920 года в Тамбовской губернии вспыхнуло крупнейшее антисоветское крестьянское восстание. Оно было вызвано продразверсткой и началось с уничтожения нескольких продотрядов. В том году на Тамбовщине из-за засухи хлеба было собрано всего 12 миллионов пудов. Но продразверстка не была уменьшена и осталась на уровне 11,5 миллиона пудов. Выполнение в полном объеме продразверстки грозило населению Тамбовской губернии голодной смертью. Возглавил восстание эсер Александр Степанович Антонов, бывший начальник Кирсановской уездной и городской милиции. По его имени восстание еще называли антоновщиной.

Восьмого сентября 1920 года руководство Тамбовской губернии обратилось с телеграммой к Ленину: «В Кирсановском, Борисоглебском и Тамбовском уездах в течение трех недель происходит крупное восстание крестьян и дезертиров под руководством правых эсеров. Вследствие острого недостатка войск, винтовок и патронов губернии, организованному губисполкомом Военному совету не удалось своевременно зада-

вить повстанческое движение, которое теперь разрослось до громадных размеров и имеет тенденции разрастаться, захватывая новые территории. В ряде случаев войска отступали перед бандами повстанцев из-за недостатка винтовок и патронов. В результате восстания бандами расстреляно свыше 150 деревенских коммунистов и продработников и отнято у наших мелких отрядов до 200 винтовок и два пулемета. Разгромлены четыре совхоза. Вся продработа остановилась. Неоднократно обращались в Орел в окрвоенком (окружной военный комиссариат. — Б. С.) и сектор ВОХР (войска внутренней охраны республики. — Б. С.), в Москву в ВЧК и ВОХР, однако до сих пор нами не получено достаточного количества надежных войск и, главное, винтовок. Поэтому обращаемся к Вам как последней инстанции, могущей оказать нам помощь...» В тот момент тамбовские коммунисты надеялись, что для подавления восстания им хватит одного надежного батальона внутренних войск, присланного из Центра. Но уже через пару недель стало ясно, что требуются гораздо большие силы. В январе 1921 года число восставших достигло 50 тысяч человек, которые были сведены в две армии в составе 14 пехотных, пяти кавалерийских полков и одной отдельной бригады при 25 пулеметах и пяти орудиях. Они контролировали всю губернию, за исключением крупных городов.

Шестого февраля 1921 года в губернию была направлена Полномочная комиссия ВЦИКа во главе с В. А. Антоновым-Овсеенко, которая и руководила подавлением восстания, обладая чрезвычайными полномочиями. В марте ненавистная крестьянам продразверстка была заменена фиксированным продналогом. В период с 21 марта по 5 апреля 1921 года для рядовых участников восстания был объявлен «двухнедельник» добровольной явки с повинной. Численность советских войск в Тамбовской губернии к концу мая 1921 года составила 35 тысяч штыков и восемь тысяч сабель при 463 пулеметах и 63 артиллерийских орудиях при несравненно лучшем, чем у повстанцев, снабжении боеприпасами.

Двадцать четвертого апреля 1921 года из состава 17-й кавалерийской дивизии была вновь выделена 134-я отдельная бригада, во главе которой Котовский был послан на Тамбовщину для подавления антоновского восстания. 27 апреля командующим войсками Тамбовской губернии был назначен М. Н. Тухачевский. А 1 мая котовцы уже выгружались на станции Моршанск.

Во время борьбы с Антоновым у Котовского родились дочки-близнецы. Ольга Петровна писала Шмерлингу: «Близнецы

родились в Тамбове в середине июня, не помню точно числа, в 1921 г.». Она рожала в тамбовской железнодорожной больнице. К несчастью, у Ольги Петровны не было молока, и новорожденные вскоре умерли.

Сам предводитель знаменитого крестьянского восстания, Александр Степанович Антонов, не так уж сильно отличался от Григория Ивановича Котовского. Родился он в 1889 году в Москве в семье мещанина, который вскоре перебрался в город Кирсанов Тамбовской губернии, где открыл слесарную мастерскую, а жена его стала портнихой-модисткой. Антонов был на восемь лет младше Котовского, но в то время они считались почти ровесниками, поскольку в анкетах Котовский омолодил себя на шесть-семь лет. Александр Антонов окончил три класса четырехклассного городского училища. Окончить четвертый класс ему, очевидно, помешала революция 1905 года, в которой он участвовал точно так же, как Котовский, — производя «эксы» на нужды революции.

Антонов называл себя эсером с 1905 года. Уже с весны 1908 года жандармы упоминали его в своих донесениях как «известного грабителя». Первоначально Антонов входил в максималистскую «Тамбовскую группу независимых социалистов-революционеров». Вместе с ней он осуществил ряд «экспроприаций» на нужды революции. Полиция считала Антонова неуловимым террористом. Дважды он уходил от погони, ранив преследователей. Взяли его в феврале 1909 года в Саратове и отправили в тамбовскую тюрьму. Как и Котовского, только на семь лет раньше, его приговорили к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую Антонов отбывал в тюрьмах Тамбова и Владимира.

После Февральской революции Антонов присоединился к эсерам и возглавил милицию в Кирсановском уезде. В июне 1918 года большевики ликвидировали партию левых эсеров, и Антонов ушел в подполье. А примкну он, как Котовский, к большевикам, наверняка стал бы одним из легендарных красных комбригов или комдивов Гражданской войны.

Десятого мая 1921 года входившая в кавгруппу И. П. Уборевича кавбригада Котовского насчитывала 890 сабель при 18 пулеметах и трех орудиях, а кавбригада В. И. Дмитриенко — 1200 сабель при 38 пулеметах. Такое большое количество конников под своим началом Григорий Иванович имел впервые.

Седьмого мая бригада Котовского разбила 16-й повстанческий полк и захватила его штаб, а 17 мая разгромила еще один отряд антоновцев — в 500 человек.

Двадцать третьего мая сводный отряд отдельной кавбригады в составе трех эскадронов 1-го кавполка и двух эскадронов 2-го кавполка в 50 километрах северо-западнее Кирсанова нанес сокрушительное поражение 8-му Пахотно-Угловскому и 15-му Казыванскому повстанческим полкам под общим командованием В. Ф. Селянского, который в бою был смертельно ранен.

Через два дня, 25 мая 1921 года, началось последнее и решающее наступление советских войск против антоновцев. Полномочная комиссия ВЦИКа обратилась к армейским коммунистам с призывом: «Товарищи военные коммунисты!.. Тамбовское кулацкое повстанье — это гнилая заноза в исхудалом теле нашей трудовой республики. Ее надо вырвать немедленно твердой и умелой рукой».

Кавгруппе И. П. Уборевича, состоявшей из бригады Котовского и Тамбовской отдельной кавбригады В. И. Дмитриенко, противостояли пять повстанческих полков (3-й Кирсановский, 4-й Низовской, 14-й Нару-Тамбовский, 16-й Золотовский и Особый Я. В. Санфилова, одного из будущих убийц Антонова) общей численностью до трех тысяч всадников. К 28 мая они находились в южной части Кирсановского уезда, в 20 километрах юго-западнее станции Инжавино. Попытка Уборевича окружить и одним махом разгромить эту группировку повстанцев не принесла результатов, и 31 мая он вынужден был доложить Тухачевскому: «Кавгруппа оказалась неподготовленной к выполнению столь серьезной задачи. Кавбригада т. Дмитриенко трижды выпустила Антонова из полного окружения и не по вине комбрига т. Дмитриенко, а ввиду того, что кавбригада — фактически ездящая пехота на скверных крестьянских лошадях. Кавбригада т. Котовского малочисленна и охватывает небольшой район действий, к тому же с истощенным конским составом. Ввиду такого состояния кавгруппы, для успеха операции необходима придача кавгруппе двух отрядов из полугрузовиков с пулеметами. Кавгруппа из двух или трех бригад, имея до 12 полугрузовых машин и фуража на три дня, в несколько дней может покончить с Антоновым окончательно».

Тухачевский согласился с этим предложением, и сводная кавгруппа Уборевича была сразу же усилена 14-й отдельной кавбригадой под командованием А. А. Милонова и двумя автобронеполками войск ВЧК — № 1 имени Петросовета и № 52 имени Я. М. Свердлова. 1 июня усиленная группа Уборевича продолжила преследование ядра 2-й антоновской армии уже в соседней Саратовской губернии.

Второго июня 1921 года у деревни Бакуры Сердобского уезда Саратовской губернии кавбригада Котовского и автобронеотряд № 52 из семи машин настигли и окружили 4-й, 14-й и Особый повстанческие полки, предводительствуемые самим Антоновым. Завязался тяжелый бой. Сначала бронемшины пулеметным огнем загнали 4-й Низовской и Особый полки в Бакуры, непрерывно обстреливаемые конной батареей котовцев, а затем туда ворвался автобронеотряд. Группы повстанцев, пытавшихся покинуть пылающие Бакуры, перехватывали и уничтожали в поле два кавполка бригады Котовского.

Бой в деревне и вокруг нее, начавшийся около пяти часов вечера, затих лишь к полуночи. Антоновцы потерпели жесточайшее поражение, потеряв до пятисот человек убитыми и ранеными. И хотя многим мятежникам, в том числе Александру Антонову, удалось в наступившей темноте вырваться живыми из Бакур, 2-я повстанческая армия практически перестала существовать как боевое соединение.

Восьмого июня 2-й полк под командованием Криворучко, поддержанный броневиками, возле хутора Шкарино разбил отряд Аверьянова. Про этот бой в оперативном донесении штаба Тамбовской группы войск говорилось: «Из 300—400 сабель удалось спастись только 50—70... Небольшая группа во главе с Аверьяновым на хороших лошадях исчезла... Наши потери: 1 убитый, ранено помкомбрига (Криворучко), помкомполка, сотрудника для поручений при комбриге, командира взвода». Соотношение потерь показывает подавляющее превосходство котовцев. Сказался громадный перевес в огневой мощи и выучке бойцов.

Между тем 11 июня 1921 года был опубликован приказ № 171, подписанный председателем Полномочной комиссии ВЦИКа Антоновым-Овсеенко, командующим войсками Тамбовской губернии Тухачевским, председателем Тамбовского губисполкома А. С. Лавровым и секретарем губкома РКП(б) Б. А. Васильевым. Он гласил:

«Начиная с 1 июня, решительная борьба с бандитизмом даст быстрое успокоение края.

Советская власть последовательно восстанавливается, и трудовое крестьянство переходит к мирному и спокойному труду.

Банда Антонова решительными действиями наших войск разбита, рассеяна и вылавливается поодиночке.

Дабы окончательно искоренить эсерово-бандитские корни и в дополнение к ранее изданным распоряжениям, Полномочная комиссия ВЦИК приказывает:

1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссий и райполиткомиссий объявлять приказы об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия, расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в семье расстреливается на месте без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитские и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита, имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома разбирать или сжигать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно».

Террор, развернувшийся после издания приказа № 171, подорвал волю антоновцев к сопротивлению и способствовал поражению восставших.

Двенадцатого июня командующий войсками Тамбовской губернии Тухачевский отдал приказ о формировании новой, так называемой Особой сводной группы, во главе которой был опять поставлен И. П. Уборевич. В ее состав вошли кавалерийские бригады Котовского и Милонова, которого в самом начале операции сменил М. П. Ковалев, и три автобронеполка. На этот раз надо было уничтожить сосредоточенные в районе Каменки четыре полка 1-й повстанческой армии (1-й Каменский, 5-й Пановский, 7-й Тамбовский и 20-й Особый), а также находившиеся по соседству с ними два уцелевших полка 2-й армии (9-й Семеновский и 16-й Золотовский).

К вечеру 12 июня обе кавбригады красных вышли на исходные позиции. В районе Никольское-Ржакса сосредоточилась бригада Ковалева, а к Уварово выдвинулась бригада Котовского.

Весь этот вечер Григорий Иванович провел в уваровском клубе, где сначала смотрел спектакль местного драмкружка, а потом лихо отплясывал «барыню». Тем самым он дезориентировал агентуру антоновцев и обеспечил внезапность нападения. На рассвете 13 июня его заместитель и по совместительству командир 2-го кавполка бригады Криворучко не менее лихо осуществил внезапный налет на «родовое гнездо» 9-го Семеновского полка антоновцев — село Семеновку, где изру-

бил до сотни мятежников и захватил два пулемета. Остатки Семеновского полка бежали на север.

В отличие от кавбригад автобронеполка сильно задержались и прибыли в назначенный им пункт сбора — железнодорожную станцию Сампур — лишь к вечеру 14 июня. А к ночи кольцо советских войск плотно сомкнулось вокруг Каменского района. С севера и юга выходы из него блокировали шесть полков 10-й стрелковой дивизии Ф. П. Кауфельдта. С востока на Каменку нацелились кавбригады Котовского и Ковалева, а с запада — три автобронеполка.

На рассвете 15 июня красные решительно атаковали район Каменки. Но повстанцев там не оказалось. Лишь к десятому часам утра удалось выяснить, что противник в составе четырех полков под общим командованием Константина Васильевича Машкова еще в ночь на 14 июня скрытно ушел на юг, в Борисоглебский уезд. Виноват был Котовский, которому Тухачевский поручил наблюдение за всеми передвижениями повстанцев.

Тридцатого июня началась операция советских войск по разгрому повстанческой группы П. Е. Аверьянова. На рассвете 1 июля основной удар наносили кавбригада Котовского и отряд 7-х Борисоглебских кавалерийских курсов. Но отряд борисоглебских курсантов в 123 сабли при четырех пулеметах на подходе к деревне Федоровка-Мордва попал в засаду.

Антоновские агенты узнали время выступления и маршрут движения отряда курсантов. Аверьянов стянул к месту засады три полка и несколько мелких повстанческих отрядов. Руководил операцией заместитель, командир 14-го Нару-Тамбовского полка Иван Сергеевич Матюхин, который хорошо знал местность. Важная роль отводилась также командиру 16-го Золотовского полка Максиму Архиповичу Назарову, уроженцу деревни Федоровка-Мордва.

Назаров во главе своего полка, экипированного в новенькое кожаное обмундирование, встретил у Федоровки-Мордвы борисоглебских курсантов, которые сначала приняли антоновцев за своих. Тем временем другие отряды из группы Аверьянова по балкам и оврагам зашли в тыл к курсантам и атаковали их.

Отлично обученные курсанты (7-е Борисоглебские кавкурсы считались лучшими в Красной армии) сражались мужественно, но им грозило полное истребление. Их спас 2-й кавполк бригады Котовского, обративший антоновцев в бегство. Треть борисоглебских курсантов была убита, а почти все уцелевшие были ранены. Группа Аверьянова потеряла убитыми более

двухсот человек. Кроме того, кавполк котовцев настиг и изрубил у Золотовки еще около сотни повстанцев из 16-го Золотовского полка. 7 июля бригада Котовского захватила аверьяновцев врасплох в 15 километрах юго-восточнее станции Сампур и почти полностью их уничтожила.

Летом 1921 года антоновцы потерпели поражение. В начале июля руководством восстания был издан приказ, согласно которому боевым отрядам предлагалось разделиться на группы, скрыться в лесах и перейти к партизанским действиям или разойтись по домам

Двадцатого июля Котовский провел свою знаменитую военно-чекистскую операцию по уничтожению отряда Матюхина, попытавшегося собрать вокруг себя остатки нескольких разбитых повстанческих полков. Этот день официально считается днем окончательного разгрома антоновщины, поскольку более или менее регулярных отрядов антоновцев, пытавшихся противостоять красным в открытом бою, после этого уже не осталось. 20 июля 1921 года Полномочная комиссия ВЦИКа, знаменуя победу над антоновщиной, известила войска и население Тамбовской губернии, что «окончательный развал эсеров-бандитизма и полное содействие в борьбе с ним со стороны крестьян позволяет Полномочной комиссии ВЦИКа приостановить применение исключительных мер приказа № 171, направленных против упорствующих бандитов».

Перед началом операции против Матюхина Котовский докладывал Тухачевскому: «Выступаю на рассвете в секретную операцию, подробности которой из соображений конспирации не решаюсь передавать по телеграфу. Прошу дать распоряжение всем частям, оцепляющим тамбовский лес, чтобы они в течение недели не предпринимали никаких активных действий и пропустили к лесу белую казачью банду атамана Фролова, которая пройдет к ним с тыла. Кроме того, прошу с завтрашнего дня ежедневно по всем частям, расположенным на линии железной дороги, утром и вечером в течение часа производить стрельбу холостыми зарядами из орудий, пулеметов и винтовок. Если все это будет исполнено, банда Матюхина будет уничтожена через пять дней».

Это был завершающий этап операции. Ему предшествовала длительная работа ВЧК по внедрению своих агентов в руководство антоновского восстания и заманиванию в ловушку самого Антонова и его ближайших соратников. Для этого был использован прием, позднее с успехом применявшийся против других антисоветских сил. Чекисты легендировали существо-

вание мощной общероссийской антисоветской организации, в случае с Антоновым — эсеровского толка. В дальнейшем для действий против Тютюнника и других петлюровцев была создана фальшивая общеукраинская повстанческая организация, а для борьбы с монархической контрреволюцией — мнимая общероссийская монархическая организация (знаменитая операция «Трест»). Чтобы заманить в СССР Бориса Савинкова, легендировалась организация «Либеральные демократы» и т. д. Чекистам было выгодно объединять контрреволюционеров в большие организации под своим присмотром, чтобы можно было арестовать сразу многих. Жертв этих провокаций потом заманивали либо в Москву, либо, если речь шла об эмигрантах, просто на советскую территорию. Здесь чекисты использовали убежденность большинства лидеров антибольшевистских движений и организаций, что в СССР должно существовать сильное антисоветское подполье, с которым можно и нужно установить связь. На самом деле к началу 1920-х годов благодаря красному террору и активным действиям ВЧК подавляющее большинство реальных и потенциальных противников советской власти, а также контрреволюционных организаций было либо уничтожено, либо вытеснено в эмиграцию, либо загнано в глубокое подполье, не позволявшее осуществлять какой-либо активной и целенаправленной деятельности. Но лидеры эмиграции и повстанцев легко верили в легендированные чекистами организации еще и потому, что связи с настоящими антисоветскими организациями в России и СССР почти не имели.

По поручению Ф. Э. Дзержинского начальник отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК Т. П. Самсонов и его заместитель Т. Д. Дерibas разработали детальный план проникновения в окружение Антонова. Для этого был использован Евдоким Федорович Муравьев, левый эсер, перешедший на сторону большевиков. По поручению ЧК он вместе со своей подружкой М. Ф. Цепляевой имитировал активную подпольную работу левых эсеров в Воронежской губернии. Прибывший в Воронеж эмиссар Антонова — начальник контрразведки Н. Я. Герасев (псевдоним — Донской) поверил в существование сильной левоэсеровской организации, склоняющейся к поддержке Антонова. Поверил потому, что очень хотел в это верить. Донскому устроили встречу с «членами ЦК левых эсеров», которые в его присутствии передали Муравьеву директиву о необходимости объединения всех антибольшевистских сил. Они говорили о подготовке в Москве съезда всех антибольшевистских сил, от меньшевиков до кадетов.

Старый чекист Д. М. Смирнов вспоминал: «Разговор велся на таком серьезном, деловом уровне, что прожженный антоновский контрразведчик поверил и в истинность обоих “членов ЦК”, и в активную работу руководимой Муравьевым Воронежской левозсеровской организации. Он тут же дал слово доложить обо всем услышанном Антонову и, пригласив Муравьева на Тамбовщину, назвал пароли и явки в Тамбове, с помощью которых такую поездку можно будет осуществить».

Евдоким Федорович Муравьев оставил подробные воспоминания об операции против Антонова: «Мы договорились, что работу левозсеровской легальной организации не нужно прекращать, а, наоборот, надо создавать видимость ее активизации, ожидался приезд в Воронеж эмиссара Антонова. Кроме того, для участия в ликвидации антоновщины надо, чтобы за моей спиной стоял воронежский левозсеровский комитет, от имени которого я мог бы действовать в своих взаимоотношениях с антоновцами. Это создаст мне авторитет в их глазах и будет служить прикрытием чекистской работы.

Вскоре действительно в Воронеж для связи с эсеровской организацией приехал начальник антоновской контрразведки Герасев (псевдоним — Донской). Явился он на квартиру Цепляевой.

Донскому решено было показать “товар лицом”. Он обрадовался, увидев на одном из домов в центре города вывеску: “Клуб левых социалистов-революционеров (интернационалистов)”. Здесь же находился и местный “комитет партии” (начальник антоновской контрразведки, вероятно, был очень наивным человеком, раз поверил, что запрещенная партия левых эсеров может под носом у чекистов действовать почти легально, даже вывески со своим названием размещая на домах. Какой уж тут «прожженный контрразведчик»! — Б. С.). Донской видел, что на столе, за которым сидел я, лежали различные папки с эсеровскими материалами, что у меня были бланки, штамп и печать левозсеровского комитета.

На глазах Донского, с его участием, созывались левозсеровские собрания. Был устроен диспут между левыми эсерами и большевиками. Все это произвело на Донского сильное впечатление (боюсь, что либо задним числом любезный Евдоким Федорович кое-что привирает, либо Донской был таким законченным дураком, что мог поверить, что в то время, когда в Тамбовской губернии советские войска беспощадно подавляют эсеровское восстание, в соседней Воронежской губернии большевики мирно ведут публичные диспуты с представите-

лями запрещенной партии эсеров, не осведомляя об этом органы ВЧК. В действительности к началу 1921 года какая-либо деятельность эсеров как партии на советской территории фактически прекратилась. — Б. С.).

Когда в Воронеж из Тамбова приехал полномочный представитель ВЧК по Тамбовской и Воронежской губерниям, то на совещании, созванном им (в совещании принимали участие руководящие работники губчека, Цепляева и я), решено было показать Донскому, что воронежские левые эсеры имеют тесную связь и с ЦК партии левых эсеров в Москве.

Сделано это было так: из Москвы в Воронеж якобы приехали два “члена ЦК левых эсеров” (на самом деле воронежские большевики М. Г. Попов и Семенов). Я беседовал с ними в присутствии Донского и Цепляевой о положении в Воронеже и работе комитета левых эсеров. Мои ответы на вопросы “членов ЦК” сопровождалась все время сочувственными репликами Донского. Одобрив работу воронежского комитета, “члены ЦК” особое удовлетворение выразили по поводу установления связи с антоновцами. Они говорили также, что сейчас установлены связи с Махно и другими антибольшевистскими отрядами.

“Члены ЦК” в присутствии Донского передали мне “директиву ЦК” о необходимости объединения всех антибольшевистских сил. Они сообщили, что сейчас объединяют свою антибольшевистскую работу левые и правые эсеры, народные социалисты, анархисты, меньшевики, что ведутся даже переговоры с кадетами. Для обсуждения этого вопроса в ближайшее время в Москве состоится всероссийский левоэсеровский подпольный съезд, а вслед за ним намечено созвать в Москве съезд представителей всех антибольшевистских армий и отрядов.

Донской уверовал в силу воронежской левоэсеровской организации. В разговорах с “членами ЦК” расхваливал ее и особенно меня как ее руководителя. Он охотно рассказывал о положении в своих “войсках”, о стремлении распространить мятеж на окружающие губернии, просил оказать помощь оружием и отрядами повстанцев из других районов страны.

Он обещал обо всем подробно доложить Антонову и не позже чем через неделю возвратиться в Воронеж и сообщить о результатах переговоров в “Главоперштабе”. После этого я должен поехать к антоновцам для установления постоянной связи и координации действий. Прощаясь, Донской назвал мне пароли и явки в Тамбове, через которые можно попасть к ним.

Казалось, все идет как надо, но... Прошло две недели, а от Донского ни слуху ни духу. Что это, случайность?

Хорошо, если так... А вдруг он что-то заподозрил? Ведь достаточно самого малого промаха, чтобы вызвать настороженность врага.

— Нет, не следует все чрезвычайно усложнять, — говорил я на совещании в губчека. — В Воронеже все прошло чисто. Донской уехал, не подозревая о чекистской ловушке.

— Тогда почему он не прибыл для связи вторично? — недоумевал Кандыбин. — Может быть, у антоновцев есть канал постоянной связи с Москвой и они уже выяснили, что никто из членов ЦК левых эсеров в Воронеж не выезжал, что никаких партийных и антибольшевистских съездов не предполагается и что вся эта затея дело рук ВЧК?

— Но отчего же тогда Донской так откровенно радовался установлению связи с левозэсеровским ЦК? — спрашивал Ломакин и тут же отвечал: — Значит, связи у них нет!

— Тогда почему Донской не едет? Почему он не едет? — беспокоился Аргов.

Я продолжал утверждать, что опасения напрасны. Донской едва ли мог что-либо заподозрить. Необходимо ехать к антоновцам, не теряя ни дня. В наших руках явки в Тамбове и пароль. Лучшего момента мы вряд ли дождемся.

После детального обсуждения всех предложений “за” и “против” все согласилось на безотлагательную поездку в логово врага, не дожидаясь вторичного приезда Донского.

Стали обсуждать условия поездки. Участники совещания старались предусмотреть все трудности, препятствия и всякого рода опасности, которые могут возникнуть на моем пути.

— Смотри, Евдоким, — говорил мой друг старый большевик Митрофан Попов, — ты едешь в логово зверя и кладешь голову в его пасть. Малейшая твоя ошибка может привести к срыву, провалу важной операции ВЧК. А тебе эта ошибка будет стоить жизни. Я говорю это не для того, чтобы отговорить тебя. Но тебе надо твердо знать, что главари антоновщины — это матерые, опытные эсеры. Да и сам Антонов не простофиля, если ему удалось организовать и возглавить такое крупное антисоветское движение. Ты должен перехитрить их.

Решено было, что в Тамбов со мной поедут два сотрудника губчека Чеслав Тузинкевич и Бронислав Смерчинский. Условились, что у антоновцев я буду фигурировать не только как председатель воронежского комитета левых эсеров (в этой роли знал меня Донской), но и как член ЦК партии левых эсеров, избранный якобы в состав ЦК на всероссийском съезде левых

эсеров, происходившем в Москве уже после отъезда Донского из Воронежа (о “подготовке” такого съезда Донской знал). Я сам написал себе удостоверение (на бланке и с печатью воронежского комитета левых эсеров) на имя Петровича, члена ЦК и председателя воронежского комитета партии левых эсеров. Удостоверение как члену воронежского левоэсеровского комитета я написал и Тузинкевичу (именуя его Андреевым).

По приезде в Тамбов я по явке и паролю, полученным от Донского, зашел к адвокату Федорову, видному члену партии кадетов (имевшему у антоновцев конспиративную кличку Горский). Через Федорова антоновцы держали связь с внешним миром, он был их главным резидентом в Тамбове.

Встреча и переговоры с Федоровым были для меня серьезным испытанием. Попасть к антоновцам, минуя Федорова, было нельзя: у него проходили самую жестокую “политическую проверку” и получали дальнейшие явки.

За время революционной работы — и подпольной, и в советский период мне пришлось встречаться с членами разных социалистических партий. Я хорошо знал, что они представляют собой, и мог вести с ними разговоры на любые политические темы. Но с кадетом, да еще видным, встречаться и разговаривать приходилось впервые, а от результатов переговоров зависело, попаду ли я к антоновцам. Но этим не исчерпывалась цель моей встречи с Федоровым: я должен был уговорить его поехать в Москву.

Меня встретил выхоленный интеллигент с аккуратной подстриженной бородкой, в хорошо отглаженном чесучовом костюме — всем своим видом Федоров напоминал дореволюционного барина.

Из беседы с Федоровым я узнал, что он был крупным деятелем партии кадетов, хорошо знал некоторых кадетских вожakov, в частности кадетского лидера Н. М. Кишкина.

От Донского Федоров знал меня как руководителя воронежских левых эсеров, желающих установить тесную связь с антоновцами. С самого начала я убедился, что он кипит ненавистью к большевикам и Советской власти.

Федоров восторженно принял мое сообщение о мнимых заграничных переговорах социалистов и кадетов и установлении контактов между всеми антибольшевистскими организациями. В длительной беседе с Федоровым я постоянно нащупывал, что больше всего его интересует.

А когда убедился, что Федоров “клюет” на стремление к объединению всех антибольшевистских организаций, я больше всего об этом и говорил.

В ходе дальнейшей беседы я стал жаловаться на якобы имеющуюся у антоновцев тенденцию “вариться в собственном соку”, на плохую их связь с Москвой.

— Связь с вами, — подчеркивал я, — счастливое исключение. При вашем авторитете, с вашими связями теперь в Москве, где наблюдается тяга к объединению всех антибольшевистских организаций, можно добиться многого.

На Федорова это произвело впечатление. Мы с ним решили, что через несколько дней он поедет в Москву, чтобы связаться со своими друзьями — руководителями кадетской партии.

В Москву он действительно поехал. День его отъезда был известен ВЧК через Смерчинского, которого я представил Федорову как своего помощника.

В Москве Федоров был арестован отделом ВЧК по борьбе с контрреволюцией. Допрашивавший его Т. П. Самсонов говорил мне после, что от Федорова был получен большой, интересный и очень важный материал.

Так успешно был пройден первый этап моего проникновения в ряды антоновцев.

По явке и паролю, полученным от Федорова, я пошел к другому антоновскому связному — дорожному мастеру Степанову. Договорились, что он направит меня вместе со своим провожатым на границу территории, занятой антоновцами.

Отправляясь туда, я взял с собой Тузинкевича как своего связного. Верхом на оседланных лошадях, приведенных Степановым, мы в сопровождении связного отправились в путь. По Тамбовскому уезду по направлению к городу Кирсанову мы проехали приблизительно двадцать пять километров. К вечеру приехали на какой-то кулацкий хутор на опушке леса. Хозяином был лесник, активный антоновец. Хутор служил явочным пунктом, расположенным уже на территории действий антоновцев.

Здесь меня ожидала большая удача: в это время на хуторе проводилось какое-то кустовое совещание, на котором присутствовало много антоновских главарей. В большой горнице сидели человек тридцать. Но самое главное, что в значительной степени определило успех всей моей поездки, было то, что проводил совещание Донской.

Увидев меня, Донской бурно выразил свою радость.

Сорвавшись с места, он бросился ко мне, обнял и расцеловал.

— Вот он, тот самый мой большой друг, — закричал он, — председатель воронежского комитета эсеров, о котором я вам сейчас говорю!

Я был председателем воронежского левоэсеровского комитета, но антоновцы меня считали председателем просто эсеровского комитета, без прибавления “лево”. Так было во все время моего пребывания у них. Происходило это потому, что в антоновском мятеже тамбовские правые и левые эсеры объединили свои действия и называли себя просто эсерами.

— Вот это человек так человек! — продолжал кричать Донской. — Какую работу он развернул в Воронеже!

На заявление Донского, что я председатель воронежского комитета эсеров, я заметил:

— Поднимай выше! Я теперь и член центрального комитета.

— Да что ты? Когда же тебя выбрали?

— А помнишь, члены ЦК, приехавшие в Воронеж, говорили о предстоящем всероссийском съезде? Ну так вот, съезд уже состоялся, там меня и избрали.

Участники совещания с большим вниманием слушали наш разговор. Донской стал рассказывать о размахе эсеровской работы в Воронеже, свидетелем которой он был лично сам.

Всё это — рассказы Донского о моей работе, сообщение о том, что я стал членом ЦК, — сразу же поставило меня среди присутствовавших на совещании в положение человека, которому не только можно и нужно доверять, но и выполнять его директивы.

На совещании мне как “члену ЦК” было предоставлено слово. Пришлось подробно говорить о международном и внутреннем положении страны, о единении всех антибольшевистских сил и о готовящемся в Москве съезде руководителей повстанческих отрядов.

— По всем вопросам, касающимся борьбы с большевиками, ЦК поручил мне переговорить лично с Антоновым, — подчеркнул я.

— Антонова нет, — заявили мне командиры.

— А где же он?

— В Саратовской губернии порядки наводит.

Сообщение о том, что Антонова нет, явилось для меня неприятной неожиданностью. Ведь основная цель моей поездки состояла в том, чтобы вывезти Антонова в Москву (в действительности Антонов в это время оправлялся от тяжелого ранения. Это и спасло его от чекистской ловушки. — Б. С.).

Стало ясно, что в логове врага придется пробыть немалое время.

Вскоре мне удалось выяснить, что Антонов во главе одного из своих отрядов делал набег на граничащий с Тамбовской

губернией район Саратовской губернии и там в бою с красными войсками под селом Бакуры отряд был разгромлен, а сам он тяжело ранен.

После совещания Донской рассказал мне, что установление им связи с Воронежем одобрено “Главоперштабом”.

Он получил указание вторично съездить в Воронеж, а затем в Москву для установления контакта с центральным эсеровским руководством. Однако вторичная поездка в Воронеж задержалась из-за переговоров с членами штаба, которые находились в разъездах.

На другой день Донской уехал в Москву. Там по явке, полученной от меня, Донской установил связь с “начальником штаба боевых сил Москвы”, а на самом деле с начальником отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией Т. П. Самсоновым. В беседе с Донским (до его ареста) Самсонов получил от него исключительный по своей ценности материал об антоновщине. Разумеется, что Донскому пришлось вскоре свой отчет повторить следователю ВЧК.

Из присутствовавших на хуторском совещании кроме Донского я хорошо помню одного из главарей антоновщины — Матюхина Василия, начальника антоновской “милиции” (брата Матюхина Ивана, который был виднейшим антоновским командиром). Донской прикрепил его ко мне в качестве представителя “Главоперштаба”.

Сразу после совещания договорились, что приехавший со мной Тузинкевич останется у антоновцев на границе в качестве моего связного. (За время моей поездки он под видом связи с эсеровским центром несколько раз отправлялся в Тамбов, чтобы узнать, нет ли каких-либо новых поручений для меня из Москвы, из ВЧК.) Я же в сопровождении Василия Матюхина и охраны из четырех антоновцев отправился на осмотр административных центров и воинских частей антоновской армии.

По приезде в тот или другой пункт Матюхин сообщал местным вожакам, кто я такой и зачем приехал. Во многих местах уже заранее знали о моем приезде и готовилась достойная встреча. Как “представитель центра” я побывал на многих базах антоновцев, где проводил совещания, заслушивал доклады и сообщения, давал “указания”.

Через несколько дней вместо Матюхина меня стал сопровождать Егор Ишин, бывший у мятежников второй фигурой после самого Антонова. Он был председателем губернского комитета “Союза трудового крестьянства” — эсеровской организации, которая на территории антоновцев была главным гражданским органом управления.

Когда я вспоминаю сейчас Ишина, то вижу перед собой до-родную фигуру человека лет сорока пяти, с жирным румяным лицом, с курчавыми волосами, в темном костюме, начищенных сапогах гармошкой, с маузером в деревянной кобуре на боку. На крестьянских митингах и собраниях Ишин выступал как главный оратор, разъясняющий программу антоновцев. Говорил он сочным крестьянским языком, с поговорицами и прибаутками.

Встреча с Ишиным была новым большим испытанием и серьезной проверкой моих способностей чекиста-разведчика. Ишин был не рядовым эсером-антоновцем, для которого должен быть непререкаем авторитет “члена ЦК”, а матерым эсером, крупным идейным врагом.

Ишин при первой же встрече признал меня “членом ЦК”, имеющим право на руководство “партизанским движением”, был со мной вежлив и внимателен. Однако он не один раз пытался поставить меня в такое неожиданное положение, при котором человек может смутиться, если он является не тем, за кого себя выдает. Опытный конспиратор, Ишин, с одной стороны, доверял мне как “члену ЦК” и руководителю воронежских эсеров, а с другой — не упускал случая еще и еще раз проверить “представителя Центра”. Нет необходимости доказывать, насколько тягостны и опасны были для меня проверки Ишина и как мне всегда приходилось находиться в “мобилизационной готовности”.

Во время поездок с Ишиным мне приходилось ночевать вместе с ним в избе или на сеновале. Однажды, когда мы утром проснулись, он как-то загадочно, с ухмылкой произнес:

— А вы, оказывается, во сне гутарите...

Я знал, что иногда разговариваю во сне. Неужели проговорился?.. Мгновенно взяв себя в руки, я засмеялся и как бы между прочим спросил:

— Мешал спать?

— Да не так чтоб уж...

— Ну тогда всё в порядке.

Так все обошлось благополучно.

С этого дня, когда мне приходилось ночевать с кем-либо из бандитских командиров, я старался попросту не смыкать глаз. Спал же я (точнее, впадал в состояние оцепенения, с открытыми глазами) урывками, днем при переездах, сидя в седле и опираясь на стремяна. Это было страшно тяжело и привело к сильному расстройству нервной системы. За все время мне ничего так не хотелось, как власть выспаться.

В другой раз Ишин во время ужина начал неторопливо, не упуская подробностей, рассказывать, каким истязаниям под-

вергают антоновцы взятых в плен красных командиров, политработников и красноармейцев. Не отрывая взгляда от моего лица, он повествовал о том, как на днях присутствовал при казни: бандиты перепилили красноармейцу шею пилой. “Кричал он, ох, кричал, мать честная, — говорил Ишин. — И то сказать: пила была тупая да ржавая, ею нешто сразу перепилишь... Да и шея не дерево, пилится неудобно...”

Как ни трудно было сдерживаться, у меня не дрогнул ни один мускул. Я ничем не выдал своих чувств».

Надо отметить, что антоновцы, как правило, не убивали захваченных в плен рядовых красноармейцев. Уничтожению подлежали только «идейные враги»: командиры и комиссары Красной армии, члены компартии, курсанты, бойцы протодрядов. Рядовых же красноармейцев тамбовские повстанцы стремились либо привлечь под знамена Антонова, либо, разгитировав, отпустить к своим в надежде, что таким образом удастся разложить советские войска.

Вернемся к рассказу Муравьева. Он продолжал: «Когда Ишин был уже вывезен мною в Москву и арестован ВЧК, на следствии он говорил, что у него иногда закрадывались сомнения относительно меня, что он предпринимал меры для проверки “члена ЦК”, но никаких поводов для подозрения моей связи с ЧК он не обнаружил.

Разъезжая по “антоновской вотчине”, я старался как можно больше узнать, запомнить. Эсеровские руководители, командиры отрядов рассказывали мне как своему “начальству” о своих агентах и пособниках в разных тамбовских учреждениях и организациях. Ясно, как важны были эти сведения для разгрома мятежа. Поэтому я старался запомнить связи, явки, фамилии и адреса.

Находясь в стане врагов, не знаешь, где и какая опасность тебя подстерегает. Самое же тяжелое чувство испытываешь тогда, когда создается реальная угроза гибели от своих, от красноармейцев. А такая опасность подстерегала меня не один раз. Расскажу об одном случае.

В селе шел митинг. Крестьяне и антоновцы слушали разглаговольствования “члена ЦК”. Вдруг прозвучал удар церковного колокола — знак тревоги. Участников сходки будто ветром сдуло. Командир антоновцев, сопровождавший меня, крикнул: “Красные!” — и увлек меня за собой.

За нами побежала и охрана. Где-то совсем близко слышался нарастающий конский топот.

Мы огородами пробрались в противоположный конец села и вбежали в убогую хатенку. Бросились к печке.

Один из бандитов стал на колени и начал выгребать из-под печи мусор. В образовавшееся отверстие полез руководитель бандитов, следом за ним я и другие сопровождавшие меня антоновцы. Под печью оказался глубоко вырытый в земле тайник, в котором мы и разместились. Последний из телохранителей завалил за собой дыру хламом.

Долгое время мы сидели в полной темноте, молча, вдыхая запах плесени и мышей. Только однажды, сблизив головы, антоновцы шепотом договорились, чтобы живыми не сдаваться. Слышно было, как наверху стучали сапоги красноармейцев. “Туточки воны, идесь у сэли... Конэй побросалы да поховалыся, — донесся до нас басовитый украинский говор, — шукаты треба”.

Красные обыскали в деревне все дома. Особенно старательно искали у кулаков. Им было невдомек, что тайник антоновцев находился в избушке самой бедной крестьянки.

Хозяйка дома, конечно, молчала. Она хорошо знала, какая страшная кара ждет любого, кого антоновцы обвинят в предательстве (а может быть, крестьянка просто сочувствовала антоновцам и не желала их выдавать красным? Ведь если бы красноармейцы нашли у нее спрятавшихся антоновцев, то наверняка расстреляли бы всю семью. — Б. С.).

Когда я сидел вместе с антоновцами в этой дыре, я с обидой думал, что если нас обнаружат, то свои же застрелят и меня.

При моем передвижении по территории антоновцев был случай, когда со мной не оказалось сопровождавшего меня Ишина. Он должен был остановиться по какому-то делу, и дальше я поехал только с телохранителями. Эта поездка чуть было не кончилась гибелью.

Как только мы въехали в село, нас окружили вооруженные вилами и охотничьими ружьями крестьяне. Ставив с лошадей, они повели нас к оврагу для расстрела.

Мы упирались, стараясь перекричать эту гомонящую толпу. Я говорил им, что я — “член ЦК”, но они ничего не хотели слушать. Уже у самого оврага толпу остановил случайно оказавшийся здесь антоновский командир, который знал меня в лицо. Матюкаясь и размахивая плетью, он освободил нас и проводил до села.

Оказалось, в каждой мятежной деревне существовали так называемые отряды самообороны. Этим отрядам Антонов дал строгие указания: не впускать в село чужих людей, небольшие отряды красных разоружать, бойцов истреблять, о больших соединениях немедленно сообщать в штаб.

Меня и моих телохранителей приняли за разбезд красных и намеревались расправиться с нами.

С каждой новой поездкой передо мной все больше вырисовывалась общая картина антоновского мятежа. Он представился туго смотанным, перепутанным клубком, где сплелись и эсеровщина — вдохновительница и организатор восстания, и недовольство крестьян продразверсткой, усугубленное опять-таки эсеровской пропагандой, что “продразверстка будет вечно”, что “землю вам дали, а хлеб с нее будут забирать большевики”, и жесточайший террор.

Из уст самих антоновцев мне приходилось слышать рассказы о демобилизованных красноармейцах, вернувшихся в села после войны с белополяками. Им немедленно предлагали вступить в “партизанскую армию”. Тех, кто отказывался, безжалостно рубили, остальные под страхом смерти шли служить к Антонову. Показывали пепелища — все, что осталось от изб людей, сочувствовавших Советской власти.

Всюду, куда бы я ни приезжал, видел одно и то же: кровь, слезы, гарь, разруху крестьянского хозяйства, тысячи обманутых, втянутых в антоновскую авантюру людей. И у меня все больше кипела ненависть к главарям мятежа, усиливалось желание как можно быстрее вывезти их в Москву и тем обезглавить антоновщину. Для выполнения этой основной задачи я старался использовать любую возможность.

Главарь мятежа все время жаловались мне на то, что испытывают острую нужду в оружии. Я воспользовался этим и дал указание отобрать самых надежных боевиков для поездки за оружием: 20 человек — в Тулу, 20 человек — в Воронеж. Выделили наиболее отъявленных головорезов. Группы эти поехали в разное время. Тузинкевич встречал их и сопровождал в Тамбов. Оттуда одна группа в сопровождении чекистов отправилась в Тулу через Москву, где и была арестована. Другая в сопровождении Тузинкевича направилась в Воронеж, где также была арестована.

Собранные мной разведывательные сведения о дислокации частей армии Антонова, ее вооружении и моральном состоянии, об антоновских агентах в тамбовских советских учреждениях я немедленно через Тузинкевича передавал в Тамбов.

Однако основная задача — вывоз Антонова из расположения его отрядов по независящим от меня обстоятельствам оказалась невыполнимой. О создавшейся обстановке мне нужно было лично доложить руководству ВЧК и получить указания, что делать дальше. С этой целью в первой половине июня я на два дня выезжал в Тамбов. Свою поездку я объяснил антонов-

цам необходимостью получить “указания ЦК” путем телефонных переговоров на условном языке.

На мой запрос из ВЧК ответили: директива прежняя, надо принимать все меры для встречи с Антоновым и вывоза его в Москву.

— А что же делать, если мне так и не удастся отыскать Антонова и встретиться с ним? — спросил я.

— В таком случае надо постараться вывезти в Москву самых главных подручных Антонова.

Мне было дано право принять для этого все меры, какие я найду нужными. Еще мне было сказано, чтобы, уезжая обратно к антоновцам, я долго у них не задерживался по следующим причинам.

Посланные мною в Москву Федоров и Донской больше в Тамбов не возвратятся. Они арестованы в Москве. Не возвратятся также арестованные сорок боевиков-антоновцев, посланные для “получения оружия”. Это может вызвать подозрения (ведь посылал-то их я). Поэтому мне нужно спешить с возвращением.

Вторая, и самая главная причина, по которой я должен был спешить, заключалась в том, что к концу июня — началу июля 1921 года командованием Красной Армии был приурочен полный военный разгром антоновщины.

Все чекистские действия необходимо было закончить к этому времени. Чекистская операция должна была дать для командования Красной Армии сведения о дислокации и вооружении бандитских формирований.

По возвращении к антоновцам моя деятельность стала еще более активной. Ссылаясь на директивы центра, я дал указание о созыве губернского съезда “Союза трудового крестьянства” и командного состава антоновцев, с тем чтобы избрать нужных мне делегатов для направления в Москву на “всероссийский съезд повстанческих армий и отрядов”. В то же время я продолжал выяснять возможность встречи с Антоновым. Положение, однако, нисколько не изменилось: о главаре мятежников ничего слышно не было.

Созвать губернский съезд оказалось делом нелегким.

Части Красной Армии все туже и туже стягивали огненное кольцо, то и дело приходили сообщения о боях банд с красноармейскими отрядами.

Во все концы территории, занятой антоновцами, полетели верховые гонцы с извещениями о предстоящем съезде и о посылке делегатов на него.

Съезд созвали в последних числах июня, состоялся он на опушке леса близ села Хитрова. На съезд собрались политиче-

ские руководители антоновцев и представители командного состава. Самого Антонова на съезде не было. Как мне говорили, он все еще не выздоровел.

За шатким столом, вынесенным из избы лесника, расположился президиум: я, Егор Ишин, Иван Матюхин, заместитель начальника “Главоперштаба” (начальником считался сам Антонов) Павел Эктов. Секретарем съезда был адъютант Матюхина, бывший учитель Муравьев (не знавший, что он мой однофамилец: антоновцы знали меня под фамилией Петрович). На лужайке в разных позах расположились вооруженные участники съезда.

Открыл съезд Ишин и сразу же предоставил мне слово для доклада “О международном и внутреннем положении”.

Сделать такой доклад мне было нетрудно. В продолжение нескольких лет приходилось сотни раз делать доклады на эту тему.

В докладе для антоновцев нужно было только заострить положения и формулировки в сторону, желательную антоновцам.

После доклада начались выступления делегатов с мест, в которых делались сообщения о положении в том или ином районе. Я все время задавал выступающим вопросы, ответы на которые уточняли состояние антоновщины в различных районах. Секретаря съезда я просил как можно подробнее записывать выступления делегатов с мест (ВЧК должна получить самое полное представление о положении у антоновцев).

В своих выступлениях делегаты просили меня поставить перед ЦК вопрос о помощи им оружием и присылкой отрядов повстанцев из других областей страны. Я обещал им это сделать.

— В ЦК, — говорил я, — есть договоренность с Нестором Махно о присылке отрядов его армии в Тамбовскую губернию. Он хотя и анархист, но по всем вопросам сотрудничает с эсерами как главной антибольшевистской силой. Я ускорю присылку к вам первого боевого отряда Махно.

Делегаты съезда одобрительно встретили это мое заявление.

Были приняты резолюции, в которых ясно выражалась антисоветская сущность антоновщины.

Протоколы и резолюции съезда, написанную по моему указанию “Историю антоновского движения” и другие материалы при отъезде в Москву я взял с собой “для ЦК” и сдал в ВЧК.

Когда началась самая ответственная часть съезда — выборы делегатов, меня чуть было не постигла неудача.

Все выдвигаемые кандидаты под разными предлогами отказывались от поездки на съезд. Одно дело находиться на сво-

ей территории, под охраной бандитских штыков, а другое — поехать в Москву: ведь там ЧК!

Создавшееся положение сильно озадачило меня. Я некоторое время соображал, что же делать, какие меры предпринять, чтобы выполнить свою задачу. Выход был один — разыграть роль грозного эмиссара Центра.

Но я не только играл роль разгневанного “члена ЦК”. Я и на самом деле был до крайности разгневан: срывалось выполнение основной моей задачи.

Я грохнул кулаком по столу и повышенным тоном заявил:

— Так вы же трусы! Вы срываете объединение всех антибольшевистских сил в стране. Если это произойдет, мы обявим вас дезертирами и изменниками. — Делегаты съезда сидели не шелохнувшись. — Так как вы не можете договориться о посылке делегатов на съезд, я, как “член ЦК”, на основании данных мне полномочий и в интересах дела отменяю выборы и назначаю делегатами на съезд Ишина и Эктова...

Съезд одобрил мое решение. Ишин и Эктов без всяких возражений подчинились моему приказу.

Съезд закончил свою работу вечером.

На следующий день (в один из последних дней июня) я, Ишин и Эктов в сопровождении 20 отборных бандитов, взятых нами для “получения оружия”, верхом двинулись в сторону Тамбова. Ехали лесными тропами, с опаской: того и гляди нарвешься на разъезд красных. Выехав из леса, оставили лошадей и в город вошли небольшими группами.

В Тамбове собрались в условленном месте, находившемся под негласной охраной чекистов. Сославшись на необходимость переговорить с Москвой по телефону, я поспешил к полномочному представителю ВЧК и доложил о выполнении задания.

— Чисто сделано. Замечательно, товарищ Муравьев! — обрадовался тот.

Действительно, вывезти из расположения банд первого политического руководителя антоновцев Ишина и одного из главных военных руководителей мятежа Эктова — это была большая удача.

Вернувшись к антоновцам, я застал там молодого вихрастого Петьку, который вручал “делегатам” и посланцам за оружием документы и железнодорожные билеты. Бандиты и не подозревали, что Петька — порученец полномочного представителя ВЧК.

Путь от Тамбова до Москвы проделали без происшествий.

С вокзала в Москве я позвонил в отдел по борьбе с контрреволюцией ВЧК Т. Д. Дерибасу. О предстоящем нашем при-

езде он уже знал и поручил мне отправить Ишина и Эктова на конспиративную чекистскую квартиру.

Явившиеся на вокзал сотрудники ВЧК повезли группу боевиков в учреждение, от работников которого якобы зависело получение оружия. Привезли они их на Лубянскую площадь в комендатуру ВЧК и арестовали.

Я отправился в ВЧК и доложил о результатах полуторамесячного пребывания у антоновцев.

Ишину и Эктову сказали, что на “всероссийский повстанческий съезд” они опоздали. Он закончил свою работу, и его участники разъехались по местам. Но съезд избрал “центральный повстанческий штаб”, которому Ишин и Эктов должны сделать доклад.

Вечером в тот же день на конспиративной чекистской квартире в районе Цветного бульвара состоялось заседание “центрального повстанческого штаба”. Председательствовал член коллегии ВЧК А. Х. Артузов, секретарем был Т. Д. Дерибас. На заседании было человек пятнадцать.

Сначала было заслушано мое сообщение о поездке к антоновцам, о созыве у них губернского съезда, о решениях съезда и выборе двух делегатов на “всероссийский съезд”. Этих делегатов — Ишина и Эктова — я и представил “штабу”. После этого слово для доклада о положении на территории антоновцев, об их борьбе против большевистской власти и о задачах, которые они себе ставят на ближайшее время, было предоставлено Ишину, а для содоклада — Эктову. Докладчики обстоятельно осветили обстановку и положение антоновщины. Их доклады подробно записывались. Члены “штаба” задали докладчикам много вопросов. Вопросы задавал им и я, для того чтобы “делегаты” в присутствии работников ВЧК рассказали то, что мне казалось интересным для характеристики антоновцев и их контрреволюционной деятельности. Ишин рассказал, каким жестоким, страшным мучениям мятежники подвергали захваченных в плен коммунистов и красноармейцев.

После заседания “штаба” Ишин и Эктов были арестованы. В лице Ишина был обезврежен один из главных руководителей антоновщины. Это был злобный, непримиримый, нераскаившийся враг Советской власти. Он был расстрелян.

По-другому обстояло дело с Эктовым, которого Шмерлинг описывает следующим образом: «Этот человек с круглой окладистой бородой и с вкрадчивыми, вежливыми манерами был одним из ярых вдохновителей бандитов. Во время следствия Эктов, признавший полностью свою вину и раскаявшийся,

дал обширные показания. Ценность показаний определялась тем, что Эктов, числившийся в должности помощника начальника «Главоперштаба» антоновцев, фактически был начальником штаба. Он разрабатывал планы боевых операций, составлял оперативные приказы и хорошо знал командный состав антоновцев. Учитывая чистосердечное раскаяние Эктова и ценность данных им показаний, Ф. Э. Дзержинский высказался за помилование Эктова, что и было сделано.

После этого Эктову поручили принять участие в выполнении важного задания по разгрому последней крупной антоновской банды под командованием Ивана Матюхина».

Евдоким Федорович Муравьев потом много лет заведовал кафедрой в МГУ, преподавал научный атеизм. Умер он в 1980 году, в возрасте 84 лет, пережив, наверное, всех участников операции по поимке главарей антоновцев.

Добавим, что игравший роль главы Центрального повстанческого штаба член коллегии ВЧК А. Х. Артузов и выступавший в качестве секретаря штаба начальник 4-го отделения Секретного отдела ВЧК Т. Д. Дерibas не пережили Большой террор 1937—1938 годов.

Для заключительной части операции, в которой главную роль должна была сыграть бригада Котовского, Эктова под конвоем привезли в Тамбов. Под диктовку Котовского Эктов написал Матюхину: «Мы, кубанцы и донцы, разгромленные на юге Красной Армией, прорвались и ищем тебя для того, чтобы совместно действовать против советской власти. Укажи место, где мы встретимся. Эктов с нами». Письмо подписали мифический «войсковой старшина Григорий Иванович Фролов» и вполне реальный штабс-капитан Павел Тимофеевич Эктов. Матюхин хорошо знал Эктова и поверил ему. Договорились о встрече у села Дмитровское-Кобылянка, куда через несколько дней должен был выйти отряд Котовского-«Фролова».

Эта операция против Матюхина, пожалуй, стала самой успешной операцией Котовского в годы Гражданской войны. Ее маскарадная стихия была близка Григорию Ивановичу, немало внимания уделявшему переодеванию в представителей самых разных сословий в годы своей бандитской юности. Операция по захвату Матюхина имела больше общего с налетом на помещичье имение, чем с настоящей боевой операцией, хотя и превосходила по масштабу разбойничьи нападения «атамана Ада». Здесь главный упор делался на хитрость и умение разыграть роли бойцов и командиров повстанческого отряда «атамана Фролова».

Перед началом операции Котовский предупредил своих бойцов: «Товарищи, революция поставила перед нами новую задачу — мы должны перехитрить врага и взять его разом. На время мы будем не красноармейцы, а повстанцы с Дона и Кубани, казаки. Я вам не Котовский, а атаман Фролов. Командиры и комиссары полков — есаулы. При входе в избы осеняйте себя большим крестом».

Бойцы 1-го полка превратились в донских казаков, из околышей фуражек нашили себе красные лампасы, а бойцы 2-го полка, став «кубанскими казаками», надели бараньи шапки и папахи. Красноармейцы стали носить винтовки по-казачьи, через правое плечо. Вот с лошадьми была проблема. Казаки коням хвостов не стригли, а в Красной армии стригли. Естественно, в одночасье превратить стриженные конские хвосты в нестриженные не было никакой возможности. Оставалось надеяться, что матюхинцы поверят, что фроловцы сражаются большей частью на трофейных лошадях, или в темноте не обратят внимание на подозрительных лошадей.

Был организован «потешный» бой, в ходе которого «отряд Фролова» прорвался через заслон красной пехоты и конницы и занял Кобылянку. Ряженные «казаки» на чем свет стоит ругали коммунистов и грозились поотрывать головы всем красным.

Котовскому предстояло сыграть роль атамана Фролова, с которым котовцам уже приходилось сражаться в период отражения последнего похода армии УНР. Шмерлинг в биографии Котовского утверждал: «Котовский и раньше слышал о Фролове — сыне известного царского генерала, окончившем до революции военную академию».

Однако реальная биография атамана Михаила Федоровича Фролова значительно отличалась от той, что нарисовал биограф Котовского. Он родился 13 ноября 1897 года в станице Новочеркасской в семье донского казака — директора гимназии. Возможно, отец Фролова и был действительным статским советником, что соответствовало званию генерал-майора, но казачьим генералом он точно не был. В Первую мировую войну Михаил Фролов был храбрым офицером, в Гражданскую войну дослужился до чина есаула, был помощником командира 42-го Донского полка. Но он ни в какой академии никогда не учился, а окончил гимназию и Новочеркасское военное училище. Весной 1920 года полк Фролова отступил вместе с отрядом генерала Н. Э. Бредова в Польшу. Там Фролов с группой казаков присоединился к армии УНР под названием 42-го Донского казачьего конно-партизанского отряда. В его состав

также влилась конная сотня кубанцев сотника Юркевича. Затем отряд был развернут во 2-й конный полк в составе 2-й стрелковой дивизии Александра Удовиченко, а Фролов произведен в сотники армии УНР, что примерно соответствовало капитану Российской императорской армии и есаулу казачьих войск. Но под его началом было всего 300 человек. В июне 1920 года 2-я дивизия была переименована в 3-ю «железную» дивизию. В сентябре 1920 года Фролов был произведен в полковники. В этом месяце полк Фролова действовал особенно успешно, нанеся большие потери отступавшей из Галиции красной пехоте и захватив советский бронепоезд. Фроловцы почти полностью уничтожили 420-й стрелковый полк. В октябре при взятии села Щербывцы полковник Фролов был ранен в руку, но остался в строю. К этому времени полк насчитывал до тысячи бойцов, но 90 процентов их составляли украинцы. Лишь первая сотня полка состояла из донских и кубанских казаков.

В советской историографии и в ряде биографий Котовского утверждалось, что в дальнейшем М. Ф. Фролов пробрался из Польши на Дон и Кубань и там сколотил партизанский казачий отряд, дравшийся против красных. Незадолго до того, как бригада Котовского отправилась на борьбу с Антоновым, «кубано-донской повстанческий отряд» Фролова якобы был разбит, а сам атаман схвачен и расстрелян.

В действительности М. Ф. Фролов на Дон и Кубань не возвращался, а в 1921—1922 годах в Польше вместе с членом Кубанской рады Иваном Билым основал и редактировал газету «Казачий голос». Позднее он переехал в Чехословакию, в Прагу, где стал одним из основоположников движения Вольного казачества, пытавшегося объединить казаков Дона, Кубани и Терека под лозунгом создания Союзного казачьего государства в результате восстания и вооруженной борьбы с большевиками. В 1927 году вместе с И. А. Билым на субсидии польского правительства он начал издавать журнал «Вольное казачество — Вильне козацтво». Умер Михаил Фролов от туберкулеза в чешском городе Литомышле 11 июля 1930 года, на пять лет пережив Котовского. Не знаю, читал ли он статью Котовского о том, как красный комбриг выступал в роли атамана Фролова. Кстати сказать, Михаил Федорович, похоже, никогда не имел чина войскового старшины, который присвоил себе Котовский, когда выступал в образе «атамана Фролова». Между прочим, М. Ф. Фролов был моложе Котовского на 16 лет. Можно предположить, что слухи об успехах несуществующего повстанческого отряда атамана Фролова на Дону и

Кубани специально распускались чекистами в расчете, что они дойдут до антоновцев и облегчат Котовскому выполнение задачи по уничтожению отряда Матюхина. На счастье Григория Ивановича, никто из антоновцев настоящего Фролова в лицо знать не мог. Сам же Михаил Федорович, если и узнал, как ловко Котовский воспользовался его именем, то только после того, как все уже давно было кончено.

Котовский вспоминал: «Это было в июле 1921 года, когда моя бригада численностью около 500 сабель находилась в Тамбовской губернии и боролась с бандитской шайкой Антонова. Главные силы Антонова уже были разгромлены, и для наших последних ударов оставались мелкие шайки отъявленных бандитов в 15—20 человек, которые скрывались в густых Тамбовских лесах.

Но среди этих незначительных бандитских групп была и крупная банда — 4-я группа, состоявшая из 14-го и 16-го бандитских кавалерийских полков. Командовал этой группой Иван Матюхин.

Уничтожение этой крупной банды и являлось последней боевой задачей моей бригады в Тамбовской губернии.

Вот как она была решена.

В начале июля я был срочно вызван в штаб командующего армией Тухачевского. В это время туда же был привезен из Москвы бывший начальник штаба антоновских войск Эктон. Он был захвачен в плен и содержался в Москве в ВЧК. В штаб армии его привезли для использования в деле борьбы и уничтожения антоновщины. Вместе с чекистами мы разработали план захвата и уничтожения банды при помощи ее бывшего начальника. Осуществление этого плана я начал немедленно.

Ночью 12 июля под охраной одного моего полуэскадрона бывший начальник штаба антоновских войск Эктон был перевезен в полевой штаб моей бригады.

В ночь на 19 июля я взял эскадрон своей бригады, приказал части его переодеться в крестьянское платье и вместе с Эктовым выехал в одно из сел у большого и частого леса, в котором скрывалась 4-я бандитская группа в 450 сабель.

В село мы прибыли на рассвете и объявили себя казаками из «кубанско-донской повстанческой армии». Мы говорили, что прорвались из Кубани и Дона под командой войскового старшины Фролова и явились в Тамбовскую губернию для соединения с повстанцами Антонова.

Днем нами была установлена связь с бандитами из 4-й группы Матюхина. Кулацкое село было целиком заражено антоновщиной и, поверив нам, оказывало нам энергичное содействие.

Связь установили через бандитскую “милицию”, начальником которой в этом районе являлся брат командира 4-й бандитской группы Василий Матюхин.

С ним у меня встреча состоялась ночью, в лесу.

На полянку к дому лесника из леса выехало около восьмидесяти бандитских “милиционеров”. У дома стоял мой эскадрон. Вместе с бывшим начальником штаба Эктовым я подошел к начальнику бандитской “милиции” Василию Матюхину и представился как командир “кубанско-донского повстанческого отряда” войсковой старшина Фролов.

Эктов, которому было предложено подтверждать все наши заявления, сказал, что я действительно войсковой старшина Фролов и что мы действительно казаки из “кубанско-донской повстанческой армии”.

Начальнику “милиции” Василию Матюхину я передал письмо для его брата Матюхина. В этом письме я просил о встрече с ним и предлагал соединиться для совместной борьбы против Советской власти. Под конец нашей встречи мы пожали друг другу руки и мирно разъехались, сговорившись встретиться 20 июля, на рассвете, в одном из ближайших к лесу сел.

В это село для соединения с моей бригадой 14-й и 16-й бандитские кавалерийские полки должны были явиться под командой самого Ивана Матюхина вместе с командованием и “политотделом”.

На рассвете, обходя расположение наших пехотных частей, мы вернулись к своей бригаде. Ввиду того, что некоторая часть железнодорожных служащих, в особенности телеграфа и телефона, сочувствовала Антонову, было решено вести операцию в строгой тайне и никому никаких сводок и донесений не высылать. О моем плане, кроме командующего армией Тухачевского и особоуполномоченного ВЧК, никто не знал. Мы вели себя осторожно и осмотрительно. О движении нашей бригады не знали и наши пехотные части.

Днем мной был созван командный и политический состав всей бригады, было приказано уничтожить все значки и спрятать знамена, 1-му полкушить красные лампасы, а 2-й полк одеть в бараньи шапки и папахи. О присутствии среди нас пленного начальника штаба антоновских войск Эктова никто не знал. Он спокойно расхаживал по расположению полков, на поясе у него висел незаряженный наган. Около него, не отходя ни на шаг, всегда находилось пять чекистов.

Ночью 19 июля моя бригада в полном составе без артиллерии, но с пулеметами выступила из своего расположения. За селом она была построена, и я сообщил о том, что с этого мо-

мента она, бригада Котовского, становится “кубанско-донским повстанческим отрядом”, который прорвался в Тамбовскую губернию для соединения с бандами Антонова.

В своей речи я дал указание, как надо вести себя бойцам бригады в том селе, в котором должна была произойти наша встреча.

На рассвете, 20 июля, мы прибыли в село, находившееся в пяти верстах от того леса, в котором скрывалась банда Ивана Матюхина. Село мы оцепили заставами и никого из него не выпускали. С нашими пехотными частями, которые стояли в семи верстах от села, мы, ради сохранения строгой тайны, в связь не вошли.

В селе на явочной квартире бандитов нам удалось установить, что часа за два до нашего прибытия в селе находился сам командир 4-й бандитской группы Иван Матюхин, который оставил мне письмо.

Мы старались скорее получить это письмо, но оказалось, что оно находилось у четырех отборных бандитов, которые не доверяли нам и скрывались в глубокой ложине за селом. Пришлось затратить целый день на переговоры через особых посланцев, чтобы убедить их, что мы свои.

К 5 часам вечера бандиты согласились встретиться, но потребовали, чтобы я, войсковой старшина Фролов, выехал к ним только с бывшим начальником штаба антоновских войск Эктовым, и предупреждали, что, если нас явится больше, они письма не дадут и уйдут от нас в лес.

Эктов был освобожден из-под охраны чекистов и посажен на самую скверную в бригаде лошадь. Выехав с ним в поле, я сказал ему, что всякая попытка к бегству или разоблачение меня грозит ему немедленным расстрелом.

Верстах в двух-трех от села к нам подъехали четыре здоровенных, вооруженных до зубов бандита. Как потом выяснилось, это были командиры бандитских дивизионов.

Пожимая нам руки, они вручили нам письмо своего командира Ивана Матюхина и поехали вместе с нами в село, в котором разместились моя бригада. Пропуск у нас был бандитский. В тот день пропуск был “Киев — Корсунь”.

Въехали в село, вошли в явочный бандитский дом богатого кулака, имевшего две паровые мельницы. Я распечатал письмо. Из него выяснилось, что Иван Матюхин приглашает нас пожаловать для соединения в лес, считая для себя небезопасным вылезать из него.

Исходя из того, что каждая лесная тропинка известна бандитам, я понял, что матюхинская банда, в случае нашей атаки на

нее, уйдет от нас и боевая задача нашей бригадой не будет выполнена. Поэтому я решил обратиться к Ивану Матюхину с новым письмом. В этом письме я писал, что его боязнь выйти из леса я считаю трусостью и что мне со своим отрядом, имеющим пулеметы на тачанках и большой обоз, трудно будет двигаться лесом. Я настаивал на прибытии Матюхина со своей группой этой же ночью в село, откуда мы и начнем совместные действия против красных частей. Письмо это было подписано мною и Эктовым и отослано Матюхину с комиссаром одного из наших полков Захаровым, командиром взвода Симоновым и одним из четырех бандитов, передавших мне письмо от Матюхина.

Когда наши посланцы отправились, оставшиеся три бандита захотели ознакомиться с состоянием нашей кавбригады. В этом им нельзя было отказать, и мы пошли к бойцам. От осмотра бандиты пришли в удивление и восторг. Они возбужденно и с некоторой завистью говорили, что все наши бойцы по своей выправке, молодцеватости и геройскому виду больше похожи на офицеров, чем на солдат. После этого осмотра мы вернулись в штаб моей кавбригады. На столе за это время появился самогон, жареные куры и баранина. У бандитов от самогона развязались языки, и они стали хвастаться тем, как расправляются антоновцы с красными. Захлебываясь от пьяного восторга и наслаждения, они говорили, что пленных красноармейцев, которые попадают к ним, они не рубят и не расстреливают, а выкручивают им головы. Они хвалились тем, что их командир Иван Матюхин славится своей свирепостью, что у них нет пощады и что каждого красноармейца ждет мучительная смерть. В своей пьяной беседе они стали называть нам свои явки, места, откуда получают оружие, подковы и всё, что необходимо для вооруженной борьбы. Мы сидели, разговаривали и всё наматывали себе на ус. Вместе с нами был и Эктов, он, бедный, больше молчал. Не раз бывшие с нами мои командиры брались за шашку, чтобы отрубить бандитские головы, но железная дисциплина, сознание предстоящей работы и необходимость решения нашей боевой задачи сдерживали их, отдаляли от бандитов справедливую кару.

Уже 12 часов ночи, а наши посланцы еще не вернулись из своей опасной поездки. Беспокоюсь и за выдержку своих бойцов. Нужно быть очень осторожным и выдержанным, чтобы каким-нибудь случайным словом не выдать себя. Но все бойцы, как один, держат себя в руках. Нет слова “товарищ”, есть слово “станичник”, нет ни одного движения и взгляда, в котором можно было бы не только разоблачить, но даже заподозрить красного бойца.

В три часа ночи наши посланцы вернулись с ответом Ивана Матюхина. В нем сообщалось, что 14-й и 16-й полки во главе с командованием и “политотделом” под командой самого Ивана Матюхина стоят от села в двух верстах и что Матюхин, желая убедиться в нас, требует, чтобы я явился к нему для личных переговоров только с Эктовым.

Стоило Эктову или открыто заявить, что я Котовский, или сделать даже одно только предупреждающее об опасности движение, и я мог быть схвачен и убит, но выхода не было, начатое дело надо было доводить до конца, хотя бы и ценой своей жизни.

Я оседлал своего испытанного Орлика и поехал к Ивану Матюхину с Эктовым и двумя товарищами, отвозившими мое второе письмо.

Выехав из села, я сказал Эктову, что я трезво учитываю положение, вероятным выходом из которого считаю смерть, отдаю отчет в своих действиях и на безумный шаг иду сознательно. Вместе с тем я заявил ему, что при первой же попытке предательства он будет мною немедленно убит. Дальше я ему сказал, что в тот момент, когда мы будем подъезжать к бандитам, он не должен отрываться от меня ни на одну секунду и я должен чувствовать его стремя своим, иначе его ждет немедленная смерть.

...Из темноты выскочила группа всадников, около 50 человек, они окружили нас и стали радостно пожимать руку Эктову. Едем дальше вместе. Впереди видим большую группу всадников, вытянутую колонной по шесть.

Подъезжаем к небольшой кучке командного и “политического” состава, впереди здоровый, рослый мужчина с зверообразным лицом и свирепыми глазами. Около него человек тринадцать — пятнадцать, командиры и “комиссары” группы.

Почин разговора и действий беру себе. Подъезжаю к Ивану Матюхину, крепко жму ему руку и начинаю упрекать в том, что он теряет дорогое время на пустые разговоры, вместо того чтобы бороться против красных частей.

Резко поворачиваю лошадь и приглашаю следовать за собой. Раздается команда: “Справа по три, шагом марш!” — и банда трогается.

Едем, слева от меня едет командир 4-й группы Иван Матюхин, справа Эктов, сзади весь командный и “политический” состав антоновской банды. Окидываю быстрым взглядом Эктова и вижу выражение мучительной внутренней борьбы. Брошаю на него короткий угрожающий взгляд и сильно нажимаю на его ногу — этим напоминаю о своем обещании убить его

при первой попытке предательства. На боку у меня висит маузер, застегнутый наглухо, в правом кармане наган, на взводе которого лежит мой палец. Нервное напряжение огромно, но силой воли держу себя в руках и веду спокойный серьезный разговор. Раздается окрик одной из наших застав: “Стой! Кто едет?” Отвечаем: “Киев”. Начальник заставы спрашивает отзыв (на самом деле пароль. — Б. С.). Отвечаем: “Корсунь”.

Втягиваемся в село. Иван Матюхин спрашивает, как организовано охранение, останутся ли за селом заставы.

Вместо ответа говорю, что об этом лучше всего спросить одного из тех бойцов, которые привезли от него письмо и видели наши охранения. Боец оказался рядом и отвечает, что к нам и муха не пролетит, а не то что пролезут красные. Матюхин успокаивается; отдается распоряжение об отводе бандитов по квартирам. Квартирьеры это делают очень любезно. Когда бандиты были расставлены по домам, мы, командный и “политический” состав Ивана Матюхина, едем в другую сторону села, где я разместил свой штаб.

Около моего штаба стоит полуэскадрон одного из наших полков. Мы подъезжаем и спешиваемся, бандитов “радостно” приветствуют наши бойцы.

Командный и “политический” состав банды с Матюхиным во главе входит вместе со мной в штаб. Хозяин дома радостно приветствует их, и стол заставляется богатым угощением. Появляется и обожаемый бандитами самогон.

После обильной закуски открываем совещание, на обсуждение которого ставим вопрос борьбы с Советской властью. Совещание открываю вступительной речью я, после даю слово одному из наших комиссаров — Борисову, который зачитывает выдуманную и написанную нами резолюцию никогда не бывшего “всероссийского совещания повстанческих отрядов и организаций”. Трескучая резолюция — красивый набор слов. Борисов, представленный мною членом партии левых эсеров, немного волнуется.

Беру слово опять себе и на основании резолюции говорю о необходимости отказа от открытой вооруженной борьбы с Советской властью и перехода в подполье. Матюхин высказывается против и ближайшей своей задачей ставит свержение Советской власти в Тамбовской губернии.

В дальнейшем разговоре я стараюсь получить сведения о месте нахождения контуженного во время одного из боев Антонова, но об этом никто из бандитов не знает. Иван Матюхин заявляет, что теперь он станет во главе движения против Советской власти, так как его хорошо знает и за ним пойдет вся

Тамбовская губерния. Он стучит кулаком по столу, злобно рычит о том, что уничтожит “коммунию”. Его командиры и “политический” состав ведут себя сдержанно, но всё время приглядываются ко мне и прислушиваются к каждому моему слову.

Начинает светать, и я начинаю подводить игру к ее неизбежному и необходимому концу. Говорит Гарри, вышедший со мной из Бессарабии. Он хороший оратор, по внешности типичный махновец. В ярких красках он описывает геройские подвиги махновцев. Бандиты слушают с затаенным дыханием и горящими кровью глазами. Иван Матюхин кричит, что сегодня же он начнет наступление против красных и через короткое время создаст новую армию в 10 тысяч человек.

После его слов я поднимаюсь из-за стола, вынимаю из кармана наган и стучу им о стол. Вместе со мною поднимаются наши командиры и комиссары, поднимаются и бандиты.

Наступает последний момент нашего совещания, за которым на бандитов должен немедленно обрушиться справедливый гнев. Рукоятки револьверов и сабель судорожно сжимаются пальцами.

В это время я крикнул: “Долой комедию! Расстрелять эту сволочь!” И в тот же момент направил дуло своего нагана в Ивана Матюхина. У всех бандитов страшный перелом, переход от радости к безумному ужасу, особенно охватывает он Матюхина, человека-зверя, выкручивавшего красноармейцам головы. В ужасе он закидывает назад голову и закрывает ее обеими руками. Я хочу убить его, но новый наган дает подряд три осечки. В это время раздается залп со стороны моих командиров, и несколько убитых бандитов падают на пол. Я бросаю свой наган, отскакиваю к стене и начинаю отстегивать свой маузер.

Из-под стола, где успел спрятаться один из бандитских “комиссаров”, раздается выстрел, и пуля раздробляет мне правую руку у плеча. Несмотря на боль, всё же не теряю почину действий, и через несколько секунд все бандиты расстреляны. Выбегаем на двор, захватываем бандитскую охрану.

Пока мы “совещались”, оба наши полка и пулеметная команда успели окружить село, и через какой-нибудь час после ожесточенной пулеметной и винтовочной стрельбы банда была уничтожена.

Боевая задача нашей бригады в Тамбовской губернии была разрешена; самая крупная и отборная банда была ликвидирована. Небольшие бандитские шайки охватил ужас, и они сдавались нам на милость, являясь с лошадьми и оружием.

Вскоре после тамбовской операции моя кавбригада была снова переброшена на Украину.

Эктов был помилован Советской властью и отправился к своей семье».

Комиссар бригады Котовского Петр Александрович Белов так описал разгром банды Матюхина: «...По договоренности между нами последним должен был выступить Котовский, и взмах его руки — послужить сигналом. И вот Котовский берет последнее слово. Он встает, на лице его заметна бледность. Владеть собой он умел, но здесь и он волновался... Как только он заговорил, все мы невольно сжали рукоятки револьверов, каждый знал, в кого он будет стрелять. Мы в этот момент смотрели только на Котовского, ожидая условного знака — взмаха левой руки. Вдруг Котовский громовым голосом крикнул: “Мы — бригада Котовского, и пришли вас, бандитов, уничтожить!” И, не успев закончить фразу, выхватил наган и направил его в Матюхина. Спустил курок. Осечка. Второй раз. Осечка. Вдруг выстрел. Котовский стал медленно оседать на скамейку... Одновременно с выстрелом все остальные наши дали залп. А потом все смешалось».

Иван Матюхин свой шанс не упустил, сумев сбежать из Кобылянки. А Котовский за осечку нагана поплатился тяжелым ранением, чуть было не сделавшим его инвалидом.

Павел Тимофеевич Эктов, бывший штабс-капитан и бывший начальник штаба Антонова (формально он считался заместителем начальника «Главоперштаба», так как начальником «Главоперштаба» считался сам Антонов), стал героем рассказа Александра Солженицына «Эго». Хотя, отмечу сразу, биографию его и отчество (в рассказе он Васильевич) Александр Исаевич изменил, из офицера сделав сельским кооператором и заставив чекистов арестовать его на Тамбовщине, тогда как на самом деле чекисты заманили его в Москву на заседание мифического «Всероссийского съезда повстанческих армий и отрядов», где и арестовали. Да и должность у героя рассказа поскромнее — помощник командира полка особого назначения при штабе армии. На эту должность реальный Павел Тимофеевич Эктов был назначен 16 января 1921 года, но уже 23 января стал командиром этого полка, а затем дорос до заместителя самого Антонова.

Из рассказа выясняется, что предал он антоновцев не по подлости, а потому, что таким образом хотел спасти жену и дочь, которых в противном случае обещали расстрелять. Солженицын пишет: «Великий рычаг применили большевики: брать в заложники семьи...

Пожертвовать женой и Маринкой, переступить через них — разве он мог??

За кого еще на свете — или за что еще на свете? — он отвечает больше, чем за них?

Да вся полнота жизни — и были они.

И самому — их сдать? Кто это может?!»

У Солженицына Этков — не «ярый вдохновитель бандитов», а такая же, в сущности, жертва Гражданской войны, как и преданные им матюхинцы.

Это трагический выбор Гражданской войны — или пожертвовать жизнью не только своей, но и своей семьи, или предать товарищей по борьбе. И Котовский ставил людей перед этим выбором. В своем рассказе о ликвидации группы Матюхина Котовский не упоминает о том, что шантажировал Эктова его семьей. Но простодушный Шмерлинг приводит в биографии Котовского такой разговор комбрига с Эктовым, очевидно, опираясь на свидетельства Ольги Петровны и других котовцев: «Котовский медленно застегивал пуговицы венгерки. Он говорил бледному, дрожащему Эктову:

— Вы дали мне слово быть преданным до конца. Ваша семья, как вы знаете, находится сейчас в Тамбове под арестом. В случае нашей победы я вам обещаю, что она будет немедленно освобождена. Во время нашей поездки вы все время должны быть рядом со мной, с правой стороны; я всё время должен чувствовать ваши стремени, чтобы знать, что вы никуда от меня не отлучаетесь. Иначе вас ждет немедленная смерть. Я на этот шаг иду сознательно и начатое дело доведу до конца, хотя бы ценой своей жизни».

Тут прямо не говорится, что если Этков разоблачит Котовского, то семья Эктова будет расстреляна. Но вряд ли Павел Михайлович сомневался, что с семьей поступят иначе.

Ивану Матюхину тогда удалось убежать от Котовского, он был только легко ранен. Но два месяца спустя, в сентябре 1921-го, его застрелил вошедший к нему в доверие чекист Василий Георгиевич Белугин.

А Павел Тимофеевич Этков, по одной из версий, отсрочил свою смерть всего на год. В 1922 году в Тамбове прямо на улице его застрелили неизвестные. Вероятно, кто-то из уцелевших антоновцев отомстил Иуде. Правда, нельзя исключить, что народная молва выдала желаемое за действительное и на самом деле Этков мог прожить еще довольно долгую жизнь, особенно если догадался уехать куда подальше из Тамбовской губернии.

25—28 июля в Тамбове проходила 1-я общеармейская конференция коммунистов войск Тамбовской губернии. Тухачев-

ский сообщил, что за период с 28 мая по 26 июля 1921 года в Тамбовской губернии обезврежено 16 369 мятежников. Из них: в боях взято в плен 985 и убито 4515 человек; поймано в облавах 572 человека с оружием и 4713 без оружия; добровольно явились с повинной 1244 мятежника с оружием и 4005 без оружия; и, наконец, явились в обмен на арестованные по приказу № 130 семьи 16 повстанцев с оружием и 319 без оружия. А всего по приказу № 130 было арестовано 1895 семей антоновцев. Что же касается «проведения в жизнь» приказа № 171, то Тухачевский сказал лишь, что, по неполным сведениям, было расстреляно 274 заложника. На самом деле, конечно, число расстрелянных заложников было значительно больше. Это объясняется не только неполнотой сведений, поступивших в Полномочную комиссию ВЦИКа от участковых политкомиссий, но и тем, что некоторые командиры красноармейских частей и председатели местных ревкомов присваивали себе право проведения карательных акций по приказу № 171, а информацию о своих незаконных действиях в Полномочную комиссию ВЦИКа не представляли. Справедливости ради надо отметить, что Полномочная комиссия ВЦИКа делала кое-что для прекращения подобных безобразий и даже объявила «всем предрайревкомам, командирам и комиссарам частей, что они головой отвечают за правильное проведение приказов №130 и 171». Нет данных, была ли причастна к взятию и расстрелу заложников бригада Котовского.

В июле 1921 года, после подавления антоновского восстания, по результатам инспекции бригады Котовский получил блестящую аттестацию: «Комбриг т. Котовский Григорий Иванович — бессарабец, человек незаурядный, с большим революционным стажем, обладающий колоссально сильным характером и железной волей, без всякого военного образования, но интересующийся военным делом и в этом отношении достигает хороших положительных результатов». А в заключение, в частности, отмечалось: «Совместная ратная славная служба, руководимая комбригом Котовским и политсоставом, спаяла в одно целое сознательно воспитанных бойцов. Масса верит в несокрушимость Соввласти, любит и уважает товарища Котовского... В моральном отношении бригада стоит высоко...» 17 августа 1921 года бригада Котовского, погрузившись на станции Уварово, отправилась обратно на Украину.

Котовский за ликвидацию антоновского восстания получил самую высокую награду Советской Республики — почетное золотое оружие РСФСР с наложенным на эфесе орденом Красного Знамени. В приказе Реввоенсовета Республики го-

ворилось: «Награждается почетным революционным оружием: командир отдельной кавалерийской бригады товарищ Котовский Григорий Иванович за личное руководство выдающейся по смелости операцией у деревни Дмитровское (Кобылянка), в результате которой были уничтожены главари крупных шаек, а сами шайки в значительной мере изрублены, рассеяны и совершенно деморализованы. Товарищ Котовский, будучи ранен, тем не менее не оставил руководства вверенными ему частями, благодаря чему операция была закончена столь успешно».

Организованное сопротивление антоновцев было подавлено. Сам Антонов еще почти год скрывался, пока не был убит чекистами и своими бывшими соратниками 24 июня 1922 года в селе Нижний Шибряй Борисоглебского уезда Тамбовской губернии.

После ранения в схватке с Матюхиным Котовский лечился в Москве, в госпитале на Арбате в Серебряном переулке. Рана оказалась серьезной, тамбовские врачи даже грозились ампутировать руку, но Ольга Петровна настояла на том, чтобы мужа отправили в Москву, чтобы там операцию сделали лучшие хирурги.

Пуля расщепила плечевую кость. Была опасность, что кость срастется неправильно. Требовалось максимально оттягивать локоть книзу. Котовский привязал к раненой руке полупудовую гирю и полтора месяца упражнял руку, преодолевая боль.

В Москве он вновь встретился с Брусиловыми. Надежда Владимировна так описала эту встречу, по ошибке датировав ее более поздним сроком: «Кажется, в 1922 или в 1923 году мы с мужем пошли в военный лазарет навестить больную родственницу Алексея Алексеевича, там лежавшую. В коридоре лазарета к нам вдруг подходит в халате, с рукой на перевязи какой-то человек. Раскланивается и говорит: “Вы меня не узнаете? Я бывший разбойник Котовский, вы даровали мне жизнь. Но теперь я командую дивизией в Красной Армии”».

Мы с Алексеем Алексеевичем спросили его об его здоровье и раненой руке. Он сказал, что поправляется, и что скоро вернется к своей дивизии, и что жизнь в боях и всевозможных происшествиях его крайне удовлетворяет, и что только теперь жизнь его полна и осмысленна. Еще и еще раз заверял нас в своей преданности и благодарности... И больше я его не видела».

Пожалуй, это и было для Котовского главным — жить в приключениях и боях. Трудно представить его умершим в собственной постели. Спокойная жизнь была не для Григория Ивановича.

Глава 10
СНОВА НА УКРАИНЕ

После выздоровления Котовский был вызван в Реввоенсовет Республики. Лев Давидович Троцкий предложил ему возглавить дивизию, которая должна была остаться в Тамбовской губернии и заниматься ликвидацией последних очагов антоновщины. Котовский поблагодарил за оказанное доверие возглавить дивизию, но прямо сказал, что предпочел бы служить на Украине, где гораздо лучше знает и местность, и людей и куда переброшена уже его бригада. И Троцкий в конце концов согласился с доводами Григория Ивановича. Возможно, на это повлияло ходатайство М. В. Фрунзе, командовавшего вооруженными силами Украины и Крыма. Однако, вопреки распространенному мнению, оно если и было, то не могло иметь решающего значения. Ведь к тому моменту Григорий Иванович и Михаил Васильевич еще ни разу не встречались. По свидетельству Ольги Петровны Котовской в письме Шмерлингу от 2 мая 1936 года, впервые «с т. Фрунзе Гриша встретился на I Всеукраинском съезде командного состава в 1922 г., кажется, в феврале — был первый съезд после фронта, в Харькове».

В письме Шмерлингу от 24 ноября 1937 года вдова Котовского так описала его встречу с Троцким: «После разгрома и ликвидации Антонова, Троцкий вызвал к себе Григория Ивановича, кот. так рассказывал мне об этой встрече: “Троцкий встретил меня стоя и изучал меня пронизывающим взглядом, кот. я твердо выдержал и со своей стороны изучал его. Он первый отвел глаза от меня и сказал, что решил оставить меня в Тамбове. ‘Если вы организовали бригаду Котовского непобедимой, то я назначаю вас начдивом, у вас будет дивизия Котовского’, — сказал Троцкий. Я ответил, что мной руководит не личная карьера, а преданность партии в борьбе за социализм, и я всюду буду выполнять волю партии и правительства”.

По выходе от Троцкого, поехал к т. Фрунзе, кот. в это время приехал в Москву. Григорий Иванович предполагал, что его оставление в Тамбове — происки Якира и Примакова. Михаил Васильевич Фрунзе настоял на возвращении Котовского на Украину. Здесь вскоре снова Якир и Примаков столкнулись с Котовским».

Обвинения Примакова и Якира — это дань времени. Ведь не прошло еще и полугодя с того времени, как они были расстреляны вместе с Тухачевским по обвинению в «военно-фашистском заговоре». Если же объективно проанализировать

всё, что мы знаем о разговоре Троцкого и Котовского, то можно предположить, что наркомвоенмор получил доклад Тухачевского, где тот самым лестным образом характеризовал роль Котовского в подавлении антоновского восстания. И поэтому Лев Давыдович решил его оставить в Тамбовской губернии, повысив до начальника дивизии, чтобы Котовский добивал остатки антоновцев, а также боролся с повстанцами в соседних губерниях. В то же время председатель Реввоенсовета учитывал, что Григорий Иванович не имеет военного образования и не очень удачно сражался с регулярной польской армией. А на Украине, в случае начала большой войны, Котовскому пришлось бы в первую очередь драться с регулярными армиями Польши и Румынии. Котовский же, несомненно, хотел вернуться на юг Украины, поближе к родной Бессарабии. Поэтому неудивительно, что он без энтузиазма принял назначение в Тамбовскую губернию. Однако сомнительно, чтобы он пошел просить Фрунзе убедить Троцкого оставить его на Украине. Возможно, Ольга Петровна забыла, что полтора годами ранее писала Шмерлингу, что с Фрунзе Котовский впервые встретился только в 1922 году. А может, и помнила, но просто ей было необходимо отвести внимание от тех, кто действительно хлопотал о возвращении Котовского на Украину. А это, скорее всего, был Якир, в чьем подчинении Котовский воевал почти всю Гражданскую войну. О его взаимоотношениях с Котовским мы расскажем немного позже. Пока же отметим, что Якир в то время командовал войсками Крымского района Киевского военного округа и, очевидно, имел возможность напрямую обратиться к Фрунзе, командовавшему войсками Украины и Крыма. Якир и Фрунзе вполне могли убедить Троцкого, что повстанцев и на Украине хватает, так что Котовский без работы не останется. Примаков же в то время командовал 1-м Киевским корпусом червоного казачества в составе 8-й и 17-й кавдивизий и вряд ли мог иметь какое-то отношение к назначению Котовского на Украину.

Первого сентября 1921 года Григорий Иванович был назначен командиром 9-й Крымской кавалерийской дивизии имени Совета народных комиссаров УССР, куда вошла и его кавбригада, расквартированная в Тарашанском и Богуславском уездах Киевской губернии. Ее командиром был назначен Н. Н. Криворучко.

Осенью 1921 года Котовский организовал заготовку дров и их транспортировку к железной дороге. Благодаря этому удалось возможным направить украинский хлеб в голодающее Поволжье.

В ночь со 2 на 3 ноября через Збруч переправился отряд генерал-хорунжия армии УНР Юрия Тютюнника, который выступил на Украину с территории Польши с двумя тысячами бойцов в надежде поднять народ на всеобщее восстание против большевиков, взять Киев и провозгласить восстановление Украинской Народной Республики. Тютюнниковцы нападали на узловые станции, уничтожали мосты и железнодорожные пути, чтобы затруднить переброску советских войск. На короткое время им удалось захватить такой важный железнодорожный узел, как Коростень. Однако части Красной армии очень скоро изолировали отряды Тютюнника, заставив его постоянно скрываться от превосходящих сил противника. Восстание, на которое так рассчитывал генерал-хорунжий, поднять не удалось. Крестьянство в основном удовлетворилось энпом и не собиралось браться за оружие.

К срыву планировавшегося Тютюнником всеукраинского восстания приложил свою руку чекист Валерий Горожанин, бывший сосед Котовского по камере в тираспольской тюрьме. Будучи начальником секретного отдела Всеукраинской ЧК, он лично подготовил и внедрил в украинское подполье чекиста Сергея Тарасовича Карина (взявшего украинскую фамилию — Даниленко; впрочем, существует и противоположная версия: подлинная фамилия — Даниленко, а Карин — псевдоним; после Второй мировой войны Сергей Тарасович публиковал книги и статьи как под той, так и под другой фамилией). Благодаря полученной от Карина информации чекистам удалось ликвидировать «Украинскую войсковую организацию», «Всеукраинский петлюровский повстанком», «Уманский повстанком», елисаветградскую «Народную месть» и некоторые другие подпольные объединения. А в сентябре 1921 года Карин-Даниленко прибыл в Польшу и в трех беседах с глазу на глаз с Тютюнником убедил его, что всеобщее восстание на Украине в самое ближайшее время — вопрос решенный. И Тютюнник не только рискнул начать свой окончившийся трагически рейд, но и поделился с Кариним-Даниленко планами будущих операций, которые немедленно стали известны ЧК. Так что Котовский и другие красные командиры действовали не вслепую. Кстати сказать, известие о том, что на Украину вскоре произойдет вторжение отряда Тютюнника, могло быть одной из причин для назначения туда Котовского.

Карин-Даниленко был одним из немногих участников тех событий, которые прожили долгую жизнь. Он умер в 1985 году в возрасте 87 лет. А вот Горожанин разделил печальную судьбу основной массы чекистов тех лет, не переживших Большой

террор. 19 августа 1937 года заместитель начальника Особого бюро НКВД СССР Валерий Михайлович Горожанин был арестован по делу «о заговоре в НКВД УССР» и 29 августа 1938 года в возрасте 49 лет расстрелян. Реабилитировали его в 1957 году.

1-я бригада 9-й кавдивизии прикрывала направление Новгород — Волыньск — Житомир, а 3-я бригада должна была сосредоточиться в районе Менжировки для нанесения главного удара по отряду Тютюнника, а 2-я бригада должна была преследовать Тютюнника, вынуждая его выйти к Менжировке. Но Тютюнник благополучно обошел Менжировку и вышел к станции Тетерев. В селах Заньки, Голубовичи и Олизаровичи котовцы натолкнулись на арьергарды Тютюнника, который смог уйти, но теперь уже не по направлению к Киеву, а на запад. 17 ноября разведка 9-й кавдивизии Котовского обнаружила тютюнниковцев в районе сел Большие и Малые Минки и Звиздаль на Киевщине. Основные силы дивизии в составе 2-й и 3-й бригад тут же атаковали врага. В селе Звиздаль они натолкнулись на пехотный арьергард. Под сильным пулеметным огнем котовцы вынуждены были спешиться и завязать огневой бой с заслоном, пока 2-й эскадрон под командой Л. Х. Воронянского не обошел Звиздаль с фланга. Тютюнниковцы бежали, бросив 11 пулеметов. Вскоре они были окружены и разгромлены конницей Котовского. Потери войск УНР составили 250 человек убитыми и 517 — пленными, из которых 360 на следующий день были расстреляны. Расстрел осуществляли местная ЧК и военный трибунал. Котовский как будто не имел отношения к этой массовой казне. Сам атаман Тютюнник с остатками отряда вырвался из окружения и ушел за Збруч. Дивизия Котовского захватила много трофеев, в том числе походную канцелярию Тютюнника.

По представлению командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма и уполномоченного Реввоенсовета Республики Григорий Иванович Котовский за образцово проведенную операцию по разгрому банды Тютюнника был награжден почетным огнестрельным оружием — маузером, инкрустированным орденом Красного Знамени. По просьбе Григория Ивановича он был заменен третьим орденом Красного Знамени.

Двадцать первого декабря 1921 года 3-ю кавбригаду 9-й кавдивизии, бывшую кавбригаду Котовского, за заслуги перед революцией вновь сделали отдельной кавбригадой. А Григорий Иванович, оставшись начдивом 9-й кавдивизии, по совместительству стал комбригом отдельной кавбригады. За время Гражданской войны кавбригада Котовского была награждена

Почетным революционным знаменем ВЦИКа, двумя орденами Красного Знамени. Более четырехсот бойцов и командиров бригады получили орден Красного Знамени, а почти 100 человек были удостоены этой награды дважды, в том числе и после 1922 года, но за подвиги, совершенные в период Гражданской войны.

Подчиненным Котовского, помимо боевой подготовки, приходилось также заниматься охраной сахарных заводов, сыпных пунктов, хлебных складов, заготавливать топливо и помогать местным властям собирать продналог, что доказывает: сдавали его украинские крестьяне неохотно. 30 декабря 1921 года Котовский подписал по этому поводу специальный приказ. С точки зрения украинских крестьян, продналог не слишком отличался от ненавистой продразверстки, тем более что в 1921—1922 годах продналог на Украине собирали по максимуму, чтобы направить хлеб в Поволжье и другие голодающие регионы России. Согласно плану 20 жителей Украины должны были прокормить одного голодающего. В общей сложности это означало отправку в Россию около 300 тысяч пудов зерна. Однако в январе 1922 года этот план был выполнен всего лишь на 12 процентов.

Бывший начальник штаба бригады Котовского Юцевич вспоминал: «Весной 1922 года перед Киевской губернией возникла трудная задача — вывезти из глубинных пунктов семенной фонд, предназначенный для перенесшего засуху Поволжья. Кто это выполнит, где взять силы и транспорт? Ян Борисович пригласил к себе начдива 9-й Крымской Котовского: “Выручай, Григорий Иванович!” А того уговаривать не надо, сам понимает, как ценен застрявший в глубинках груз. И он тут же связывается с вышестоящим начальником — заручается его согласием. Личный состав кавалерийских полков, узнав о полученном задании, поработал на славу. Семенное зерно в предельно короткий срок было отправлено на поволжские поля».

В мае 1922 года 9-ю кавдивизию и отдельную кавбригаду перебросили в Подолье для ликвидации банды Левченко, насчитывавшей до трехсот сабель. К осени бойцам Котовского удалось очистить Подолье от банд, многие из которых теперь уже имели чисто уголовный характер, хотя другие придерживались петлюровской ориентации.

В июне 1922 года Котовский написал к трехлетней годовщине 45-й дивизии обращение к бойцам, которое назвал «Мой завет». В нем, в частности, говорилось: «На пороге четвертого года существования дивизии мне, как старому бойцу и непо-

средственному организатору ее частей, хочется призвать вас, молодых бойцов, свято относиться к тем традициям, за которые немало храбрейших из нас осталось на поле брани. Умирая, они завещали нам довести до конца начатое ими дело...

Все традиции, созданные и пронесенные через пламя Гражданской войны, должны быть сохранены молодыми бойцами ко дню последней и решительной схватки с капиталом. Прошлые победы — лучший показатель силы наших традиций, и я верю, что в предстоящей схватке победа будет за нами».

Глава 11

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Тридцать первого октября 1922 года Котовский был назначен командиром 2-го кавалерийского корпуса. В него вошли 9-я Крымская имени Совнаркома УССР кавдивизия, во главе которой был поставлен К. П. Ушаков, и 3-я Бессарабская кавдивизия, сформированная на базе отдельной кавбригады главным образом из выходцев из Бессарабии. В нее влились также Красногусарская бригада и кавалерийские полки 24-й и 51-й стрелковых дивизий. Ее возглавил Н. Н. Криворучко, бывший командир 1-го кавполка. Оба начдива Котовского не пережили Большой террор. Константин Петрович Ушаков, потомственный дворянин, корнет царской армии, в Красной армии считался одним из лучших начдивов. Он воевал на Восточном фронте против Колчака и против басмачей в Центральной Азии, был удостоен трех орденов Боевого Красного Знамени и ордена Трудового Красного Знамени Узбекской ССР, 18 раз ранен, в 1935 году произведен в комдивы, а в 1938 году арестован и приговорен к пятнадцати годам лагерей. В 1943 году он добился разрешения отправиться на фронт, но, будучи тяжело больным, 16 июля 1943 года скончался в лагере «Свободный» в Хабаровском крае. В 1957 году Ушакова полностью реабилитировали.

Николай Николаевич Криворучко, после гибели Котовского возглавивший 2-й кавкорпус, происходил из крестьян села Березняки Черкасского уезда Киевской губернии. В Красной армии он дослужился до комкора и был награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени и орденом Ленина. Расстреляли его 1 августа 1938 года (по другой версии, он погиб во время допроса), а реабилитировали в 1956-м. Криворучко, в частности, припомнили, что во время голодомора 1932—1933 годов на Украине он говорил: «Перестал крестьянин верить сво-

ему правительству, оно своими неправильными действиями и мероприятиями окончательно подорвало у крестьянина веру — не верит больше крестьянин, он не видит просвета, все, что крестьянин соберет для своей семьи и прокормления скота, — забирают у него “под метелку”, он, отчаявшись, оставляет все и бежит за границу. В Молдавии есть ряд случаев, когда крестьяне целыми селами — с женами и детьми, забрав свои скудные пожитки и побросав свои виноградники и сады, вброд через Днестр бежали в Румынию, их задерживали пограничники и в тех, кто не желал останавливаться, стреляли из винтовок и пулеметов, были убитые и раненые.

Ты, Борисенко (комдив Антон Николаевич Борисенко, расстрелянный 22 августа 1938 года. — Б. С.), как-нибудь спроси Старого — председателя Совнаркома Молдавии или Вороновича — председателя ЦИКа Молдавии, они тебе расскажут, что там творится. Население не может пользоваться своими трудами, не верит правительству, которое не может обеспечить безбедную жизнь населению и даже не ограждает его от непомерных налогов и произвола местных властей. И оно бросает сады, дома, виноградники и бежит в Румынию. Такое же бегство наблюдается и в приграничных районах на Подолье и Волыни, когда население наше уходило за границу и пограничники стреляли в него.

Когда подумаешь хорошенько, что крестьянину не обеспечена сносная жизнь, что он все время висит на волоске от полного разорения и даже смерти, что он перестал верить своему правительству и партии, что он ненавидит своих местных представителей власти за их перегибы и притеснения, то приходишь к выводу, что линия партии неправильна, что правительство своими мероприятиями не обеспечивает крестьянину — колхознику нормальной жизни. Мне кажется, что не по Ленину ведет партия дело коллективизации, делает большие перегибы, очень форсирует это дело и плохо получается, а правительство не в состоянии наладить нормальное развитие колхозной жизни. Местные представители власти формально проводят коллективизацию, пишут ложные рапорты и дутые цифры, а по этим дутым цифрам определяются налоги. Правительство не знает истинного положения — утверждая непосильные налоги, забирает все “под метелку”, вывозит и обрекает население на голод и страдания.

Наше украинское правительство не обеспечивает правильного и твердого руководства жизнью Украины. Руководство партии и правительства на Украине чрезвычайно слабое. ЦК КП(б)У во главе с Косиором и Постышевым не обеспечивает

партийного руководства в республике, а Совнарком Украины во главе с Чубарем не обеспечивает мероприятий Советской власти на Украине, и в результате такого руководства — голод и разорение. Должно срочно вмешаться в украинские дела центральное правительство Союза, на него пока надежда».

Естественно, что после голодомора Советский Союз потерял какую-либо притягательность для населения Бессарабии.

Части корпуса размещались в Бердичеве, Гайсине, Тульчине, а штаб — в Умани. Котовский приказал обустроить быт и хозяйство корпуса. В Бердичеве, на Лысой горе, были отремонтированы старые казармы, причем для работ привлекалось местное население. Котовцы восстановили кирпичный завод, от которого к казармам на Лысой горе была проложена узкоколейка.

Осенью 1923 года на больших маневрах в районе Винницы 2-й кавкорпус Котовского в качестве условного противника имел 1-й корпус червоного казачества во главе с В. М. Примаковым. И бой на маневрах Григорий Иванович выиграл. Он оставил перед фронтом «противника» небольшую часть корпуса, которая имитировала сосредоточение главных сил, а сам в это время повел кавалерийские дивизии в тыл «неприятеля».

Ночью, скрытно переправившись через Буг, основные силы 2-го кавкорпуса внезапно ударили по примаковцам с тыла. 1-й корпус червоного казачества, как определили посредники — молодые командиры из учебных подразделений, потерпел поражение.

Разбор учения проводил Михаил Васильевич Фрунзе. Он же принимал и последующий парад. Вероятно, тогда Фрунзе и обратил всерьез внимание на Котовского как талантливого командира корпуса. На присутствовавших произвел большое впечатление внешний вид котовцев. У всех — новые темно-синие гимнастерки, галифе, сапоги, седла. Бойцы 9-й Крымской дивизии имели на фуражках желтый околыш и синий верх. Бойцы 3-й Бессарабской — желтый околыш и красный верх. Галифе у кавалеристов 3-й Бессарабской были сшиты из ярко-красного сукна, а у кавалеристов 9-й Крымской — из темно-синего.

Среди посредников был и будущий командир 13-го кавполка 3-й Бессарабской кавалерийской дивизии, а в Великую Отечественную — Герой Советского Союза и гвардии генерал-лейтенант Николай Сергеевич Осликовский, тогда командовавший учебным эскадроном. Как вспоминал впоследствии Николай Сергеевич, «чем больше мы общались с Григорием

Ивановичем, который оказался очень гостеприимным хозяином, интересным и остроумным собеседником, обаятельным человеком, тем больше росли наши симпатии к нему лично и уважение к его таланту полководца. Симпатии, видимо, росли взаимно, потому что кончилось наше общение тем, что Котовский предложил нам, убежденным кавалеристам, остаться в его корпусе. Наши раздумья длились недолго.

В корпусе Котовский ввел ежедневную физическую зарядку, на которую в обязательном порядке выходили все — бойцы, командиры и политработники во главе с комкором. В каждом полку были оборудованы гимнастические залы и спортивные городки. По предложению Котовского в Умани силами красноармейцев и допризывной молодежи были построены большой стадион и несколько гимнастических залов. Выступая на открытии стадиона, Григорий Иванович заявил: «Раньше спорт был привилегией буржуазных классов, располагавших свободным временем, а теперь стал необходимостью, так как дает нам силы для защиты Советской власти». В народе стадион прозвали «стадионом Котовского».

Между тем на здоровье Котовского все сильнее сказывались последствия контузии. Ему трудно было читать, от долгого чтения болели глаза. Ольга Петровна, как могла, помогала мужу, подбирала для него в журналах нужные статьи, иногда читала ему журналы и книги. Григорий Иванович явно не был «книжным человеком» и за свою короткую жизнь, особенно после выхода из тюрьмы в 1917 году, прочел немного книг.

Писал Котовский мало, писать не любил. Чаще всего он диктовал свои приказы и донесения, в том числе жене. В то же время Котовский учился заочно в военной академии и на Высших стрелково-тактических курсах, но никто не знает, сколь плодотворны были эти занятия. По инициативе Котовского в кавкорпусе было создано военно-научное общество, причем его отделения существовали в каждой дивизии, а в полках работали библиотеки. В августе 1923 года Котовский организовал при корпусе высшие курсы переподготовки, на которые отправил 80 командиров, и трехмесячные курсы штабной службы, куда откомандировали по четыре человека от дивизии. Для чтения лекций по тактике, стратегии и военному искусству приглашались видные военные специалисты из Харькова, Киева и Москвы, а командиры корпуса, в свою очередь, направлялись на учебу в Москву и Петроград. Сам же Котовский на досуге решал военно-тактические задачи, которые получали слушатели Высших академических курсов и Высших стрелково-тактических курсов «Выстрел».

Преподавал на курсах и один очень колоритный гражданин — бывший профессор Академии Генерального штаба полковник Ухач-Угарович, живший в ту пору в Умани. Так фамилию этого человека пишут биографы Котовского. И, как мы сейчас увидим, они совсем неслучайно искажают ее посредством замены всего двух букв. Вот как пишет о нем Владимир Шмерлинг: «В Умани проживал давно ушедший в отставку бывший профессор Академии Генерального штаба, полковник Ухач-Угарович. С того момента, как в Умани начал свою работу штаб кавалерийского корпуса, этот человек преклонных лет забыл о том, что он поселился здесь доживать свою старость».

Ежедневно в штабе корпуса Ухач-Угарович проводил занятия с командирами».

На самом деле звали этого человека Николай Александрович Ухач-Огорович. В 1923 году ему было уже 72 года. Он был потомственный дворянин и кадровый военный, произведенный в 1904 году в генерал-майоры. Николай Александрович был женат, имел детей, но не считал себя связанным узами брака. Его любовные похождения были широко известны. На Русско-японскую войну он отправился полковником, не обладая сколько-нибудь значительными средствами. Но именно военное время казалось ему наиболее подходящим для того, чтобы составить себе солидное состояние. Будучи начальником центрального разведывательного отделения при штабе главнокомандующего Маньчжурской армией, он беззастенчиво присваивал выделенные на работу с агентурой средства, фабрикуя заодно фальшивые донесения несуществующих агентов. Но помимо должности начальника разведки у Ухач-Огоровича по совместительству была еще одна, гораздо более хлебная должность — начальника управления транспортом Маньчжурской армии. И здесь он развернулся вовсю. По должности Ухач-Огоровичу приходилось заключать договоры с подрядчиками на закупку у китайцев и поставку в армию продовольствия. Начальником транспортов с продовольствием он сделал Мераба Иоселиани, ранее осужденного к двенадцати годам каторги за грабежи банков и отбывшего ее на Сахалине. Иоселиани инсценировал ограбление транспортов китайскими хунхузами, в роли которых выступала шайка его подручных. Всё якобы награбленное честно возвращалось полковнику, который по второму разу продавал то же самое продовольствие Маньчжурской армии. Это был поистине вечный двигатель обогащения. В принципе одно и то же продовольствие таким образом можно было продавать и три, и че-

тыре раза. Но Ухач-Огорович знал меру и допускал лишь двукратный оборот продовольствия, резонно полагая, что и этого хватит на безбедную послевоенную жизнь. Кстати сказать, полностью долю Иоселиани он так и не отдал. К тому же Ухач-Огорович платил подрядчикам вчетверо завышенные суммы за продовольствие, а они потом делились с ним прибылью. Наживался Николай Александрович и на закупке лошадей для армии. Покупая выбракованных кляч, в отчетах он показывал их стоимость как породистых рысаков. Высочайшим приказом от 6 декабря 1904 года «за отличие в делах против японцев» Ухач-Огорович был произведен из полковников в генерал-майоры. Вскоре после окончания войны он уволился в отставку и поселился в Киеве, предаваясь утехам с многочисленными любовницами. Но любвеобильность в конце концов погубила генерала. За время войны Ухач-Огорович облегчил казну на огромную сумму. Сюда вошли как средства, выделенные на разведку, так и суммы, полученные от махинаций с продовольствием и лошадьми. Можно сказать, что генерал внес немалый вклад в поражение России в Русско-японской войне. Сам же Ухач-Огорович в поражениях винил... журналистов. Он утверждал: «Преступная и непатриотичная болтовня одной части русской прессы, готовой продать Россию за возможность сообщить раньше других интересную новость и огласить секрет ради нескольких копеек, была широко использована японцами».

Первые публикации в прессе о возможной причастности интендантов Маньчжурской армии, включая Ухач-Огоровича, к крупным хищениям появились вскоре после окончания войны. Но доказательств тогда предъявлено не было. И 17/30 сентября «Новое время» опубликовало его гневное опровержение: «Напечатанные в газете “Русь” сведения о моей деятельности во время войны — наглая ложь и клевета. В тылу Маньчжурской армии я никогда не служил, об израсходовании вверенных мне казенных сумм и формировании транспортов я напечатал подробный отчет в трех томах. Отчет имеется в продаже с января сего года. Следовательно, заявление “Руси” о каких-то секретах доказывает только полное невежество газеты относительно обнародованных документов. Автора статьи “Герои тыла” и редактора газеты привлекаю к судебной ответственности.

Генерал-майор Ухач-Огорович».

Однако в 1910 году по требованию председателя оборонной комиссии Государственной думы А. И. Гучкова и председателя Совета министров П. А. Столыпина была проведена сенатская

ревизия интендантского ведомства. Ревизоры столкнулись с немалыми трудностями. Интенданты отказывались предоставлять накладные на закупки, заявляя, что они то ли находятся в штабе Сибирского военного округа в Иркутске, то ли были изъедены мышами, то ли сгорели во время войны. Выяснилось, что в архиве управления транспортом 1-й Маньчжурской армии отсутствует отчетность на семь миллионов рублей. Тогда ревизоры без согласия интендантов произвели выемку документов по поставкам в армию во время Русско-японской войны. Выяснилось, что закупочные цены на продовольствие были значительно завышены. Сенатская комиссия вызвала Ухач-Огоровича на допрос, однако тот, сославшись на занятость военно-патриотическими делами, явиться отказался. Но вскоре в Петербурге был задержан уголовник Яков Персиц, который во время Русско-японской войны состоял в должности начальника агентурной разведки 1-й Маньчжурской армии и непосредственно подчинялся Ухач-Огоровичу. На допросах он подробно рассказал о махинациях своего шефа. Благодаря показаниям Персица был арестован Иоселиани, который поведал о транспортных махинациях Ухач-Огоровича. Показания дал и бывший главный ветеринар Маньчжурской армии Григорий Веревкин, который освидетельствовал лошадей, закупаемых у местного населения за небольшую долю от преступных доходов. Сенатская комиссия вновь пригласила Ухач-Огоровича в Петербург, но он опять отказался явиться. Тогда на допрос был вызван бывший командующий 1-й Маньчжурской армией генерал А. Н. Куропаткин, который сообщил, что на Ухач-Огоровича неоднократно поступали жалобы, но никаких мер по их рассмотрению предпринято не было. А самым важным доказательством против Ухач-Огоровича стала записная книжка генерала, обнаруженная во время обыска у его любовницы Фитингоф. Молва утверждала, что, мстя неверному любовнику, Фитингоф выкрала его записную книжку и сама сдала ее в полицию. В этой книжке Николай Александрович записывал все денежные поступления на свой счет. За период Русско-японской войны они составили 1 миллион 125 тысяч рублей.

В 1911 году Ухач-Огорович был арестован прямо на благотворительном базаре. На следствие оказывалось сильное давление. Боевые генералы, знакомые Ухач-Огоровича, которых он всегда хлебосольно угощал, требовали остановить преследования талантливого военного теоретика, патриота, наставника будущих офицеров. Ухач-Огорович действительно был автором нескольких военно-исторических и военно-теорети-

ческих работ. Так, в 1908 году в Киеве вышла его книга «Набег на Инькоу», а в 1909 году, также в Киеве, была издана брошюра под забавным названием «Вьючные носилки системы генерал-майора Ухач-Огоровича в Русско-японскую войну». В 1911 году, еще до ареста, генерал успел издать два капитальных труда «Манчжурский театр военных действий в период Русско-японской войны 1904—1905 годов» и «Психология толпы и армии». 10 сентября 1912 года генерал-майор в отставке Н. А. Ухач-Огорович был наконец предан военному суду, который приговорил его к разжалованию, лишению орденов и дворянства, ссылке на три с половиной года в арестантские роты и штраф в 157 тысяч рублей. Не исключено, что с Ухач-Огоровичем Котовский познакомился в тюрьме, или на каторге, или после побега оттуда. Во всяком случае, дело Ухач-Огоровича было весьма шумным и хорошо известным в уголовном мире. Ведь Николай Александрович стал единственным русским генералом, привлеченным к ответственности за многомиллионные хищения в интендантском ведомстве в период Русско-японской войны. Между тем, судя по имеющимся данным, Ухач-Огорович похитил значительно больше, чем 1 миллион 125 тысяч рублей, указанных в его записной книжке. Не исключено, что часть награбленного он раздавал другим генералам, благодаря чему оставался на хорошем счету у начальства. Но вряд ли суммы розданного исчислялись в миллионах рублей. Можно предположить, что Николай Александрович припрятал несколько миллионов рублей. А штраф в 157 тысяч рублей был для него все равно что насморк покойнику.

После революции Ухач-Огорович предложил свои услуги большевикам. Поскольку чина генерал-майора его лишили по суду, Николай Александрович счел возможным назваться полковником Генерального штаба, хотя на самом деле был лишен всех чинов и орденов. Большевики его услуги охотно приняли. Уголовное прошлое Ухач-Огоровича их не только не смущало, но, наоборот, делало его до определенной степени «социально близким» и гарантировало от измены. Ведь в Добровольческой армии Николаю Александровичу делать было нечего. Там ему не только никто руки бы не подал, но и пристрелить запросто могли.

Один из сыновей Н. А. Ухач-Огоровича тоже служил в Красной армии и, как и Котовский, принимал участие в подавлении тамбовского восстания. Он упоминается в мемуарах маршала Г. К. Жукова, который тогда командовал взводом, а затем эскадронам в 1-м кавполку 14-й отдельной кавбригады,

входившей, как и бригада Котовского, в состав группы И. П. Уборевича. Георгий Константинович пишет: «Особенно запомнился мне бой весной 1921 года под селом Вязовая Почта, недалеко от станции Жердевка. Рано утром наш полк в составе бригады был поднят по боевой тревоге. По данным разведки, в 10—15 километрах от села было обнаружено сосредоточение до трех тысяч сабель антоновцев. Наш 1-й кавполк следовал из Вязовой Почты в левой колонне; правее, в 4—5 километрах, двигался 2-й полк бригады. Мне с эскадронам при 4 станковых пулеметах и одном орудии было приказано двигаться по тракту в головном отряде...

2-й полк бригады, столкнувшись с численно превосходящим противником, вынужден был отойти назад. Пользуясь этим, отряд антоновцев ударил нам во фланг. Командир полка решил повернуть обратно в Вязовую Почту, чтобы заманить противника на невыгодную для него местность. Мне было приказано прикрывать выход полка из боя.

Заметив наш маневр, антоновцы всеми силами навалились на мой эскадрон, который действовал уже как арьергард полка.

Бой был для нас крайне тяжелым. Враг видел, что мы в значительном меньшинстве, и был уверен, что сомнет нас. Однако осуществить это оказалось не так-то просто. Спасло то, что при эскадроне было 4 станковых пулемета с большим запасом патронов и 76-мм орудие.

Маневрируя пулеметами и орудием, эскадрон почти в упор расстреливал атакующие порядки противника. Мы видели, как поле боя покрывалось вражескими трупами, и медленно, шаг за шагом, с боем отходили назад. Но и наши ряды редели. На моих глазах свалился с коня тяжело раненный командир взвода, мой товарищ Ухач-Огорович.

Это был способный командир и хорошо воспитанный человек. Отец его, полковник старой армии, с первых дней перешел на сторону Советской власти, был одним из ведущих преподавателей на наших рязанских командных курсах.

Теряя сознание, он прошептал:

— Напиши маме. Не оставляй меня бандитам.

Его, как и всех раненых и убитых, мы увезли с собой на пулеметных санях и орудийном лафете, чтобы бандиты не могли над ними надругаться...

В этом бою мой эскадрон потерял 10 человек убитыми и 15 ранеными. Трое из них на второй день умерли, в том числе и Ухач-Огорович, мой друг и боевой товарищ».

Генерал-казнокрад был ценным инвестором и для Бессарабской коммуны. Ведь у него наверняка осталось немало от

«честно» наворованного, причем такой предусмотрительный человек, как Николай Александрович, без сомнения, заблаговременно позаботился о том, чтобы перевести похищенное в золото, драгоценности и твердую валюту.

Первые мероприятия по созданию коммуны Котовский начал в 1922 году. Из знаменитого налетчика и лихого комбрига вышел неплохой советский хозяйственник. Благо он располагал бесплатной рабочей силой в лице красноармейцев. Практически они работали за обмундирование и сытную кормежку. А в деятельности Котовского все большую роль играли дела хозяйственные. Так, в блокноте, где отмечались планы дня, наряду с военными вопросами, теперь значились и такие: «проверить ход контрактации свеклы; проверить торговлю военно-кооперативных лавок; — в президиуме горсовета поднять вопрос о восстановлении кирпичного завода; рассмотреть жалобу крестьян на неправильные действия сельсовета; — о постройке городского стадиона; — об агрономической школе; о детском саде...»

В Красной армии в связи с введением нэпа создавались военно-потребительские общества. Котовский создал военно-потребительское общество (ВПО) в своем корпусе. Между прочим, началось ВПО с «собачьего бизнеса». Котовцы повсюду ловили и истребляли бродячих собак. Из шкур в кустарных мастерских делали полушубки, а собачий жир пускали на мыло.

ВПО должно было не только снабжать части корпуса продовольствием, фуражом, обмундированием и т. д., но и организовывать товарное производство. Для этого надо было создавать подсобные хозяйства, предприятия и мастерские, а полученные товары, изделия и продукты реализовывать через широкую сеть лавок как в гарнизонах, так и по всей территории юга Украины и Приднестровья, где дислоцировались части и подразделения кавалерийского корпуса.

Председателем военно-потребительского общества Котовский назначил К. Ф. Юцевича, а заместителем — комиссара корпуса Г. Г. Ястребова.

По инициативе Котовского на Украине был создан Цувоенпромхоз (Центральное управление военными промышленными и сельскохозяйственными предприятиями), а он стал председателем его ревизионной комиссии.

Был восстановлен сахарный завод в Перегоновке, близ Умани, которому присвоили имя Карла Маркса (логичнее было бы назвать в честь Фридриха Энгельса, тот, по крайней мере, был профессиональным управляющим заводами и фабриками). Котовский лично разработал проект договора между

ВПО и крестьянами на контрактацию посевов сахарной свеклы. Его подписали крестьяне сел Перегоновка, Семидубы, Вербовое, Троянка, Метеричи. Восстановили завод и работали на нем красноармейцы вместе с крестьянами. За первый сезон на этом заводе было получено 170 тысяч пудов сахара. Чистая прибыль составила 30 тысяч пудов сахара высшего сорта. За второй сезон сахара произвели уже вдвое больше.

Сам глава ВСНХ Феликс Эдмундович Дзержинский ставил в пример другим сахарный завод в Перегоновке, где в первый же сезон смогли снизить себестоимость сахара. Котовского даже хотели сделать руководителем всей сахарной промышленности СССР, но военное ведомство его не отпустило. Да и сам Григорий Иванович не хотел уходить из корпуса.

Частные торговцы продавали мясо по очень высоким ценам, и оно часто было недоступно рабочим. Котовский стал через магазины военно-потребительской кооперации продавать мясо с убытком, по демпинговым ценам. Вскоре он сбил рыночные цены на мясо и взял под свой контроль весь рынок торговли мясом в Умани и в других местах расквартирования корпуса. Цены на мясо были значительно снижены, но теперь торговля уже приносила ВПО корпуса устойчивый доход. Магазины ВПО стали называть «лавками Котовского».

Хмелеводческий совхоз «Рея», который тоже забрал к себе Котовский, получил почти полтора миллиона рублей прибыли, 300 тысяч из которых остались в распоряжении ВПО. На эти деньги купили кровати, тумбочки, посуду для столовых, сукно для обмундирования.

Только в Умани было открыто 42 лавки ВПО кавкорпуса. Военно-потребительское общество торговало на Нижегородской ярмарке, где у него был свой павильон. В корпусе заготавливали сено, дрова, откармливали скот, выпекали хлеб, производили колбасы, мыло, кожу, и все это продавалось по умеренным ценам. В распоряжении котовцев был кожевенный завод в Радомысле, выпускавший различные сорта кож, лайку и хром. По случаю пуска кожевенного завода Котовский составил приветственный адрес, где писал: «Дорогие товарищи, рабочие и служащие завода! Мы, командование и правление Общества, от лица командиров, комиссаров, красноармейцев и членов военно-потребительского общества, в день годовщины перехода завода из рук вечных врагов рабочего класса капиталистов-хозяинок в руки Красной Армии, поздравляем вас с этим великим торжественным днем, днем первых побед рабочего класса под управлением и защитой ваших братьев красных кавалеристов имени Совнаркома Украинской ССР.

Год усиленного совместного труда дал заводу те достигнутые победы, которые вы сами в этот торжественный день будете констатировать. Впереди еще много трудностей, путь покрыт шероховатостями, но мы уверены в вашем классовом сознании пролетариев-кожевенников, которые будут на трудном пути достижения полного процветания завода нести так же высоко багровое знамя Коммунистической революции, как и ваши братья, красные кавалеристы, в дни суровых боевых рубок с различными полчищами белогвардейских капиталистических банд, возглавляемых наймитами, золотопогонными генералами, атаманами и батьками. Мы уверены, что в ваших сердцах будет гореть то же желание, что и у кавалеристов, которые за свою лихую работу и верность рабочим и крестьянам и их власти носят имя кавалеристов Совнаркома УССР, и что наши традиции “Только вперед к победам” будут и вашими традициями. Да здравствуют именинники сегодняшнего дня, герои труда — кожевенники завода 2 Кавкорпуса!

Да здравствует единение Рабочего и Красноармейца в борьбе за победу на хозяйственном фронте!»

Теперь Котовский занимался делами не только военными и хозяйственными, но и сугубо политическими. С. М. Буденный вспоминал: «...в 1923 году как-то у меня на квартире встретились Г. И. Котовский и М. В. Фрунзе. И за стаканом чая произошел интересный разговор. Г. И. Котовский, не расставаясь с мыслью о создании свободной и независимой республики, вдохновенно говорил: “Только Молдавская республика даст возможность нашему народу побороть тяжелую нужду и с помощью русского пролетариата построить новую, светлую жизнь! Хочу об этом написать в ЦК, мечтаю поговорить лично с Владимиром Ильичом Лениным. Я глубоко уверен, что Ленин поймет чаяния молдаван и поддержит нас”. Мы горячо одобрили мысль Котовского. Михаил Васильевич Фрунзе дал Котовскому несколько советов».

Не исключено, что за назначением Котовского командиром кавалерийского корпуса, дислоцировавшегося недалеко от Бессарабии, скрывались далекоидущие военно-политические планы. Не случайно в феврале 1924 года Котовский писал Фрунзе: «Все мое внимание, всю энергию, все силы отдаю на то, чтобы создать образцовую боевую единицу, и каждый свой шаг в своей работе строжайшим образом согласовываю с железной логикой необходимости того или иного момента, который имеет актуальное значение для создания железной единицы, необходимой для защиты Республики».

Можно предположить, что советское руководство собиралось по-своему провести примерно ту же операцию, какую поляки осуществили осенью 1920 года в Южной Литве. 9 октября 1920 года польский генерал Люциан Желиговский (не исключено, что он был дальним родственником второй жены генерала Брусилова) во главе 1-й Литовско-Белорусской дивизии занял Вильно. Формально он вышел из подчинения главнокомандующего польской армией Юзефа Пилсудского и, будучи уроженцем Ошмянского повета Виленской губернии, действовал независимо от Польского государства. Фактически же «мятеж» Желиговского и создание в районе Вильно эфемерного государства Срединная Литва происходили с ведома и санкции Пилсудского. Целью было присоединение к Польскому государству населенных преимущественно поляками районов Южной Литвы, включая Вильно (Вильнюс), которое и было осуществлено 18 апреля 1922 года, после принятия соответствующих деклараций сеймами Срединной Литвы и Польши.

Почему польское правительство пошло по столь сложному пути для присоединения Вильно? Дело в том, что формально между Польшей и Литвой не было войны, а державы Антанты не признавали Вильно польским городом. Поэтому было инсценировано осуществление права на национальное самоопределение польского населения Литвы с помощью якобы «вышедших из повиновения» польских регулярных войск, в значительной мере состоявших из уроженцев Литвы. В тот момент обстановка благоприятствовала осуществлению польского плана. Литовская армия была слаба и не могла противостоять польской. Красная армия, являвшаяся потенциальным союзником литовской, была разгромлена под Варшавой, и с ней поляки вот-вот должны были заключить перемирие. При этом ни одна держава Антанты не собиралась силой отстаивать право Литвы на Вильнюс.

Вполне возможно, что советское правительство планировало повторить с Бессарабией то же самое, что Желиговский проделал со Срединной Литвой. Схема действий могла быть следующей. В Бессарабии происходит очередное инспирированное из-за Днестра антирумынское восстание. Корпус Котовского, где было немало уроженцев Бессарабии, выходит из подчинения советского правительства в Москве и переправляется через Днестр на помощь повстанцам. Однако румынская армия была гораздо многочисленнее и боеспособнее литовской. Поэтому одного корпуса для победы могло оказаться мало. И тогда из повиновения Москве могли выйти все войска Украины и Крыма во главе с Фрунзе, который наполовину был

молдаванином, а затем провозглашается независимая Бессарабская Советская Республика, которая через полгода тихо присоединяется к Советскому Союзу. Как мы увидим далее, слухи о такого рода плане циркулировали в Москве. Что же касается подобного сценария, то в Москве уже к 1924 году, очевидно, пришли к выводу о невозможности его выполнения. К концу 1923 года в Кремле отказались от надежды на близкую мировую революцию. А в 1924 году была завершена демобилизация Красной армии и весной начата масштабная военная реформа, предусматривавшая ее значительное сокращение — до 562 тысяч человек уже летом 1924 года, втрое меньше, чем в 1923 году.

Причин невозможности присоединения Бессарабии с помощью «вышедших из повиновения войск» было несколько. Румынская армия была гораздо сильнее литовской, и нельзя было надеяться быстро победить ее малыми силами. То, что СССР не объявил бы войну Румынии, отнюдь не гарантировало невмешательства в конфликт Польши, а справиться с объединенными польско-румынскими силами в тот момент не смогла бы даже вся Красная армия. Когда польские войска захватывали Вильно в октябре 1920 года, они ощущали себя частью польской армии, только что победившей Красную армию в битвах на Висле и Немане. Красная же армия, наоборот, недавно проиграла Советско-польскую войну, и это не могло не сказаться на войсках Котовского и Фрунзе. И в тот момент, когда от немедленного захвата Бессарабии с помощью Красной армии пришлось отказаться, было решено создать молдавскую автономию на левобережье Днестра. Это должно было вдохновить на борьбу за воссоединение с ней жителей Бессарабии. Вероятно, некоторые советские руководители надеялись, что само создание Молдавской Советской Республики вызовет столь мощное восстание в Бессарабии, что Румыния не сможет с ним справиться. И если удастся быстро ввести туда Красную армию и провозгласить воссоединение Бессарабии с Советской Молдавией, то большой войны, возможно, удастся избежать.

С Лениным встретиться Котовскому так и не удалось, поскольку Ильич был тогда уже не в том состоянии, чтобы с кем-нибудь встречаться. Но идея создания Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Украины наверняка понравилась Сталину и другим членам политбюро. К новосозданной Молдавии при удобном случае можно было присоединить Бессарабию, как мирным, так и военным путем, под предлогом реализации права народов на са-

моопределение. При желании к ней можно было присоединить и Румынию — уже под лозунгом осуществления мировой пролетарской революции. Поэтому в феврале 1924 года, явно с санкции политбюро, Котовский и ряд руководителей революционного движения в Бессарабии обратились в ЦК РКП(б) и ЦК КП(б) Украины с письмом, в котором от имени молдавского народа ходатайствовали о срочном создании Молдавской Автономной Республики, прося, чтобы вопрос был решен на ближайшем заседании политбюро. Характерно, что первой под письмом стояла подпись Котовского. В письме подробно описывались ужасы румынского владычества в Бессарабии: «Румынское правительство создало в Бессарабии режим насильственной румынизации края и национального угнетения; режим белого террора, сопровождающегося пытками средневековья, произвола и грабежа. Сотни, тысячи рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции были расстреляны в Бессарабии под предлогом борьбы с большевизмом. Даже буржуазные элементы этой провинции, смотревшие когда-то на румын как на избавителей от “большевистских ужасов”, возмущены румынской администрацией. В прошлом году бессарабские депутаты и сенаторы (между ними тот же Инкулец) в румынском парламенте указывали на ужасы, которые происходят в Заднеэтровской провинции. С их слов видно, что даже местная буржуазия предпочла бы советский режим румынскому. И действительно, больше чем с уверенностью, на основании личных наблюдений и впечатлений от разговоров с беженцами, можно утверждать, что, исключая крупно-помещичью верхушку, нет ни одного элемента в сельском и городском населении, который бы не добивался освобождения от румынской оккупации и присоединения к СССР.

В целях борьбы с рабочим и коммунистическим движением, а также проявлениями недовольства края, румынское правительство усилило полицию, жандармерию и ввело осадное положение. Край был выделен на особое положение и с 15 октября 1922 года был введен институт бессарабского генерал-губернаторства. На должность генерал-губернатора, непосредственно подчиненного совету министров, был назначен палач-генерал Попович, пользующийся неограниченной властью. Таким образом, Бессарабия докатилась от республики и социальной революции до провинции, подчиняющейся произволу неограниченного владыки. Само собой разумеется, что подобное управление Бессарабией только углубляет враждебность населения к старому королевству Румынии, и мы полагаем, что, в интересах СССР и социальной революции, [необ-

ходимо] сделать всё возможное для использования этого настроения».

Авторы письма рассматривали будущую Молдавскую Республику главным образом как своеобразный военно-политический плацдарм для отвоевания Бессарабии. При этом они преувеличивали степень оппозиционности населения к «румынскому гнету», его ненависть к «румынским боярам». Все-таки в стране была проведена довольно радикальная аграрная реформа, несколько утолившая земельный голод. Большинство населения теперь имело возможность получать образование на родном языке. Кроме того, те, кто не хотел жить в Румынии, к 1924 году в своем подавляющем большинстве ушли уже на северный берег Днестра, к тому же Котовскому. Собственно румынское большинство населения Бессарабии отнюдь не стремилось отделяться от Румынии и присоединяться к СССР. Весьма показательно, что в советском партизанском движении на территории Молдавской ССР в годы Великой Отечественной войны участвовало всего семь этнических молдаван. Поэтому слова известной песни о смуглянке-молдаванке, собирающей партизанский молдаванский отряд, ничего общего с действительностью не имели.

Двадцатого июля 1924 года Исполком Коминтерна направил обращение к компартиям Польши, Литвы, Эстонии, Румынии, Чехословакии и Югославии, в котором утверждалось, что Румыния угрожает войной «русскому пролетариату». Это было начало подготовки операции по провозглашению Советской Молдавии и возможному будущему освобождению Бессарабии. А 29 июля было принято постановление политбюро об образовании Молдавской Республики. Обосновывая необходимость такого шага, авторы письма указывали на то, что «на левом берегу Днестра, в бывш[их] Херсонской и Каменец-Подольской губ[ерниях], живут компактной массой не менее 500.000—800.000 (а по утверждениям румын, до 2.000.000) молдаван, обладающих своим особым национальным бытом и говорящих на румынском диалекте, молдавском языке. Это население занимает не менее 16.000 кв. верст. В силу того, что оно расположено в пограничной полосе, оно, по соображениям чисто военного свойства, пользуется особенными заботами о своем экономическом благоустройстве. Если к этому добавить специфические культурные интересы молдавского населения, то, исходя из этнографического момента, на основе советской национальной политики, можно было создать автономную социально-политическую Молдавскую единицу в пределах УССР или в системе СССР. На наш взгляд, подобной

единицей могла бы быть Молдавская Советская Социалистическая Республика».

При этом Котовский и его товарищи явно предпочитали иметь не автономную, а союзную республику, подчиненную непосредственно Москве, а не Харькову. Они рисовали перед высшим советским руководством заманчивые геополитические перспективы в случае, если Советская Молдавия будет создана как полноценная союзная республика:

«1. Организация молдавского населения в политическо-административную единицу способствовала бы поднятию экономического и культурного уровня населения. Консолидация этого последнего, с точки зрения СССР, тем более необходима, чем вероятнее возможность, рано или поздно, военных конфликтов, во время которых необходим обеспеченный, лишенный недовольств, пограничный тыл.

2. Молдавская республика может сыграть ту же роль политически пропагандистского фактора, что и Белорусская республика по отношению к Польше, и Карельская — по отношению к Финляндии. Она служила бы объектом привлечения внимания и симпатий бессарабского населения и дала бы еще больший повод претендовать на воссоединение с ней Заднепровья.

С этой точки зрения напрашивается необходимость создания именно социалистической республики, а не автономной области в пределах УССР. Объединенные Приднестровье и Заднепровье служили бы стратегическим клином СССР по отношению и к Балканам (через Добруджу), и к Центральной Европе (через Буковину и Галицию), который СССР мог бы использовать в качестве плацдарма в военных и политических целях.

Теперь, когда международное положение СССР кардинально изменилось и еще больше изменится к лучшему, более, чем когда бы то ни было, допустима вероятность обратного получения Бессарабии. Часть румынской буржуазии уже склоняется в этом направлении, надеясь получить взамен Бессарабии золотой румынский фонд, находящийся в Москве, с целью избежать при его помощи окончательного экономического и финансового краха. Подобный исход предстоящих румыно-русских переговоров тем более возможен, если принять во внимание ослабление единства в среде Малой Антанты, с одной стороны, и значения румыно-польского союза вследствие франко-чешского соглашения — с другой. Откол Бессарабии от Румынии в свою очередь повлечет ряд последствий международного характера.

1. Прежде всего этот факт потрясет единство национально консолидированной “Великой Румынии” и нанесет удар моральному авторитету буржуазии, бравирующей до сих пор реализацией национального румынского идеала.

2. Этот же факт послужит лишним импульсом в стремлении новоприсоединенных (к Румынии) провинций к своему национальному самоопределению. Устройство же национальных меньшинств (болгар, гагаузов, живущих в пределах будущей Молдавской республики) послужит примером для национальных меньшинств, населяющих старое королевство Румынии.

3. Будущая аграрная реформа [в] Бессарабии должна оказать неизмеримо великое значение на крестьянское движение в самой Румынии, не говоря уже о значении приближения границ Советского Союза, которое (приближение. — *Б. С.*) окажет то же влияние на коммунистическое рабочее движение самой Румынии.

4. Распространение Советской власти на пределы Бессарабии имеет тем большее значение, что этот край упирается на севере и востоке в Буковину и Галицию, русинское население которых всецело на стороне УССР и СССР, а на юге — в Добруджу с болгарским населением.

Все эти факты, вместе взятые, несомненно, окажут сильное идейное влияние на окружающие области и, при соответственной международной обстановке, могут революционизировать все положение на Балканском полуострове. Исходя из вышеуказанных соображений, мы предлагаем создание Молдавской Социалистической Советской Республики. Срочность разрешения этого вопроса вызывается необходимостью возможности, по нашему мнению, возобновления румыно-русских переговоров, с одной стороны, и необходимостью, в случае положительного разрешения затронутой нами проблемы, проведения агитационных кампаний на местах до начала полевых работ, когда общественная жизнь неизбежно временно замрет — с другой.

Эта срочность вызывается привходящими обстоятельствами: необходимостью устройства и колонизации бессарабских беженцев и демобилизованных красноармейцев-молдаван, легко попадающих в сети антисоветской пропаганды».

Последняя фраза дорогого стоит и разрушает все пропагандистские построения, в которые, впрочем, авторы письма, скорее всего, вполне искренне верили. Получается, что даже тех бессарабцев, которые отслужили в Красной армии, а до этого участвовали в антирумынских восстаниях, охватывают

антисоветские настроения и их надо побыстрее сплавить за Днестр, а то беды не оберешься. А для того, чтобы было где трудоустроить отставных котовцев, надо срочно предпринять освободительный поход на Бессарабию или добиться мирной ее передачи Советскому Союзу.

Котовский не случайно указывал на необходимость обеспечить населению левобережья Днестра экономические преференции. К тому времени он фактически возглавлял одно из крупнейших и преуспевающих хозяйств в этом регионе.

С провозглашением Молдавской Республики политбюро решило немного повременить, потому что ожидало исхода татарбунарского восстания, успех которого позволил бы сразу присоединить Бессарабию к Советской Молдавии. Тогда бы Молдавская Советская Республика наверняка сразу же получила бы статус союзной. Восстание было начато бессарабскими коммунистами при поддержке советских однопартийцев 15 сентября под лозунгами: «Да здравствует Молдавская Советская Социалистическая Республика!», «Да здравствует Советская Бессарабия!». Ему предшествовал захват 11 сентября группой советских агентов и местных повстанцев Николаевки на побережье Черного моря. Они убили мэра Николаевки и двух жандармов, подожгли несколько административных зданий. Перед восстанием в Южную Бессарабию было завезено советское оружие — тысяча винтовок, три тысячи гранат, семь пулеметов, две пушки и одна мортира, а также 500 шашек. Повстанцы заняли село Татарбунар и провозгласили создание Молдавской Советской Социалистической Республики в составе СССР. Они намеревались захватить всю Бессарабию. Однако в восстании участвовали почти исключительно русские и украинцы, в том числе пришедшие с левого берега Днестра, и в других районах Бессарабии оно поддержки не получило. Против него выступили жившие в Южной Бессарабии молдаване (румыны) и немцы. Из последних был сформирован отряд, участвовавший в подавлении восстания. Между тем в Южной Бессарабии украинцы и русские были значительно богаче молдаван и немцев, что доказывает национально-политические, а не социально-экономические причины восстания. В боях погиб главный руководитель восстания Василий Суворов, известный под псевдонимами Андрей Ключников и Нинин. Он был выходцем из крестьян деревни Кукуевка Сапожковского уезда Рязанской губернии и в Бессарабию впервые попал в 1916 году с войсками Румынского фронта, где стал видным большевиком. Погибли также его ближайшие соратники Иван Бежанович и Иван Добровольский. Из руководи-

телей восстания только болгарину Николаю Шишману удалось бежать за Днестр, но впоследствии его обвинили в шпионаже в пользу Румынии и расстреляли 24 июня 1938 года.

Восстание в Татарбунаре официально поддержало руководство компартии Румынии, поскольку по плану Коминтерна после восстания в Бессарабии предполагалось начать восстание и в других румынских провинциях. Но данная акция вызвала лишь запрет коммунистической партии Румынии и репрессии против ее членов. Никаких выступлений в поддержку повстанцев Татарбунара на остальной территории Румынии, в том числе и в Бессарабии, не последовало. 19 сентября румынские войска с помощью артиллерии и флота подавили восстание. Согласно советским данным, всего было убито около трех тысяч повстанцев, а 1600 арестовано. По румынским данным, убитых было несколько сотен, а задержанных — около 1600, из которых 489 были арестованы, включая только девять румын (молдаван). С румынской стороны были убиты глава администрации и начальник жандармерии Татарбунара и еще несколько румынских чиновников и жандармов. Потери румынских войск были невелики и не превышали десяток убитых.

Из числа арестованных 289 человек были преданы суду. Никто из подсудимых не понимал по-румынски. Процесс пришлось вести с переводчиками, и он занял 103 дня. 85 человек осудили к тюремному заключению на срок от одного года до пожизненного (его получил Иустин Батищев, один из руководителей восстания, двое других, Леонтий Цуркан и Никита Лисовой, получили по 15 лет), остальных амнистировали. На суде подсудимые показали, что руководители восстания говорили, что помощь должна прийти со стороны кавкорпуса Котовского.

Советские цифры убитых, по всей вероятности, значительно преувеличены, чтобы продемонстрировать мировой общественности «зверства» румынских солдат и жандармов. Несколько сотен повстанцев смогли уйти на левый берег Днестра, но из них мало кто пережил террор 1937—1938 годов. Вожди восстания заявляли своим сторонникам, что Красная армия вот-вот перейдет Днестр и выгонит из Бессарабии румынские войска, полицию и жандармов. Но этого не случилось. Тут сыграли свою роль два фактора. Во-первых, восстание было очень быстро подавлено и не получило распространения на всю Бессарабию. Во-вторых, тогдашний глава Реввоенсовета Лев Троцкий после разгрома под Варшавой был противником использования Красной армии для того, чтобы на ее штыках нести мировую революцию. Поскольку никто ни в Бессара-

бии, ни в остальной Румынии свергать румынское правительство не собирался, Красной армии просто пришлось бы сражаться с румынской армией, как в свое время с польской, и успех похода был совсем не гарантирован, особенно с учетом того, что на помощь Румынии могли прийти Польша и Франция. По большому счету, татарбунарское восстание было авантюрой, стоившей жизни сотням, а возможно, и тысячам человек.

Татарбунарское восстание стало одной из последних попыток Москвы инспирировать мировую революцию. Через два с половиной месяца последовала последняя попытка — восстание в Таллине 1 декабря 1924 года, поднятое группой боевиков в несколько десятков человек, присланных из СССР, и уже через несколько часов подавленное эстонскими властями. Повстанцы убили 21 человека, в том числе министра путей сообщения Карла Карка, а сами потеряли убитыми 12 человек. Еще несколько повстанцев погибли позднее в перестрелках при аресте. Всего в восстании, к которому присоединились эстонские коммунисты, участвовало 250 человек. По сценарию повстанцы, захватив телеграф, должны были обратиться за помощью к Красной армии, но путч был слишком быстро подавлен. В советское время этому событию был посвящен фильм Калье Кийска «Цену смерти спроси у мертвых», а в независимой Эстонии — фильм «Декабрьская жара» Аско Казе, противоположные по своим оценкам.

Шестого октября 1924 года в Бирзуле начал работу съезд учредителей республики, поддержавший создание Молдавской АССР.

Двенадцатого октября 1924 года 3-я сессия Украинского ЦИКа наконец-то приняла постановление о создании Молдавской АССР в составе Украинской ССР с центром в Балте (в 1928 году столица была перенесена в Бирзулу, а в 1929 году — в Тирасполь). Вся полнота власти до созыва I Всеомолдавского съезда Советов передавалась в руки ревкома, членом которого стал и Котовский. Сам он по поводу создания Молдавской Республики заявил: «Это маяк, показывающий бессарабскому народу путь к освобождению от румынских помещиков». А подарив свою фотографию одному из командиров, Котовский написал под снимком: «На память об образовании Молдавской Автономной ССР, как первом этапе к освобождению рабочих и селян Бессарабии, стонущих от режима румынских бояр».

Правда, преобладали в новой автономии все-таки украинцы — 48,5 процента по переписи 1926 года, тогда как молдаван было только 30,1 процента. Поэтому, а также потому, что боль-

шевиков в Бессарабии поддерживали главным образом русские и украинцы, Молдавскую Республику, вопреки мнению Котовского и его товарищей, было решено включить в состав Украины в качестве автономии. Если бы татарбунарское восстание увенчалось успехом, Молдавская Республика наверняка была бы провозглашена в качестве союзной. Пока же пришлось ограничиться автономией в составе Украины. Но советская сторона заявляла, что границы Молдавской АССР — это Дунай и Прут, поскольку Советский Союз не признает вхождение Бессарабии в состав Румынии.

В декабре 1924 года состоялась Первая всемолдавская конференция большевиков. Котовский был избран в состав Молдавского обкома компартии Украины. Он стал членом также сразу трех ЦИКов — Всесоюзного (в статусе кандидата), Украинского и Молдавского. 19 апреля 1925 года I съезд Советов Молдавской АССР принял решение о создании республики, избрал Центральный исполнительный комитет.

Многие командиры и политработники корпуса из числа молдаван перешли на работу в партийные, государственные и хозяйственные органы молдавской автономии. Котовский передал средства, собранные военной кооперацией корпуса, на укрепление материальной базы Молдавской Республики. Возможно, это было сделано по приказу из Центра. Он писал об этом своим друзьям в Бессарабскую коммуну: «Кооперацию передал Молдавской Республике. Конечно, мы пошли на жертву, чтобы создать материальную базу для нашей молодой республики».

Тогда же, в апреле, на Первом съезде общества бессарабцев Котовский прямо говорил: «Вопрос об освобождении Бессарабии, вопрос о том, чтобы сделать Бессарабию красной, мог бы быть разрешен хорошим ударом нашего корпуса, куда входит и Бессарабская кавалерийская дивизия, или, в крайнем случае, еще парой наших корпусов... Румынские помещики должны понести кару за замученных в застенках, расстрелянных, потопленных в Днестре... Если рабоче-крестьянское правительство, руководимое Коммунистической партией, скажет, что довольно дипломатических переговоров, прикажет нашей Красной Армии броситься к границам Румынии, Бессарабии, на помощь восставшим рабочим и крестьянам, наш кавалерийский корпус будет впереди! Мы уверены, что, если этот исторический момент настанет, наша красная конница перемахнет одним прыжком через Днестр...»

На совещании кавалерийских начальников, начавшемся в Москве 6 апреля 1925 года, Котовский ратовал за сильную, хо-

рошо вооруженную и оснащенную пулеметами и артиллерией конницу, поддерживаемую всеми видами современной военной техники, в том числе специально приданными бронеподразделениями. Котовский верил, что в будущей войне при маневренных действиях конница сможет наносить врагам сокрушительные удары. В то время конница оставалась главной ударной силой Красной армии. Бронетанковые войска еще не были созданы.

На вопрос Шмерлинга, как Котовский относился к своим бойцам и коммунистам, Ольга Петровна в письме от 2 мая 1936 года ответила следующим образом: «Любимые бойцы? Любил он комбата Просвирина за его мудрость, Сливу, которым он восхищался за его выдержку, за сознательную храбрость, серьезность, честность. Любил он Криворучко, в нем он любил его смекалку, “хохлацкую хитрость”, но не любил в нем черты — жадность и жестокость.

Уважал Макаренко, любил как малого, капризного Нягу. Любил бойцов смелых, отважных; когда гибли, тяжело переживал их смерть.

О коммунисте. Он всегда говорил, что коммунисты и в своей личной жизни должны быть примером. Наша убогая обстановка отвечала этому. Он говорил, что будет говорить обыватели, враждебно настроенные, и агитир[овать] втихомолку против Сов. власти, если мы у богачей реквизируем и заберем в свое пользование, а не в учреждения детские и пр.».

Ольга Петровна подробно описала быт и характер Григория Ивановича: «В семейной жизни он признавал жену товарища, помощника, а не “украшение дома”. Возмущался, когда узнавал, что жена у кого-либо из бывших мещанка по укладу.

Директивы партии принимал конкретно, активно. Организовывал агроном. школу для молодежи комнезама (комитеты незаможенников. — *Б. С.*), помогал средствами, считал, сколько будет своих пролетарских агрономов; свою воен. кооперацию развернул по району, чтобы покончить с частной торговлей и т. д.».

В том же письме вдова Котовского отметила: «Признавал ли он, что неправ? Да. Не стеснялся, заявлял, что ошибся, просил извинения. Случай с Криворучко, Бройде и Левицким, когда 9-я див. неправильно информ[ировала] и он был недоволен на 3-ю дивиз., но когда выяснилось истинное положение, то на совещании он открыто заявил и извинился. Да и на фронте ошибок своих он не замазывал.

Когда он советовался со мной? Трудно конкретизировать — он обо всем со мной говорил, я под диктовку его писала все его доклады, он спрашивал мое мнение о тех или иных

работниках. Все новые его мероприятия хозяйствен. порядка — сначала мы обсуждали вдвоем, а затем созывалось совещание, кот. чаще всего было у нас на квартире.

Хорошее настроение? Это видно было по окружающим — народ был веселый, свободно шли, шутили, громко разговаривали — чувствовали себя свободно. Плохое настроение — избегала показываться на глаза и даже Черныш (ординарец Котовского. — Б. С.) находил какие-то срочные дела и уходил из дома, но так как знал, что это ненадолго, то скоро приходил, предварительно вызвав меня и узнав, в каком положении и можно ли идти без опасения, — курьезов было много.

Иногда он ловил нас на этих разговорах и все проходило — смеялся над нами».

Григорий Григорьевич Котовский вспоминал со слов матери: «После Гражданской войны Котовский, вместе со своим штабом второго кавалерийского корпуса, которым он командовал, был дислоцирован в украинском городе Умань, где его с женой поселили в доме бывшего военного коменданта города, в котором продолжали проживать вдова коменданта и ее племянница. Их хотели выселить, но Котовский запретил это делать. Я хорошо помню, как двухлетним малышом бегал к этой генеральше, которая из-за болезни всегда лежала на кровати, помню и племянницу. Вот так мы и жили в Умани до середины злосчастного 1925 года. Каждое утро Котовский пешком ходил в штаб, хотя были и машина, и штабные экипажи. Помнится, однажды разразился скандал — у него не оказалось сапог. Свои накануне он отдал какому-то беженцу из Бессарабии... Мама в это время уже не работала врачом, вела хозяйство вместе с теткой, таскали продукты с рынка, весь день стояли у плиты, потому что за стол менее 20 человек не садилось: адъютант, ординарцы, конюхи, беженцы из Бессарабии и т. д. Однажды мама заикнулась: нельзя ли взять для поездки на рынок экипаж? Отец очень рассердился: “Не дай Бог, потом скажут, что мадам Котовская ездит на экипаже”. Разве эта маленькая деталь не говорит о его облике?! Более того, когда отца убили и мы переехали в Киев, у нас ничего из имущества не было, и командир корпуса Николай Николаевич Криворучко купил нам кое-какую мебелишку».

Григорий Григорьевич также рассказывал: «Отец был страшно вспыльчивым, взрывной природы человек (по рассказам мамы, когда домой приходили командиры, они прежде всего спрашивали: “Как затылок у командира — красный или нет?”; если красный, то лучше было не подходить)».

Когда Котовский попросил Фрунзе обеспечить предприятия и торговые точки керосином и другими нефтепродуктами, тот посоветовал Григорию Ивановичу съездить в Баку и написал письмо председателю правления Азербайджаннефть и в ЦК КП(б) Азербайджана С. М. Кирову: «Податель сего письма является командир 2-го конного корпуса (член Российской Коммунистической партии и член ВУЦИКа) Котовский, прибывший в Баку по делу приобретения нефтепродуктов, необходимых для производственных предприятий корпуса. Тов. Котовский в смысле политическом и деловом пользуется абсолютным доверием и авторитетом у командования. Прошу Вас оказать всяческое содействие по удовлетворению просьб тов. Котовского. С товарищеским приветом М. Фрунзе».

Григорий Иванович стал правоверным марксистом (или по крайней мере старался, чтобы его считало таковым военно-политическое руководство). В партийной анкете Котовский писал: «Сейчас упорно работаю над своим марксистским самообразованием». Себя же характеризовал так: «Как командир-коммунист одновременно с военной и хозяйственной работой веду и политическую, всей своей работой претворяя в жизнь заветы Ильича». Заканчивая же автобиографию «Правда моей жизни», бывший атаман разбойничьей шайки писал о себе в третьем лице: «В Котовском пролетарская коммунистическая революция и коммунистическая партия имеют одного из самых преданнейших, готовых за ее идеи и задачи погибнуть каждую минуту; а мировая буржуазия имеет в лице Котовского смертельного, беспощадного врага, который каждую минуту готов к последнему решительному с ней бою».

В связи с тем, что в 1923—1924 годах прошли массовые сокращения Красной армии и демобилизация большей части личного состава, многие бойцы бывшей бригады Котовского оказались не у дел. Выходцам из Бессарабии просто некуда было возвращаться, а гражданских специальностей они зачастую не имели. И они писали многочисленные письма Котовскому. Вот некоторые из них:

«Дорогой наш товарищ командир! Я юношей оторван от родной семьи. Николай кровавый угнал меня на ту кровавую бойню, которая была затеяна для наживы капитала, но из этой войны мне удалось выйти живым. Не бросая оружия, я вступил в ряды Красной Армии. Это было в 1918 году, это было в тяжелую эпоху, когда наша революция была на краю гибели, когда на нас надвигались темные тучи, когда вихри враждебные веяли над нами. И тогда я поклялся держать крепко в руках оружие, с которым я недавно расстался, то есть 14 января

сего года. Когда мы покончили войну с нашими врагами, стали сокращать нас — старых бойцов. Не знаю, чем заняться в этой жизни. Возьмите служить меня обратно или дайте наставление... Пишу Вам, своему командиру, и от Вас надеюсь получить помощь».

«Дорогой тов. Котовский! Покорнейше благодарю за то, что Вы меня не забываете и послали десять рублей. Я их получил и благодарю Вас за этот подарок. Я сейчас нахожусь в больнице, лечу свои раны. У меня открылись два ранения, хотели вытащить пулю с левой стороны живота, но еще не вынули... Я пишу Вам, лежа на койке, и только думаю о Вас... Я поступил в Ваш отряд еще около станций Новосавицкой и Кучурганы в 1918 году. Уже сколько лет я из дому. Мирной жизни не видел, всё время был на позиции, а сейчас демобилизовался... Товарищ Котовский, жду Вашего приказа — что мне делать дальше?»

«Здравствуйте, дорогой отец наш, Григорий Иванович!

Вы читаете письмо от Забудько, Николая Ивановича. Я бывший командир вверенного Вам корпуса. От швали, которую мы разбили, остались только рожки да ножки. А вот мы, старые бойцы, остались без делов. Товарищ начальник! Вы сами знаете, что я был у Вас примером. Я был у Вас комвзводом. Возьмите меня обратно к себе, чтобы научиться быть таким артиллеристом, как был наш погибший папаша Просвирин, чтоб в будущем не воевали б мы с пушками, которые рвались бы у нас. Хочу умереть около Вас за трудящийся народ и вернуться в корпус. А пока до свидания. Желаю Вам всего хорошего. Поклон мамаше — Ольге Петровне».

«Я лично к Вам поехать не могу, у меня нет средств. Возьмите служить обратно или дайте наставление, как хлеб заработать и куда деваться. Пишу Вам это, своему вождю, и от Вас только надеюсь получить помощь».

Чтобы помочь трудоустройству демобилизуемых красноармейцев корпуса — уроженцев Бессарабии, Котовский в начале августа 1924 года создал Бессарабскую коммуну. Ей были переданы корпусные совхозы в Ободовке и Верховке. Котовский помог коммунарам получить 60 лошадей и три трактора «фордзона», закупленные в США.

Председателем коммуны был избран В. Ф. Левицкий, один из организаторов хотинского вооруженного восстания 1919 года. Для коммунаров Котовский «выбил» через председателя ВУЦИКа Г. И. Петровского динамо-машину. Коммунары взяли в аренду ободовскую мельницу, открыли макаронную фабрику, наладили сушку фруктов, изготовление повидла, а затем

фруктовых вин. Центром коммуны стало бывшее имение графов Сабанских в Ободовке. А в Умани Котовский учредил агрошколу. Кроме того, он набирал в коммуну агрономов из других агрошкол Уманьского уезда.

Заработал в Ободовке и молочный завод — всё это приносило хорошие доходы. Котовский говорил: «Сначала создайте человеку человеческие условия, а потом требуйте от него сверхчеловеческих усилий». Этот лозунг не вполне соответствовал лозунгам компартии, требовавшей от людей жертвовать всем, включая собственную жизнь, уже сегодня, а светлое коммунистическое будущее обещавшей только в не слишком близком завтра.

Каждому увольняемому в запас красноармейцу давали в корпусе памятку-наказ, составленную Котовским:

«Дорогой товарищ! Уходя из наших красноармейских рядов, постоянно помни наши боевые традиции, нашу революционную преданность Советской власти и всем трудящимся.

Помни, что стальные ряды нашего корпуса неизменно остаются грозными для наших классовых врагов. Про нашу боевую отвагу, про удачу наших кавалеристов, про бесстрашие в боях с врагами ты разнеси молву повсюду, куда бы тебя ни кинула судьба, воспитывая этим боевой революционный дух у рабоче-крестьянской молодежи... Не забывай своей части и поддерживай с ней связь письмами и через наши газеты. Чувствуя эту связь, мы еще с большей энергией будем охранять границы наших трудовых республик от хищников мирового капитала. Если все это ты исполнишь, будешь достоин носить славное имя красного воина и гражданина Советской Республики, будешь действительно активным строителем нашей страны и ее вооруженной мощи — Красной Армии...»

Приехавший из Киевского сельскохозяйственного института молодой агроном А. Петиков и Котовский разработали десятипольную систему севооборота. 70 процентов полей занимали зерновые и зернобобовые, 20 процентов — сахарная свекла, 10 процентов — многолетние травы. Урожаи сразу же поднялись. Уже на второй год в коммуне ввели гарантированную денежную оплату труда, организовали бесплатное общественное питание во время полевых работ, открыли бесплатные ясли.

Соседние крестьяне просили принять их в коммуну. Принимали с разбором, но чаще советовали и помогали создавать подобные коммуны в своих селах.

Бессарабская коммуна стала одной из лучших на Украине. В гости к коммунарам приезжали из соседних уездов и даже областей.

Незадолго до смерти Котовский писал коммунарам: «Дорогие товарищи! Очень рад слышать о ваших успехах. Рад, что вы оправдали все ожидания и перешагнули за них. Ваша коммуна становится вниманием нашего Союза, и это должно быть стимулом для всей коммуны по пути к образцу. Теперь вот что: посылаю к вам исключительную девушку, которая рождена для коллектива, для коммуны. Она учительница, она станет коммунаркой. Она всей душой рвется к работе такого характера, как ваша коммуна. Примите ее, эту рожденную для общественной, большой работы девушку и приобретете для своей коммуны большую ценность. Ее мы бы могли устроить учительницей в нашем районе, но повторяю: она рождена для коллектива, для коммуны и только у вас в вашей обстановке она может развернуться и дать много, много ценности. Прошу оказать этой симпатичной общественной работнице братскую встречу и товарищеское отношение.

Я думаю, дорогие друзья, что ввиду того, что ваши акции поднимаются всё выше и выше, не мешает осенью или зимой, когда я буду в Москве, поднять вопрос об отдаче вам ободовского сахзавода. Этот вопрос придется поставить на повестку дня, хотя вы об этом никому ничего не говорите до момента, когда нужно будет решительно нажать на ЦК и еще на кое-кого. Кооперацию рубль за рубль передал Молдавской Республике. Конечно, мы пошли на жертву, чтобы создать материальную базу для нашей молодой республики. Завод получил отдельное юридическое оформление от Совнаркома, и Попов является уполномоченным полной доверенностью юридического лица.

Я еду полечиться и осенью заеду к вам. Ну, будьте сильны и здоровы в своем движении вперед. Жму руку всем героям и героиням, образцовым коммунарам. Всегда душой с вами.

Ваш Г. Котовский».

Дочь одного из руководителей Бессарабской коммуны Николая Алексеевича Гажалова, бывшего начальника особого отдела в бригаде Котовского, Идея Николаевна Примаченко, родившаяся в 1926 году, уже после гибели Григория Ивановича, так вспоминала о коммуне: «Белокаменный дворец — паллацо с таким большим балконом, что там можно было танцевать. Вокруг белого палаццо заросли георгинов. Но не просто заросли, а ухоженные “заросли”. Садовник и несколько женщин тихих и незаметных, в низко натянутых платках до бровей, всё время что-то делают в саду. Рядом оранжерея. Там в низеньких горшочках выращивали рассаду. Оттуда же на носилках приносили ровные квадраты травы (дерн) и обкладывали этой травой гигантские клумбы. Женщины рыли какие-

то канавки, а нас, детей, заставляли засыпать их землей. Потом приходил старый, строгий садовник и сажал в них какие-то кустики.

Перед белым палаццо большая, круглая мраморная площадка. Вокруг нее белые мраморные скамьи со спинками — похожие на диваны. Здесь почти каждый вечер танцевали под духовой оркестр. В коммуне был открыт дом отдыха для красных командиров. Чудесный парк, небольшая речка. В коммуне было отличное хозяйство: племенной скот, хлебные поля, виноградники, пруды с рыбой, плантации клубники, бахчи, фруктовый сад, поливные огороды, молокозавод, винзавод, макаронная фабрика, пивоварня. Большая двухэтажная фабрика-кухня. Различные мастерские, баня, прачечная, детский сад. Дети там живут, только иногда их берут к себе родители. А когда мы приезжаем из Москвы, живем в доме для приезжих. Но мне не обязательно быть в детском доме, потому что я хожу уже в первый класс. Коммунары живут в двухэтажных домах, где нет кухонь. Все питаются на фабрике-кухне. Это новое, красивое здание, где большие светлые столовые. Столики обиты клеенкой в желтую и зеленую клетку. В кадучках пальмы, на стенах яркие панно. Продукты свежие, приготовлено вкусно, стол разнообразный...

Из разговоров в семье я знала, что коммуна плохо пополнилась новыми коммунарами. Даже беднота к нам идти не хотела. Только девичьи сердца не выдерживали, и бывшие бойцы обзавелись семьями. Только благодаря этому увеличилось число коммунаров. Мама вспоминала, что мужчины ходили в военной форме, гражданской одежды у них попросту не было.

В детском доме дают кипяченое молоко с жирной, вкусной пенкой и жареные пончики с повидлом. Но я запомнила и 33-й год. Голод. Мне было шесть лет. Нам, детям, не понятно, что случилось. На полдник дают кусочек черного хлеба и чайную ложку повидла».

Из этих воспоминаний можно понять, что только коллективизация основательно подорвала благополучие коммуны, которая стала носить имя Котовского...

Очевидно, очередь в коммуны стояла только при жизни Котовского. Крестьяне были привлечены легендарным именем и способностями Котовского, использовавшего свои связи в Харькове и Москве, чтобы выбивать для коммуны все необходимое, а также помогать коммунарам из фондов ВПО кавкорпуса. После гибели Григория Ивановича положение коммунаров значительно ухудшилось. У них уже не было прежних связей в партийных и правительственных структурах. К тому

же во второй половине 1920-х годов нэп уже всюду сворачивался, и доходы коммуны падали. Да и субсидии из кавкорпуса существенно уменьшились. Неудивительно, что в начале 1930-х годов коммуна имени Котовского была не более привлекательна для крестьян, чем создаваемые в ускоренном порядке колхозы.

Котовский, как уже говорилось, активно внедрял физкультуру в подчиненных ему войсках. Ольга Петровна вспоминала: «Он был пионером спорта. Над ним смеялся и Фрунзе, но он упорно шел, считая, что физкультура воспитает бойца в выдержке характера, физически сделает его сильным, выносливым».

Владимир Шмерлинг так писал об увлечении Котовского физкультурой: «Котовский присутствовал на утренней зарядке красноармейцев, показывал им свой комплекс физических упражнений. Он требовал, чтобы по утрам все мылись холодной водой до пояса, а зимой растирали себя снегом. Он всегда подчеркивал необходимость ежедневной тренировки и постоянной закалки организма.

— Я каждый день всю свою жизнь занимался гимнастикой, и это мне пригодилось. А в будущей войне нам нужно быть особенно сильными. Занимайтесь физкультурой, — говорил Котовский.

Во всех казармах корпуса были оборудованы просторные гимнастические залы. А однажды, по указанию комкора, в казармы было доставлено большое количество сорокаведерных бочек и кадешек, которые предназначались для купания бойцов в холодной воде в осеннее и зимнее время. Котовский считал, что, если такую процедуру заканчивать бегом, она укрепит организм человека.

— Пусть даже один заболит, но зато десятки и сотни станут выносливыми и закаленными, — говорил Котовский.

С первых весенних дней он начинал купаться в реке. Сохранились снимки: Котовский купается в Буге во время ледохода. Он влез на льдину и делает на ней, как на ковре, гимнастику. Вместе с ним купаются командиры и бойцы.

Огромное внимание уделял комкор развитию конного спорта. Он хотел, чтобы каждый гарнизон имел свой ипподром. Между частями часто устраивались конные соревнования».

Подозреваю, что не всем бойцам нравилось увлечение комкора физкультурой, когда, помимо маршей и учений, их еще, помимо утренней зарядки, заставляли в свободные часы поднимать тяжести, бегать или делать гимнастические упражнения. Но деваться было некуда.

Котовский также требовал, чтобы каждый полк в корпусе имел свой оркестр. По старой памяти, Григорий Иванович сам учил красноармейцев играть на корнете, трубе и валторне.

Произошли важные события и в личной жизни Григория Ивановича. В ночь с 5 на 6 февраля 1923 года, в 1 час 30 минут у Котовского родился сын Григорий, впоследствии ставший известным историком-индологом. Ольга Петровна вспоминала в письме Шмерлингу 2 мая 1936 года: «Григорий Иванов. был в это время в Москве. Штаб дал телеграмму в Штаб округа в Харьков для Григ. Ив., но он уже выехал в Москву, и Харьков направил телеграмму в Москву. Он выехал в Умань, но сообщение было из-за заносов прервано на несколько дней, и он сидел в Киеве и первой дрезиной приехал. Он мне говорил, что и в Москве, и в Киеве все знакомые уже знали и поздравляли с сыном и требовали “вспрыснуть” событие. Он был смущен. Он стремился скорее увидеть и ощутить это новое чувство.

Он, как говорил мне, не мог определить первые моменты своего ощущения, но чувствовал какой-то перелом, какие-то новые обязанности. При поздравлениях чувствовал неловкость. По приезде долго рассматривал ребенка, а потом сказал “он — мой, а не твой”, т. е. что он будет его копией. На вопрос, какое имя я дала, я ему в шутку ответила, что — разделение труда — я родила, а он пусть дает имя. Я даже не ожидала, как это на него подействовало. Он задумался, отходил, опять подходил, смотрел, пощупал кожу — “Если какому бандиту удастся прикончить меня, пусть не радуются, будет второй Григорий Котовский, — ты его сумеешь воспитать”.

Так стал у нас Гришута маленький и Гриша большой.

У Гришуты была блестящая память и к 2-м годам он знал азбуку, книжечки читал наизусть, когда папа показал раз ему локомотив и названия всех частей и для чего они, то на другой день Гришута сам рассказывал все верно, — папа был горд и считал, что это феноменальный мальчик, и прочил его в инженеры».

Кроме родных детей (дочь Елена родилась уже после его смерти) у Котовских был приемный сын Митя. О его появлении Ольга Петровна в письме Шмерлингу рассказывала так: «Как попал Митя? В 1923 г. Митя был курьером в Красной гостинице в Харькове. Григ. Иван. всегда останавливался в этой гостинице, и Митя выполнял его поручения. Григ. Ив. обратил внимание на ровного, точного в исполнении, всегда с книжкой под мышкой мальчика. В один из своих приездов он спросил Митю, откуда он, почему не учится, и быстро решил судьбу. Через 3 часа едем в Умань, у тебя будет мать (моя жена), она

позаботится о тебе, и из тебя выйдет человек. Митя в тот же день выехал в Умань с Верховским, а Григ. Ив. задержался. По приезде в Умань он вспомнил о Мите, кот. находился у Верховского и страдал от того, что был на положении нежелательного приживальщика. Григ. Ив. сразу догадался, что Митя морально страдает, и сейчас же привел его домой. Лето он прожил у нас, поправился, и к 1/IX устроили его на рабфак в Софиевке, там он жил в общежитии, но редкий день он не был [у нас в] свободное время, хотя расстояние было порядочное — 5—6 км, но он привязался к нам. Да и питание там было плохое, Лиза сердобольная, бывало, еще ему на завтрак в карманы насыет и сала и хлеба. Он считался членом нашей семьи.

Когда получалось жалованье, то Григ. Ив. выдавал им карманные деньги — Мите, Кальке и ординарцу. Мы получали тогда 190 руб., и он выдавал им по 10 руб.».

В Умани Котовский жил на окраине города, в Пролетарском переулке. Он занимал небольшой особняк, принадлежавший раньше уездному воинскому начальнику. В кабинете Котовского висела большая карта Европейской России, а на столе, покрытом темно-зеленым сукном, стояли гипсовая статуэтка Ленина и черный бюст Карла Маркса.

Эмигрантский писатель Роман Гуль почему-то полагал, что Котовский просто купается в роскоши: «В роскошном кабинете командира корпуса — драгоценное оружие по стенам, мебель красного дерева с бронзой, карельская береза, из соседней комнаты слышен радиоаппарат, передающий Лондон. Здесь всё приятно глазу и слуху, только необычный костюм, да непринужденный басовый смех хозяина смущают иностранных гостей.

Но за ужином, переливаясь, горит хрустальная барская люстра. Ловко и бесшумно, как дрессированные мыши, бегают, подают ординарцы. Меняются блюда, водки, вина, шампанское. В русских и польских руках чокаются перезвоном бокалы и рюмки».

Котовский всегда вставал очень рано, летом в пять утра, зимой в шесть. В кабинете, за ширмой, у него были большая эмалированная ванна и кувшин. Среднее окно в кабинете не замазывалось на зиму. Котовский делал гимнастику при открытом окне, а потом обливал себя водой и докрасна растирал грудь полотенцем.

Летний распорядок дня у Григория Ивановича был таким:

Подъем — в 5 часов.

Гимнастика и тренировка — до 6 часов 30 минут.

Завтрак — до 7 часов.

Занятия — до 10 часов.

Тренировка — до 10 часов 30 минут.

Занятия — до 13 часов 30 минут.

Тренировка — до 14 часов.

Занятия — до 15 часов 30 минут.

Тренировка — до 16 часов.

Обед — до 17 часов.

Занятия — до 21 часа.

Гимнастика и тренировка — до 22 часов 30 минут.

Сон — с 23 часов.

Бросается в глаза, что на гимнастику и спортивные тренировки Котовский тратил 4,5 часа, а на занятия, включавшие как командование корпусом, так и самообразование, — 11,5 часа. Он фактически не отдыхал, вернее, гимнастика и спорт служили ему отдыхом.

Котовский любил уединение. Он однажды записал в дневнике: «Сила уединения очень важна». Может, он и не был так счастлив в жизни, как казалось окружающим?

Утром Котовский составлял план того, что должен сделать в течение дня. В Умани это больше были хозяйственные дела, чем боевые. И они Котовскому были не в тягость. Ведь как раз решать подобные вопросы он в свое время учился в Кокорозенской сельскохозяйственной школе.

Котовский говорил: «Если жить только для себя, так вообще не стоит жить».

По свидетельству Ольги Петровны, несмотря на большие доходы по линии ВПО, они с Григорием Ивановичем жили довольно скромно: «Мы в Умани жили в Пролетарском пер., бывш. Дворянском, в доме, принадл[ежащем] б. Уездному Воинскому начальнику, где жила вдова-генеральша. Она была парализована и жила со своей племянницей. Григ. Ив. оставил ей кабинет и парадный ход в пользование, весь дом мы занимали — 6 комнат. По улице б. гостиная приблизительно 5×8 метр. в 3 окна и наша спальня в 2 окна, рядом комната Лизы (сестры Ольги Петровны. — Б. С.), затем для прислуги столовая, ординарцев, коридор и кухня.

Обстановка убогая. В кабинете в простенке стояло трюмо генеральши. Посередине ближе к окну письменный стол, деревянное кресло от окна к письменному столу и перед письменным столом 2 старых красных бархат[ных] кресла. Направо в углу диван и 2 кресла, др. стулья желтого плюша, затем фанерный столик, заполненный газетами, у другой стены этажерки с книгами, кот. я хотела “профилактически” перенести в спальню, т. к. гости “зачитывали” нужные книги.

Налево при входе за ширмой стояла ванна эмалированная, кувшин и таз для умыванья. Среднее окно на зиму не закрывалось, т. к. Гр. Ив. ежедневно делал гимнастику при открытом окне, а затем я обливала его холодной водой из ведра, вставши на стул. За стеной старая генеральша слышала плеск воды и шум в открытое окно и куталась, ей было страшно. Но Григ. Иванов. она очень уважала, хотя он был и “большевик”.

Из окон видно было далеко поле и полотно жел. дороги. Поезд из Киева можно было видеть за полчаса до прихода на станцию. Я поджидала у окна появления поезда и посылала на станцию, ставила завтрак (поезд утром). Когда он приезжал, было всё готово».

Жена Котовского рассказывала Шмерлингу, что Котовский и при советской власти защищал тех, кого, как он полагал, несправедливо обидели, не боясь при этом конфликтовать с карательными органами: «О человеке, пришедшем за защитой к Грише. С утра был “большой день”, т. е. было много работы, много просителей и т. д. Усталый Гриша лег отдохнуть и сказал, что больше сегодня принимать никого не в состоянии.

Вечерело. Меня вызывает ординарец — спрашивает комкора какой-то человек. Я его расспрашиваю, он не хочет ничего сообщить мне; я ему говорю, что тогда он пусть придет с утра назавтра, в ответ: “Значит, такова моя судьба, чему быть не миновать”. В его голосе я почувствовала всю обреченность погибающего. Я ввела его в столовую, а сама пошла к Грише, разбудила его и рассказала ему о своем впечатлении. Сказал, чтобы я привела его к нему. Профилактически дала Грише револьвер, привела и сама стою.

Человек просит, чтобы остаться с Гр. Ив. с глазу на глаз, но Гриша заявляет, что это моя жена и верный товарищ, от кот. у него нет никаких тайн. Тогда человек рассказал, что он работал на выбор. должности около Ананьева (исполнял предсельсовета или кем-то). Уполномоченный Чека сошелся с его женой. Чтобы избавиться от него, уполномоченный создал какое-то дело. Он бежал, и его заочно приговорили к расстрелу, тогда заложником взяли его сына. Он был на Донбассе, но подходил срок, и он боялся за сына. Тогда он решил на последнее средство — отдаться в руки Котовского.

Выслушав рассказ, Гриша написал председателю Одесского ГПУ и ночью письмо отправил с курьером, а этого человека оставил у себя в квартире.

Через 2 дня вернулся курьер с ответом: того уполномоченного отдан приказ арестовать; дело назначено к пересмотру.

Спустя несколько дней Гр. Ив. получил для него оправдательный приговор, и человек уже реабилитированный выехал к себе на родину. Это было в начале осени. Через год он приезжал со своей дочкой в гости и привез повозку арбузов в подарок. Когда Гр. Ив. узнал про арбузы, то страшно разозлился, но тот рассказал, как он на своем огороде отвел место, как каждый куст окапывал, каждый день следил, чтобы вырастить отборные арбузы, ибо он узнал, что Гр. Ив. любит арбузы. Он каждый день думает о своем спасителе. Гр. Ив. сдался, а арбузы были все на славу хорошие».

Когда Котовский приезжал из Москвы, он привозил чемоданы книг. Его хорошо знали все московские букинисты. Он часами проводил на книжных развалах у лубянской стены. Котовский интересовался не только военной и политической литературой, но и собирал книги и статьи по механизации сельского хозяйства, сахароварению, ветеринарии.

По свидетельству Ольги Петровны, из художественной литературы Григорий Иванович тогда увлекался Виктором Гюго и Жюлем Верном, читал Льва Толстого, хвалил «Аэлиту» Алексея Толстого. По поводу «Аэлиты» Григорий Иванович говорил, что «Толстой, может быть, не желая того, но верно дал образ “гнилого интеллигента”, как он всегда говорил про “аполитичную” интеллигенцию». Еще читал Жана Жореса, Георгия Плеханова и Михаила Покровского

На вопрос Шмерлинга, какие блюда любил Котовский, его вдова ответила так: «Он сладкоежка. Хотя было трудно, но я его все-таки баловала — давала всякие коржики, пирожки (если позволяла стоянка), любил мамалыгу, брынзу, чеснок, сало с красным вином не больше 1 стакана, борщ молдаванский с красным перцем. Чтобы угодить его вкусу, я пробовала перед подачей, если весь рот горит, значит, ему понравится. Очень любил пампушки с чесноком — это булочки величиной с волошский орех, горячие из печки складываются в миску, обливаются (салом?) с тертым чесноком и покрываются. Через 15 минут они становятся мягкими, смазанными салом и “воняют” чесноком. Я не выношу чеснока, а потому, давая на стол, устраивала активную вентиляцию.

Самое любимое — мороженое, кот. он ел дома с глубокой тарелки и столов. ложкой, его темпераменту претила чайная».

Как утверждал сын Котовского, «он никогда не курил, а пил только вино, и то когда собирались бессарабцы. Лишь однажды он напился и уснул за столом: было выпито ведро молдавского вина!».

Интересно, что, по словам его жены, Григорий Иванович никогда не брил себе голову сам. Это делали его подчиненные. Котовский говорил, что опасается силы своих рук, из-за чего может нечаянно порезаться.

Глава 12 **УБИЙСТВО**

Вот мы и подошли к самой печальной главе. В 1925 году Григория Ивановича все чаще и чаще беспокоил желудок, и Котовский поехал в Москву на обследование. Возможно, сказалося пристрастие к острым блюдам молдавской кухни. Диагноз был поставлен не самый приятный — невроз кишечника. По совету Фрунзе Котовский отправился на короткое время в совхоз «Чебанка» (сейчас по-украински он называется «Чабанка»), где был небольшой, всего на 30 человек, дом отдыха. Там он встречался с местными пионерами и с кинематографистами, которые собирались снимать фильм о котовцах. Григорий Иванович рвался в Умань, в штаб корпуса. В Чебанке они с Ольгой Петровной жили в отдельном флигеле на берегу моря. Из Чебанки Котовский писал в корпус: «Отдых морально удовлетворяет мало. Не могу привыкнуть к бездельничанью». На отдыхе Котовский обдумывал киносценарий о подвигах своей бригады, научился играть в крокет.

Шестого августа 1925 года, в последний день своей жизни, Котовский побывал на костре у пионеров, рассказывал им о своей юности и подвигах в Гражданскую войну, о подавлении антоновщины. На следующий день с утра они с женой собирались вернуться в Умань. Отдыхавшие в санатории котовцы устроили комкору прощальный ужин. За доброй чаркой вина засились далеко за полночь. Ольга Петровна устала и ушла пораньше, муж остался догуливать. Потом начальник охраны сахарного завода Мейер (Майорик) Зайдер вышел с Григорием Ивановичем на крыльцо, чтобы поговорить... Через некоторое время послышался выстрел. На месте преступления была найдена фуражка Зайдера со следами крови Котовского. Ее и тело комдива отправили на судебную экспертизу.

Приказ Реввоенсовета Республики в связи с гибелью Котовского, подписанный Фрунзе, гласил:

«6 августа в городе Одессе убит командир 2 кавалерийского корпуса тов. Котовский, Григорий Иванович.

Тов. Котовский — революционер-подпольщик, с первых дней Гражданской войны стал в ряды Красной гвардии, а за-

тем армии, командуя вначале горсточкой храбрых кавалеристов-партизан бессарабцев против оккупационных румынских войск. В дальнейшем этот отряд развернулся под его руководством в дивизион, полк, бригаду и, наконец, дивизию — 3 Бессарабскую.

Имя тов. Котовского и руководимые им части Красной конницы пользуются широкой известностью в армии и стране, в особенности же среди трудящихся Украины, где они в борьбе с германскими оккупантами, петлюровскими бандами, Деникиным и белополяками вписали в историю Гражданской войны и Красной конницы ряд героических подвигов.

Не раз пули врагов ловили этого героя-командира в открытом бою. Не раз шпионы и бандиты готовили ему смерть из-за угла. Он оставался жив там, где, казалось, смерть была неизбежна.

И вот теперь предательская пуля убийцы вырвала его из наших рядов. Случай беспрецедентный. Тот, у кого поднялась рука на такого человека, — или безумец, или предатель, какого еще не знала страна. Революционный суд воздаст должное преступнику, но не вернет стране и армии того, чье имя было грозой врагов, чья шашка была надежной защитой советской земли.

Красная Армия и Красная конница потеряли одного из лучших командиров. Союз Советских Социалистических Республик лишился преданнейшего делу революции бойца.

Прощай, дорогой товарищ!

Красная Армия сохранит о тебе память навсегда. На твоих боевых подвигах воспитывались сотни командиров. Они будут и впредь примером для бойцов Красной Армии в грядущих битвах за рабоче-крестьянское дело.

В увековечение памяти тов. Котовского 3 Бессарабской кавалерийской дивизии, организатором которой был тов. Котовский, присвоить его имя и впредь именовать “3 Бессарабская кавалерийская дивизия имени тов. Котовского”».

Перед этим Фрунзе направил специальную телеграмму и бойцам 2-го кавкорпуса, где отозвался о погибшем комкоре менее официально, с теплотой и болью: «Сегодня мной получено донесение о смерти тов. Котовского. Известие это поражает своей неожиданностью. Выбыл лучший боевой командир всей Красной Армии. Погиб бессмысленной смертью в разгаре кипучей работы по укреплению военной мощи своего корпуса и в полном расцвете сил, здоровья и способностей. Знаю, что ряды бойцов славного корпуса охвачены чувством скорби и боли. Не увидят они больше перед собой своего командира-

героя, не раз водившего их к славным победам. Умолк навеки тот, чей голос был грозой для врагов советской земли и чья шашка была лучшей ее оградой.

Рука преступника не остановилась перед тем, что она поднимается против лучшего из защитников республики рабочих и крестьян. Она решилась на позорнейшее, подлейшее дело, результат которого будет на радость нашим врагам.

Вся Красная Армия сверху донизу переживает те же чувства тяжелой утраты и боли. От имени всех бойцов Красной Армии и Красного Флота, от имени рабоче-крестьянского правительства Союза ССР выражаю осиротелым бойцам корпуса горячее братское соболезнование. Пусть память и славное имя почившего героя-командира вечно живут в рядах бойцов его корпуса. Пусть и в мирное время, и в грозный час военных испытаний служит оно путеводной звездой в жизни и работе корпуса. Почившему комкору вечная слава!»

Сталин же 9 августа телеграфировал из Сочи Молотову, просив также показать телеграмму Бухарину. В ней, среди прочего, были такие строки: «Как здоровье Фрунзе? В какой обстановке убит Котовский. Жаль его, незаурядный был человек».

Одиннадцатого августа Одесса провожала Котовского в последний путь — его должны были похоронить 12 августа в Бирзуле, которую предполагалось сделать столицей автономной Молдавии.

В Бирзулу приехали инспектор кавалерии Красной армии С. М. Буденный, командующий вооруженными силами Украины и Крыма А. И. Егоров, командир полка И. Н. Дубовой, командир отдельной сводной Черниговской бригады П. Е. Княгницкий, секретарь ВУЦИКа А. И. Буценко, председатель ЦИК АМССР Г. И. Старый, заместитель командующего войсками Украинского военного округа К. А. Авксентьевский и командир дивизии Н. Н. Криворучко. На похоронах также присутствовал И. Э. Якир, в тот момент — начальник Главного управления военно-учебных заведений РККА и прежний командир Котовского в бытность того в составе Южной группы и на Польском фронте. Якир поднялся на трибуну и сказал бойцам-молдаванам и коммунарам из Ободовки: «Это был большой, огромный человек, титан, который никогда не забывал о задачах пролетарской революции. Человек огромной физической силы, он был мягкий, добрый, хороший товарищ. Из маленькой группы друзей и соратников образовалась бригада, таявшая в бою, снова выраставшая и выступающая снова, могучая, не знающая поражений...»

Эти проникновенные, душевные слова Якира о Котовском ставят под сомнение утверждения Ольги Петровны Котовской о том, что между Григорием Ивановичем и Ионой Эммануиловичем пробежала черная кошка, по крайней мере в последние годы. Не исключено, конечно, что Якир завидовал карьере Котовского и его растущей славе. Но это — лишь умозрительные рассуждения, которые трудно подтвердить конкретными фактами.

М. В. Фрунзе по состоянию здоровья на похороны не приехал и ограничился телеграммой, третьей по счету. В ней говорилось: «...не раз пули врагов ловили этого героя-командира в открытом бою. Не раз шпионы и бандиты готовили ему смерть из-за угла. Он оставался жив там, где, казалось, смерть была неизбежна. И вот теперь предательская пуля убийцы вырвала его из наших рядов...

Вся Красная Армия, сверху донизу, переживает те же чувства тяжелой утраты и боли. От имени всех бойцов Красной Армии и Красного Флота, от имени рабоче-крестьянского правительства Союза ССР выражаю осиротелым бойцам корпуса горячее братское соболезнование. Пусть память и славное имя почившего героя-командира вечно живет в рядах бойцов его корпуса. Пусть и в мирное время, и в грозный час военных испытаний служит оно путеводной звездой в жизни и работе корпуса. Почившему комкору вечная слава!»

Такое пристальное внимание к гибели Котовского со стороны главы военного ведомства может служить косвенным доказательством того, что между ними действительно существовали тесные дружеские отношения.

Как писала газета «Правда», «ровно в 4 часа под звуки похоронного марша члены Реввоенсовета и союзного, украинского и молдавского ЦИК опускают гроб в могилу. Гремят салюты орудий и траурно и долго гудят гудки паровозов и железнодорожных мастерских. В этот момент один из красноармейцев-котовцев вскрикивает: “Вперед, товарищи!””, бросается к могиле тов. Котовского и падает в обморок. У свежей могилы с последней короткой речью выступил командир дивизии имени тов. Котовского, тов. Криворучко».

Следует добавить, что в день похорон родилась дочь Котовского Елена.

Котовский вторым после Ленина удостоился высшей в то время посмертной почести — собственного мавзолея, который возвели в Бирзуле. Из Чебанки тело Котовского доставили в здание Одесского медицинского института, где оно было забальзамировано. Туда уже на следующий день после его ги-

бели направились московские специалисты-бальзамировщики во главе с профессором В. П. Воробьевым. В Бирзуле в небольшом полуподземном помещении был установлен стеклянный саркофаг, где находилось открытое для обозрения тело Котовского. Рядом, на бархатных подушках, лежали его наградное оружие и ордена. В 1934 году над бессарабским мавзолеем надстроили трибуны, возле которых проходили парады по образцу московских. 5 августа 1941 года румынские войска разрушили трибуну над могилой Котовского, а тело извлекли из мавзолея и захоронили в общей могиле. Шмерлинг отмечает, что после освобождения Котовска 31 марта 1944 года, «благодаря усилиям граждан города, было установлено место, где находился похищенный врагами гроб с прахом героя. После раскрытия ямы было обнаружено, что цинковый гроб Котовского разбит, расплюсчен, останки перевернуты и перемешаны с землей и битым стеклом». Между тем родилась легенда, будто рабочие сразу же после разрушения мавзолея вырыли тело Котовского из могилы и три года, до прихода советских войск, хранили его в остродефицитном спирте, чтобы не протухло. Разумеется, такая легенда сегодня воспринимается как анекдот. Над сохранившейся подземной комнатой надстроили гранитную стелу с барельефом Котовского, а тело опять поместили в мавзолей. Поскольку город Котовск был в 1940 году оставлен в составе Украинской ССР, то теперь могила Котовского находится на территории Украины. Как утверждает очевидец, «сегодня вход в мавзолей преграждают железные, выкрашенные в зеленое двери, на которых висит ржавый замок. Ключ от него находится в местном музее, который давно работает только по большим праздникам. С трудом отогнув дверной створ, нам удалось заглянуть внутрь и осветить крохотную, но очень колоритную комнату, облицованную белым кухонным кафелем. В ней стоял обитый малиновым бархатом гроб, несколько обычных кладбищенских венков и писанный маслом портрет комбрига при всех его орденах. Трогательный провинциализм этого “мавзолея” рождает особое почтение, которое не всегда вызывают крупные, всем известные монументы»*.

Вокруг обстоятельств убийства Котовского сразу же возникло много толков. Н. В. Брусилова в августе 1925 года записала в дневнике: «В газетах от 6 августа были напечатаны телеграммы из Одессы о том, что командир 2-го кавалерийского корпуса Г. И. Котовский предательски убит, и приказ, как все-

---

* <http://fleri-a.livejournal.com/233631.html>

гда, с большим пафосом и неправильными сведениями по этому поводу от Революционного Военного Совета СССР. Для исторической правды хочу добавить несколько слов. Убит он был будто бы из-за женщины, такая молва идет с юга, но это подробность, не имеющая большого значения. Человек он был действительно незаурядный, храбрости у него отнять никто не может, но чтобы это был идейный политический боец, это сущий вздор. Политика, революционность и борьба за меньшую братию и тем более коммунизм — эти ярлычки были приклеены ему гораздо позднее...

А теперь бедняга погиб. Нашла коса на камень. Сложил свою буйную головушку совершенно неожиданно. Карма. Возмездие по-индусски — карма.

Но повторяю, ни большевиком, ни тем более коммунистом он никогда не был».

С тем, что Котовский никогда не был правозерным коммунистом, можно согласиться. Даже Ольга Петровна, перечисляя круг чтения своего мужа, не назвала ни Маркса, ни Ленина, а только — меньшевика Георгия Плеханова и французского социалиста Жана Жореса (можно предположить, что он читал написанную Жоресом историю Великой французской революции). Возможно, Котовского привлекали идеи анархизма и немарксистского социализма. Но все это само по себе не являлось серьезным мотивом для Сталина и других советских руководителей, чтобы пойти на его физическое устранение. Ведь тот же Буденный отнюдь не был правозерным коммунистом и, подобно Котовскому, вряд ли когда читал Маркса или Ленина. А лучший друг и ближайший соратник Климент Ефремович Ворошилов подозревал Буденного в приверженности крестьянской стихии, о чем тайно писал Сталину. Однако все это не помешало ему стать живой легендой и культовой фигурой советской истории и благополучно дожить до глубокой старости.

Роман Гуль полагал, что «вероятнее всего, Котовского убил агент ГПУ по приказанию свыше».

А вот письмо Ольги Петровны Котовской от 24 ноября 1937 года, адресованное Владимиру Шмерлингу, автору первой биографии легендарного комкора, в связи с выходом этой книги:

«Дорогой Володя!

Вы просите меня написать Вам подробно, так сказать, расшифровать мое последнее письмо (от 7 ноября — о предательстве галицийских частей, где были такие строки: “Читая книгу, я вновь перенеслась в прошлое, проанализировала в связи

с настоящим взаимоотношения с вышестоящим командованием, тонкую их травлю его и последующее поведение их после убийства Григория Ивановича. Грязь, какую они лили на Григория Ивановича, не коснулась его, а они все разоблачены и предстали перед судом как фашистские шпионы”). Я ждала с нетерпением появления книги — правды о Котовском без надуманного, ложного. Книга вышла правдивой, за исключением причины убийства Котовского. Раскрытие шпионской организации открыло мне глаза и на причину гибели Григория Ивановича.

Если мы проследим за взаимоотношениями между Григорием Ивановичем, с одной стороны, и Якиром, Гарькавым, Гринштейном, Левензоном, Гусаровым, Примаковым, — с другой стороны, то они логически вели к одной цели.

Лично Григорию Ивановичу все они льстили, побаивались его прямоты, оказывали ему всяческое внимание, а в его отсутствие всеми способами старались дискредитировать его.

Снабжение в то время было вообще слабое, но из того, что было, наша бригада вообще ничего никогда не получала. Я помню, когда перед операцией против Петлюры было катастрофическое положение с седлами и Григорий Иванович обратился непосредственно в штаб Армии, и для бригады дивизия получила 600 седел, но бригада не получила ни одного седла, а они были распределены между пехотными бригадами и штабом дивизии.

В письме Григория Ивановича ко мне об описании боя с петлюровцами и 8-й червонной Примакова, у Григория Ивановича закрадывались сомнения, что они хотели, считая, что фронт уже окончен, прикончить бригаду, ее славу полным разгромом бригады и гибелью Котовского, — все же победы присвоить себе. В Южном походе всю тяжесть боев вынесла на себе бригада; Якир же оберегал себя и впадал в истерику, — а получил орден Красного Знамени, который скрывал от Григория Ивановича, при нем никогда не носил.

На участке Жмеринка — Комаровцы лошади у нас голодали, т. к. дивизия не снабжала фуражом, и мы сами взялись за снабжение. На польском фронте трусость и растерянность Якира была “притчей во языцех” у бойцов. Котовский в беседе с Якиром подшучивал над его трусостью, а их компания характеризовала Григория Ивановича не как партийца, а как военного профессионала.

Григорий Иванович тяжело переживал такое отношение к себе. Он говорил мне: “сначала были меньшевики, а сейчас стали большевиками, а попросту карьеристы, благо родствен-

ничек Троцкий помогает” (Якир ни в каком родстве с Троцким не состоял. — Б. С.).

Польский фронт окончен. На борьбу с Махно бригада входит в состав группы Примакова. Примаков делает ряд грубейших ошибок в операции против Махно, и тогда его отстраняют от руководства этой операцией, а Котовский продолжает эту борьбу. Но время и место упущено, и бригаде пришлось измором брать Махно, кот. только с горсточкой переправился в Румынию.

По приезде после похода бригады в Тарашу приехал к нам Примаков. Он с Григорием Ивановичем долго говорил наедине, а затем Примаков раздраженный вышел и уехал сейчас же. Григорий Иванович говорил мне, что он принципиально разошелся во взглядах с Примаковым и работать с ним не может, о чем и доложит командующему. Вскоре мы вышли из группы Примакова... (далее следует эпизод встречи Котовского с Троцким в связи с намерением последнего назначить Григория Ивановича командовать дивизией в Тамбовской губернии. — Б. С.).

Григорий Иванович назначается командиром 9-ой дивизии, кот. входит в состав 3-го корпуса, кот. командовал, кажется, Кутяков. Комкор сейчас же приказывает расформировать бригаду, а комсостав направить в резерв штаба корпуса. К этому времени бригада только что получила Красное Знамя от ВЦИКа за ликвидацию антоновщины. Григорий Иванович в ответ на этот приказ подает командующему мотивированный рапорт о демобилизации его, на что не получил разрешения, а был приказ отменен и снят командир корпуса.

В это время появилась на Украине диверсионная банда под командованием атамана Тютюнника-Паляя. Она оперировала в расположении дивизии Примакова, снабжаясь трофеями от 8-й дивизии, пулеметами и т. п. Банда подходила к Киеву (была около Тетиева). Т. Фрунзе вызвал Котовского к проводу и приказал ему ликвидировать банду. Т. к. мы только что прибыли на Украину, бой с бандой вела 8-я дивизия. Котовский просил т. Фрунзе идти только со своей бригадой, на что получил разрешение. Банда Тютюнника-Паляя была ликвидирована бригадой.

Он говорил мне, что когда он прибыл в Тетиев доложить т. Фрунзе о выполнении боевой задачи, то встретил там Якира, Гарькавого, Дубового и в их встрече он почувствовал какую-то злобу, досаду на него. Ему казалось, что они завидовали его успеху. Он раздумывал, что неужели в смертельной схватке с классовым врагом может иметь место личная зависть, карьеризм.

Так постепенно у Григория Ивановича складывалось мнение об этих “товарищах”. Их двуличность по отношению к себе угнетала его, а их поведение на фронте создавало о них мнение, что на героизм они не способны, и по свойственной ему прямоте он им говорил об этом.

Особенно его поразило барахольство Якира: нашей бригадой была взята Б. Церковь, где находился нетронутым дворец Браницкой. Григорий Иванович распорядился, чтобы до моего приезда никто не распоряжался там, а мне оставил распоряжение — носильные вещи распределить между сотрудницами бригад, а ценные вещи с комиссаром бригады учесть и сдать прибывшим гражданским властям. Когда через несколько часов я прибыла в Б. Церковь, то во дворце застала только несколько чемоданов, не увезенных еще Фирой Голубенко, да на лестнице столовой серебряный нож, очевидно, кем-то обро- ненный.

Гражданские власти потребовали возврата от дивизии фамильного серебра и золотых вещей Браницкой, на что Якир ответил, что все забрал Котовский. Я протестовала, чем кончилось, не знаю, т. к. с пер[едовым] отрядом пошла в Сквиру.

Тогда же к нам явился какой-то гражданин, отрекомендовался родственником жены Якира из Одессы и предложил взять на сохранение наши ценные вещи, т. к. он едет с сопровождаемыми и везет вещи Якира, Голубенко и т. д., а так как вещей у нас, ни ценных ни бесценных, не было, то Григорий Иванович попросту выгнал его.

В 1922 г., когда я приезжала в Киев демобилизоваться, то заходила к Якиру и видела столовое серебро Браницкой у них за обеденным столом.

Они старались во всем полить грязью Котовского, даже в мелочах: когда Григорий Иванович взял карлика Фому, вырвал его из ужасающей нищеты, чтобы сделать его полезным человеком и помощником матери-вдове, то они пустили злую шуточку — Котовский мечтает стать настоящим баринном, завелся шутком-карликом. (Про карлика Фому подробно написал Шмерлинг в биографии Котовского, изданной в 1950 году: «...Как-то комбриг, проезжая через украинское село, обратил внимание на мальчугана-карлика. Мальчик оживленно что-то рассказывал окружавшим его ребятам, Котовский подъехал ближе и прислушался. Он решил посмотреть, в каких условиях живет этот мальчик, поразивший его своей рассудительной речью. Подъехав к грязной хатенке, Котовский переступил порог и увидел неприкрытую, безысходную нищету. Мать карлика была вдовой. Она осталась одна с многочисленными

детьми. За ее юбку держалась маленькая девочка, тоже карлица. Мать рассказывала Котовскому о Фоме — так звали мальчика-карлика. Трудно ей было прокормить детей. Фома присутствовал при этом разговоре; он смотрел исподлобья то на военного в красных штанах, то на мать.

— Ну, так отдайте нам Фому на воспитание! — попросил Котовский. Мать долго не соглашалась:

— Как же мне без сына-то!

Тогда Григорий Иванович стал уговаривать Фому, с удивлением прислушиваясь к его умным ответам:

— Наша бригада будет твоим домом. Я сделаю из тебя человека.

Котовский вывел Фому из хаты, осторожно сжимая в своей руке руку мальчика, словно боясь причинить ему боль. В этот же день он отправил его к жене, в тыл бригады. Он писал жене: “Посылаю тебе ‘гиганта Фому’, о будущем которого нужно позаботиться. Я едва уговорил мать отдать этого героя нам, чтобы вырвать его из нужды и темноты деревенской. И вот нам, коммунистам, предстоит задача сделать из него гражданина республики. Ты его обмой, полечи и подкорми сначала, а уж потом будешь воспитывать и обучать. Он умница, развит, но забит и несчастен ужасно. Братва его в обозе, конечно, испортит, создав из него шута, а у него умная и чуткая душа”.

Фома предстал перед Ольгой Петровной в громадных, сваливающихся с ног, разбитых сапогах; половину его лица прикрывал большой синий картуз. Фома был весь во вшах, тело его покрывала грязь.

В первый же вечер Ольга Петровна вымыла мальчика, постригла ему волосы, намазала мазью болячки. У Фомы пропало все его красноречие. Он неловко чувствовал себя в чистоте. Но скоро освоился.

Ольга Петровна сшила Фоме костюм. Лучший местечковый сапожник снял мерку и сшил ему сапоги. Котовская научила мальчика читать, и скоро вся бригада называла “сынка Котовского” по имени-отчеству — Фомой Федотовичем.

Тринадцатилетний мальчик жадно ловил каждое слово комбрига. Он припоминал эти слова, когда влезал на тачанку и обращался к жителям с речами о революции, о борьбе с панской Польшей...

Так Фома Федотович стал популярным оратором.

Особенно любил он толковать о земле. В каком бы селе ни останавливались бойцы, Фома собирал вокруг себя крестьян и беседовал с ними. Он был хорошим агитатором. Вначале лю-

ди смотрели на него с любопытством, а потом начинали толкать друг друга:

— Який маленький! На вид дитина, а як говорит гарно!

Фома научился читать газеты. В несколько недель изменился его внешний вид, исчезли старческие черты лица. Он осмелел, перестал стесняться Котовского, во время общего разговора вставлял свои замечания.

Не мог Фома не проникнуться и кавалерийским духом. Он любил спать на тачанке, и часто бывало так, что он просыпался во время боя, когда начинал стрелять пулемет. Высшим же наслаждением для Фомы было, когда кто-нибудь из бойцов сажал его на коня впереди себя и несся во весь опор. Фома крепко держался руками за гриву и приговаривал: — А ну швидче, швидче!

Фома мечтал подрасти хотя бы на вершок. Но эта его мечта так и не осуществилась.

Котовский выполнил свое обещание: он сделал из Фомы гражданина Советской Республики. Фома Федотович здравствует и поныне. Он живет на Украине, работает, и его уважают, как умного и хорошего человека».

Эпизод с Фомой, как и с другим приемным сыном Котовского Митей, свидетельствует, что, и став красным командиром, Григорий Иванович сохранил чувство сострадания и готовность помочь людям. Прекрасно понимая, что мальчику-карлику трудно будет выжить в деревне, он, можно сказать, дал ему путевку в жизнь. — Б. С.)

1923 г. Троцкистская оппозиция. Начало дискуссии в частях застает Григория Ивановича по дороге из Баку, куда он ездил по делам сахарозавода. В дороге он узнает, что Примаков из Москвы едет в дивизию с письмом Троцкого. Путь Григория Ив. лежал в Москву, но он не стал задерживаться и спешил в корпус.

Григорий Иванович по характеру был прямой. Военные хитрости он применял с болью в душе. Он стремился к открытой борьбе (замечу, что факты из биографии Котовского этот тезис не подтверждают. Можно вспомнить, сколько раз он прибегал к маскарладу во времена своей разбойничьей юности. Да и операцию по ликвидации отряда Матюхина к открытой борьбе никак не отнесешь. — Б. С.). По приезде в корпус, он сейчас же выехал в Бердичев, где уже начата была дискуссия комиссаром дивизии Бройде, кот. отстаивал позицию Троцкого. Часть див. заняла позицию “сидения на двух стульях”, Григорий Иванович со свойственной ему страстностью обрушился на тех и других. Он считал, что шатание политруковод-

ства дивизии ослабит дивизию, и добился отозвания Бройде и др. В то же время он ежедневно успевал быть на собраниях и в частях, и в городе — всюду он резко выступал против оппозиции.

У нас на заводе администратором был бессарабец Попов, кот. в пылу спора ударил троцкиста, а тот пришел жаловаться к Котовскому, но получил от него внушительную словесную баню, что не знал, как выбраться из дома. С тех пор Григорий Иванович не так доверчив был к людям: он анализировал каждого, и если он подозревал в симпатии к Троцкому, то избавлялся от такого работника.

Так на сахарный завод поступил агроном Пятаков, брат ныне расстрелянного врага. Он присмотрелся к его работе и через месяц предложил уйти, дав ему название “гнилой интеллигент, примазавшийся к Советской власти”. По приезде из Киева он рассказал мне, что Якир занял позицию “сидения на двух стульях”, а дома у него тяжелая обстановка, и хотя Якир пригласил его обедать, но он ушел. Жена Якира зудила Якира, что открыто не стал на сторону Троцкого, кот. дал им такое положение. Григорий Иванович поражен был поведением двуличным Якира в таком важном принципиальном вопросе. Он тогда мне говорил, что такие люди партии вредны, опасны, ибо в любую тяжелую минуту они могут изменить.

И когда вновь Якир назначен был на Украину командующим, я спросила Гришу, почему он и другие комкоры не протестовали против его назначения. Он сказал, что он, Якир, уже в Москве переварился, да и они все его хорошо знают и вовремя расшифруют его, если он изменит генеральной линии партии, но не пришлось ему расшифровать негодея.

Котовский был убит в 3 ч. утра с 5 на 6/VIII, в 6 ч. утра на месте были гражданские и судебные власти, а комкор (вероятно, имеется в виду Н. Н. Криворучко, принявший корпус после смерти Котовского, а до этого исполнявший должность комкора в отсутствие Григория Ивановича. Криворучко был арестован 21 февраля 1938 года. — Б. С.) прибыл только в 14 час. и учинил допрос всех. Судебная экспертиза настаивала на скорейшей отправке трупа в Одессу для вскрытия, но он запретил, т. к. он должен всех допросить и осмотреть труп сам, ведь т. Фрунзе не дает ему покоя с запросами.

Только после резкого моего протеста и угрозы донести о его поведении т. Фрунзе он соизволил дать разрешение на отъезд. Весь процесс следствия велся под углом простой уголовщины. Через год суд. Почему ждали год?

Прочтите постановление суда, где характерен его “логический конец”. Почти одновременно с убийством Григория Ивановича в Умани был убит д-р Дадашвили из-за личной мести. Через месяц суд убийцу приговорил к расстрелу. Комкора Котовского убивает военнослужащий Зайдер; суд устанавливает заранее обдуманное убийство, да так задумано, что за день до убийства на заводе жена убийцы вывозит вещи куда-то, а убийцу Котовского присуждают к 10 годам и 5 лет высылки, а через год он свободно гуляет по Харькову, где живет командующий Якир и председатель суда, судивший убийцу, — Карлсон.

Бойцы Красной Армии, изучая боевые действия бригады Котовского, естественно, спрашивают — как и за что убит Котовский, и им по заданию политуправления округа несут околесицу, что в пьянке Зайдер застал Котовского на месте преступления со своей женой и застрелил его. Это что? — К физической смерти еще моральная, уничтожить и облить грязью. Но Котовского народ знает как преданного партийца, как борца за социализм; и им нельзя умолчать о нем, — так на всех торжественных собраниях в дивизиях они выступали о Котовском и говорили как о лихом кавалеристе, никогда ни слова как о партийце.

Судьба детей Котовского не интересовала “товарищей-собратьев” его.

На меня они смотрели как на верного пса Котовского, и они в этом не ошиблись. Их месть порой была мелочной. Старые бойцы-котовцы помнят, что после разгрома Петлюры в Паланке они представили список к представлению к награде (Григорий Иванов. предоставлял это право полковым комиссиям, а затем утверждал списки) и в том числе меня представили. Григорий Иванович зачеркнул меня, сказал, что хотя я и заслужила, но эта награда будет горька, ибо бросят в упрек “товарищи”, что Котовский наградил свою жену орденом. После смерти Григория Ивановича они снова подали характеристику к 10 годовщине Кр. Армии к награждению меня орденом — вычеркнута. К десятилетию дивизии им. Котовского бойцы снова ставили вопрос — вычеркнута и т. д.

На праздновании десятилетия АМССР я по болезни не могла быть, но считала, что Гришутка должен быть, тем более что предстояло открытие памятника на могиле отца. Я отправила Гришу с бывшим бойцом. У руководителей АМССР Старого и Вороновича нашлось нахальства не дать места на трибуне сыну Котовского. Григорий Иванович Петровский увидел Гришу и взял его на всё время празднества, и с собой привез его домой в Киев.

Мучительно было все это пережить за 12 лет. Первый год до суда я день и ночь искала пути раскрытия убийства — дошла до галлюцинации. Процедура суда убедила меня в пристрастии суда. Я замкнулась. Я ждала, что правда выявится, но до 1937 г. считала, что Котовский убит румынской сигуранцей, а они только рады были, что нет судьи их совести, который знает их мелкие душонки, а теперь у меня твердое убеждение, что они его поспешили убрать с дороги, а затем убрали и убийцу как лишний язык.

Ведь неслучайно, что после нашего приезда в Чебанку туда приехала отдыхать мать Фельдмана — одного из расстрелянной восьмерки. Она могла описать всю обстановку, кстати сказать, очень подходящую для убийства Котовского.

Трудно, конечно, описать всю мелкую травлю. Интуиция любящей глубоко женщины и матери подсказывала мне избегать этих людей, вот почему я никогда ни за чем не обращалась к ним, и если встречалась, то только в официальных случаях.

Интуиция меня не обманула. Все эти лица докатились до своего логического конца. Вот всё, что я хотела Вам дополнить.

С приветом Котовская».

По свидетельству К. Ф. Юцевича, Котовский дружил с Я. Б. Гамарником, ближайшим соратником Якира, не только в годы Гражданской войны, но и после ее окончания: «...Хотелось бы сказать о взаимоотношениях Котовского и Гамарника.

Мне повезло; с Григорием Ивановичем, под его началом, я не только участвовал в походе Южной группы, но служил в последующее время, когда он командовал отдельной кавалерийской бригадой и дивизией. И, вспоминая былое, смею утверждать, что его знакомство с Яном Борисовичем, начавшееся летом 1919 года, переросло затем в искреннюю дружбу и личную привязанность.

В послевоенном Киеве мне доводилось быть свидетелем их встреч. Бывало, увидятся, случайно или по уговору, к примеру, в фойе гостиницы “Континенталь”, где Котовский обычно останавливался, приезжая в командировку, разведут оба руками, искренне улыбнутся, и пошел разговор с шутками, восклицаниями. А на улице выходят подтянутые, деловые. Впрочем, это ненадолго. Завидев живых героев, окружают их мальчишки, и опять веселая беседа. Любили Ян Борисович и Григорий Иванович неутомную, полную задора детвору. Так и идут говорливой кучкой до здания губисполкома...

Не сомневаюсь: дружба и общение этих замечательных людей, совместная работа на благо Родины духовно их обогащали».

Если это свидетельство соответствует истине, то трудно предположить, что Котовский, будучи в дружественных отношениях с Гамарником, одновременно враждовал с Якиром. Забавно, что в издательской рецензии на рукопись книги Владимира Шмерлинга «Котовский», относящейся к 1936 году, среди прочего, предлагалось автору, если есть данные, дополнить биографию сведениями «об идеологических влияниях со стороны его ближайших сподвижников — т. Якира и других». Зато тот факт, что в издании 1950 года Шмерлинг имя Якира вообще не упомянул ни разу, возражений в то время не вызвал, поскольку имя «врага народа» Якира находилось под запретом.

Григорий Григорьевич Котовский в интервью, данном в 2001 году, незадолго до смерти, повторил со слов матери версию о плохих отношениях Котовского с Якиром, украсив эту историю новыми яркими подробностями: «Отношения Котовского с Якиром были очень сложными. Оба они были из Бессарабии. Якир происходил из богатой еврейской семьи, которая держала аптеку. Жена Якира Сара Лазаревна была дочерью богатого торговца-оптовика, который владел магазинами готового платья в Одессе и Киеве. Продвижение Якира в годы Гражданской войны проходило с подачи Троцкого, с которым он был в родстве. Конечно, Якир способный и по-своему талантливый человек, но это родство сыграло очень важную роль.

У меня после пожара на даче, к сожалению, пропали документы, переданные мне старыми котовцами, о том, что даже свой первый орден Красного Знамени Якир получил незаконно. (Я, правда, эту инициативу котовцев не поддержал.)

Во время Гражданской войны произошло несколько столкновений отца с Якиром. Так, в 1919 году на крупной станции, кажется, Жмеринке, взбунтовался отряд из бывших галичан. Якир, оказавшийся в это время на станции, сел в штабной вагон и укатил. Тогда Котовский применил следующую тактику: его бригада начала быстрым аллюром мотаться по всем улочкам местечка, создавая впечатление огромного количества кавалерии. Небольшими силами он подавил это восстание, после чего на паровозе догнал Якира...

Так вот, отец вскочил в вагон к Якиру, который сидел за письменным столом, и крикнул: «Трус! Зарублю!» И Якир спрятался под стол... Конечно, таких вещей не прощают.

Был и такой случай. В 1920 году во время войны с Польшей, с белополяками, во время их успешного наступления на Киев был взят город Белая Церковь, где была главная резиденция

графов Браницких, крупнейших землевладельцев среди поляков в дореволюционной России. Вслед за войсками в Белую Церковь вернулись и Браницкие.

Во время контрнаступления Красной Армии бригаде Котовского было поручено взятие Белой Церкви. Блестяще проведя эту операцию, Котовский с бригадой пошел дальше, а в Белую Церковь подошел обоз бригады, в составе которой был перевязочный отряд мамы.

Как она вспоминала, Браницкие так поспешно покинули свой дворец, что в дворцовой столовой на столе оставались чашки с горячим кофе. Мама велела своим медицинским сестрам и санитарам пройти в гардеробную и разыскать постельное белье, чтобы нарезать из него своего рода перевязочный материал типа бинтов. Когда она вошла в графскую спальню, то обратила внимание на стоявший в комнате большой кожаный чемодан. Раскрыв его, мама увидела в нем кружева и перламутровую ложку в золотой оправе.

Вдруг позади нее раздался крик: «Не трогайте, это мое!» Мама обернулась и увидела жену Якира. «Пожалуйста, — сказала Ольга Петровна, — мне ничего не надо. Мне нужны только бинты». (Несколько позже ей рассказали, что при Якирше, как называли ее красноармейцы, находились двое агентов из фирмы ее отца, которые чемоданы с «трофеями» отвозили в Одессу.)

Через несколько дней разразился скандал: ЧК обнаружила, что было похищено столовое серебро Браницких. Сара Лазаревна указала на Котовскую, которая первая со своими санитарками побывала во дворце. Конечно, сразу стало очевидно, что это не так. Прошли годы. В 1924 году отец с матерью возвращались из Москвы в Умань через Харьков, где тогда жил Якир, находившийся в должности командующего Украинским военным округом.

Котовские были приглашены Якиром на званый обед, во время которого мама обратила внимание на столовое серебро с вензелем «Б». «Так вот где серебро Браницких», — громко воскликнула она, всегда очень острая на язык. Воцарилось неловкое молчание, а Якир побагровел, как рак».

Однако Григорий Григорьевич сильно сомневался, что Якир мог быть причастен к убийству отца, отмечая — «у меня нет никаких доказательств». Он скорее склонялся к мысли, что организатором убийства могли быть либо Сталин и его окружение, либо Троцкий и троцкисты, но говорил об этом довольно завуалированно: «Важно другое: что происходило в следующее пятилетие после убийства отца. Вначале все материалы

затребовал к себе Фрунзе. Затем, через три месяца, М. В. Фрунзе погибает, и дело Котовского возвращается в Одессу.

По моему глубокому убеждению, одним из основных мотивов убийства отца оказалась его дружба с М. В. Фрунзе. Отец сблизился с ним в 1922 г. Исследователи жизни и деятельности отца связывают эту дружбу с их этнической принадлежностью — оба были полумолдаване. Но не это главное. В их жизненном пути было много общего: и происхождение, и образованность, и знание иностранных языков (кроме русского и молдавского отец немного говорил по-французски, по-немецки и по-еврейски), и тяжелые годы каторги и ссылки.

Смелые побеги, а главное — сходная мотивация вступления на путь борьбы с царизмом. Оба стали военными профессионалами в горниле Гражданской войны. Постепенно Котовский становится правой рукой Фрунзе в армии. Как рассказывала мама, в 1925 году Фрунзе принял решение назначить отца своим заместителем (наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета). После отдыха в июле—августе в Чабанке, около Одессы, отец по возвращении в Умань должен был передать командование корпусом Н. Н. Криворучко и выехать в Москву. Но был убит в ночь накануне отъезда из Чабанки.

Напомню, что именно в эти 1924—1925 годы шла острая борьба за власть между группировками Сталина и Троцкого. После снятия последнего с поста наркомвоенмора его позиции постепенно ослабели, но влияние и в армии, и в других властных структурах все еще было велико. Выдвижение Фрунзе внесло новый момент в эту борьбу. Смерть Котовского в один год с М. В. Фрунзе вызвала вздох облегчения не одного политика в Москве и в Харькове, тогдашней столице Украины.

Дело в том, что Котовский всегда был “трудно управляемым”, постоянно демонстрирующим независимость в мыслях и поступках. Сохранилась его любопытная докладная записка Фрунзе, в которой он излагал план воссоединения Бессарабии с Россией еще в 1924 г. Он предлагал, что с одной из своих дивизий переправится через Днестр в Бессарабию, в течение нескольких дней разгромит румынские войска при поддержке большинства населения, которое восстанет при известии о появлении Котовского. Советское правительство при этом объявит Котовского вне закона, а он создаст в Бессарабии новую власть, которая выскажется за ее воссоединение с Россией.

Этот вполне реалистический план был отвергнут Фрунзе из-за опасности серьезных международных осложнений. В 1923 году Котовский выиграл крупнейшие после окончания Гражданской войны военные маневры, после чего на совеща-

нии в Москве высшего комсостава выступил с предложением преобразовать ядро кавалерии в автобронетанковые подразделения.

Однако этот план не был принят из-за противодействия Ворошилова и Буденного. (Кстати, в 1949 году С. М. Буденный во время встречи с матерью и мной в Кишиневе на праздновании 25-летия восстановления молдавской государственности признал правоту отца, поскольку этот план начал осуществляться накануне ВОВ.)

Короче говоря, Котовский в 1925 году входил в “первую пятерку” комсостава Красной Армии. Одновременно Котовский получил известность как блестящий хозяйственник-рыночник, восстановивший ряд промышленных предприятий и создавший на Правобережной Украине сеть сбытовой и потребительской кооперации, как основатель крупных сельскохозяйственных предприятий-коммун. Сохранилась высокая оценка Котовского как хозяйственника в записке Куйбышева, адресованной Кирову. А Дзержинский вообще предлагал демобилизовать Котовского и назначить начальником Трудфронта, организации по восстановлению промышленности.

И только Фрунзе отстоял Котовского в армии. При условии перевода Котовского в Москву тандем Фрунзе — Котовский мог бы изменить конфигурацию расстановки политических сил. Какая из двух основных соперничавших группировок могла быть причастна к убийству отца? Окончательный ответ дать сегодня нельзя. Но я склоняюсь к версии о “троцкистском следе”... Вряд ли Котовский был опасен группировке Сталина, а Троцкий в 1925 году был еще очень силен.

Косвенным доказательством этого является судьба убийцы Котовского, которого “прикрыли силовые структуры” Харькова и Одессы. (Кстати, еще в 1926-м, уже после гибели Котовского, Сталин дал ему блестящую характеристику, ставшую известной биографам отца лишь после ВОВ, в которой он назвал его “храбрейшим среди скромных наших командиров и скромнейшим среди храбрых”.)».

Обстоятельства же убийства Григорий Григорьевич описал следующим образом: «Котовский зашел в правление... совхоза... Возвращался домой поздно вечером. За несколько шагов до дома раздалась три выстрела. Когда мама выбежала из дома, она увидела отца, который лежал вниз лицом, широко раскинув руки и ноги. Пульса не было. Пуля попала в аорту, и смерть наступила мгновенно.

Когда Котовского внесли на веранду, объявился и сам убийца. Это был Мейер Зайдер. Упав перед мамой на колени,

он бился в истерике: “Это я убил командира”. Потом он скрылся и был схвачен только на рассвете. Кто такой Зайдер? До революции он содержал в Одессе публичный дом. Своей жене, бывшей проститутке, покупал драгоценности. Однажды во время оккупации Одессы, когда город был наводнен денкинцами, петлюровцами, поляками, французами, англичанами, он дал прибежище на ночь Котовскому, который в то время выполнял задания подпольного большевистского ревкома. В 1922 году, когда публичный дом был закрыт (публичный дом, естественно, был закрыт еще в 1920 году, когда Красная армия окончательно заняла Одессу. — Б. С.), Зайдер, памятуя обещание Котовского отблагодарить его сторицей за помощь в 1918-м, явился в Умань.

При помощи Котовского стал начальником охраны Перегоновского сахарного завода близ Умани. В злополучном августе 1925 года Зайдер приехал в Чабанку на машине, вызванной для переезда Котовского, якобы помочь семье командира собраться в дорогу... Следствие тянулось очень долго. Его вел некто Карлсон... вскоре возглавивший НКВД Украины (Карл Мартынович Карлсон, расстрелянный 22 апреля 1938 года, в 1924—1934 годах был заместителем председателя ГПУ Украины, а в 1936—1937 годах — заместителем наркома внутренних дел Украины. Следствие по делу Котовского вело ГПУ. Главой НКВД Украины Карлсон никогда не был, а заместителем председателя ГПУ Украины стал более чем за год до убийства Котовского. — Б. С.).

Только осенью 1926 года суд вынес приговор — убийце Котовского дали 10 лет (по иронии судьбы в тот же день этот же суд приговорил другого подсудимого за убийство зубного врача и ограбление — к расстрелу). В харьковской тюрьме бывшего содержателя публичного дома делают завклубом с правом свободного выхода.

Уже через два года после приговора его выпустили на свободу, и он стал работать сцепщиком железнодорожных вагонов. В 1930 году, когда 3-я Бессарабская кавалерийская дивизия праздновала юбилей и на праздник были приглашены ветераны-котовцы, они сказали маме, что Зайдер приговорен ими к смертной казни.

Мама возражала: Зайдера ни в коем случае нельзя убивать — он единственный свидетель смерти отца, тайна которой была не разгадана. Мама сообщила о намерении котовцев в особый отдел дивизии. Однако властями ничего не было предпринято. Зайдера задушили, его тело положили на рельсы, чтобы имитировать несчастный случай, но поезд опоздал. Главным

организатором убийства Зайдера был котовец-одессит Вальдман, расстрелянный в 1939 году...

В 1936 году матери дали понять, что убийство Котовского было политическим. И сообщил ей об этом маршал Тухачевский. Во время приема в честь участников съезда жен командного состава Красной Армии он подошел к ней и, пристально глядя в глаза, сказал, что в Варшаве вышла книга: ее автор утверждал, что Котовского убила Советская власть.

Кстати, в 1969 году я нашел эту книгу в библиотеке Варшавского университета, где в самом деле утверждалось, что Котовского убила Советская власть, поскольку он был человеком прямым и независимым и, обладая огромной популярностью в народе, мог повести за собой не только воинские подразделения, но и массы населения Правобережной Украины. (Действительно, в ходе коллективизации по инициативе снизу только на Украине более 120 колхозов и совхозов были названы его именем, хотя официальная пропаганда практически забыла о нем.) В 1940 году мама по совету секретаря Союза писателей и члена ЦК ВКП(б) В. Ставского направила в ЦК письмо о пересмотре в судебном порядке дела об убийстве Котовского. Мама изложила многие обстоятельства гибели отца, но никакой реакции властей не последовало».

В рассказе Григория Григорьевича есть определенные противоречия. Он вроде бы склоняется к троцкистскому следу, но в то же время приводит слова Тухачевского о том, что Котовского убила советская власть, то есть Сталин. Сын Котовского настаивает, что его отец, как и Фрунзе, был наполовину молдаванин. У Фрунзе-то отец действительно был молдаванином (румыном), а вот в Григории Ивановиче Котовском не было ни капли молдавской крови. Утверждение Ольги Петровны, повторенное ее сыном, будто Котовский вот-вот должен был быть назначен Фрунзе своим заместителем, и чуть ли не первым заместителем, представляется семейной легендой. Фрунзе не мог по своему произволу назначать себе заместителей по Реввоенсовету и военному ведомству. Каждое такое назначение утверждалось политбюро. Все протоколы политбюро за 1925 год опубликованы, и решения о назначении Котовского там нет. Между тем если, как утверждают, Котовский должен был сразу после отдыха в Чебанке ехать в Москву принимать новое назначение, решение о новом назначении должно было быть уже принято. Да и в иерархию советских военачальников Котовский не входил. Ведь было много военачальников-коммунистов, командовавших во время Гражданской войны фронтами, армиями, группами дивизий (Тухачевский, Егоров,

Буденный, Ворошилов, Федько, Блюхер, Уборевич и др.). И делать вторым в военном ведомстве человека, в Гражданскую командовавшего бригадой, которая по численности меньше полка, означало вызвать озлобление всех других военных-коммунистов, стоявших выше по должности. Позволить себе такое ни Фрунзе, ни Сталин не могли. А версия насчет назначения Котовского заместителем Фрунзе понадобилась для того, чтобы объяснить убийство Котовского как политическое, независимо от того, кто его мог осуществить, Сталин или троцкисты. Сторонники версии о Сталине как заказчике убийства Котовского и Фрунзе находят здесь определенную логику: убрать сразу двух наиболее видных руководителей военного ведомства и облегчить работу Ворошилову по расстановке своих кадров. Однако в действительности нет никаких данных о намерении Сталина или Фрунзе назначить Котовского заместителем наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета. И версия политического убийства оказывается шита белыми нитками. Троцкисты в 1920 и 1930-е годы вообще не совершали политических убийств. И совершенно непонятно, почему террор надо было начинать с одного из десятков командиров корпусов в Красной армии, а, допустим, не с кого-либо из членов политбюро. И точно так же Сталину не было никакого смысла убирать Котовского просто вследствие малозначительности занимаемого им поста. Вернее, у Сталина мог возникнуть мотив убрать Котовского, но только в одном случае: если бы он получил сведения, что Котовский замешан в военном заговоре и собирается двинуть кавкорпус на Москву. Но такого рода сведения вряд ли существовали в природе.

В принципе смерть Котовского была выгодна Румынии, поскольку устраняла опасность, что бывший разбойник, популярный среди бедняков Бессарабии, может возглавить «освободительный поход» Красной армии в Бессарабию. Однако нет никаких данных о связях Мейера Зайдера с румынскими спецслужбами, да и поведение самого убийцы совсем нехарактерно для наемного убийцы.

Григорий Григорьевич высказывает мысль о том, что его отец чуть ли не стал основоположником советских бронетанковых войск. На самом деле Котовский лишь предлагал включить в состав кавалерийских дивизий автобронетанковые отряды. Это предложение основывалось на опыте Гражданской войны и, в частности, боевых действий против повстанцев в Тамбовской губернии. Но оно не было оригинальным. Аналогичные предложения исходили и от других советских военачальников — Буденного, Ворошилова и Тухачевского.

По мнению сына Котовского, сославшегося на виденный им документ, существовал план, согласно которому кавкорпус Котовского должен был формально выйти из подчинения командованию Красной армии и помочь бессарабским повстанцам справиться с румынскими войсками. Возможно, он имел в виду подготовленное Котовским письмо с предложением о создании Молдавской Советской Республики, которое мы выше цитировали. Но там нет конкретного предложения, чтобы войска Котовского формально вышли из подчинения Москвы и вторглись в Бессарабию. Однако не исключено, что сын Котовского имел в виду какой-то другой, еще не опубликованный документ, который предусматривал повторение в Бессарабии того же сценария, который поляки осуществили с созданием Средней Литвы.

Ольга Петровна так вспоминала об обстоятельствах убийства: «5 августа 1925 года Котовский был на костре в Лузановском пионерском лагере и вернулся около 9 часов вечера. Отдыхающие решили устроить нам проводы. Собрались около 11 часов ночи. Котовский с неохотой пошел, так как не любил таких вечеров, да и был утомлен: он рассказывал пионерам о ликвидации банды Антонова, а это для него всегда значило вновь пережить большое нервное напряжение.

Вечер, как говорится, не клеился. Были громкие речи и тосты, но Котовский был безучастен и необычайно скучен. Часа через 3 стали расходиться. Котовского задержал только что приехавший к нему старший бухгалтер Центрального управления военно-промышленного хозяйства. Я вернулась домой одна и готовила постель.

Вдруг слышу короткие револьверные выстрелы — один, второй и затем мертвая тишина. Как электрическим током пронзила мысль: “Это выстрелы в него”. Я побежала на выстрелы, крича: “Что случилось?” Ни звука в ответ. У угла главного корпуса отдыхающих вижу распластанное тело Котовского вниз лицом. Бросаюсь к пульсу — пульса нет. Кричу: “Люди, скорее на помощь, Котовский убит!”

Услышав выстрелы у себя под окнами, отдыхающие спрятались и только на мой зов вышли. Котовского внесли в столовую, я осмотрела маленькую ранку в области сердца. Признаков жизни не было да и не могло быть, так как пробита была аорта, и смерть наступила мгновенно.

До приезда следственных органов, заперев столовую, я вернулась на дачу. Силы оставили меня, и я села на веранде. Подходит начальник охраны сахарного завода, прибывший в Чебанку несколько дней тому назад. Бросается передо мной на

колени: “Спасите меня, вы были матерью для всех в корпусе, будьте и мне матерью, спасите меня — я убийца”. Я могла только сказать: “Вон отсюда”. Он ушел. Я собрала все свои силы и побежала к директору совхоза. Рабочие бросились искать убийцу, и конные догнали его, уходящего берегом моря по направлению к Одессе».

Существует еще и, так сказать, «экономическая» версия убийства легендарного комбрига. Сахарный завод давал очень большую прибыль. Начальник охраны завода Мейер Зайдер, пользуясь своим служебным положением, совершил крупные кражи сахара или денежных средств, а Котовский узнал об этом. Приблизительно в два часа ночи к Котовскому приехал старший бухгалтер Центрального военно-промышленного управления и сообщил о результатах ревизии. Возмущенный Котовский решил разобраться с начальником охраны завода. Тогда Зайдер попытался шантажировать комкора. Котовский в ярости бросился на Зайдера с кулаками, а тот с перепугу застрелил Котовского.

Эта версия вряд ли имеет отношение к действительным мотивам убийства. Начальник охраны сахарозавода сам по себе ничего украсть не может. Он может только войти в преступный сговор с руководством завода и организовать нелегальный вывоз продукции без накладных или по фальшивым накладным. Причем у этого нелегального сахара должны еще найтись покупатели. Но руководство завода может и само организовать вывоз сахара по фальшивым накладным, и тогда начальник охраны будет ни при чем. Он ведь не знает, что накладные — фальшивые. Так что если даже допустить, что Котовский накануне своей гибели получил какую-то информацию о хищениях на сахарозаводе, он бы в первую очередь стал разбираться с директором завода, а не с начальником охраны. Охрана ведь могла ловить только несунув — рабочих завода. Для расследования же крупных хищений требовались не вохровцы, а бухгалтера и ревизоры.

Бывший командир штаба 2-го корпуса Евгений Сергеевич Шейдеман, автор одного из первых биографических очерков о Котовском, свидетельствовал: «Через несколько дней после убийства, просматривая бумаги Котовского, я нашел чрезвычайно характерный документ — письмо Зайдера на имя Котовского. В этом письме Зайдер, в то время работавший на нашем сахарном заводе в качестве начальника охраны и совершивший на заводе несколько краж, обращался к Котовскому с целым рядом наглых требований, в том числе с требованием, чтобы Котовский назначил его администратором

сахарного завода. Причем в конце письма он позволил себе прибегнуть даже к угрозам. Получив письмо, Григорий Иванович сказал своей жене Ольге Петровне: “Ну, видно настала пора совсем развязаться с Майорчиком, так как его нахальство начинает превосходить всякие границы”. Через три дня после этого Зайдер убил Котовского».

Это свидетельство укладывается в официальную версию о том, что Зайдер убил Котовского из-за того, что тот не повысил его в должности. Однако оно не снимает ранее возникших и новых вопросов. Почему Котовский должен был сделать Зайдера директором сахарозавода? Почему и чем угрожал Зайдер Котовскому? И почему отказ Котовского сделать его администратором завода спровоцировал Зайдера на убийство? Неужели он надеялся после убийства избежать тюрьмы? Не исключено, что свое свидетельство Евгений Сергеевич выдумал, чтобы подкрепить официальную версию. Бывший офицер царской кавалерии и сын известного генерала С. М. Шейдемана хотя и дослужился в Красной армии до комбрига, но в 1938 году был расстрелян.

Убийца Котовского не был ни его адъютантом, ни курьером штаба, как называли его в некоторых публикациях. Можно вполне верить Ольге Петровне, что Мейер Зайдер был начальником охраны Перегоновского сахарного завода. Часто его называют адъютантом Мишки Япончика. Но достоверных подтверждений этому нет. Как мы помним, Утесов упоминал адъютанта Япончика, но называл его Мейер Герш-Гундосый. Кроме того, он утверждал, что адъютант «короля» криминальной Одессы был одноглазым. Ни в одном источнике не говорится, что убийца Котовского был одноглазым. Поэтому кажется несостоятельной версия, будто Мейер Зайдер мстил Котовскому за гибель Япончика. Во-первых, Котовский не был непосредственным виновником его убийства. Во-вторых, начальник охраны Перегоновского сахарного завода вряд ли был так уж близок к Япончику. Об убийце Котовского достоверно известно только то, что в 1917—1920 годах он был владельцем большого публичного дома в Одессе. Такая должность скорее подходит не гангстеру-налетчику, а пособнику-барыге. В 1918 году Зайдер спрятал Котовского в своем заведении после налета на контрразведку, когда его преследовали солдаты и полицейские, и дал Григорию Ивановичу гражданское платье, на которое тот сменил надетый для маскировки офицерский мундир. Котовский не забыл этой услуги, спасшей ему жизнь, и обещал отблагодарить. После того как в Одессе установилась советская власть, публичный

дом был закрыт и Зайдер оказался безработным. Помыкавшись несколько лет случайными заработками, он в 1922 году явился к Котовскому в Умань. И тот выполнил обещание, устроил его начальником охраны сахарного завода. Зайдер же подсказал Котовскому одну здравую экономическую идею. Заготавливаемые в ВПО корпуса кожи котовцы стали возить в Иваново, где обменивали на ткани, из которых, в свою очередь, в мастерских корпуса шили обмундирование. Если бы речь шла о мести за Япончика или за что-то (кого-то) еще, Зайдер имел сколько угодно времени для ее осуществления таким образом, чтобы беспрепятственно скрыться с места преступления. Поэтому о заранее подготовленном убийстве и речи не может быть. Ведь убийца без сопротивления сдался в руки котовцев.

Для того чтобы понять, почему Зайдер стрелял в Котовского, проследим его дальнейшую судьбу, а также попытаемся реконструировать судьбу одного из его убийц. Зайдера сначала пытались обвинить в том, что он убил Котовского по заданию румынской службы безопасности («сигуранцы»), но быстро поняли, что на румынского агента он не тянет. Да и поведение Майорчика было совсем не таким, каким должно быть поведение наемного убийцы. Он не попытался быстро и незаметно скрыться с места преступления, а сразу же побежал каяться перед вдовой убитого. Тогда попробовали обвинить Зайдера в убийстве из-за ревности. И он под диктовку следователей сперва показал, что Котовский ухаживал за его женой и он его за это застрелил. Однако вскоре следователи сообразили, что такой мотив убийства сильно компрометирует не только вдову Котовского, но и самого Григория Ивановича, который постепенно превращался в культового героя. Поэтому на суде, который состоялся год спустя, в августе 1926-го, Зайдер озвучил совсем другую версию: он убил комкора потому, что тот отказался повысить его по службе. Суд приговорил его к десяти годам тюрьмы, из которых Майорчик, с учетом предварительного заключения, отсидел только три. Он вышел на свободу за хорошее поведение уже в 1928 году и устроился работать в Харькове сцепщиком вагонов. Создается впечатление, что самой сложной задачей следователей было придумать сколько-нибудь убедительный мотив, толкнувший Зайдера на убийство. А мягкий приговор суда для убийцы легендарного Котовского — всего-то десять лет заключения — объясняется просто. И судья, и следователи не сомневались, что на свободе Зайдер долго не проживет. Но убийца Котовского прожил целых два года.

Украинский журналист Эдуард Зуб писал в газете «Вечерний Харьков» 18 августа 2005 года: «Напоследок судьба жестоко посмеялась над Зайдером, едва не сделав из него побратима Анны Карениной. В октябре 1930 года боевые товарищи аккуратно уложили задушенного Майорчика на рельсы неподалеку от Южного вокзала. Но изобразить несчастный случай котовцам не удалось: поезд опоздал. И что любопытно: “народные мстители” Стригунов и Вальдман никакого наказания не понесли».

Что же случилось потом с Григорием Абрамовичем Вальдманом? Вальдман как раз в 1925 году был награжден вторым орденом Красного Знамени. В прошлом был одесским медвежатником, а в дальнейшем получил то ли два, то ли три ордена Красного Знамени. Впрочем, в списках награжденных котовцев и первых кавалеров ордена Боевого Красного Знамени за Вальдманом числится лишь два ордена. Может быть, третье награждение было орденом Трудового Красного Знамени или почетным революционным оружием? По утверждению сына Котовского, Вальдман был расстрелян в 1939 году. Однако никаких доказательств расстрела Вальдмана мне пока обнаружить не удалось.

Тринадцатого ноября 1937 года политбюро санкционировало расстрел по первой категории некоего Федора Григорьевича Вальдмана, проживавшего в Харьковской области. Однако нашего Вальдмана, как мы помним, звали Григорий Абрамович. Маловероятно, что Федор Григорьевич был сыном Григория Абрамовича. Ведь тогда он должен был быть совсем молодым человеком, и у него было мало шансов попасть в сталинские расстрельные списки, где преобладали высокопоставленные номенклатурные деятели. Среди расстрелянных в 1937—1938 годах было немало латышей и немцев с фамилией Вальдман, репрессированных в ходе операции НКВД по национальным контингентам. Но Григорий Абрамович был не латышом, а евреем, и в существующей на сегодня базе данных репрессированных по политическим мотивам его имени нет.

Если обратиться к одному мемуарному источнику, то можно предположить, что Г. А. Вальдман не был расстрелян, а угодил в ГУЛАГ, причем, судя по всему, благополучно вышел из него.

Киносценарист Валерий Фрид вспоминал: «От Каплера (киносценариста Алексея Яковлевича Каплера, попавшего в ГУЛАГ за любовь к дочери Сталина Светлане. — Б. С.) мы с Юлием Дунским услышали историю “червоного казака”

Гришки Вальдмана. (Юлик, правда, запомнил другое имя и фамилию: Ленька Шмидт.) (Среди награжденных орденом Красного Знамени в 1921 году был Леонид Аркадьевич Шмидт, командир роты 409-го стрелкового полка. Однако Котовский никогда не командовал 409-м полком. Этот полк входил в 45-ю стрелковую дивизию, но не во 2-ю бригаду, которой командовал Котовский, а в 1-ю. — Б. С.)

Этот героический еврей-котовец после Гражданской войны оказался не у дел: к мирной жизни он был мало приспособлен. За старые боевые заслуги его поставили директором какого-то завода, а в начале тридцатых даже послали в Америку — набираться опыта. Оттуда он привез холодильник (их тогда в Москве было мало, а те, что были, называли почтительно рефрижераторами) и дюжину разноцветных пижам. Пижамы ему очень нравились, он даже гостей принимал в пижаме. А посреди вечера убежал в спальню и через минуту появлялся в пижаме другого цвета. В общем, это был бестолковый добродушный еврей-выпивоха.

В 37 году начались аресты. Окружение Гришки-Леньки сильно поредело, и он, при всем своем легкомыслии, забеспокоился. Понял, что заграничная командировка может выйти ему боком. Пошел к старому приятелю и спросил совета, как вести себя, если за ним придут.

Приятель (это был Андрей Януарьевич Вышинский) поджал губы:

— Зря у нас никого не сажают. Но могу сказать тебе одно. Придут — попроси показать ордер на арест: есть ли там подписи кого-нибудь из секретарей ЦК и генерального прокурора или его заместителя. Ты номенклатурный работник, без этих подписей ордер недействителен.

Гришка поблагодарил, пошел домой. В ту же ночь за ним пришли.

Позвонили в дверь, на вопрос “Кто?” ответили: “Телеграмма”.

— Подсуньте под дверь, — распорядился Вальдман. Тогда они перестали валять дурака:

— Открывайте! НКВД.

Гришка велел домработнице открыть дверь. Вошли трое и замерли у порога: хозяин, в пижаме с тремя орденами Красного Знамени на груди, стоял облокотившись на рефрижератор. В руке он держал маузер; длинный ствол был направлен на вошедших.

— Покажите ордер! — потребовал Вальдман. Старшой с готовностью рванулся вперед.

— Не подходить! Клава, дай швабру. — И взяв у домработницы щетку на длинной ручке, протянул ее чекисту. — Ложи сюда.

Подтянув к себе ордер, Гришка долго вертел его в руках, по-прежнему держа энкавэдэшников под прищелом. В грамоте он был не очень силен, но всё что нужно, углядел.

— Где подпись секретаря?

— А что, нету? Так это мы сейчас. Поедемте, там подпишем.

— Никуда я с вами не поеду. Вы самозванцы, пошли вон!

Старшой потоптался на месте, попросил:

— Товарищ Вальдман! Разрешите позвонить по телефону.

Тот разрешил: телефон висел на стене в коридоре.

— Не идет, — сказал чекист кому-то в трубку. Последовала пауза. Видимо, на том конце провода ругались: чего вы с ним чикаетесь? Хватайте его и везите.

— Нельзя... Я говорю, нельзя. Обстоятельства не позволяют.

Вся троица покинула квартиру, пообещав, что скоро вернуться.

Не вернулись. То ли других забот было много, то ли самих посадили — тогда такое было не в диковинку. Как бы там ни было, Вальдман остался на свободе. Посадили его года через три — за растрату. Старые котовцы пустили шапку по кругу, набрали чуть ли не миллион и принесли в прокуратуру — выкупать Вальдмана: его любили. Разумеется, их погнали в шею...

Эту историю рассказали Каплеру ее участники, когда он собирал материал для фильма «Котовский».

Этот рассказ похож на правду, хотя в нем есть мифологический мотив о том, как герой с оружием в руках отражает попытку чекистов арестовать его, а затем звонит Сталину, и инцидент улаживается. Есть такие явно легендарные рассказы о Буденном и некоторых других военачальниках. Но рассказ о Вальдмане оснащен многими бытовыми деталями, вплоть до холодильника-рефрижератора, и Сталин здесь не фигурирует, а Вышинский лишь с большими оговорками может рассматриваться как мифологический герой, разрешающий ситуацию.

Получается, что севший по экономической статье Вальдман был жив, по крайней мере, в 1942 году, когда проходили съемки фильма «Котовский». А учитывая его авторитет в блатном мире, Григорий Абрамович и в лагере мог безбедно существовать и дожить до освобождения. Кстати сказать, в книге Ефима Морозова «Рассказы о котовцах», изданной в 1975 году, эскадронный Вальдман фигурирует в качестве одного из положительных героев. Это косвенно свидетельствует о том,

что Григорий Абрамович был реабилитирован. И скорее всего, не посмертно.

Вот какое свидетельство мне довелось найти в Интернете: «Григория Абрамыча Вальдмана в 1939 г. таки не расстреляли, и мой отец в 60-е гг. как-то с ним общался в городе Бердичиве, и версию смерти Котовского он выдавал вполне бытовую: мол, бухнули тогда много».

И вот эта версия бытового убийства по пьянке мне и кажется наиболее убедительной. Судя по всему, на проводах комкора котовцы прилично выпили. Ну, не по ведру вина на брата, но так, что о происходящем имели уже довольно смутное представление. И когда уже стали расходиться, между Зайдером и Котовским вполне могла возникнуть пьяная ссора, подлинную причину которой мы, наверное, уже никогда не узнаем. Котовский мог обвинить Майорчика в причастности к каким-то хищениям на заводе. Ведь бухгалтер действительно к нему приезжал, это Ольга Петровна подтверждает. Или Зайдер попросил повысить его в должности, например, назначить директором завода, а Котовский счел просьбу необоснованной. Или кто-то из них не так посмотрел на жену другого или что-то не то сказали они в адрес друг друга. В общем, могла возникнуть ситуация, когда комкор набросился на собеседника с кулаками (а они у него — пудовые). Испугавшись, Зайдер мог схватиться за маузер. А затем протрезвел, понял, что натворил и что ему не жить. Ведь по блатным понятиям он совершил вещь совершенно недопустимую — ни за что ни про что по пьянке завалил пахана. За это месть соратников Котовского рано или поздно должна была его настигнуть. И следователи, а потом и судьи прекрасно понимали, что Котовский погиб в результате пьяной ссоры. Но сказать это открыто не было никакой возможности. Столь жалкая смерть не подобала герою Гражданской войны, из которого еще при жизни начали творить легенду. Поэтому искали хоть какой-то приличный мотив и, наконец, нашли, если и не совсем убедительный, то, по крайней мере, ни в чем не компрометирующий самого Котовского: неприязнь, возникшая из-за того, что потерпевший отказался повысить своего убийцу по службе.

А месть котовцев задержалась, в том числе и потому, что многие ветераны — соратники Котовского по уголовному подполью, в середине 1920-х годов уже отбыли из Умани к новым местам службы. Собрались они вместе только осенью 1930 года, в связи с юбилеем 3-й Бессарабской дивизии и 5-й годовщиной гибели Котовского. Вальдман, судя по всему, к тому времени уже не служил во 2-м кавкорпусе, а занимал ка-

кую-то гражданскую должность, может быть, был директором завода. Увидевшись после долгого перерыва с соратниками, он решил наконец отомстить убийце и, сговорившись еще с двумя котовцами, немедленно воплотил этот замысел в жизнь. Ни командование дивизии и корпуса, ни ГПУ искать убийц не стали, потому что вполне сочувствовали мстителям.

Имя Котовского в свое время было довольно обильно представлено на географической карте. Правда, некоторые населенные пункты впоследствии были переименованы. Так, после обретения Молдовой независимости родной город Котовского, в 1940 году названный Котовском, был переименован в Ганчешты. А вот в Одесской области Украины бывшая Бирзула по-прежнему именуется Котовском, равно как и одноименный город в Тамбовской области. Бирзула стала Котовском в 1935 году, в десятую годовщину со дня гибели комкора, а в Тамбовской области город с таким названием появился только в 1940 году. Переименовать тамбовский Котовск довольно затруднительно. До 1917 года этот заводской поселок (ныне — город-спутник Тамбова) вообще не имел названия. В 1918 году он был назван Ударным, а в 1919 году — Красным Боевиком. Ни то ни другое название у местных жителей энтузиазма не вызывает.

Именем Котовского называли не только города, поселки, улицы и многочисленные колхозы, но и корабли. В 1928 году по советскому заказу на гамбургской верфи «Шифтворт-унд-Машиненфабрик» был построен теплоход «Котовский» водоизмещением 1190 брт (брутто-регистрационных тонн). У него был дизельный мотор фирмы «Дойц», обеспечивавший рейсовую скорость восемь узлов. С конца 1920-х годов «Котовский» работал на пассажирской линии Одесса—Херсон. После начала Великой Отечественной войны теплоход «Котовский» был включен в состав Черноморского флота как санитарный транспорт. В июле 1941 года он был поврежден от взрыва авиабомбы, но вернулся в строй. «Котовский» эвакуировал раненых, а потом мирных жителей и войска во время обороны Одессы и ее оставления советскими войсками. В декабре 1941 года у «Котовского» вышел из строя двигатель, и он уже больше не использовался в качестве санитарного судна. Теплоход был переоборудован в несамоходную плавбазу и использовался для базирования подводных лодок типа «М». После войны «Котовский» был отремонтирован и оснащен новым двигателем и современным навигационным оборудованием. В 1950-е годы он вновь ходил на пассажирской линии Одесса — Херсон. Это продолжалось до середины 1960-х годов.

ФРУНЗЕ, КОТОВСКИЙ И ГЕНЕРАЛ БРУСИЛОВ

Вскоре после гибели Котовского, 31 октября 1925 года, в результате неудачной полостной операции умер Михаил Васильевич Фрунзе. Его смерть породила много слухов о том, что она была неслучайной, а явилась результатом целенаправленных действий Сталина, стремившегося избавиться от опасного политического конкурента. Надежда Владимировна Брусилова так прокомментировала смерть Фрунзе в своем дневнике «Мои впечатления»: «Сегодня утром умер М. В. Фрунзе. Этого давно все ждали, так как болезнь его, по отзывам врачей, была очень серьезна. (Его на днях оперировали очень неудачно.) Алексей Алексеевич очень жалел этого человека, так как много раз я слышала от него, что он ему очень симпатичен. Сейчас он мне продиктовал письмо, которое и послано в РВС на имя старшего его секретаря С. А. Сиротинского. Вот это письмо: “Многоуважаемый Сергей Аркадьевич, обращаюсь к Вам как к ближайшему сотруднику Михаила Васильевича для того, чтобы передать вдове покойного мое глубокое сочувствие по случаю тяжелой утраты. Очень сожалею, что острые боли в раненой ноге не позволяют мне ходить и приковывают меня к дому, вследствие чего я принужден письменно обратиться к Вам. Буду всегда помнить доброе отношение и внимание Мих. Вас. ко мне и к моей семье. Моя глубокая благодарность к нему тем более требует, чтобы я выразил мое сердечное соболезнование и сочувствие не только вдове его, но и всем вам, его ближайшим сотрудникам и сослуживцам. Уважающий Вас А. Брусилов”.

Вот уже две недели, что Алексей Алексеевич страдает от своей раненой ноги. Он почти совсем не ходит и по ночам сильно мучается. По предписанию доктора Зацепина он принимает йод и ему делают электризацию ноги (на Петровке, 25) (старший врач этого учреждения, не помню его фамилии, был очень невнимателен и даже неприязнен к Ал. Ал., заставляя ждать очереди в холодном коридоре и делая всякие пакости). Сегодня звонили из газеты “Правда”, прося отзыва Алексея Алексеевича о военных заслугах Фрунзе. Он велел мне ответить, что не может касаться этой стороны дела, совершенно не зная ее, так как в Гражданской войне не участвовал, но что очень сожалеет о кончине этого незаурядного человека.

И действительно, вся деятельность Фрунзе была в Туркестане и на юге России, и совместно с ним мой муж никогда не служил. Следить издали или по газетам трудно, тем более, что

все эти годы Алексей Алексеевич вначале от раны, а потом от общего состояния много болел и по этим вопросам ничего не читал. Не мог же он сообщить, что слышал о том, будто Фрунзе и Котовский, оба бессарабцы, мечтали отделить Украину, соединить ее с Бессарабией и устроить там правление без Москвы. За что те, кому это не нравилось, одного зарезали, другого убили. И не мог Алексей Алексеевич сообщить в газете, что о некоторых вопросах с полуслова понимал дело и сочувствовал и одобрял некоторые их планы. (Всего один раз Алексей Алексеевич виделся с Котовским без меня, в Манеже кавалерийской школы. Мне в тот же день говорил об этом один курсант. Я спросила мужа, о чем он с ним говорил, и он очень загадочно улыбнулся: “Почему-то он мне очень хвалил Фрунзе, рассказывал о своей южной кавалерии, о ‘червонном казачестве’. Он толковый, этот бывший разбойник, а я, как бывший генерал, вполне его планы одобряю. Ведь эти места Волынской, Подольской губерний, границы Бессарабии, мои дорогие места по воспоминаниям. Но все это еще настолько туманно, что лучше об этом не говорить”.) Несколько лет назад, когда по делам наркомата В. П. Засецкий (с семьей В. П. Засецкого мы были очень хороши, но ввиду своего выезда за границу, они несколько отделились от нас. Мы это хорошо понимали. Алексей Алексеевич говорил: “Не надо им мешать в их хлопотах!”) ездил на юг, то, вернувшись, говорил нам, что слышал много хорошего о Фрунзе и даже видел его, и что он очень хорошо относится к бывшим военным, и что он просил передать Алексею Алексеевичу от него поклон. Затем, полтора года назад, когда понадобилось место инспектора кавалерии для Буденного, наконец было дано согласие, после нескольких просьб Алексея Алексеевича об отставке, дать ее ему. Вместо него был назначен Буденный, и в то же время, вместо Троцкого, был назначен Фрунзе. Когда Алексей Алексеевич в первый раз видел его в штабе, это совпало с днем смерти моего брата Р. Н. Яхонтова. Секретарь моего мужа С. Н. Ладьженский сопровождал его в штаб, так как оттуда они должны были ехать хлопотать о том, чтобы получить разрешение похоронить брата на старом кладбище Ново-Девичьего монастыря, которое тогда уже было закрыто.

Фрунзе оказал много внимания нашему горю, и по его просьбе мы могли похоронить брата, как хотели. Затем, когда Алексею Алексеевичу назначили пенсию, то Фрунзе так устроил, что она идет через военное ведомство и будто он не в отставке, а “состоит при Р. В. С. по особо важным поручениям”. Когда, вернувшись из санатории “Узкое”, Алексей Алексеевич

поехал к Фрунзе и спросил его, зачем он это сделал, то он ему ответил:

“ — Вам несравненно будет удобнее быть как бы на службе. Никаких поручений мы вам давать не будем, а в случае каких-либо придинок или неприятностей мы вас в обиду не дадим. Да притом вы можете еще многое сделать, — сказал он, понизив голос и внимательно посмотрев мне в глаза!” — говорил мне тогда Ал. Ал., прося не повторять даже своим этих загадочных слов, которые слышал он от Фрунзе.

И во многих житейских затруднениях нынешнего времени Фрунзе сдержал слово и поддерживал Алексея Алексеевича, чаще всего, когда ему приходилось хлопотать о других. Когда я заболела и нам стало необходимо ехать за границу лечиться, то Фрунзе все для нас устроил и помог во всех отношениях, даже сестре моей Елене Владимировне дали возможность с нами ехать. Мужа моего отпустили за границу на лечение в Карлсбад под личное поручительство Фрунзе перед ЦИКом. Фрунзе спросил тогда Ал. Ал.: — Вы даёте мне слово, что вернетесь и едете только для лечения? — Мой муж ответил утвердительно, и дело было сделано. Ал. Ал. говорил мне тогда: — Если он мне поверил, значит, он сам умеет держать слово или хотя бы понимает всю силу его!

Robert Benson в своем романе “Le Maitre de la Terre” («Властелин мира» (1907), роман британского католического писателя Роберта Хью Бенсона (1871—1914). — Б. С.) говорил: “Un homme qui croit en soi-meme est seul capable de croire en son prochain” (человек, вторящий себе, способен вторить своему ближнему. — *фр.*).

Конечно, это изречение верное.

А затем и ранее и позднее от многих военных и юристов мы много раз слышали, что отношение Фрунзе по вопросу пенсий бывших военных и во многих других вопросах достойно всякого уважения и одобрения.

Вот всё, что Алексей Алексеевич знает о М. В. Фрунзе. Но мы с сестрой, лично не зная умершего, подали сегодня частичку об упокоении души “новопреставленного Михаила”. Он был коммунист и, следовательно, ни во что не верил, и ему здесь, на земле, не нравились наши христианские обряды, таинства и вероисповедания, но кто знает, может быть, там, за гробом, проснувшись, он поймет свою ошибку и будет нам благодарен... “C’est un prolongement sublime, que la tombe, on y tombe e’tonne d’avoir cru qu’on y tombe” («Могила — это чудесное продолжение жизни, люди боятся упасть в нее, но души их должны быть очень удивлены, что они живы и отлетают от

земли, минуя ее» (*фр.*). — Б. С.). Это, кажется, сказал Луи Блан на могиле Гюго (на самом деле это цитата из стихотворения Виктора Гюго «Похороны» (*L'enterrement*) из сборника «Ужасный год» (*L'année terrible*, 1872). — Б. С.). Это судьба многих атеистов, крайнее удивление при сознании, что они не погребены в темной могиле, а существуют и живут гораздо выше земли».

И Надежда Владимировна, и ее муж сильно не любили большевиков и мечтали о том, чтобы явился какой-нибудь Бонапарт и их сверг, восстановив историческую Россию, пусть даже без императора, но зато уж точно без Третьего интернационала. И видели потенциального Бонапарта в любом понаравившемся им военном. Фрунзе и Котовский оказались среди них. Алексей Алексеевич и Надежда Владимировна прислушивались к каждому их слову, ища за ним какие-то скрытые смыслы, которых на самом деле не было. Так, слова Фрунзе Брусилову при проходах на фактическую пенсию — должность для особых поручений при Реввоенсовете, что он, Брусилов, может еще много сделать, — это просто дежурная вежливая фраза. При этом и Фрунзе, и другие советские руководители были заинтересованы в имени прославленного генерала, чтобы можно было при случае заявить, что он не коротает время полным пенсионером, отставленным от дел, а, дескать, работает в Реввоенсовете Республики.

Точно так же слухи о том, что Фрунзе и Котовский собирались отделить Украину от СССР и соединить ее с Бессарабией, воспринимались четой Брусиловых как доказательство их стремлений создать жизнеспособное антикоммунистическое государство, к которому постепенно присоединятся остальные части бывшей Российской империи. В действительности слухи о том, будто Фрунзе с Котовским могут отделить Украину, очевидно, отражали реально существовавший в Кремле план по присоединению Бессарабии, для чего войска Котовского и, вероятно, Фрунзе, командовавшего тогда войсками Украины и Крыма, должны были временно «выйти из повиновения», быстренько, без официального объявления войны, разбить румынскую королевскую армию и, благополучно присоединив Бессарабию к Украине, вернуться в состав Красной армии и СССР. Но ради воплощения своих мечтаний Алексей Алексеевич и Надежда Владимировна готовы были простить Фрунзе и Котовскому и атеизм, и борьбу против царского правительства. А стоило Котовскому похвалить Фрунзе, а заодно и своих «червонных казаков», как генералу Брусилову пригрезилось, что это — подготовка к походу на Москву, и он даже

намекнул, что планы Котовского и Фрунзе одобряет. И хорошее отношение Фрунзе к бывшим офицерам и генералам царской армии, служившим у большевиков «военспецами», также истолковывалось как стремление восстановить «национальную» армию. Между тем и Троцкий, и Фрунзе рассматривали привлечение в Красную армию царских офицеров как временную необходимость, пока не подрастут свои, «пролетарские» командные кадры. Сразу после окончания Гражданской войны царских офицеров и генералов стали массово увольнять с командных должностей в войсках, а с середины 1920-х — вообще из армии, оставляя в лучшем случае преподавателями академий, институтов и военных школ.

Н. В. Брусилова-Желиховская также оставила нам зарисовку похорон Фрунзе: «Я ехала в центр города и смотрела на торжественные гражданские похороны Иванова. Этот старый политкаторжанин, про которого много пишут в газетах вчера и сегодня. Умер он в день похорон Фрунзе от разрыва сердца. Кстати, сегодня уже 6-ое ноября, я целую неделю пишу эту заметку и никак не кончу.

Итак, я ехала в трамвае. В вагон вошла старушка очень прилично одетая, но в платке.

— Это кого же опять они хоронят, — спрашивает меня. Я объясняю, что сама знаю из газет.

— Что-то они помирать стали, — продолжает она.

Мне вспомнилась шутка, будто Ленин сказал, умирая: “Товарищи, за мной...” Но громко я это, конечно, не сказала. Старушка помолчала. Потом усмехнулась.

— А как-то они заахают-то, вчерашний и нонешний.

Я, не поняв ее, переспросила.

— То есть как?

— А так, как встретятся-то, ахти да ахти, а мы-то думали, что за гробом ничего нетути. А вот товарищи и повстречались!

Насмешила меня очень старушонка.

Но как ярко теперь в говоре у народа это “они” и “мы”.

Самая резкая черта. Народ себя от них совершенно отгораживает. А иностранцы этого заметить не могут. Мне хочется записать для памяти несколько подробностей об умершем Михаиле Васильевиче. Издали, со стороны, по слухам я знаю, какой несчастный это был человек, и кажется мне, что он подлежит совсем иной оценке, чем другие его “товарищи” по сумасшедшим и преступным политическим бредням. Мне очевидно, что возмездие, карма, ярко выявилась на его судьбе. Год назад его любимая девочка, кажется, единственная дочь, по детской неосторожности выколола ножницами себе глаз. Ее

возили в Берлин для операции и еле-еле спасли второй глаз, едва не ослепла окончательно. Отец и мать были сильно потрясены этим случаем. Когда мы вернулись в июле из-за границы, нам рассказывали, что Фрунзе сильно болеет и что ему очень повредили ушибы, полученные при автомобильной катастрофе. Это было на шоссе около санатории “Узкое”. Он вылетел и со всего размаха ударился о телеграфный столб. Многие подозревали злой умысел в этой катастрофе. С тех пор он не поправлялся. Жил долго в Крыму, так как жена его в чахотке и севера даже летом не переносит. Его одного только недавно привезли в Москву и после ряда консилиумов решили делать операцию. Мы слышали, что в этом решении был нажим от кого-то из властей. Судя по официальным бюллетеням, выпотрошили его настолько основательно, что, конечно, жить он не мог. А между тем мы видели нескольких врачей, которые утверждают, что без операции он еще мог бы жить долго. Конечно, на очень строгой диете и при соблюдении некоторых врачебных условий. Когда он умер, то выписали несчастную больную жену, и вчера на похоронах, говорят, она ни идти, ни стоять не могла и ее несли на носилках. Какой ужас. Какая трагедия... (Менее чем через год она умерла. — Позднейшее примечание Н. В. Брусиловой. — Б. С.)...

Я не видела и не слышала, но надо думать, что там, вблизи могилы, на площади, все было приличнее. Уншлихт (заместитель председателя Реввоенсовета. — Б. С.) хотя бы благодарил курсантов Академии, которые и одеты лучше, и держат себя приличнее, и, кажется, искренно любили покойного Фрунзе. Судя по разговорам с некоторыми из них, я думаю, что Фрунзе был социалистом, народником в более чистом и мировом значении его, коммунизм и еврейский Коминтерн прилипли к нему, и он, вероятно, ими тяготился, как многие из них в последнее время. Это мне подтверждает и речь Рыкова над могилой его, в которой нет слова “коммунизм”, а только “социализм”, “защита интересов рабочих и процветания Красной армии”. Ну, а последняя-то ведь защищает границы старой России, пока что... Это ведь “подсказка, заставляющая подумать”.

Сегодня в газетах напечатано, что в Реввоенсовете получено письмо от А. А. Брусилова, в котором он выражает сочувствие вдове М. В. Фрунзе и “его ближайшим сотрудникам и сослуживцам”. При этом приведена большая часть письма, но имени С. А. Сиротинского нет, а ему именно и писал мой муж, письмо его было совершенно частного характера, а они ему придали официальный тон по адресу Реввоенсовета, чего не

было. Неуловимая черточка, но имеет значение. (Симпатичных секретарей Фрунзе Сиротинского и Савина вскоре затерли.)»*.

Здесь уже проявляются первые намеки, что смерть Фрунзе могла быть следствием некоего заговора кругов, связанных с Третьим интернационалом и боявшихся Фрунзе как народника и социалиста немарксистского толка. Кстати сказать, Фрунзе был женат на Софье Алексеевне Поповой, дочери народовольца, так что определенная связь с народовольцами у Михаила Васильевича была.

В декабре 1934 года, уже в Чехословакии, Н. В. Брусилова перечитывала «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка, где излагалась версия о том, что Сталин, настояв на операции, сознательно убил Фрунзе, зная, что тот ее не вынесет. В связи с этим Надежда Владимировна записала в дневнике, солидаризуясь с писателем: «Кто был Мих. Вас. Фрунзе?! — националист чистой воды, простой русский человек (хотя отец Фрунзе, Василий Михайлович, был молдаванином, военным фельдшером, а мать, Бочкарева Мавра Ефимовна, — русской, в Бессарабии он никогда не был, румынского языка не знал, а родился вообще на территории нынешней Киргизии, в Пишпеке (Бишкеке), так что правильнее, наверное, считать его русским. — Б. С.), увлеченный утопией социализма на благо русского народа настолько сильно, что готов был пролить кровь и проливал ее со зверской энергией во время Гражданской войны. Но чем дальше, тем больше он задумывался и стал подозревать неладное, проникающее из-за границы и заволадевающее русской землей, русскими богатствами, в ущерб русскому народу для процветания безбожного всемирного Интернационала. Он верил Алексею Алексеевичу, и из редких и коротких разговоров с ним было ясно, что у него что-то копится в голове. Однажды он спросил Ал. Ал.: “А Вы могли бы сесть на лошадь, генерал? Как Ваша нога?” Что подразумевалось под этим вопросом? В тот день Ал. Ал. мне сказал, усмехаясь: “Он очень популярен в Бессарабии и на Украине. Не хочет ли он проверить, насколько и мое имя сохранилось в населении на юге, посадив меня на лошадь, как предводителя?.. Куда он гнет?.. Он как-то сказал мне: ‘Вы можете еще много сделать’...” Затем его дружба с Котовским, тоже бессарабцем и тоже очень популярным в тех местах. Шура Добровольский нам в Одессе рассказывал, как многих этот последний спасал и как многим он помогал. (От Шуры же мы слышали, как он, Шура, вместе с кадетами и институтками хотел бежать от большевиков через

---

* ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 1. Д. 216. Л. 83—86, 89.

замерзший Днестр в Бессарабию. Румыны их встретили пулеметами и только один “разбойник” Котовский их спас, устроив в каком-то имении, обогрел, накормил, напоил.)

Мою историю с Котовским я подробно описала в своих воспоминаниях, и его отношение к Алексею Алексеевичу и ко мне — ясно. Я помню случай, когда в Манеже кавалерийской школы он целый час в сторонке что-то рассказывал моему мужу, а Коля прибежал домой, умоляя меня расспросить его, в чем дело. И Ал. Ал. мне сказал:

“ Все это очень еще туманно, и лучше не говорить ни с кем об этом. Тебе интересно знать, о чем это ‘бывший генерал’ разговаривал с ‘бывшим разбойником’. Он много рассказывал о популярности Фрунзе на Украине, на Волыни, в моих бывших местах, но, повторяю, об этом не надо говорить”.

Сопоставляя все это, невольно думается, что Москва со всемирным Интернационалом претила душе Фрунзе. И Кремль, догадавшись об этом, испугался его популярности и решил его обезвредить, замаскировав его смерть операцией; его зарезали или задушили хлороформом, судя по описанию Пильняка. Вскоре затем был убит и Котовский с официальным объяснением, что из-за какой-то женщины, а также ввали, что это была месть за погромы еврейские. Все это была ложь. Никакой женщины с ревнивым мужем не было, и никаких погромов он не устраивал, а был убит наемной рукой только совсем иного сорта, не нашего русского. Он был нежелателен интернациональным властям. Местное население его любило и оплакивало. Евреи очень добродушно к нему относились, ибо надеялись, что он водворит порядок и травля их остановится. Нам передавали, как однажды он вызвал из Умани Бродского, того, что хромал, и крикнул: “Эй ты, хромая жидова, чтобы в три дня мне доставили сукна для шинелей и кожи для сапог моей конницы”. Ну, и доставили. Забавно то, что сам Бродский, смеясь, это все рассказывал: “Как можно было не исполнить приказ. Ведь сумасшедший человек, пырнет кинжалом, задушит, мы люди маленькие, а он сила. Зато и вином угощал, и руку ‘жидовскую’ пожимал, когда его приказ исполняли”. Итак, оба были убиты. Но кто такой Сталин?

Необразованный кинто, тупой, упрямый грузин, связанный с Фрунзе старой партийной работой и любивший его как товарища. Судя по рассказу Пильняка, он тяжело пережил эту смерть. Пожал его мертвую руку, сказал: “прощай, брат” и помчался со страшной скоростью в машине за город, чтобы забыть, заглушить совесть, привести свои мысли в порядок... Впоследствии умерла жена Сталина, осетиночка, совсем мо-

лодая, большая националистка и честная женщина. Умерла как-то внезапно, странно. А потом он женился на сестре еврея Кагановича. Близкие сослуживцы Фрунзе все постепенно ушли со сцены. Мы знали двух: Сиротинского и Савина, очень симпатичных русских людей, и где они теперь и живы ли они, не знаем. Вокруг Сталина теперь пять братьев Кагановичей — националистов ни русских, ни кавказских, ни украинских нет. В чьих они руках, кто за его спиной... “Некто в сером”, времена апокалипсиса. Всех националистов удаляют — это бросается в глаза. Из прежних людей один Буденный удержался, но он добродушен и глуп — никому не опасен. Никогда не забуду, как Ал. Ал. просил его устроить на какой-нибудь заработок своего однополчанина Вл. А. Толмачева. Тот исполнил эту просьбу моего мужа, тем более, что Толмачев когда-то был командиром его полка. Но потом он повез Толмачева в своем автомобиле куда-то “определять”, и очень его смутил вопрос Буденного: “А помнишь Вл. Ал. как ты меня по роже смазал? Да ты не смущайся, за дело смазал!” Много мы смеялись по этому поводу. Бедный наш Вл. Ал. умер, сильно болея последние годы. Он тоже втихомолку надеялся на Фрунзе. Одно время у нас была надежда на национальные чувства Ворошилова, но боюсь, что он в клещах, чуждых нам (здесь вероятный намек на еврейское происхождение жены К. Е. Ворошилова Е. Д. Горбман. — Б. С.)»*.

Да и насчет личности Буденного Надежда Владимировна особо не заблуждалась. 2 декабря 1925 года она записала в дневнике: «На этих днях хоронили жену Буденного. Говорят, что она хорошая была женщина. Простая казачка, но старательно училась. Во время Гражданской войны много помогала и сама храбро сражалась в рядах войск своего не умного, но лихого супруга. В газетах Первая конная армия помянула добрым словом своего “Товарища-красноармейца”. Очевидно, это была энтузиастка, искренно верившая в свое дело... Тем более жаль ее, что она застрелилась, значит, много пережила и передумала. В Москве рассказывают, что Буденный в последнее время безобразно кутит, завел себе любовницу и об “идеях” давно забыл. Говорят, что она его уговаривала, старалась влиять на него, но ничего не выходило из ее просьб... Хорошенькие, нарядные, распущенные бабенки осилили деревенскую честную женщину, и она застрелилась. “Товарищи” стараются его развеселить и утешить, и поэтому все пьяны с утра и на службе и дома ежедневно. (“Товарищам” в этом усердно помо-

---

* ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 1. Д. 22а. Л. 73—76.

гают наши красавцы, бывшие гвардейцы, Генерального штаба полковники, такие как Щелоков, например. Несчастный человек спился и умер.) И сам он безобразничает пуще прежнего. Злые языки рассказывают, что и она-то сама тоже пьянствовала и застрелилась в пьяном виде. Но мне этому не хочется верить, так как я со многих сторон слышала об ней много хорошего. Детские приюты, хотя бы, в которых она принимала участие, были несравненно лучше и чище поставлены и в прямом смысле и в нравственном. Да и раньше, в конной армии, она вела себя очень достойно, несмотря на то, что супруг ее и тогда пьянствовал. Во всяком случае, несчастная женщина и далеко не заурядная.

А он, я слышала, сейчас же опять на ком-то хочет жениться, несмотря на такую драму»*.

Тут можно вспомнить, что супруга Котовского тоже заболела о детских приютах, и, в отличие от Буденного, муж ей в этом активно помогал. А слухи о том, что Буденный убил свою жену, тогда были довольно распространены в обществе. 13 декабря 1925 года Михаил Булгаков записал в дневнике: «Мельком слышал, что умерла жена Буд[енного]. Потом слух, что самоубийство, а потом, оказывается, он ее убил.

Он влюбился, она ему мешала. Остается совершенно безнаказанным. По рассказу — она угрожала ему, что выступит с разоблачением его жестокостей с солдатами в царское время, когда он был вахмистром».

Возвращаясь к единственной встрече Котовского и Брусилова с глазу на глаз, Надежда Владимировна, находясь в более свободных условиях эмиграции, определенно указывает на бонапартистские замашки Фрунзе и Котовского и противопоставляет их «необразованному кинто» Сталину. Хотя по части образования Иосиф Виссарионович не слишком-то уступал Котовскому и Фрунзе. Пять классов семинарии из шести против полного курса сельскохозяйственного училища, но без диплома (Котовский) и полного курса гимназии с несколькими месяцами учебы в Петербургском политехническом институте (Фрунзе) — согласимся, разрыв не такой уж большой. К тому же Сталин в большей мере занимался самообразованием, чем Котовский и Фрунзе. Котовский привлекал симпатии четы Брусиловых еще и тем, что в 1920 году действительно спас от верной смерти сотни, а то и тысячи офицеров и беженцев. Слухи об этом широко распространились как в эмиграции, так и в России. А в связи с невинным вопросом Фрунзе Брусило-

---

* ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 1. Д. 216. Л. 118.

ву, может ли тот вновь сесть на лошадь, вдруг выясняется, что бонапартистских замашек не был чужд и сам Алексей Алексеевич. Он, оказывается, мечтал, что Фрунзе поставит его во главе своих войск на Украине, идущих на Москву свергать власть Третьего интернационала. Между тем Фрунзе, возможно, просто думал о том, чтобы дать в газетах конную фотографию Брусилова, чтобы еще раз продемонстрировать стране и миру, что Брусиллов остается вместе с советской властью. К националистам Надежда Владимировна готова была отнести и Буденного, и Ворошилова, сетуя, правда, на еврейскую жену последнего.

По мнению вдовы Брусилова, и Котовского, и Фрунзе убили за их национализм и скрытое противостояние диктуемой евреями политике Третьего интернационала. Первого — с помощью наемного убийцы. Второго — посредством хирургической операции. Ну, насчет убийства Котовского мы уже разобрались. Что же касается Фрунзе, то, вопреки распространенному мнению, на роковой операции настаивали не Сталин и политбюро, а прежде всего сам Михаил Васильевич. Вот что писал Фрунзе своей жене Софье Алексеевне в Ялту: «Я все еще в больнице. В субботу будет новый консилиум. Боюсь, как бы не отказали в операции». «На консилиуме было решено операцию делать». Михаил Васильевич пишет жене, что этим решением удовлетворен. И ни слова о том, что хотел бы отказаться от операции. Наоборот, он полон оптимизма и верит, что врачи «раз и навсегда разглядят хорошенько, что там есть, и попытаются наметить настоящее лечение». Фрунзе ничего не пишет ни о каком-либо принуждении, ни о давлении со стороны врачей. Он сам надеется поскорее сделать операцию, чтобы можно было полноценно жить и работать.

А вот что говорилось в протоколе вскрытия, которое после смерти Фрунзе провел известный хирург А. И. Абрикосов: «Анатомический диагноз. Зажившая круглая язва двенадцатиперстной кишки с резко выраженным рубцовым уплотнением серозного покрова соответственно местоположению упомянутой язвы. Поверхностные изъязвления различной давности выхода желудка и верхней части двенадцатиперстной кишки, фиброзно-пластический перитонит в области выхода желудка, области печеночно-двенадцатиперстной связки, области слепой кишки и области рубца старой операционной раны правой подвздошной области. Острое гнойное воспаление брюшины.

Паренхиматозное перерождение мышцы сердца, печени, почек.

Ненормально большая сохранившаяся зубная железа. Недоразвитие (гипоплазия) аорты и крупных артериальных стволов. Рубец стенки живота в правой подвздошной области и отсутствие червеобразного отростка после бывшей операции. (1916 г.)

Заключение. Заболевание Михаила Васильевича Фрунзе, как показало вскрытие, заключалось, с одной стороны, в наличии круглой язвы двенадцатиперстной кишки, подвергшейся рубцеванию и повлекшей за собой развитие рубцовых разрастаний вокруг двенадцатиперстной кишки, выхода желудка и желчного пузыря; с другой стороны, в качестве последствий от бывшей в 1916 году операции — удаления червеобразного отростка, имелся старый воспалительный процесс в брюшной полости. Операция, предпринятая 29 октября 1925 года по поводу язвы двенадцатиперстной кишки, вызвала обострение имевшего место хронического воспалительного процесса, что повлекло за собой острый упадок сердечной деятельности и смертельный исход. Обнаруженные при вскрытии недоразвитие аорты и артерий, а также сохранившаяся зубная железа являются основой для предположения о нестойкости организма по отношению к наркозу и в смысле плохой сопротивляемости его по отношению к инфекции.

Наблюдавшиеся в последнее время кровотечения из желудочно-кишечного тракта объясняются поверхностными изъязвлениями (эрозиями), обнаруженными в желудке и двенадцатиперстной кишке и являющимися результатом упомянутых выше рубцовых разрастаний».

Практически Михаила Васильевича обрекли на смерть скрытые патологии, проявившиеся в ходе операции, которые выявить ранее не представлялось возможным. Тут и неудачная операция по удалению аппендицита в 1916 году, и большое сердце, и увеличенный зуб. Объективно говоря, операция Фрунзе требовалась, так как уплотнения, возникшие в результате язвы, можно было ликвидировать хирургическим путем. Роковым же стал застарелый локальный перитонит, вызвавший после операции острое гнойное воспаление брюшины, что создало повышенную нагрузку на сердце и привело к его остановке. Ни перитонит, ни врожденное сужение сердечных артерий и аорты заранее обнаружить медицина того времени не могла. Спасти Фрунзе могли бы только антибиотики, но их тогда не существовало. Если бы операции не было, то Фрунзе, вероятно, прожил бы еще несколько лет, постоянно страдая от желудочных болей и обладая очень ограниченной работоспособностью. Очевидно, ему пришлось бы выйти в отставку и ве-

сти размеренную жизнь пенсионера. Но о такой судьбе Фрунзе даже не помышлял, потому и настаивал на скорейшей операции, не подозревая, что она будет смертельной. А ее трагический исход заранее прогнозировать не могли ни Сталин, ни врачи, проводившие консилиум.

Интересно, что вокруг Котовского одновременно творились две легенды, причем эти процессы особенно активизировались после его смерти. Советское руководство создавало миф о народном мстителе, после революции превратившемся в сознательного большевика, героически и умело боровшегося за советскую власть. В этой легенде, правда, не находилось места для гибели героического разбойника-комкора. Его смерть списывали либо на происки абстрактных врагов, либо на нелепую случайность, и вообще об убийстве Котовского творцы советской легенды предпочитали говорить как можно меньше. С другой стороны, в среде белой эмиграции, а также внутренней эмиграции было распространено мнение о Котовском как о некоем народном самородке, который, несмотря на всё тлетворное влияние большевизма и Третьего интернационала, хорошо чувствует народную стихию и сохраняет «здоровое национальное чувство». «Бывшие» думали и надеялись, что такие большевики, как Фрунзе и Котовский (потом в этом списке стал фигурировать и Тухачевский), могут «переродиться» и свергнуть наследников Ленина, вернув Россию на путь здорового национального развития. О том, насколько такие надежды могли быть справедливы в отношении Фрунзе, мы уже говорили. Что же касается Котовского, то совершенно непонятно, почему человек, родившийся в Бессарабии, а в Гражданскую воевавший главным образом на Южной Украине, говорящий одинаково хорошо на русском, украинском и румынском и соединивший в своей бригаде людей четырнадцати национальностей, должен был разделять идеи русского национализма. И почему он должен стараться реставрировать если не дореволюционную Россию, то Россию, очень на нее похожую, если он с 1905 года боролся против богатых и против царизма.

И Брусилов, и его супруга стремились оправдаться перед эмиграцией, почему заслуженный боевой генерал остался в России и не боролся против большевиков, а в определенной степени с ними сотрудничал. Два основных тезиса, которые они выдвигали в свою защиту, сводились к следующему. Старая власть основательно прогнила, ее разъедали коррупция, казнокрадство и некомпетентность, и все эти пороки не могли не проявиться и в эмиграции, и в белых армиях. Брусилов оставался монархистом, но считал, что монархия должна быть

обновлена и по возможности избавлена от этих пороков. Котовский, хотя и не говорил с супругами Брусиловыми на эту тему, наверняка разделял их взгляды на дореволюционное состояние страны, поскольку не понаслышке знал о продажности чиновников и полиции. К тому же он непосредственно имел дело с генералом Ухач-Огоровичем — одним из чемпионов в дореволюционной России по части казнокрадства. Сам же Котовский, как думали супруги Брусиловы, был бессребреником. И они были недалеко от истины. Своими разбоями Котовский состояния себе не нажил, хотя при желании мог бы это сделать, а затем, например, по подложному паспорту податься в Румынию, благо румынский язык он знал. Как уже говорилось, ходили легенды о кладях Котовского. Но даже если такие клады и были, после революции они все были использованы Котовским для развития хозяйства корпуса и коммуны. Своей любимой жене и детям он не оставил практически ничего. Когда Ольга Петровна переезжала из Умани в Киев, даже мебель для обустройства на новом месте ей покупали за счет корпуса. Для Котовского главными были власть над душами людей, возможность эффектно блистать своим умением и щедростью.

Брусилов довольно долго верил, что большевизм в России продержится всего несколько лет, а потому он, помогая большевикам создавать новую армию, фактически создает русскую национальную армию, пусть даже под маркой Красной армии. Пока что эта армия защищает внешние границы России, а потом окажется в распоряжении национальных сил и поможет им либо свергнуть большевизм, либо переродить большевиков в национал-коммунистов. Под конец жизни Алексей Алексеевич понял, что ошибся, что большевики в России всерьез и надолго. Но, доказывая Брусилову, он ошибался не один, так думало едва ли не большинство прежней элиты, поэтому подобную недальновидность нельзя никому поставить в вину. В этом отношении Котовский оказался гораздо проницательнее генерала, еще осенью 1917 года осознав, что большевизм в России — надолго.

Н. В. Брусилова-Желиховская вспоминала: «Слышали мы также, что эмиграция обвиняет моего мужа за то, что он служил у большевиков, и даже некоторые из них говорили “продался им”. Ну, милочки мои, насчет этого помолчите, ибо вся Россия знала при Императоре и знает теперь при большевиках, что купить его нельзя и подобная клевета не пристанет к нему. Он как-то, по воспоминаниям Н. И. Муралова (тогдашнего командующего Московским военным округом. — Б. С.), сказал: “Большевики, очевидно, больше меня уважают, пото-

му что никто из них никогда и не заикнулся о том, чтобы мне что-нибудь посулить”.

Эта самая эмиграция лучше бы вспомнила, как в Галиции мой муж принужден был бороться с грабежами и воровством, вошедшими в обычай у многих представителей старого быта и иногда даже у представителей лучших русских фамилий. “Помилуйте, вы не правы, это добыча войны”, — сказал ему один из таковых. Он желал вывезти в Россию целый вагон вещей, награбленных в польских имениях. Мой муж его не стал слушать, а приказал сжечь весь этот вагон (также поступает генерал Хлудов в булгаковском «Беге», приказывая сжечь вагон Корзухина с «экспортным пушиным товаром». — Б. С.). Этого ему не просят. На что сами способны, в том легко заподозрить других. Но Бог с ними, не следует мне останавливаться на этих гадостях, уж хотя бы потому, что Алексей Алексеевич во мне не любит*.

В Праге в декабре 1931 года Надежда Владимировна записала в дневнике: «Алексей Алексеевич говорил нам тогда:

— Другой России у меня нет, значит, и выбора нет, возможно, что меня убьют, но не это меня пугает.

И он тянул свою ляжку, пока еще был в состоянии помогать государству как таковому и в отдельности русским людям, и своим боевым товарищам, духовенству — измучился и умер.

Из всех некрологов и сочувственных писем ко мне ярче всего это чувство к России у Алексея Алексеевича было подчеркнуто Керенским:

“ОН ВСЕГДА БЫЛ ТОЛЬКО СО СВОЕЙ РОССИЕЙ”.

Спасибо А. Ф. Керенскому, как бы его ни критиковали, каких бы промахов у него в действительности ни было, я лично за его коротенькую заметку по поводу смерти Алексея Алексеевича всегда буду ему глубоко благодарна**.

Действительно, Брусилов всю жизнь оставался только со своей Россией, с теми, кто окружал его в период наивысшей славы, — боевыми офицерами и генералами. Коммунисты, с которыми ему приходилось работать, оставались для него людьми чужими. Алексей Алексеевич наивно думал, что, служа большевикам, можно одновременно строить национальную Россию.

Осенью 1934 года Надежда Владимировна записала в дневнике: «Мы живем в странное, совершенно исковерканное с точки зрения вековой морали время. Во главе русских молодцов летчиков прилетает во Францию и в Чехию польский еврей, коммунист, известный палач и убийца, жесточайший че-

---

* ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 1. Д. 216. Л. 38.

** Там же. Д. 196. Л. 36.

ловец (вероятно, имеется в виду летчик-челюскинец, Герой Советского Союза, член ВКП(б) Сигизмунд Карлович Леваневский, который, правда, был не евреем, а поляком, но действительно, командуя в Красной армии батальоном и полком, не раз участвовал в карательных экспедициях. — Б. С.)... И ему пожимают руки, его приветствуют представители гуманных буржуазных правительств Франции и Чехословакии. На юбилейные марки легионеров по случаю двадцати лет со времени войны и организации дружин, из которых впоследствии образовалась чешская армия, попадает не то лицо, кто первый основал дружину на Юго-Западном фронте, кто всячески покровительствовал чехам и ручался за них перед Государем, а генерал Х., во время войны совершенно скомпрометированный своей срамной деятельностью в тылу армии. Документально было известно, что если бы не революция, то он вместе с воинским начальником (лицом, возглавлявшим орган местного военного управления. — Б. С.) должен был быть предан суду за свои аферы на поставках в армию и за взятки по освобождению богатых юнцов от воинской повинности. Расстрелянный большевиками военный прокурор на фронте Алексея Алексеевича, честнейший человек, Сергей Александрович Батог (личный друг погибшего Ник. Ник. Духонина) мог бы многое поведать справедливой истории. Хороша справедливость. Кто что хочет, то и пишет: эмигрантские историки — одно, большевицкие — другое, замалчиваются действительные заслуги одних лиц и приписывают их по настроению данной минуты другим, фиглярам смутного времени, это все мы видим своими глазами, все эти годы.

Генерал Х. был замешан в позорном деле генерала Маврина с супругой и авантюриста Фурмана. Мы жили в Виннице и в Киеве в то время. Мы слышали и видели многое, творившееся при Маврине Фурманом. (Он был сослан моим мужем в Сибирь, но при большевиках вернулся.) При супругах Сухомлиных Альтшуллер, при Коковцове, вернее, при его дочери, “Митька” Рубинштейн. Все известные аферисты.

А “персидский сахар”, что продавался в Персии, а оттуда направлялся в германскую армию.

Военные власти засадили в тюрьму пять сахарозаводчиков (Бабушкин и К^о), но нашлась протекция перед Государем, и дело замяли, а преступников выпустили на свободу!

Это то, что мы знали, а чего мы не знали, — было гораздо больше. Хороша эпоха. Большевики ее снесли, но придет время, что и их снесет судьба и восторжествует на земле Христова Правда.

Застрелившийся перед арестом интендант Бачинский мог бы многое напомнить генералу Ходоровичу. Мои письма того времени к мужу и его ко мне сохранены. Мы знаем, что генерал Х. был сподвижником застрелившегося. А между тем много лет спустя мы застали генерала Х. в Праге “полным заслуженным генералом” (произведен во время Гражданской войны) (Николай Александрович Ходорович в 1916—1917 годах был главным начальником Киевского военного округа, в 1917 году был произведен в генералы от инфантерии. В 1916—1917 годах участвовал в формировании Чехословацкого корпуса. С 1922 года жил в Праге, получая пенсию от чехословацкого правительства. Умер в 1936 году в возрасте 79 лет и был похоронен с государственными воинскими почестями. — Б. С.). Очень ловкий и хитрый, он сумел получить 100 000 крон из капитала, ассигнованного правительством на возмещение убытков от революции чехам и словакам, жившим тогда в России. Нас достаточно еще живых и не потерявших память, чтобы не быть введенным в заблуждение и ясно видеть, кто теперь чествуется.

И в России, и в Европе убийцы, палачи, воры, грабители, мошенники в чести и гордо носят свои головы. Нам, старым людям, остается только открыть рот от изумления и поскорее умирать, чтобы не присутствовать при дальнейшем позорном падении человечества*.

Главную вину за развал русской армии в 1917 году Брусилов возлагал не на большевиков, а на Временное правительство. Это до некоторой степени оправдывало в его глазах решение поступить на службу к большевикам. 19 февраля 1936 года в связи со смертью бывшего военного и морского министра Временного правительства А. И. Гучкова, скончавшегося в Париже 14 февраля, Н. В. Брусилова записала в дневнике: «Много лет спустя, когда я была уже женой генерала Брусилова, грянула новая революция, самая страшная по своим последствиям. Гучков приезжал в штаб мужа на фронте в качестве военного министра Временного правительства. У меня есть несколько фотографических снимков, сделанных во время этих его приездов.

Мой муж много с ним говорил об ужасном развале в армии и необходимости надеть красные банты всем, чтобы слиться с серой массой солдат, пока она так бурлит, чтобы солдаты чувствовали своих офицеров и генералов своими, чтобы иметь возможность говорить с ними, добраться до их души и противодействовать пропаганде врагов.

---

* ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 1. Д. 22а. Л. 36—39.

Я сидела рядом с кабинетом мужа в маленькой комнате и слышала каждое слово, дверь была приотворена.

— Вы, генерал, верите в солдатскую душу, как Суворов, — сказал Гучков. Мне почувствовалась ирония в его голосе.

Алексей Алексеевич говорил, что развели армию “Декларация прав солдата” и “Приказ № 1”. Это входило в планы большевиков, но это сделало Временное правительство. Ясно для всех. А военным министром был Гучков, и вина на три четверти на нем. Я слышала от мужа моего, от Духонина и от других, что армия никогда раньше не была так великолепно снабжена и вооружена и так готова к отпору врагу, как тогда. Алексей Алексеевич говорил: “Дайте мне три месяца, и мы будем в Берлине диктовать нашу волю”. Но коммунисты-большевики этого не желали и так влияли на многих самовлюбленных людей, воображавших себя деятелями “Французской Великой Революции”, что лестью туманили им головы и добились развала армии. На них также влиял “Совет солдатских и рабочих депутатов”, переполненный будущими большевицкими вождями. Повторяю: это входило в план мирового Коминтерна, но это исполнено властью русского Временного правительства. О Коминтерне тогда еще у нас никто понятия не имел, и только у одного Алексея Алексеевича появилось недоуменное выражение: “Некто в сером”. Мой муж промолчал тогда на произнесенные слова Гучкова о солдатской душе и по своей манере, чтобы переменить разговор, стал рассказывать смешную историю, которую много раз нам раньше рассказывал.

Это было в Петербурге в 1905 г. Около одного из дворцов он стоял верхом во главе эскадрона своей офицерской кавалерийской школы, вызванный на всякий случай. На тротуарах толпился народ. Какая-то девица, очевидно, социалистка, принялась громко ругать царского генерала самыми грязными словами: “Подлец, мерзавец, царский прихлебатель”, и т. д., и т. д. ... Ни один мускул не дрогнул на каменном лице Алексея Алексеевича, будто он ничего не слышал, как потом говорил жандармский офицер, подъехавший к нему, услышав руготню этой особы.

— Прикажете арестовать? — спросил он Алексея Алексеевича.

— Не стоит, плюньте.

Толпа захохотала. Кто-то крикнул из толпы: “Замолчи, дурища, слышишь, генерал на тебя плюет”. Эффект был конфузией для социалистки.

А. И. Гучков слегка засмеялся вместе с громким смехом Алексея Алексеевича, всегда искренне потешавшегося, когда вспоминал этот случай.

— Что же вы хотите, генерал, вы защищали тот режим, против которого боролся народ, вот она и бранилась, — сказал Гучков. Алексей Алексеевич опять промолчал.

А я теперь думаю: “Несчастный человек Гучков, раб своих фантазий, самоуверенности и самомнения”. Опять повторяю: “Да простит его Господь Бог”, но в свои исторические памятки считаю долгом все это записать.

Хочется провести параллель между любившими Россию людьми, ныне умершими Алексеем Алексеевичем и Александром Ивановичем.

Гучков расшатывал устои старой, прежде крепкой России и во имя чего-то нового, весьма неопределенного, принадлежал к тем людям, которые осмеивали старые традиции на потеху толпы и молодежи. Покинул родную землю при опасности для личной жизни и, умирая на чужбине, вспомнил, как он ее любил. Вполне допускаю, что, спасая свою жизнь, он надеялся спасти и свою идею.

Брусилов служил верой и правдой своей России. Он был монархистом и христианином и никогда не допускал в своем присутствии анекдотов про Царя, тем более про Церковь. Он был монархистом, и только когда увидел, что монархию спасти нельзя, у него осталась одна надежда: спасти Россию. И для этого все средства для него стали хорошими. О себе он не думал, надел красный бант, снял погоны (что стоило это его душе — знает один Бог), остался на родной земле, со своим народом, стал служить с правительством, с которым ничего общего не имел, смотрел далеко вперед, надеясь на будущее протрезвление народа. И когда осознал, в какие цепи попал его народ, в полном отчаянии умер, — но на родной земле.

Часто думаю, почему все находившиеся за границей, бывшие военные и общественные деятели, называют себя “белыми”. А на мой взгляд, все подобные моему мужу люди, оставшиеся в России, мужественно боровшиеся за нее много лет внутри страны, в большинстве погибшие в неравной борьбе, расстрелянные, томящиеся по сей день в ссылках, в тюрьмах, в тяжелых условиях каторжных работ, гораздо светлее их, так гордящихся своей “белизной” за границей.

Скажу еще в заключение, что мне всегда была тяжела страсть мужа к войне, к взаимному избиению людей, себе подобных (он без всяких академий изучал военное дело и доказал свое искусство на деле). Мне всегда казалось большой фальшью и грехом молебны Богу русскому и Богу немецкому о победе над врагом. Кровь и ужас во имя Бога и Отечества... Я много спорила с мужем и говорила, что люди будут наказаны за это. Вот

и вышло по-моему. Первый он пострадал за свою любовь к войне. Господь всех снес и еще больше будет сносить, тем более революционных убийц, пока не образуются люди и не народится новое, более духовное и светлое человечество»*.

Генерал Брусилов, кажется, верил, что, если бы в 1917 году его не сняли с поста Верховного главнокомандующего, Россия могла бы оказаться среди победителей в Первой мировой войне. В августе 1936 года Н. В. Брусилова сделала запись, озаглавленную «После разговора, переданного мне, о коммунизме и красноте моего мужа»: «В конце войны (1916—1917), а затем во время всей революции я всё думала, что необходимо всё записывать, что переживали все и главное Алексей Алексеевич, что все эти чувства, переживания и события в нашей семье интересны и важны для русских людей будущего. Теперь вижу, что человечество вообще и русские люди (в России и в эмиграции) настолько изменились, настолько чужды всему бывшему, что заблуждение мое стало для меня ясно. Все заняты ложью, фальшивой партийностью, фокусами изобретений в науке, спортом, развратом в жизни и в литературе. Пора уходить. Но перед уходом хочется сказать всем лжецам и клеветникам следующее.

Мой муж не был ни белым, ни красным, по своим чувствам, человеком, он был русским генералом и защищал русские границы и русский народ. В Гражданской войне не участвовал. Он настолько любил свою старую русскую армию, что остался с нею, когда она взбесилась, и не выдал ни большевикам, ни иностранцам всех минусов и пороков ее в царское время. А документов об отдельных лицах у него на руках было достаточно. Он сжег их. Преступников, казнокрадов, интриганов, взяточников, грабителей, воров в высших и низших сферах спасла революция и частью Алексей Алексеевич. Он говорил, что сор из избы не вынесет на потеху чужим, а революция уничтожила все следы военной прокуратуры. По поводу этого Алексей Алексеевич говорил: “И слава Богу, незачем срамить нашу славную армию, в ней было слишком много героев, мучеников, во имя их надо молчать о подлецах”. Но когда эти подлецы клеветуют на умершего Алексея Алексеевича, я не могу молчать в своих воспоминаниях.

У Алексея Алексеевича был свой план действий, и если бы у него не вырвали власть из рук в самое критическое время, кто знает, не было ли бы это лучше для дальнейшей судьбы России и не одержал ли бы он еще раз победу по разработанному им самим плану, как это было в 1916 году...

---

* ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 1. Д. 22а. Л. 128—131.

Знаю, что интриги против моего мужа велись еще далеко до войны, а во время войны, очевидно, из зависти к его успехам, они разрослись еще больше. Что же касается дальнейшего, то во всем мире о нем было столько фантазий и клевет, что разобраться, где правда и где ложь, — невозможно.

Всё, что я пишу, это не для современной прессы, а принадлежит истории. Всею, что я пишу, у меня есть яркие доказательства. Сама смотрю в могилу и как верующая христианка говорить неправду не могу. Лично мне предлагались взятки, лично я была свидетельницей, как обворовывались госпиталю, лазареты, снабженцы армии, как за большие деньги освобождалась богатые юнцы от фронта и взамен их отбиралась безжалостно у матерей нищих последние сыновья, часто больные.

В эмиграции эти мошенники стали “ярыми” монархистами и считали себя героями. (В СССР они стали “ярыми” коммунистами, а иногда и чекистами.) Некоторые из них умерли. Называть умерших не приходится. Но то, что я знаю и на что у меня есть доказательства, пусть знает потомство и поймет: как всем этим людям было критиковать человека, который возмущенно на них кричал, топал ногами и предавал суду, выгоняя вон от себя. Картина ясна.

Справедливая статья генерала Нисселя о прежней старой русской армии (1 Авг. 1937 г. Последние новости). Вывод: если бы генерал Брусилов не разгромил Австро-Венгрию, не воскресла бы Чехословакия, и кто бы давал пенсию, поддерживал бы все эти годы эмигрантов?! Тем более, кто бы мог вывезти из Сибири часть русского золотого запаса? Уже, конечно, лучше, что он достался чехам, чем большевикам*.

В ноябре 1925 года Н. В. Брусилова записала в дневнике о том, что Алексей Алексеевич слишком поздно разглядел зловещую роль Коминтерна: «Во время польской войны, когда Алексей Алексеевич пошел на службу, об этом никакого понятия не имели, не только крестьяне, но и средний круг интеллигенции. Только после заключения мира с Польшей Коминтерн основался у нас, как в своей собственной штаб-квартире. Вот этот момент, когда Россия была связана по рукам и ногам грубой чернью и чекистами-большевиками, Европа пропустила мимо ушей и дала возможность на свою голову Третьему Интернационалу запустить свои цепкие шупальца во все страны в виде своего Коминтерна.

“Отсель грозить мы будем шведу”, — сказал Петр I, основывая Санкт-Петербург. Большевики, основывая свой штаб

---

* ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 1. Д. 22а. Л. 132—133.

Коминтерн в том же Петрограде, теперь грозят не только шведу, но и всему миру. И уже теперь этот город должен забыть о Петре, ибо зовется Ленинград... Если Бог жизни даст — будем наблюдать. Повторяю: они гонят Церковь, основывая новую религию: Ленинизм»*.

Сам Брусилов во втором томе своих воспоминаний так объяснял свое поступление на службу к большевикам: «Я, как военный с малых лет, страдая эти годы развалом армии, надеялся опять восстановить ее на началах строгой дисциплины, пользуясь красноармейскими формированиями. Я не допускал мысли, что большевизм еще долго продержится. В этом я ошибся, но я ли один? (Убежден, что многие помогавшие Троцкому воссоздать русскую армию, хотя бы и называлась она “Красной”, думали так же, как и я)». Между прочим, Брусилов утверждал, что, прежде чем подписать воззвание к офицерам с призывом вступать в Красную армию для борьбы против Польши, он говорил с Троцким и просил его «дать мне гарантии спасения офицеров от преследования чекистами, от злобно натравленной ими черни. Троцкий мне обещал, что всё зависящее от него будет сделано, но что он на ножах с “Чекой” и что Дзержинский его самого может арестовать (это было в 1920 году, а что случилось с Троцким в 1925?!)». Думается, в данном случае Троцкий не врал. Насчет того, что Феликс Эдмундович мог его арестовать, Лев Давыдович конечно же сознательно допустил преувеличение. Троцкого, в тот момент — второго человека в стране после Ленина по своей значимости, члена политбюро и главу Красной армии, Дзержинский арестовать не мог. Для этого требовалось решение политбюро, а такое решение в 1920 году было абсолютно невероятным. Но определенное противостояние между Троцким и Дзержинским имело место еще в годы Гражданской войны. Так, в июле 1919 года глава ВЧК без ведома председателя Реввоенсовета арестовал тогдашнего главкома Красной армии И. И. Вацетиса и некоторых его сотрудников по обвинению в военном заговоре. Обвинение не подтвердилось, и Вацетиса вскоре освободили, но с поста главнокомандующего он слетел.

Кстати сказать, в воспоминаниях, которые в России Брусилов предполагал опубликовать только после падения большевиков, он похвально отозвался о председателе Реввоенсовета: «Да, в сущности Троцкий по энергии, уму и организаторским способностям, конечно, выдающийся человек».

---

* ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 1. Д. 216. Л. 100.

А в связи с началом широкомасштабной Советско-польской войны весной 1920 года Алексей Алексеевич отмечал: «С юга стал наступать Врангель, с запада поляки. Для меня было непостижимо, как русские генералы ведут свои войска задом с поляками. Как они не понимали, что поляки, завладев нашими западными губерниями, не отдадут их обратно без новой войны и кровопролития. Как они не понимают, что большевизм пройдет, что это временная, тяжкая болезнь, наносная муть. И что поляки, желая устроить свое царство по-своему, не задумаются обкромсать наши границы. Я думал, что, пока большевики стерегут наши границы, пока Красная армия не пускает в бывшую Россию поляков, мне с ними по пути. Они сгинут, а Россия останется».

Когда в сентябре 1920 года большевики получили преувеличенные данные о разложении в войсках Врангеля, возник проект превращения врангелевской армии в Красную Крымскую армию под командованием Брусилова, под руководством которого только будто бы и соглашались служить бывшие белые офицеры. В связи с этим Брусиллова побудили подписать обращение к врангелевцам с обещанием амнистии в случае перехода на сторону Красной армии. Заместитель Троцкого Э. М. Склянский сообщил Брусиллову, что тому, возможно, придется выехать на юг, чтобы принять под командование бывшую врангелевскую армию, и предложил составить список будущего штаба армии. И Алексей Алексеевич воспрянул духом. Он вспоминал: «Я воодушевился, поверив этому негодю. Я думал: армия Врангеля в моих руках, плюс все те, кто предан мне внутри страны и внутри Красной Армии. Конечно, я поеду на юг с пентаграммой, а вернусь с крестом и свалю этих захватчиков (или безумцев, в лучшем случае)». Но маниловским мечтам старого генерала о лаврах русского бонапарта не суждено было сбыться. По свидетельству Брусилова, вопрос о командовании армией отпал очень быстро: «Я пригласил в этот же вечер нескольких людей, которым вполне верил, но с которыми очень редко виделся, чтобы распределить роли. Мы все обдумали... распределили должности... И стали ждать, день, другой, третий... Склянский ничего не давал знать. А гораздо позднее он сообщил мне при случае, что сведения были неверные, никакого бунта не было и что все таким образом распалось». Алексей Алексеевич был уверен, что про «Красную Крымскую армию» Склянский выдумал, чтобы добиться брусилловской подписи под воззванием к врангелевцам. Потом многие офицеры поверили, что раз Брусиллов, наряду с Лениным, Троцким и главкомом С. С. Каменевым, обещал им про-

шение, то им ничего не угрожает, остались в Крыму и вскоре были расстреляны. Потому-то и называл Брусилов Склянско-го негодяем. Но на самом деле Эфраим Маркович не врал. К красным действительно перешел 8 сентября 1920 года врангелевец, поручик Яковлев, и сообщил о якобы существующем заговоре против Врангеля и готовности врангелевцев перейти под начало Брусилова при условии, что будет обращение от советского руководства с обещанием амнистии. Ленин назвал это дело «архиважным» и советовал принять предложение, составив соответствующее обращение. На самом же деле сообщение Яковлева, скорее всего, было дезинформацией, разработанной в штабе Врангеля с целью побудить советское командование снять часть войск с Южного фронта и перебросить их на Западный, против Польши. Но даже если вообразить себе, что врангелевцев действительно удалось бы объединить в «Красную Крымскую армию» под командованием Брусилова, то можно не сомневаться, что Троцкий, Склянский и другие большевики не дали бы Брусилову самостоятельно и шага ступить, поместив его под крепкий надзор и караул и уготовив ему роль «свадебного генерала». И ни о каком перевороте он и помыслить бы не мог. Но Брусилов, как и многие другие «бывшие», еще долгое время верил, что советскую власть можно свергнуть сравнительно легко. Надо только, чтобы во главе восстания встал какой-нибудь популярный деятель. Брусилов, не сомневавшийся в народной любви к своей собственной персоне, готов был при благоприятных обстоятельствах такое восстание возглавить. Но большевики плотно контролировали каждый его шаг, равно как и жизнь других сколько-нибудь видных представителей прежней военной и политической элиты, периодически арестовывая их, а то и расстреливая. Поэтому появилась мысль, что восстание может возглавить кто-то из известных большевиков, особенно военных, только большевиков «правильных», «государственно мыслящих».

И Брусилов, и его супруга, и многие другие «внутренние эмигранты» в России и настоящие эмигранты за ее пределами верили, что военное восстание могут возглавить Котовский или Фрунзе, или оба вместе. Хотя если разобраться, с чего это вдруг бывший бессарабский разбойник, при прежней власти приговоренный к смертной казни, а при новой вознесшийся до командира кавалерийского корпуса и главы процветающей сельскохозяйственной коммуны, будет стремиться свергнуть большевистских правителей в Кремле? Чем они ему особенно не угодили или досаждали, если даже с собственными комис-

сарами у него серьезных конфликтов не было? По крайней мере, таких, которые бы отразились в архивных документах. А уж профессиональному революционеру Фрунзе, ставшему большевиком еще в 1904 году, дважды приговоренному к смерти, как и Котовский, несколько лет проведенному на каторге, с чего было восставать против коммунистической власти? Сторонником Троцкого он никогда не был, наоборот, активно выступал на стороне Сталина против бывшего председателя Реввоенсовета, о чем рассказывала, в частности, вдова Котовского. Также нет никаких свидетельств, что у Фрунзе были честолюбивые планы свергнуть Сталина и самому возглавить страну. Для этого он был еще просто слишком молод, будучи на четыре года моложе Котовского (хотя думал, что старше его на два или три года). У него не было ни достаточной поддержки в партии, где его вообще мало кто знал, ни в армии, где было еще много сторонников Троцкого, которых постепенно теснили сторонники Сталина. В общем, Фрунзе на роль советского бонапарта никак не годился, особенно в условиях все более обостряющегося соперничества Сталина и Троцкого. Версия же об убийстве Сталиным Фрунзе, отраженная в «Повести непогашенной луны», которую так внимательно читала вдова Брусилова, как мы уже убедились, ничего общего с действительностью не имеет, хотя Сталин Борису Пильняку эту повесть не простил и в 1938 году его расстрелял. Но настоящего мотива для устранения Фрунзе у Сталина не было.

А почему Котовский оказался у большевиков? Я думаю, здесь не было какого-то сложного, далекоидущего расчета, хотя Григорий Иванович сразу понял, что Ленин и его соратники у власти — надолго. Главная причина была в том, что Котовский сразу же почувствовал свое духовное родство с большевиками. Как и он, новые властители России были за бедных и против богатых. А еще они предлагали простые, быстрые и радикальные решения сложных вопросов, что бывшему разбойнику не могло не импонировать. Да и предлагаемый новой властью коллективный труд в коммунах Котовскому явно нравился. Ведь Бессарабскую коммуну он создал по своей инициативе, а не по указу сверху.

После смерти Котовского и Фрунзе супруги Брусиловы главные надежды возлагали на то, что большевики падут в результате внутренних разногласий и борьбы за власть между вождями. 26 ноября 1925 года Надежда Владимировна записала в дневнике: «Сегодня Алексей Алексеевич, разговаривая с нашими гостями (по случаю георгиевского праздника, как всегда в этот день, нас не забывают) и смеясь, стал всех уве-

рять, что не пройдет и трех лет, как все наши вожаки сами так запутаются в своей политике, что перегрызут друг другу горло. Они и теперь бранятся, а через некоторое время будут друг друга арестовывать, и это будет начало конца». К этому месту позднее, уже в эмиграции, в Праге, в 1934 году вдова Брусилова сделала следующее примечание: «Все это оправдалось на “Троцкистах” и на нем самом, но затем окреп Сталин и все поют ему в унисон и кадят фимиам. Множество арестованных и высланных возвращены в Москву, ибо “покаялись” и просили прощения у “великого вождя” Сталина... Значит, надо еще и еще ждать и ждать, когда Господь оглянется на нас!..»

В 1935 году Надежда Владимировна сделала еще одно примечание: «А после убийства Кирова аресты таких старых вождей-большевиков, как Зиновьев, Каменев, Енукидзе и многих других, вполне подтверждают пророчество Ал. Ал., высказанное им десять лет тому назад».

А младшая сестра Надежды Владимировны Елена Владимировна сделала еще одно примечание в 1939 году: «А еще за последние 5 лет сколько было уничтожено видных коммунистов!!! Это вполне подтверждает пророчество Ал. Ал., высказанное им лет 15 тому назад. Только вот “начало конца” что-то надолго затянулось»*.

Ни Надежда Владимировна, умершая в 1938 году, ни Елена Владимировна, скончавшаяся в 1949 году, до конца большевиков так и не дожили.

Громкие политические процессы в СССР в 1936—1938 годах вновь заставили вдову Брусилова задуматься о точности пророчества мужа. В январе 1937 года Надежда Владимировна записала в дневнике: «На мой взгляд, весь мир сошел с ума. Всюду творятся совершенно непостижимые вещи, но наша Россия-матушка, как всегда, всех перещеголяла. Сталин захлебывается в крови своих “товарищей”. Процесс за процессом, и пачками расстреливаются все бывшие “вожди”. Хорошо, что мы их никого лично не знали, а то было бы еще темнее.

Единственный раз один из них был у нас: Муралов; и теперь, когда читаешь в газетах, что он вел себя достойно и стойко шел на смерть, не раскаиваешься, что когда-то я подала ему руку. Дело было так. Не помню, в котором году, может быть, в 22 или 23-ем. Он был командующим войсками Московского военного округа. Красноармейцы орали на улицах: “Нам не нужно генералов, у нас есть солдат Муралов”, это был припев к какой-то их песне.

---

* ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 216. Л. 112—113; Д. 21а. Л. 121.

Алексей Алексеевич был болен: он часто в то время болел. Ему спешно нужно было устроить дело какой-то бедствующей военной семьи, глава которой был сослан. Он постоянно о ком-нибудь хлопотал. Позвонив об этом по телефону Муралову, думал изложить всё дело также по телефону, но Муралов сказал, что сейчас же приедет сам к нему, и действительно в скором времени вошел к нам очень высокий, очень плечистый, черноволосый человек (теперь в газетах, упоминая его имя по поводу процесса, называют его седым гигантом). (Интересно, что Николай Иванович Муралов своей ранней биографией почти повторил судьбу Котовского. Родившийся в семье мещанина-хуторянина в Таганрогском округе Войска Донского в 1877 году, он в 1897 году окончил сельскохозяйственное училище. С того же года служил управляющим различными имениями, винокурненным и маслобойным заводами. С 1903 года работал помощником земского агронома в Подольске. В том же году Муралов присоединился к большевикам. Котовский же двумя годами позже подался в разбойники. Оба променяли сытую и обеспеченную жизнь управляющего на романтику. У Муралова это была романтика революции, у Котовского — романтика большой дороги. Кстати сказать, и Муралов, и Котовский в 1926 году попали в число двадцати семи военачальников и военно-политических деятелей, которым в 1926 году были посвящены статьи в биографическом словаре «Гранат». Кроме Котовского, из числа умерших в этот список были включены В. И. Чапаев, Д. А. Фурманов, Н. Г. Маркин, Э. М. Склянский, переживший Котовского всего на 21 день, М. В. Фрунзе и В. М. Альтфатер. Из этих людей только Склянский, Фрунзе и Альтфатер занимали действительно крупные посты и наверняка попали бы в словарь, даже если бы остались в живых. Остальных же, включая Котовского, поместили в словарь только благодаря тому, что к моменту его издания они уже умерли. В конце 1927 года активный троцкист Муралов из этого списка исчез. Существует легенда, что в 1923-м или в начале 1924 года Муралов предлагал Троцкому совершить военный переворот и арестовать и расстрелять Сталина. Однако Троцкий будто бы отверг этот план, так как не хотел становиться военным диктатором на латиноамериканский манер. — Б. С.) Он привел с собою какого-то молодого человека, не то адъютанта, не то чекиста, как я ошибочно тогда подумала. Выслушав всё, что ему говорил Алексей Алексеевич, он заявил, что всё будет исполнено. И действительно как мы потом узнали, он сделал всё, о чем мы его просили. Молодой человек, почти-точно сидя за отдельным столиком, стенографировал всё, что

говорил Алексей Алексеевич. В конце разговора Муралов вдруг перешел на другую тему:

— Вот вы не видите заграничных газет. Какие скверные нелепости пишут и говорят вам бывшие сослуживцы и подчиненные, теперь “белогвардейцы”. Они рассказывают, что вы нам продались, что мы осыпали вас золотом. Мы же больше вас уважаем, так как не смеем даже предложить вам автомобиля для городских разездов и хотя бы немного увеличить вашу квартиру. Я вижу, как вы карабкаетесь в трамвай с вашей больной ногой, но мы не смеем вам оказать никакого внимания, потому что вы презираете нас и не примете от нас лично для себя ничего...

— Вы ошибаетесь, Николай Иванович, — возразил мой муж. — Вас я искренно уважаю, но признаю, что правительство наше стоит на ложном пути с его коммунистическими утопиями. Ведь вы же тоже меня уважаете, несмотря на мои монархические и религиозные убеждения.

— Ну, конечно, — сказал Муралов, — кто же в этом может сомневаться.

Ласково улыбнувшись в сторону молодого человека, его секретаря, Ал. Ал. сказал:

— Этого, юноша, записывать не надо.

Тот вскочил, вытянулся и воскликнул:

— Слушаюсь. — Совсем будто по-прежнему, чуть-чуть что не прибавив: “Ваше Высокопревосходительство”.

Эта сцена ярко запечатлелась в моей памяти. И теперь, когда этого идейного коммуниста и большевика приговорили к расстрелу в Москве, его наружность все время перед моими глазами.

Мы с сестрой помним и знаем, что Николая Ивановича Муралова многие любили и многим он оказывал всякую помощь. Он был ярый охотник, а мой брат Ростислав шутя говорил, что все охотники хорошие люди. В моих воспоминаниях есть глава о самоубийстве и похоронах Георгия Николаевича Хвощинского. Он был дружен с Мураловым, и это для меня большая рекомендация. Коля, наш племянник, рассказывал с восторгом об облавах на зверя и всевозможных охотах, устраиваемых Мураловым и Хвощинским. Между прочим, он рассказывал об изумительной отваге Муралова, который ходил на зверя единолично. И теперь мне отраднo читать, что он не испугался другого зверя, в лице Сталина и компании и мужественно пошел на смерть, за свои, хотя бы и утопические, но искренние идеи»*.

---

* ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 1. Д. 22а. Л. 152—154.

Но особенно привлек внимание Надежды Владимировны процесс Тухачевского, вызвав воспоминания о единственной встрече с ним. Теперь вдова Брусилова жалела, что однажды не пустила Тухачевского к мужу. А вдруг бы они сговорились вместе свергнуть советскую власть? Надежда Владимировна так прокомментировала сообщение о расстреле Михаила Тухачевского: «Лично всех этих людей мы не знаем, но о некоторых из них мы слышали самые хорошие отзывы от близких нам людей. Только одного, Роберта Петровича Эйдемана, мы знали лично; имели полное основание его ценить и глубоко уважать. Он жил бедно и был чистой воды коммунист. Последний мой разговор с ним ясно помню: “Роберт Петрович, вы бессознательный Христианин и когда-нибудь я вас приведу к Христианству”. Он улыбнулся и отвечал мне: “Ну, нет, Надежда Владимировна, скорей я вас перетяну в коммунизм, чем вы меня в христианство”, а между тем как он оценил и понял письмо схимника Анатолия из Киева, когда я ему его прочла в 1927 г., и сам несколько раз его перечитывал. Конечно, он был христианин-коммунист, а не современный безумец-безбожник... Прежде всего, мы бы не уехали за границу, нас бы не выпустили, если бы не он и Ворошилов. Это были неразлучные сотрудники и даже друзья. Я совершенно не понимаю, как мог Ворошилов допустить это избиение, и думаю, что его именем играют и подписывают распоряжения самовольно, без его ведома...

Я этого Тухачевского видела всего один раз. Это было в Москве в 1923 или в 1924 году, не помню точно. Я была на кухне, он вошел по черной лестнице прямо на кухню и, взглянув на меня, спросил:

— Кажется, мадам Брусилова?

— Да, я. Что вам угодно?

— Мне очень нужно видеть генерала.

— Он нездоров и прилег.

— Но у меня очень серьезное дело. Я Тухачевский, меня генерал знает.

— Очень сожалею, но беспокоить его нельзя.

Он резко повернулся и вышел, нахмурясь, на лестницу. Кто-то из присутствующих на кухне женщин (все мы тогда толклись, каждая у своего примуса), смеясь, сказала: “Ишь, большевистский красавчик, обиделся!” Я пошла к Алексею Алексеевичу. Он лежа читал. Я рассказала ему про визит Тухачевского.

— Хорошо сделала, что не пустила его ко мне. Мне не о чем с ним говорить. Он безбожник, кощунник, к тому же авантюрист. Мне говорили, что вся его квартира полна кощунствен-

ных картин, карикатур на Божью Матерь, Христа, на Святых. Он далеко пойдет, этот молодчик!

Много лет назад так говорил Алексей Алексеевич. Теперь в 1936 году, судя по газетам, как принимают красного маршала в Лондоне и Париже, Алексей Алексеевич был прав. А мое нежелание пустить его к мужу, мое чутье меня не обмануло. Очень вероятно, что его подослали к нему, как это неоднократно раньше бывало. Об этом случае мы тогда же говорили многим, и это помнят в Москве.

Теперь, в 1937 году, когда Тухачевский так трагически погиб в Москве, я допускаю, что он мог быть атеистом, циником, но умным, решительным и патриотически мыслящим человеком. А то, что с ним заодно действовал и погиб Эйдеман, этот честнейший патриот — в моих глазах, для Тухачевского, — большая рекомендация. И теперь я даже сожалею, что тогда не допустила к Алексею Алексеевичу. Бог весть о чем он с ним хотел говорить.

Еще в 1934 г. 20-го июня в “Последних Новостях” читала статью Филиппа Амилэта, посвященную в консервативном “Ожур” новому русскому национализму, в которой он, между прочим, приводит слова Тухачевского, будто бы обращенные к своим подчиненным офицерам: “Православный ли крест или красное знамя — не в этом дело. Всегда ведь мы служим России”. А в 1918 году Алексей Алексеевич говорил генералу Марксу: “Не всё ли равно какого полка. Только бы за Россию, во имя России”. Это говорил еще в 1918 году Брусиллов. Если теперь Тухачевский эту мысль повторяет, то и слава Богу, ибо это показывает, что время подходит, когда многие мысли и упования Алексея Алексеевича вспомнятся.

Тем более жалко, что тогда я не пустила Тухачевского к Алексею Алексеевичу, ибо теперь он погиб за Россию. А может быть, только за свою власть?

Это всё равно — только бы за водворение порядка в ней!»*

А сейчас самое время подумать, как могла сложиться судьба Котовского, если бы пуля М. Зайдера не оборвала его жизнь. Разделил ли бы он печальную судьбу Тухачевского? Думаю, шансы на это были пятьдесят на пятьдесят. К группировке Тухачевского Григорий Иванович не принадлежал, хотя вполне успешно работал вместе с ним при подавлении антоновского восстания. О характере его отношений с Якиром, который в дальнейшем стал одним из ближайших к Тухачевскому людей, трудно сказать что-то определенное. Вряд ли между

---

* ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 1. Д. 22а. Д. 161об—166.

ними в действительности была такая серьезная антипатия, как это утверждала вдова Котовского в 1937 году, явно ориентируясь на тогдашнюю политическую конъюнктуру. Без согласия Якира Котовский не мог бы командовать бригадой в 45-й дивизии, да и потом он долгое время оставался в его подчинении. Без положительной характеристики со стороны Якира вряд ли могла продолжаться карьера Котовского в Красной армии. В то же время Котовскому довелось служить и в Первой конной армии вместе с Буденным и Ворошиловым. Да и Сталин, как член Реввоенсовета Юго-Западного фронта, лично знал Котовского и, похоже, искренне сожалел о его гибели. Дальнейшая судьба Котовского зависела бы от того, к какой группировке в руководстве Красной армии он бы примкнул — группировке Тухачевского или «конармейской» группировке Ворошилова — Буденного. В первом случае его гибель в 1937 году не вызывала бы сомнений. Но у Котовского было не меньше, а, пожалуй, даже больше шансов оказаться в «конармейской» группировке, особенно учитывая внимание к нему Сталина. Однако и в этом случае он мог бы разделить трагическую судьбу многих в эпоху террора 1937—1938 годов. Ведь Григорий Иванович был человеком самостоятельным и горячим. И трудно сказать, как повел бы он себя в период массового голода 1932—1933 годов, особенно больно ударившего по Украине. Одно дело — беспощадно подавлять крестьянское восстание в далекой Тамбовской губернии. И совсем другое — наблюдать, как от голода пухнут твои вчерашние боевые соратники в Бессарабской коммуне, как молдавские и украинские крестьяне Молдавской Советской Республики ищут спасения от голода в «боярской» Румынии и гибнут от пуль доблестных советских пограничников. Как мы помним, голодомор 1932—1933 годов вызвал разочарование в советской власти соратника Котовского Николая Криворучко, который, правда, на открытое выступление против политики Москвы не решился и пытался утешиться тем, что это перегибы украинских властей, которые в Кремле еще могут поправить. Эти разговоры бедняге припомнили в 1938 году. Котовский же мог разговорами не ограничиться, а решиться на восстание. В этом случае он либо был бы расстрелян тогда же, в 1932 году, либо уволен из армии и со всех более или менее значительных должностей и всё равно расстрелян в 1937—1938 годах. Но могло бы случиться и так, что в период голодомора Котовский оказался бы далеко от родных мест и об ужасах голода в Советской Молдавии знал бы только понаслышке. Возможно, тогда он сохранил бы верность Сталину и имел бы возможность благополуч-

но миновать чистки второй половины 1930-х годов. В этом случае Великую Отечественную войну он встретил бы командующим одним из военных округов. Трудно сказать, окончил ли бы он к тому времени академию. Его деятельной натуре претило систематическое сидение за учебниками и картами. Вероятнее всего, он разделил бы судьбу тех «конармейцев», которые мыслили в основном категориями Гражданской войны и не слишком удачно вписались во Вторую мировую. Яркий пример тому — генерал Яков Тимофеевич Черевиченко, командовавший в июне 1941 года войсками Одесского военного округа. Эту должность вполне мог бы занимать и Котовский, останься он жив. В годы войны Черевиченко особо разгромных поражений не понес. Но и громких побед тоже не одержал, так и оставшись генерал-полковником, а с должности командующего армией и Южным фронтом постепенно спустился до должности командира стрелкового корпуса, с которым брал Берлин. Только назначили его на эту должность 27 апреля 1945 года. А с сентября 1943 года Яков Тимофеевич командных должностей на фронте не занимал — командовал тыловым военным округом или находился в распоряжении Ставки и штабов различных фронтов. Вполне так же мог сложиться и боевой путь Котовского. В этом случае он, скорее всего, умер бы в звании генерал-полковника и остался бы в памяти лишь как один из многих героев Гражданской войны, и фильмов бы о нем не снимали, и песен не пели. Впрочем, не исключен и другой вариант. Григорий Иванович после 1925 года серьезно занялся бы военной наукой и в Великую Отечественную войну проявил бы полководческие способности, которые ему так и не довелось проявить в Гражданской войне. Тогда бы он наверняка закончил войну маршалом и Героем Советского Союза, но воспринимался бы уже в общественном мнении прежде всего как герой Великой Отечественной, а не Гражданской войны. И все равно даже тогда у Котовского не было бы той всенародной славы, которую обеспечила ему короткая, но яркая биография и трагическая гибель в возрасте 44 лет.

Глава 14

ПОСЛЕ СМЕРТИ: ЖИЗНЬ СЕМЬИ

Жизнь вдовы Котовского, оставшейся с сыном Гришей и родившейся уже после смерти Григория Ивановича дочерью Лелей (Еленой), отнюдь не была безоблачной. Ведь никакого

материального наследства или денежных накоплений он им не оставил.

Второго мая 1936 года Ольга Петровна сообщала Шмерлингу: «Гриша учится в русской 13-й школе. Ни одного "...", все отлично. Кончает 6-ой класс. Леля — всё отлично, в 3-м классе русской 25 школы. Оба пионеры, звеньевые пионер. отряда им. Котовского. Гриша в Учкоме — уважаемое лицо. У Гриши масса работы, сочинение он перешлет позднее. Сообщаем Вам большую новость — у нас с 20/IV рояль Шрёдера. Купили за 3500 руб. Две тысячи внесли, а остат. в рассрочку. На полгода закабалилась, продать нечего, чтобы сколотить тысячку. Лелечка всё свое время свободное проводит за роялем. В балете занимается, а как не знаю, очевидно хорошо, если она переведена в числе 3-х из 40 во вторую группу еще с самого начала». Вдова Котовского и ее сестра Елизавета делали всё, чтобы дать детям хорошее образование и воспитать их в любви к своей родине и к своему отцу, которого они не могли помнить.

На долю Григория Григорьевича Котовского выпали тяжелые испытания. Перед Великой Отечественной войной он поступил на исторический факультет МГУ и специализировался по истории России. Когда началась война, его призвали в армию и направили в Ленинградское училище ВМФ, эвакуированное в город Энгельс Саратовской области — бывшую столицу Республики немцев Поволжья. После окончания училища лейтенанта Г. Г. Котовского направили командиром зенитно-пулеметного взвода в Севастополь. Тяжелораненым, он при взятии немцами Севастополя был захвачен в плен. О дальнейшем пусть расскажут его письма.

Девятнадцатого мая 1945 года, освобожденный из немецкого лагеря, Григорий Григорьевич писал семье Шмерлингов из города Бодё в Северной Норвегии: «Я жив! Благодаря Великой Победе я возвращен к жизни, спасен на краю пропасти. Много писать не могу. В Севастополе в звании лейтенанта ВМФ командовал взводом. Там 2.7.42 раненый попал в плен. Лагерь-лазарет Кировоград — Смела — Германия (Штаргард) — с 15.3.43 Норвегия — мой путь в плену. С 1.4.45 в особом (штрафном) лагере в Бодё.

Жизнь сейчас удовлетворительна. Горю желанием снова обнять Маму, Тюшку и Лёличку».

А 13 июля 1945 года он писал Шмерлингу и его жене Галине уже из эшелона, остановившегося под Москвой: «Кратенько о себе: 15.7.41 г. я по моб[илизации] уехал в Ленинград, где был направлен в Уч[илище] ПВО ВМФ, по окончании которого 5.5.42 г. получил звание лейтенанта и был направлен на

фронт в Севастополь, куда прибыл 28.5.42 г. Там всю оборону командовал пульвзводом.

30.6.42 г. был ранен в ногу и привезен в эвакуогоспиталь в Камышовой бухте (Севастополь). 2.7.42 г. госпиталь был занят немцами. Я попал в плен. До конца 42 г. находился в различных лазаретах военнопл. на Украине.

15.1.43 вывезли с этапом в Германию, откуда 21.3.43 попал в транспорте 1000 чел. в Сев. Норвегию под Нордкап, где пробыл до конца 44 г.

За антинемецкую работу в июле 44 г. был направлен в штрафную команду и приговорен к расстрелу, но вследствие капитуляции Финляндии нас штрафников вместе с остальными в/п привезли в г. Бодэ (так в письме. — Б. С.), где 1.4. 45 г. я был отправлен в Штрафлагерь. 10—14.5.45 80 штрафников должны были быть расстреляны, но 7.5. немцы капитулировали.

7.5 — 4.7.45 — жизнь уже свободным в Норвегии. 4.7.45 выехали через Нарвик — Швецию — Финляндию — Выборг — в тыл в запасную дивизию, где пройдем “дезинфекцию” и формирование. Что дальше — не знаю. Немедленно напишу с места.

В плену жил под чужой фамилией (Ассовский — это фамилия погибшего товарища, документы которого оказались у Григория Григорьевича. — Б. С.). Сообщите маме и Лёличке, пожалуйста, обо мне».

А в следующем письме Шмерлингам от 18 июля, уже из запасного батальона, сын Котовского жаловался на жизнь: «Чувство радости “второго рождения” [отравляется] горечью положения бывшего пленного. Ведь мои сверстники уже капитаны, их грудь в орденах. Сверстники окончили в этом году МГУ и другие вузы, а у меня 3 года вычеркнуты из жизни. Плен это кошмар, это самая суровая школа жизни. Это испытание Человека, ибо там он гол как перст без “чинов и регалий”.

Вот еще одна глава жизни человечества, прочтенная несколькими миллионами русских людей. Но ничего. Если будут драться с японцами, то, если возьмут, пойду туда».

Из следующего письма от 21 августа стало ясно, что с японцами повоюет Григорию Григорьевичу так и не довелось: «Наше пребывание здесь задерживается от того, что Москве приходится решать по материалам допросов судьбу десятков тысяч таких же, как я, репатриированных офицеров.

Однако, если дело повернется так, как мама предполагает, то я надеюсь быть в Москве и снова видеть вас!

Тяжело, конечно, после почти трех лет плена не видеть некоторое время близких и друзей, однако такова необходимость. Как говорят, ум воспринимает, но сердце нет.

Наше пребывание здесь вполне удовлетворительное, если не считать того, что нечего читать. Иногда ходим в лес по ягоды. Но местность здесь некрасивая, климат тоже довольно скверный. Ну ничего, так как я думаю, что долго мы здесь не пробудем».

Тридцать первого июля, хлопоча о сыне, Ольга Петровна обратилась с письмом к маршалу Буденному: «Я — вдова героя Гражданской войны, погибшего комкора 2-го кав[алерийско-го] Котовского Григория Ивановича, обращаюсь к Вам с великой просьбой.

Мой сын Котовский Григорий — студент исторического факультета МГУ — в апреле 42 г. окончил ПВО ВМФ, получил звание лейтенанта и был направлен на фронт в Севастополь, куда прибыл 28/V 42 г. и всю оборону командовал пулеметным взводом. 30/VI был ранен в ногу и привезен в эвакуогоспиталь в Камышовой бухте (Севастополь). 2/VII 42 г. госпиталь был занят немцами.

До половины января 43 г. находился на лечении в различных госпиталях и по выписке вывезен этапом в Германию, откуда в марте 43 г. попал в транспорте 1000 чел. в Сев. Норвегию под Нордкап, где пробыл до конца 44 г.

За антинемецкую работу в июле 44 г. был направлен в штрафную команду и приговорен к расстрелу, но вследствие капитуляции Финляндии их штрафников вместе с остальными военнопленными привезли в г. Бодэ, где снова 1/IV 45 г. был отправлен в штрафлагерь.

Изменник Власов вербовал из наших военнопленных в свою армию, распускал версию, что всех в/пленных лишили советского гражданства и вернуться на родину можно будет только с его армией. Котовский проводил разъяснительную работу и спас многих от такого способа возвращения на родину.

Ему удавалось читать немецкие газеты, догадываться о действительном положении и сообщать т. т. по лагерю. В Нордкапе он организовывал побег, кот. не удался, т. к. лопари выдали их.

Немцы ожидали открытия второго фронта высадкой англо-американских войск в Норвегии. Сын приступил к организации вооруженного побега к союзным войскам — предатель из их организации выдал. Сыну были предъявлены обвинения:

- 1) антинемецкая пропаганда;
- 2) саботаж;
- 3) организация побега;
- 2) подготовка к вооруженному восстанию.

Как потом видно было из материалов, 10/V сын должен был быть расстрелян, но 7/V Германия капитулировала и стража в тот же день сбежала.

Будучи ранен в левое бедро, он был доставлен в тяжелом состоянии на перевязочный пункт товарищем, кот. отобрал у него оружие и лишил его возможности застрелиться в момент пленения.

16/VI 42 г. он по боевой характеристике был принят в члены ВКП(б), но кандидатской карточки еще не получил. Комсомольский билет он спрятал в Севастополе в камни скалы и надеется, что найдет его.

В настоящее время 17/VII с.г. он прибыл и находится в Суслонгере в запасной дивизии на проверке. В плену был под чужой фамилией. 27/VII я встретила с ним. У него слепое осколочное ранение нижней 1/3 лев. бедра — осколок не удален. Часто наблюдается обострение воспаления сустава — осколок подлежит удалению. У него отморожены обе стопы и отсутствуют фаланги всех пальцев, т. к. он и зиму и лето был обут босый в деревян. колодки. Лысает голова.

[Как и у всех смертников, как было и у его отца] (эта фраза зачеркнута. — Б. С.), у него повышенная нервная возбудимость. По его словам, он не плохо воевал, за месяц с небольшим, имея 2 зен. пулемета, он сбил 4 неприятельских самолета, не раз отражал вражеские атаки.

Фашистские прихвостни из-за угла убили Котовского — отца. Фашистские изверги мучили его сына. Дорогой Семен Михайлович, во имя памяти о бывшем товарище Григории Ивановиче, спасите мне сына. Он гордился, что попал в ряды защитников города-героя. Тяжело раненный он был доставлен в госпиталь (зачеркнуто: брошен. Только память об отце поддерживала его. — Б. С.).

Любовь к родине, преданность, образ волевого отца сохранили в нем непоколебимую стойкость (далее зачеркнуто: По вине других, его мучает сейчас мысль, что печать пленного будет всю жизнь его преследовать. — Б. С.).

Я бы просила Вас, если возможно, уволить его из армии, чтобы он мог в семейной обстановке восстановиться, продолжить учебу в университете (далее зачеркнуто: Если же он не подлежит демобилизации (вариант: найдете невозможным), то прошу направить его на учебу в высшее военное учебное заведение. — Б. С.).

Годы и горе надломили меня. После смерти Григория Ивановича я 18 лет работала врачом в Киевском Окружном госпитале. В личной жизни у меня одно желание — видеть детей уже с законченным высшим образованием и работающими на благо родины.

Майор м/с Котовская».

В начале сентября, очевидно, благодаря хлопотам Буденного, сына Котовского привезли на Лубянку, о чем он сообщил в письме от 5 сентября: «Пишу уже не из далекой Марийской республики, а из Москвы, с пл. Дзержинского! Совсем рядом!

1/IX я приехал в Москву в сопровождении одного ст. лейтенанта. В тот же день он передал меня подполковнику из союзного НКВД, так что я пока сижу при наркомате и жду свидания с ним (2 и 3 были нерабочими днями).

Условия неплохие. Сплю в библиотеке и читаю, читаю за 3 с половиной года! Маме первого же послал в Киев срочную телеграмму. Ст. лейтенант сообщил мне, что скоро поеду к матери. Я уже решил всё перетерпеть, ибо то, что я пережил, огромно по сравнению с сегодняшним днем».

Очевидно, благодаря хлопотам Буденного, сына Котовского уволили из армии и позволили получить гражданское высшее образование. Он вернулся в МГУ, но теперь уже занялся востоковедением, новой и новейшей историей Индии, стал крупнейшим специалистом в этой области, доктором исторических наук, профессором.

Елена Григорьевна Котовская стала филологом, специалистом по русскому языку и литературе, преподавала в Киевском университете.

Ольга Петровна скончалась в 1961 году, а Григорий Григорьевич — в 2001 году.

Глава 15

СУДЬБА ИСПРАВНИКА ХАДЖИ-КОЛИ

Легенду о том, что Константин Хаджи-Коли попал в руки Котовского и тот отпустил с миром некогда ловившего его исправника, сочинил сам Григорий Иванович. Ольга Петровна так описала эту историю Шмерлингу: «При разгроме группы Бредова в числе пленных был и Хаджи-Коли, которому удалось поймать Котовского 2 раза, в том числе последний раз. Григ. Ив. сразу же узнал его, он себя сам выдал. При регистрации пленных в штабе подходит старикашка, дрожа и плача, говорит, что теперь он в руках у Григ. Ив., который говорил будучи скован, что в конечном счете будут победителями не они, а “мы”, и теперь он, Григор. Ив., сведет счеты с ним.

Гриша рассказывал мне на другой день эту встречу. Он говорил, что Хаджи-Коли был гадок в своей трусости, так ничтожен, жалок, что ему было и смешно и противно. Григ. Ив. мо-

рально убил его тем, что сказал “У меня к вам нет личной мести, вы служили царскому правительству и выполняли его волю. Мы боремся за власть Советов, за диктатуру пролетариата, за счастливое будущее, и в этой великой борьбе нет места личной мести. Вы вместе со всеми пленными направитесь в тыл, и если вас помилуют, вы будете жить”».

Как мы уже убедились, Григорий Иванович немало фантазировал по поводу событий своей биографии. Рассказ же о встрече с Хаджи-Коли слишком литературен. Он демонстрирует благородство Котовского и жалкое положение, к которому пришел тот, кто когда-то сумел дважды поймать неуловимого «атамана Ада». Но в рассказе Ольги Петровны содержится как минимум одна неточность. Как мы уже убедились, с отрядом генерала Н. Э. Бредова, в начале 1920 года отступавшего из Киева в Польшу, бригада Котовского никогда не сражалась. Она сражалась с отрядом полковника А. А. Стесселя, остатки которого действительно присоединились к отряду Бредова, но уже после завершения боев с Котовским. Позднее же с деникинцами и вообще с русскими белогвардейцами бригада Котовского не сражалась. Поэтому остается предположить, что Константин Михайлович Хаджи-Коли был захвачен котовцами во время боев с отрядом Стесселя под Одессой. Но там в плен к котовцам попали главным образом те белогвардейцы и беженцы, которых румыны отказались пропустить через Днестр. И спрашивается: почему было отказано в пропуске через Днестр К. М. Хаджи-Коли, который был постоянным жителем Кишинева и наверняка имел недвижимость в Бессарабии? И почему вообще Константин Михайлович, человек пожилой, вдруг оказался в обозе Добровольческой армии? С чего это вдруг Хаджи-Коли, прекрасно знавший румынский язык и будучи греком по национальности, вдруг превратился в идейного борца за «единую и неделимую Россию» под флагом генерала Деникина? Почему он предпочел тяготы походной жизни спокойному пребыванию в Кишиневе? Что-то здесь не так.

Даже если допустить, что К. М. Хаджи-Коли советская власть помиловала, она вряд ли отпустила бы его обратно в Бессарабию. Между тем Константин Михайлович благополучно жил в Бессарабии еще в 1930-е годы и даже играл довольно видную роль в политической жизни Румынии.

В августе 1930 года группа молдавских интеллигентов и крестьян во главе с бывшим кишиневским уездным исправником Константином Хаджи-Коли и адвокатом Федором Кирилловым учредила в Кишиневе Партию молдаван Бессарабии. В феврале 1931 года она была преобразована в Мол-

давскую партию и распространила свою деятельность на всю территорию Молдовы и Буковины, где жили бывшие подданные Молдавского княжества. Ее программным требованием стала «действенная защита бессарабских молдаван, столь обиженных и считающихся по сравнению с остальными жителями страны людьми второго сорта». Партия провела ряд массовых мероприятий в Кишиневе и окрестных селах. Полиция безопасности (сигуранца), встревоженная проявлением молдавского сепаратизма, взяла на учет более пятидесяти активистов партии. Вскоре Молдавская партия распалась, не получив поддержки молдавского населения.

Поэтому резонно предположить, что в руки Котовского мог попасть кто-то из родственников или однофамильцев бывшего кишиневского исправника.

Ротмистр Дмитрий Де Витт в книге «Чеченская конная дивизия» вспоминал о службе в этой дивизии армии Деникина в мае 1919 года. Он указывает, что «старшим адъютантом штаба дивизии был ротмистр Хаджи-Коли, бывший лубенский гусар».

В «Адрес-календаре Бессарабской губернии на 1914 год», изданном в 1913 году, показан кишиневский исправник Константин Михайлович Хаджи-Коли, служивший в уездном полицейском управлении на Пироговской, 44. А жил Константин Михайлович совсем рядом, на Пироговской, 48.

Здесь же был указан командир 12-й роты 53-го Волынского пехотного полка капитан Николай Ставриевич Хаджи-Коли, а 14-й ротой того же полка командовал капитан Павел Михайлович Хаджи-Коли. Вероятно, он и был расстрелян НКВД в 1938 году. Вполне возможно, что он был братом уездного исправника. Старшим контролером Окружного акцизного управления 9-го участка города Сороки был коллежский секретарь Николай Михайлович Хаджи-Коли, который, вероятно, также был братом главного противника Котовского. Отметим, что среди тех, кого Котовский спас от расправы в 1920 году, мог быть Николай Ставриевич Хаджи-Коли, Константин Михайлович Хаджи-Коли или капитан Владимир Ставриевич Хаджи-Коли из того же 53-го Волынского пехотного полка, 9 сентября 1915 года удостоенный ордена Святого Георгия 4-й степени, а 10 ноября 1915 года — Георгиевского оружия. Вероятно, Владимир Ставриевич был родным братом Николая Ставриевича. Не исключено также, что в руки Котовского попал сослуживец Д. Де Витта по Чеченской дивизии, имени и отчества которого мы не знаем. Возможно, в действительности этот человек был одним из трех носителей фамилии Хаджи-Коли, которых мы перечислили выше.

Роман Гуль в последнем издании своей книги о Котовском писал: «В 1975 г. мой “Котовский” печатался в нью-йоркской газете “Новое Русское Слово”. После напечатания, 15 августа 75 г., за подписью З. Ш. (возможно, Зинаида Шаховская. — Б. С.) появилось “письмо в редакцию” под заглавием — “Эпилог дела Котовского”.

Вот его текст:

“Не откажите поместить в НРСлове следующий кровавый эпилог к статье г-на Р. Гуля ‘Котовский — красный маршал’, которая печаталась в Вашей газете в июне с. г.

Когда в 1940 г. советские войска заняли Бессарабию, советская власть разыскала того бывшего полицейского, который участвовал в поимке Котовского в 1916 г. в кукурузном поле и подстрелил его.

Его ‘судили’, нашли виновным в том, что он ранил Котовского, и расстреляли. Все, кто был в то время в Кишиневе, могут подтвердить это жестокое и бессмысленное убийство, так как об этом писали в местной печати”.

Несомненно, что тут речь идет о бывшем приставе Хаджи-Коли, который 25 июня 1916 г. в селе Стоматове с отрядом полиции арестовал Котовского. Причем в перестрелке с полицейскими Котовский был ранен. Хаджи-Коли выполнял свой служебный долг по поимке уголовного преступника, и ни в одной стране за это его бы не расстреляли. Но разбойничья большевицкая “юстиция” убила его.

Впрочем, большевики убили и самого “анархиста-маршала”, замаскировав убийство неким “таинственным недоразумением”».

По поводу утверждения Гуля насчет расстрела Хаджи-Коли украинская газета «Сегодня» 28 февраля 2001 года писала: «В том же году, когда советские войска вошли в Бессарабию, чекисты разыскали двоих стариков — бывшего помощника пристава Петра Чаманского (иногда эту фамилию пишут как «Чеманский». — Б. С.) и городского Семена Никитина, участвовавших в аресте Котовского в 1916 году. Их расстреляли». Ссылка на документы здесь не было. Не исключено, что они хранятся в архиве Службы безопасности Украины.

Пока что нельзя уверенно сказать, что Петр Чаманский и Семен Никитин были расстреляны за участие в аресте Котовского. В «Адрес-календаре Бессарабской губернии на 1914 год» околоточным надзирателем 2-го участка числился не имевший чина Петр Гилярович Чаманский. Он служил на Килийской, 15. Несомненно, что Петр Чаманский — лицо, реально существовавшее. Но в сообщении З. Ш. вызывает сомнение

утверждение, будто в кишиневских газетах в 1940 году писали о расстреле полицейского, ранившего Котовского. В отличие от периода Гражданской войны в 1939—1941 годах советская власть не афишировала репрессии на территориях, присоединенных на основании секретного протокола к пакту Молотова — Риббентропа, и ничего в печати о расстрелах не сообщала.

Среди жертв сталинских репрессий мне удалось найти, со ссылкой на сведения Одесского академического центра, Павла Михайловича Хаджи-Коли, 1871 года рождения, уроженца Тирасполя, приговоренного к расстрелу 29 апреля 1938 года и впоследствии реабилитированного. Не исключено, что это был родной брат Константина Михайловича Хаджи-Коли. Возможно, что слухи о его расстреле породили впоследствии слухи, что Советами был расстрелян бывший кишиневский исправник, поймавший Котовского. Павел Михайлович был уроженцем и, вероятнее всего, жителем Тирасполя, поэтому румыны могли не пустить его в Бессарабию, и он мог оказаться как раз тем Хаджи-Коли, которого в действительности отпустил Котовский. Что же касается Константина Михайловича Хаджи-Коли, то он вряд ли попал в руки советской юстиции. Скорее всего, он либо умер до 1940 года, либо перед приходом советских войск в Бессарабию бежал на румынскую территорию за Прут. Он был слишком известным политиком в Бессарабии, чтобы надеяться, что большевики его пощадят.

* * *

Кем же на самом деле был Григорий Иванович Котовский? «Последним гайдуком»? Джентльменом-разбойником, вроде пушкинского Дубровского? Королем криминального мира юга России? Борцом за справедливость и счастье обездоленных? Лихим красным комбригом? Гениальным комкором-хозяйственником в годы нэпа? Вот это уникальное сочетание, казалось бы, несочетаемого сделало Котовского поистине замечательным человеком, оставшимся в памяти потомков. До революции он любил пожить на широкую ногу, когда не сидел в тюрьме, заводил бурные романы, но после 1917 года был скромен в быту и любил, кажется, только одну женщину — свою жену. Любил прихвастнуть своими подвигами и революционными заслугами, но в то же время не раз в критических ситуациях проявлял настоящее мужество. Ведя жизнь разбойника, никого не убивал, а в Гражданскую войну проявлял милость к поверженному противнику. Среди командиров этой

войны, причем во всех противоборствующих лагерях, таких людей было наперечет. Все эти часто противоречивые качества в Григории Ивановиче уживались достаточно органично и производили впечатление на публику. На создание легенды работала даже его нелепая и преждевременная гибель. Она способствовала канонизации Котовского как героя Гражданской войны, причем это произошло задолго до того, как всесоюзную известность приобрели другие герои. И ранняя гибель, возможно, избавила его от расстрела в 1937-м. Тогда бы после реабилитации в 1950-е годы Котовский легко мог затеряться на фоне десятков и сотен других комбригов, комдивов и комкоров, чьи имена вернулись в историю из небытия. В ранней канонизации Котовского, безусловно, важную роль сыграла симпатия к нему Сталина. Однако даже без всех конъюнктурных моментов такой человек, как Котовский, в памяти поколений все равно бы остался. Сегодня мы совсем иначе оцениваем советское прошлое, чем в те времена, когда именем Котовского называли города, улицы, колхозы и школы, когда о нем снимали фильмы и ставили пьесы. Сегодня разрушены многие мифы, связанные с его биографией. Но и теперь фигура легендарного комбрига и разбойника вызывает симпатию у многих, как проникся этой симпатией автор настоящей книги и постарался донести ее до читателей.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. И. КОТОВСКОГО

- 1881, 12(24) июня — родился в местечке Ганчешты Кишиневского уезда Бессарабской губернии в семье механика винокуренного завода.
- 1900 — окончил Кокорозенское сельскохозяйственное училище.
- 1906, 18 февраля — арест в Кишиневе.
31 августа — побег из кишиневской тюрьмы.
24 сентября — новый арест.
- 1907, 13 апреля — осужден на десять лет каторжных работ.
24 ноября — к сроку добавлено еще два года за освобождение арестованных крестьян.
- 1913, 27 февраля — побег с каторги.
- 1916, 25 июня — арест.
4 октября — приговор Одесского военно-окружного суда к смертной казни через повешение.
18 октября — замена смертного приговора бессрочной каторгой.
- 1917, 5 мая — освобожден из одесской тюрьмы.
3 августа — отъезд на Румынский фронт.
- 1918, январь — организует в Тирасполе кавалерийский отряд по заданию большевистского комитета 6-й армии.
Апрель — заболел тифом.
Июнь — появился в Одессе.
- 1919, апрель — организует кавалерийский отряд в Тирасполе.
3 июля — назначен командиром 2-й стрелковой бригады 45-й советской стрелковой дивизии.
- 1920, 12 января — назначен командиром кавалерийской бригады 45-й стрелковой дивизии.
Март—октябрь — участие в боях против польской и украинской армий на Юго-Западном фронте.
Апрель — вступает в РКП(б).
31 декабря — вступил в командование 17-й кавалерийской дивизией.
- 1921, 18 июня — награжден орденом Красного Знамени за взятие Одессы и Тирасполя.
3 июля — награжден орденом Красного Знамени за разгром армии Украинской Народной Республики и 3-й армии Врангеля.
1 сентября — назначен командиром 9-й Крымской кавалерийской дивизии имени СНК УССР.
20 сентября — награжден почетным революционным оружием РСФСР за разгром отрядов Антонова и Матюхина.
- 1922, 31 октября — назначен командиром 2-го кавалерийского корпуса.
- 1924, январь — избран делегатом на II Всесоюзный съезд Советов.
Начало августа — создает Бессарабскую коммуну.
Декабрь — избран членом Молдавского областного партийного комитета КП(б)У.
- 1925, май — на IX Всеукраинском съезде Советов избран членом ЦИКа УССР.
Май — на III Всесоюзном съезде Советов избран кандидатом в члены ЦИКа СССР.
6 августа — убит Мейером Зайдером в совхозе «Чебанка» Одесской области.
12 августа — похоронен в Бирзуле (ныне Котовск) Молдавской АССР (ныне Одесская область Украины).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ананьев Г. А.* Котовский. М.: Молодая гвардия, 1982.
- Беляев А., Денисенко Д.* Григорий Котовский: Кто убил Робин Гуда революции? Сын Григория Котовского выдвигает версию гибели своего отца // Независимая газета. 2001. 20 января.
- Берг Л. С.* Бессарабия: страна, люди, хозяйство. Пг.: Огни, 1918.
- Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1963.
- Бурин С. Н.* Григорий Котовский: Легенда и быль. Смоленск: Русич; М.: Олимп, 1999.
- Воспоминания ветеранов-чекистов. 3-е изд. М., 1988.
- Гуль Р. Б.* Котовский. Анархист-маршал. 2-е изд. Нью-Йорк: Мост, 1975.
- Зенькович Н. А.* Собрание сочинений. Т. 5. Вожди и сподвижники: Слежка. Оговоры. Травля. М.: Олма-пресс, 2003.
- Из дневника Н. В. Брусиловой // Военно-исторический журнал. 1990. № 8. С. 85—90.
- Из истории борьбы за власть Советов в Молдавии (1918—1920 гг.). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1964.
- Командарм Якир: воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1963.
- Кононенко В.* Кто убил Михаила Фрунзе? // Шпион. Альманах писательского и журналистского расследования. 1994. № 1(3). С. 79—81.
- Котовский Г. И.* Сборник воспоминаний. Кишинев, 1956.
- Котовский Г. И.* Сборник воспоминаний. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1961.
- Котовский Г. И.* Документы и материалы. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1956.
- Котовская О. П.* Котовский. Киев, 1950.
- Котовцы. Биографические очерки / Под ред. А. С. Есауленко. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1979.
- Кузьмин Н. П.* Меч и плуг. Повесть о Григории Котовском. М.: Политиздат, 1976.
- Морозов Е.* Рассказы о котовцах. М., 1975.
- Особое задание. Сборник воспоминаний советских чекистов — активных участников борьбы с контрреволюцией. 2-е изд., доп. / Сост. И. Лоликаренко. М.: Московский рабочий, 1977.
- Поп И.-А., Болован И.* История Румынии / Пер. с румынского. М.: Весь мир, 2005.
- Савченко В. А.* Авантюристы Гражданской войны: Историческое исследование. Харьков: АСТ, 2000.
- Савченко В. А.* Двенадцать войн за Украину. Харьков: Фолио, 2006.
- Савченко В. А.* Котовский. М.: Эксмо, 2010.
- Самошкин В. В.* Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005.
- Самошкин В. В.* Хроника антоновского восстания. Александр Антонов: Страницы биографии. Борисоглебск, 2003.
- Сильченко В.* Полицейские и воры // Московские новости. 2001. 22 мая.
- Смирнов Д. М.* Записки чекиста. М.: Беларусь, 1972.
- Софронов Г. П.* Не подвластное времени. М.: Воениздат, 1976.
- Тинченко Я.* «Гибнут от голода бойцы с женами и детьми...» // Фокус. 2006. 26 ноября (<http://strana.focus.in.ua/article/10261.html>)
- Утесов Л. О.* Спасибо, сердце! М.: Вагриус, 2006.

Фрид В. С. 58^{1/2}, или Записки лагерного придурка. М.: Издательский дом Русанова, 1996.

Четвериков Б. Д. Котовский: Роман. Кн. 1—2. М.: Воениздат, 1968.

Шейдеман Е. С. Котовский Г. И. Биографический очерк. Киев: Политиздат Украины, 1935.

Шмерлинг В. Г. Котовский. Кишинев: Госиздат, 1950.

Сайт «Владимир Шмерлинг 1909—1992» (<http://vlshmerling.narod.ru/>)

Шульгин В. В. Дни. 1920. Записки. М.: Современник, 1989.

Яконовский Е. М. Кандель. Париж, 1952 (http://www.ruscadet.ru/library/01-books/yakonovsky/yakon_1.htm)

Ян Гамарник. Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1978.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава 1.</i> Детство и юность атамана	5
<i>Глава 2.</i> Молодой разбойник	20
<i>Глава 3.</i> «Атаман Ада»	52
<i>Глава 4.</i> Последний побег и последний арест	70
<i>Глава 5.</i> Смертный приговор и помилование	84
<i>Глава 6.</i> Революция и освобождение	96
<i>Глава 7.</i> На Румынском фронте Первой мировой	101
<i>Глава 8.</i> В огне Гражданской войны	111
<i>Глава 9.</i> Против крестьян Тамбовщины	192
<i>Глава 10.</i> Снова на Украине	230
<i>Глава 11.</i> Последние годы жизни	235
<i>Глава 12.</i> Убийство	270
<i>Глава 13.</i> Фрунзе, Котовский и генерал Брусилов	300
<i>Глава 14.</i> После смерти: жизнь семьи	331
<i>Глава 15.</i> Судьба исправника Хаджи-Коли	336
Основные даты жизни и деятельности Г. И. Котовского	342
Библиография	343

Соколов Б. В.
С 59 Котовский / Борис Соколов. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 345[7] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1382).

ISBN 978-5-235-03552-2

Новая книга известного писателя и историка Бориса Соколова посвящена легендарному человеку, которого в Бессарабии называли «последним гайдуком» и «атаманом Ада», — Григорию Ивановичу Котовскому. После 1917 года он превратился в не менее легендарного командира Красной армии и действительно народного героя Гражданской войны. В книге показано, что из многочисленных мифов, которыми обросло его имя, соответствует действительности, а что имеет с ними мало общего. Подробно рассказывается о таких известных эпизодах из жизни Котовского, как участие во взятии Одессы зимой 1920 года и в подавлении антоновского восстания в Тамбовской губернии летом 1921 года, объясняются причины его популярности, делается попытка раскрыть мотивы его загадочного убийства. Биография Котовского представлена на фоне истории России первой четверти XX века, в том числе и так называемого «Бессарабского вопроса».

**УДК 94(47)(092)“19”
ББК 63.3(2)612,8**

Борис Вадимович Соколов
КОТОВСКИЙ

Редактор **И. И. Никифорова**
Художественный редактор **А. В. Никитин**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Л. С. Барышникова, Г. В. Платова**

Сдано в набор 01.06.2012. Подписано в печать 12.09.2012. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
18,48+0,84 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 1211530.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03552-2

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

Издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Оформить заказ
можно на нашем сайте:

<http://gvardiya.ru/shop/>

или по телефону:

+7 (495) 787-95-59

(с 10-00 до 17-30 в будние дни)

Заказанные книги

можно получить по адресу:

г. Москва, ул. Суцневская, д.21, подъезд 1

или воспользоваться курьерской

и почтовой службой доставки

Наши книги
доступны всем регионам России!

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Е. Матонин
«ИОСИП БРОЗ ТИТО»

М. Одинцов
«ПАТРИАРХ СЕРГИЙ»

И. Курукин
«АННА ЛЕОПОЛЬДОВНА»

В. Есипов
«ШАЛАМОВ»

Г. Чернявский
«РУЗВЕЛЬТ»

Н. Демурова
«ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ»

Л. Анисарова
«НОВИКОВ-ПРИБОЙ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>, dse1@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Ивченко
«КУТУЗОВ»

А. Сергеева-Клятиц
«БАТЮШКОВ»

М. Кучерская
«КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ»

В. Козляков
«ГЕРОИ СМУТЫ»

А. Ливергант
«СОМЕРСЕТ МОЭМ»

А. Филимон
«ЯКОВ БРЮС»

В. Десятерик
«ПАВЛЕНКОВ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>, dset@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Петрушенко

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ**

Е. Акельев

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВОРОВСКОГО МИРА МОСКВЫ
ВО ВРЕМЕНА ВАНЬКИ КАИНА**

О. Ковалик

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ БАЛЕРИН
РУССКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ТЕАТРА**

Б. Ковалев

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПЕРИОД
НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ**

С. Экштут

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОТ ЭПОХИ
ВЕЛИКИХ РЕФОРМ ДО СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://gvardiya.ru>. dse1@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

**ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Уже изданы и готовятся к печати:

Ж. П. Креспель

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИМПРЕССИОНИСТОВ. 1863—1883**

Е. Глаголева

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МАСОНОВ В ЭПОХУ
ПРОСВЕЩЕНИЯ**

С. Шокарев

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЫ**

Ю. Батурин

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ КОСМОНАВТОВ**

А. Митрофанов

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
ГОРОДА В XIX ВЕКЕ:
ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://gvardiya.ru> dset@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

---

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39   8(495) 787-63-64